

МахOMET Анастасия

Полет
над
бездной

В ночь, когда уснет тревога и город скроется во мгле, — о сколько музыки у Бога, какие звуки на земле!

Александр Блок

Задолго до начала истории...

Аламан, один из двенадцати учеников бога, гений магии, когда-то очень давно создал Атлантиду — идеальный мир магов и людей. Он научил их всему, что умел сам. Он подарил им законы, науку и многое другое. Он сделал из глупых неразвитых людей Земли цивилизованное общество. Он не считал себя богом, но многие обвиняли его в этом. Некоторые называли его материальным воплощением мерцающей звезды Ализиз, давая тем самым звание сильнейшего бога вселенной. Он лишь посмеивался слушая этот бред.

Когда Аламан трагически погиб, в Атлантиде начался хаос. Оставшийся без защиты, материк подвергался постоянным нападениям варваров. Жена Аламана, высшая вампирша, зная, что значил это материк для ее покойного супруга, скрыла Атлантиду. Она, Ремерия, создала огромную сферу, защищающую и скрывающую развитую цивилизацию. Но это была меньшая из двух зол. Идеальное мирное общество, лишённое страха, перед богом, стало жить продажной и развратной жизнью. Все чаще совершались преступления. Шла ожесточенная борьба за власть. Многие хотели занять место нового правителя. Они считали себя его наследниками. Ремерия понимала, что ей необходимо принять чью-то сторону. Она нашла достойного. Ценой собственной жизни она создала магический орден и запечатала свой дух в Чаше Тьмы, великом артефакте, но это не спасло мир! Тоже сделала и младшая сестра Аламана, Атрия, создав Струну Света, артефакт Белого Братства. Атлантида погрязла в ужасных войнах. Черные и белые маги, сражались за власть, во главе с Королем Тьмы, хранителям чаши и проводником силы Ремерии, с одной стороны и Советом Неба, состоящем из двенадцати хранителей Струны Света, с другой стороны. Атрия и Ремерия не раз сталкивались на поле боя. Они сражались не щадя не себя ни противника. Каждая из них сражалась, за Аламана, за его взгляды и мнения. Каждая считала, что была более любимой и пользовалась большим уважением брата или мужа. Два схожих магических ордена, медленно уничтожали все. Две любимые женщины: жена и сестра, разрушали все, во что верила их любовь. Они сражались за него, но убивали его деяния, а вместе с ними, цивилизацию, приличия, устои и, что самое ужасное, невинных людей.

Такой была история этого мира...

Это была новая война. Правда, сейчас было затишье. Бои стихли. Пламя потухло. Осталось лишь много пепла, мелкие стычки и обоюдная агрессия. Никто уже не помнил, за что сражались их далекие предки, но бои продолжались. Удивительно, что не настал АПОКАЛИПСИС.

Николай Вересов, один из множества величайших белых магов, был этим вечером дома. Он в гордом одиночестве сидел у камина. Его жена давно умерла. Его сын сбежал из дома. Его дочь вышла замуж. Он остался совсем один в огромном замке.

Когда дверь гостиной резко открылась, Николай дремал, но от шума проснулся и,

развернувшись на кресле, увидел вошедшего. В дверях стоял высокий человек в черном, мокром от дождя плаще. Он, не говоря ни слова, поднял правую руку. В лицо Николая смотрело дуло пистолета. Старенький седой и уже слабеющий Николай не испугался. Он устало закрыл глаза, уронив скупую слезу, и тихо спросил:

— Илюша, сыночек, почему?

— Почему?! — раздраженно переспросил звонкий, совсем еще юный голос незнакомца.

Он сделал несколько шагов и скинул капюшон. Это был высокий молодой человек с черными вьющимися волосами и красивыми, как у отца, карими глазами.

— Ты еще спрашиваешь?! — возмутился он. — Я ненавижу тебя!

— Почему? Я ведь любил тебя. Я ведь добра тебе желал...

— Добра!? Значит, ты это так называешь?

— Я лишь хотел, что бы ты больше времени уделял важным вещам...

— Что!? Лучше просто заткнись! — не выдержал Илья. — Тебе не нравилось, что я не занимаюсь магией и боевыми искусствами. Тебе не нужен был сын-музыкант. Я лишь играл на гитаре и писал песни, но тебя это не устраивало. Ты не трогал меня из-за мамы, но когда она умерла...

— Я хотел...

— Я знаю, чего ты хотел! Но ты лишь избивал меня!

— Илья, — начал Николай, встав на ноги, — я лишь хотел, что бы ты был достойным членом нашего рода.

Он встал и медленно подходил к Илье.

— Поздно! — сурово отрезал Вересов младший. — Я больше никогда не буду тебя слушать. Я — черный маг. Я принял это, и теперь, ты получишь то, чего хотел. Хотел, чтобы я был магом и войнам, достойным славы нашего рода — пожалуйста!

— Я не этого хотел...

Но Илья сказал все, что хотел и слушать тоже не желал. Он нажал на курок. Выстрел. Вересов старший рухнул замертво.

Илья обернулся, желая уйти, но в дверях наткнулся на испуганную служанку, прибежавшую на шум. Она думала, что Илья ее убьет, но нет. Он молча одел капюшон и вышел, не удостоив девушку и взглядом. Дело было кончено. Теперь Илья стал свободным от части прошлого, что мучила его. Он уже не страдал, а просто устало шел домой. Все же со смертью отца из него что-то ушло и хотелось плакать. Он медленно шел под дождем, ранняя слезы, которые он не хотел скрывать, не видел в этом необходимости. Он просто шел, когда мимо него пробежал мальчик. Илья видел его лишь мгновенье. Светлый, хромающий на правую ногу и легко одетый, мальчик пробежал мимо и тут же скрылся в переулке. Илья бессмысленно провел его взглядом и вновь опустил голову. Фонари освещали дрожащие от падающих капель лужи. Несколько капель крови блеснули, подобно воде, некоторые из них сливались с лужами, спеша исчезнуть. «Кровь, — мысленно сказал Илья. До него не сразу дошел смысл этого слова, но когда дошел, он очень удивился. — Откуда она здесь?» И вдруг ему вспомнился мальчик, что пробежал рядом.

— Не может быть... — Шепнул Илья и побежал за мальчишкой.

Вспомнилась ему, как он сам десять лет назад бежал здесь босяком, в одних лишь спортивных штанах, орошая асфальт слезами и кровью. Ему было одиннадцать лет, а тому мальчишке едва ли исполнилось девять.

Когда Илья вбежал в переулок, он не сразу увидел мальчика, но потом, присмотревшись

увидел его, потерявшего сознание и медленно угасающего.

Погода резко изменилась: подул холодный, свойственный февралю, ветер, дождь все больше становился снегом, рыдающее небо становилось хладнокровным...

Илья присел возле мальчика и, убедившись, что он все еще жив, бережно взял его на руки.

— Потерпи, — шептал он мягко, пряча страх, когда увидел искаленное тело и разбитую голову худенького мальчонки. — Потерпи, все будет хорошо, я спасу тебя, как когда-то спасли меня.

Снег падал на землю. Лужи замерзали от холодного воздуха. Сильные порывы ветра ловили маленькие льдинки и несли их куда-то, создавая вьюгу.

Пару слов о прошлом...

Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет.

Ф. М. Достоевский

1

«Идеалы. Идеалы! Идеалы!!!»

Героизм, не противоречащий доброй нравственности, мало трогает людей: только героизм, который разрушает нравственность, вызывает в людях и удивление, и восторг.

Шарль Монтескье

Сэт долго стоял, подняв голову вверх. Его память возвращала образ ночного неба. Его чуткая, совсем юная душа трепетала в страхе. Лил дождь, а он не замечал его, вернее нарочно отдавался в его холодные объятия, желая протрезвить свой одурманенный мозг. Ссадина на щеке ныла от каждой капли, но его лицо казалось спокойным. Его закрытые веки, казалось, принадлежали спящему. По его седеющим волосам струей лилась вода. Намоченные водой, эти серые длинные локоны, обволакивали его лицо и плечи, подобно каменным изваяниям. Юноша ровно и спокойно дышал.

Ночной город кипел. Повсюду мелькал неоновый свет реклам. Из клуба доносились громкая музыка. Кто-то неподалеку хохотал. Кто-то куда-то спешил, проносясь мимо на своем автомобиле. Кто-то просто прогуливался. Все хоть как-то жило, лишь он застыл в этой суете.

— Сэт! — крикнула перепуганная девушка, выбежав из клуба.

Ее золотые локоны рассыпались мелкими пружинками. А серые накрашенные глаза, так и светились тайными вульгарными мыслями. Коротенькое платьице быстро намокало, грозясь выдать все линии ее немаленькой груди.

Она подлетела к Сэту и бесцеремонно схватила его за руку. Юноша внимательно посмотрел на нее. Таких глаз, я думаю, вы не видели. Эти глаза были когда-то голубыми, теперь же их обволакивал туман. Черный зрачок застыл маленькой точкой. Это были глаза незрячего, слепого человека.

— О, великая Ремерия, что теперь будет!? — воскликнула девушка, глядя в глаза юноши. — Что же делать? Сэт! Не молчи, пожалуйста.

— Лира, успокойся, — мелодичным баритоном попросил Сэт. — Все будет нормально. Просто скажи: где сейчас Эрвин?

— В клубе, — прижимаясь к собеседнику и все крепче сжимая его руку, отвечала Лира. — Он заявляет, что ждет не дождется вашей дуэли, грозитя намотать твои кишки на собственный меч, а потом...

— Хватит, — тихо перебил дуэлянт. — Не хочу слушать все эти глупости. О победе раньше времени нельзя говорить, даже о победе противника.

Он повернул голову в сторону клуба, вздохнул и перевел глаза в сторону стоянки, где спокойно стоял его мотоцикл.

— Поехали лучше домой. Он ведь все равно не станет меня слушать, да и не думаю, что

на такую, пьяную голову можно что-то соображать.

Ли́ра внимательно смотрела в его глаза. Не отрываясь от него, она несмело кивнула. Он натянул на мгновение дежурную улыбку и, не отбирая своей руки, пошел к стоянке.

Мгновением позже они неслись по мокрому шоссе, стремясь к выезду из нижнего города. Они прорезали лужи, обгоняли автомобили, петляя в их размеченных рядах. Ли́ра, что было силы, вцепилась в Сэ́та, прижимаясь к его спине. Ее пугала такая скорость, но молодого человека это не волновало. Он злился и от этого гнева разгонял мотоцикл все быстрее, быстрее и быстрее... Он пронесся, словно луч, по дорогам наземного города и резко с разворотом остановился возле ворот огромного поместья.

— Мы дома! — крикнул звонким голосом Ли́ра, входя в огромный холл учительского замка. Она не хотела раскрывать суть случившегося.

— А чего так рано? — иронично удивился низенький красноносый Ник, выныривая из столовой. — Еще и часа не, а ты грозилась до утра гулять. Да и Сэ́т не мог за такой короткий срок выпить все запасы.

Юноша грустно улыбнулся.

— Я передумала, а он, — Ли́ра взглянула на Сэ́та, — он решил послушаться приказа Ильи и не напиваться.

— Это был не приказ, а убедительная просьба. — Поправил, спускающийся вниз Вересов Илья Николаевич.

Да, это был уже не тот молоденький Илья, что когда-то спас маленького мальчика. Его каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад. Над губой возникли пышные усы. В углу глаз появились морщинки, но выглядел он очень солидно, даже в этом пушистом синем халате.

Он внимательно посмотрел на разубаивающегося Сэ́та.

— Что-то мне не вериться, что все так просто, — мягко сказал он. — Я слишком хорошо знаю вас, чтобы поверить в это.

Ли́ра посмотрела на спокойного Сэ́та, затем на ожидающего Илью. Она уже хотела рассказать какую-нибудь подходящую выдумку, но не успела. Сэ́т подошел к Илье тихо заявил:

— Вы правы, все не так банально.

— Ничего страшного! — взвизгнула Ли́ра и закрыла собой Сэ́та. — Не злитесь, пожалуйста, — обратилась она к Илье, — он просто влез в драку и нас выставили из клуба. Вот и все.

— Дура! — отрезал жестоко Сэ́т и, отодвинув девушку, взглянул в глаза Ильи. — Драка действительно была, но... все сложнее. Завтра в полдень я дерусь на дуэли.

— Что?! — поражено, воскликнул Вересов.

Ник рассмеялся и весело плюхнулся в мягкое кресло.

— Да он уложит любого, — заявил он.

— В том то и проблема, — тихонько буркнул ученик, виновато опустив глаза.

— Не понял?..

— Мой противник Эрвин Крис.

— Что?! Эрвин Крис!? — испуганно и пораженно переспросил Илья. — И как ты умудрился так вляпаться!?

— Ну...

— Ты хоть пытался отменить дуэль?

— Не-а, — выдавил Сэт, отрицательно качая головой.

— Почему!?!

— Он совсем пьян, и не думаю я...

— Идиот! — гаркнул Илья и наотмашь ударил Сэта по лицу.

Юноша молча вытер кровь с разбитой губы. Ник тут же вскочил со своего кресла и схватил друга за руку. Он резко дернул его на себя и тихо сказал:

— Илья, не делай глупостей. Чего ты добьешься, избив его? Эрвин тоже не плох в боевых искусствах и если Сэт будет не в форме, исход боя станет неопределенным. Он запросто может погибнуть. Понимаешь?

Илья посмотрел на Сэта и сурово спросил:

— Ты хоть понимаешь, во что вляпался на сей паз?

— Да. Поэтому и сообщаю вам об этом. Черные маги дерутся, до гибели одного из противников, а...

— Ты не прав. Признание поражения, тоже прерывает дуэль, — напомнил Ник.

— Да, — согласился дуэлянт, — но вы, кажется, забыли, что признавший поражение отдает свою жизнь на милость победившего. Я не думаю, что Эрвин меня пощадит.

— А Эрвин, — начал было Илья, но Сэт перебил его.

— Извините, но вы хоть сами верите, что наследник темной короны признает свое поражение перед будущим подданным.

Илья согласно покачал головой.

— Вот и я о том же. Получается, что если дуэль не удастся отменить, то драться мы будем до смерти одного из нас. А так, вероятней всего и будет.

Вересов тяжело вздохнул:

— Иди спать. Тебе нужно выспаться.

Сэт посмотрел на озадаченного учителя и, не говоря больше ни слова, удалился. Лира тоже хотела по-быстрому удалиться, но Илья остановил ее:

— погоди, Лира, ты должна задержаться и рассказать нам все.

Лира тяжело вздохнула, но делать нечего, осталась и рассказала о случившемся:

— Все было как всегда, — начала она не смело. — Я танцевала, Сэт пил, прячась от поклонниц.

Илья недовольно покачал головой, но ничего не сказал.

— Эрвин тоже был в клубе, — продолжала девушка. — Он был жутко пьян, и... он начал ко мне приставать, а я... что я могла сделать? Я его... «отправила проветриться», а он... руки распускать начал, вот я и не выдержала: пошла к Сэту, а Сэт... он как всегда, не говоря ни слова, как вломил ему между глаз, ну и... Что тут умного? Завязалась драка. А когда их разняли Эрвин вызвал Сэта на дуэль. Вот и все!

— А Сэт? — спросил Илья.

— Что «Сэт»?

— Что сделал Сэт?

— Он согласился и ушел.

Илья разразился отборной ненормативной лексикой. От которой даже Ник сморщился.

Солнечные лучи стали просачиваться в комнату, погруженную в хаос. Сэт даже не сомкнул глаз. Он так и лежит, в расстегнутой черной рубашке и черных зауженных кожаных

шпанах, глядя на белый ничем ни примечательный потолок.

Солнце залило всю комнату. Он медленно встал и направился в душ. Стоя под струей холодной воды, он, тяжело дыша, ронял не заметные слезы. Затем, выключив воду, долго стоял, ощущая приятный холодок испаряющейся воды.

Дверь ванной отрылась, вошел серьезный Илья и сходу швырнул в ученика полотенце. Она упала на мокрые волосы юноши и тут же стало падать с них. Сэт поймал его и начал вытереть почти сухие волосы.

— Кто будет твоим адъютантом? — сурово спросил Вересов.

— Я рассчитываю на вас, — несмело пробормотал измученный душевными метаниями Сэт, но если вы против, я попрошу Максимуса, больше не кого.

— А Ург!?

— Я похож на идиота? Мне нужен адъютанта, а не собутыльник.

У Ильи возникло дикое желание врезать ему по сильнее, но он сдержался.

— Я буду твоим адъютантом!

— Спасибо, — буркнул Сэт и уронив полотенце, шагнул на холодный, покрытой плиткой пол.

Илья резко схватил его за руку, привлек к себе и обнял. Сэт на миг вздрогнул, но покорно успокоившись, закрыл глаза. Ему даже показалось, что стоя так, уткнувшись носом в плечо наставника, легче дышать.

— Что бы ни случилось, не смей умирать! — заявил сурово Илья. — Если придется — убей его, только не смей умирать!

С черной ресницы мага сорвалась крупная слеза.

— Я не хочу тебя терять!

Сэт прикусил губу и чуть слышно прошептал:

— Я не умру. Я не имею права умирать. К тому же... я еще не расплатился...

Илья бессильно скривился, но прижал ученика сильнее.

Наташа, молодая высшая вампирша, живущая по законам белой магии, сидела на диване и бездумно нажимала кнопки пульта. Она была прекрасным представителем своей расы: высокая, чуть бледноватая с большими алло-бордовыми глазами и шикарными черными локонами. Она сидела раскинув крылья и наслаждалась долгожданным отдыхом. Было около полудня и по телевизору ничего интересного не наблюдалось, но уж лучше такой хаос чем тишина. Попадались приторные сериалы, пошлые программки, экстремальные реалити-шоу и много чего еще.

— Для тех, кто только что попал на наш канал, сообщая: мы следим за конфликтом между наследником черного трона Эрвином Крисом и, как всегда уникальным, Сэтом Вересовым.

Наташа машинально щелкнула дальше и тут же вернулась назад на **Мрак-TV**.

— Адъютанты обеих сторон уже час ведут переговоры, — продолжал бойким голосом специальный корреспондент с серым незапоминающимся лицом, — Адъютант Эрвина, Карл Стронс, друг его старшего брата, ныне покойного, не собирается отказываться от позиции жесткой смертельной схватки, а адъютант Сэта, Илья Николаевич Вересов, рожденный

белым магом, пытается отменить схватку. Вообще странно, что он стал адъютантом Сэта: все же не стоит забывать, что он является и наставником, и учителем, и приемным отцом для Сэта. Думаю он представляет не столько Сэта сколько самого себя. Судя по вырождению лица, сам Сэт намерен драться.

Сэт в кадре смотрелся жутковато: светловолосый, седеющий и грозно спокойный. Его левая рука небрежно лежала на эфесе сабли. Черная шелковая рубашка, расстегнутая на три верхние пуговицы, трепетала под напором ветра, время от времени оголяя его грудь и шею и меткой черного мага — 1513. Юноша был настолько статичен, что походил на статую из белого мрамора, облаченную в шелк, лишь длинные волосы развевались на ветру, образуя желто-молочную волну. Он пугал своим холодом и «тьмой», которая будто струилась из его сознания.

Эрвин же был другой. Все его лицо выражало нетерпение: сдвинутые темные брови, скривленные синеватые губы и даже злобный уничтожительный взгляд, черных маленьких бусин. Он не мог стоять на месте и ходил, ходил, ходил, меряя шагами площадку. Он ломал свои пальцы, будто разминает их. Он ждал, как ждут не терпеливые владыки.

— Вот наконец-то появились адъютанты.

Наташа приблизилась к экрану и сосредоточено наблюдала.

Илья подошел к Сэту, стал за ним и начал что-то напряженно говорить. Юноша спокойно выслушал, шепнул что-то и направился к Эрвину.

Противники сошлись на середине площадки и остановились.

— Эрвин, это глупо. Я не хочу с тобой драться, — сказал спокойно Сэт.

— Я хочу тебя убить, иначе смерть моего брата не будет отомщена!

— Я не убивал твоего брата, и ты это знаешь.

— Он покончил с собой из-за тебя.

— Но...

— Ты будешь со мной драться! — заявил Эрвин, выхватив саблю, и неожиданно атаковал.

Сэт отклонился от атаки, даже не обнажая свое оружие. Его скорость была подобна телепортации.

— Эрвин, это не имеет смысла...

— Почему же? — спросил юноша, обернувшись к быстрому противнику.

— Я ненавижу твоего брата и его дружков так же сильно, как ты меня!

— Вот поэтому ты и должен сразиться! — крикнул Эрвин, ринувшись в атаку.

На этот раз Сэт не уклонился, а, обнажив оружие, отразил удар.

— Я не хочу тебя убивать...

Но гнев Эрвина не утихал. Скорость его увеличивалась. На Сэта обрушивались все новые и новые атаки. Он лишь оборонялся, игнорируя шансы атаковать. Сталь звенела беспощадно. Эрвин наносил удар, Сэт — отражал. Обстановка накалялась. Сэт уставал, а Эрвин начинал получать удовольствие. Его скорость возрастала. Он становился практически неуловимым. Сэт уже едва успевал отслеживать его атаки. Меч Эрвина начинал пробивать защиту и все чаще дотягивался до плоти, рвал рубашку, отрезал кончик волос. На Сэте появлялись все новые и новые порезы. Он закрыл глаза и сосредоточился на движениях Эрвина, но опоздал. Эрвин выполнил свое обещание. Его меч вонзился в живот Сэта

Наследник трона крутанул меч и сияя довольной улыбкой вытащил его. Сэт открыл глаза, в их мертвой радужке мелькнуло что-то сочувствующее и одинокое.

— Не смей умирать! — завопила Наташа, вскочив с дивана. — Я сама тебя убью!

Девушка буквально закипала от гнева. На лбу у нее вздулась вена. Красные глаза будто полыхали.

— Не смей мне умирать!

Эрвин собирался нанести последний удар. Он хорошенько замахнулся, намериваясь отрубить противнику голову, но встретил неожиданное сопротивление: Сэт отразил атаку и атаковав выбил оружие противника.

— Ты не оставил мне выбора, — заявил Сэт и откинул в сторону саблю.

Эрвин метнулся за мечем, но в спешке не было смысла: Сэт не собирался атаковать безоружного. Ему лишь нужно было время. Схватив оружие, Эрвин обернулся и занял позицию обороны. На его лбу возникли капли пота, а его противник медленно осваивался с пылающим двуручным мечем. Этот меч был легендой, артефакт избирающий хозяина. Из чего было сделано его лезвие, не знал никто, но оно всегда пылало золотистым пламенем и по легенде резало все. Его золотистая рукоять уверенно легла в руки Сэта. Тот медленно и серьезно посмотрел на меч, будто говорил с ним.

Эрвин не двигался, лишь тяжело дышал. Все его тело напряглось, застыло во внимании и ожидало.

Сэт не спешил. Он отвел меч влево, поднял над головой, описал дугу, не отрывая взгляд от лезвия, будто он, как и все, был заморожен его сеянием, но нет! Он резко выбросил вперед меч и сквозь языки пламени взглянул на Эрвина. Казалось, что Сэт и меч, слились во едино, образуя живой механизм.

Руки Эрвина все крепче сжимали рукоять.

КАП!

У ног Сэта была уже полноценная лужа крови. Все новые и новые капли срывались с его окровавленной рубашки и штанов. Так можно и умереть, но он медлил.

КАП!

— Сэт! — разрезал тишину голос Вересова.

Юноша будто пробудился. Он закрыл глаза, резко открыл их и медленно, подобно пружине, взял меч в правую руку, а левая подобно опоре легла под пылающее лезвие. Он будто натягивал невидимый лук. Одним рывком он сорвался с места и подлетел к Эрвину. Легкий режущий удар был отражен.

Противники встретились глазами. Меч Эрвина неожиданно вспыхнул. Вот это называется накаленная обстановка!

— Ты глуп, — прошептал безапелляционно Сэт. — Ты так и не понял самого главного: нет смысла в мести, и не потому, что это не уменьшит боль... просто... Мы сами виноваты в том, что случилось с нашими близкими!

Сэт схватил рукоять левой рукой и повторил тот же удар. Любой мастер скажет, что это бессмысленно и ошибется. Меч Эрвина разлетелся на кусочки. Осколки стали разлетелись, как стекло. Вот и все! Голова Эрвина упала возле рукояти. В его глазах застыл ужас.

Бой был кончин.

— Покойся с миром, — шепнул Сэт и отпустил меч, тот послушно исчез. Юноша

поднял в верх глаза, будто пытался понять куда отправил соперника. — Это конец!

Сэт вновь посмотрел на поверженного противника и резко отвернулся, желая больше ничего не видеть.

— Ну, что здесь можно добавить, — начал корреспондент.

Наташа скривилась и выключила телевизор.

А на другом конце города события продолжали развиваться. К победителю вырвались журналисты. Каждому из них хотелось уловить сенсацию, каждый мечтал получить интервью у скандально известного дуэлянта.

— Вы не боитесь последствий?

— Правда, что вы не хотели его убивать?

— Что стало причиной боя?

— Как вы себя чувствуете?

Допрос прервал женский голос:

— Сэт, я люблю тебя! Дай номер телефона.

Журналисты ошарашено обернулись, посмотрели на сумасшедшую влюбленную и тут же продолжили допрос:

— Вы сами выбрали адъютанта?

— Как вы посмотрите королю в глаза?

— Правда, что после дуэли вы собирались покончить с собой?

— Существует ли заговор против королевской семьи?

Сэт молча смотрел на окруживших его послов газет, молча слушал эти нелепые вопросы, а затем резко и уверенно заявил:

— Все интервью потом, а сейчас позвольте мне покинуть это «адское кольцо»!

Бумажники выслушали Сэта и тут же завалили его новой партией вопросов, будто мстили за такое нелестное сравнение. Юноша отчаянно вздохнул и прижал левую руку к животу, желая хоть немного спасти себя от боли. Ему хотелось лишь закрыть глаза и забыться в глубоком беспамятстве. Его тело упрямо требовало покоя, но он держался изо всех сил, чтобы не рухнуть здесь на глазах у такого количества недоброжелательного народа, а рядом как назло ни одного человека, которому можно верить, одни журналисты, да «Эрвин».

Внезапно все стихло. Толпа расступилась, образуя проход. Все расступались перед королем Тьмы. Он медленно и шел к юноше, который только что убил его наследника. Король был уже давно не молод и вряд ли сможет завести нового сына. Хотя точных его лет уже никто не помнил, держался он уверенно, как молодой, не взирая на свое исхудавшее иссохшее тело. Король растягивал каждое свое движение, будто специально пытался еще больше накалить обстановку.

На мгновение в глазах Сэта мелькнул ужас, но, быстро овладев собой, он прикрыл веки и опустил на одно колено перед повелителем.

— Встань! — велел король, подойдя к молодому магу.

Юноша встал, но глаза поднять так и не решился. Взглянуть в глаза ОТЦА было выше его сил. Он еще никогда не смотрел в глаза родственнику жертвы и не мог посмотреть. Он не был тем, кто берег и ценил жизнь. Он всегда переступал через кого-то или что-то, но, потеряв всех родных, он на всю жизнь запомнил, что такое хоронить!

— Это был хороший бой. Поздравляю.

Король протянул юноше руку.

Увидев эти тонкие худые пальцы, юноша едва заметно вздрогнул и взглянул правителю в глаза. Карие, почти черные, радужки лениво наблюдали из-под приподнятых морщинистых век. Сэту стало совсем жутко, но делать нечего. Ну, как можно не дать руку королю? Он был уже готов принять эту, казалось бы мирную, руку, но его опередил «ангел хранитель». В его роли который раз восстал молодой талантливый хирург, Максимус Фин. Это был невысокий молодой человек с серыми глазами, очень болезненным лицом и жиденькими русыми волосами. Отличительными чертами этого человека были темные круги под глазами, от хронического недосыпания и длинный тонкий шрам на правой скуле, прямо под глазом.

Он схватил Сэта за руку, чуть выше локтя, и уверенно заявил:

— Извините, ваше высочество, но я не могу этого позволить.

Иденбург убрал руку. Даже он не посмел спорить с настолько значимым врачом, который к слову нарез ставил его на ноги.

— Объяснитесь! — велел он Максимусу.

— Мой долг заботиться о здоровье моих пациентов, — спокойно сообщил врач и тут же объяснил. — Он конечно хорошо владеет мечом Аламана, но не настолько хорошо, чтобы защитить себя самого.

Максимум тут же подтвердил свои слова фактом: он поднял правую руку Сэта и показал ее королю. Ладонь юноши и правда была обожжена, особенно в районе большого и среднего пальцев.

— Зная о таких повреждениях, я не мог позволить коснуться его руки. Уж извините.

— Понимаю, — согласился Иденбург. — Думаю с тобой он выживет. А ты, — обратился он к Сэту, — можешь спать спокойно. Я признаю поражение своего сына и не имею к тебе никаких претензий. А теперь Максимусу пора позаботиться о твоей жизни, а то крови из тебя вытекает непомерно много.

Король улыбнулся и быстро подошел к стаявшему в стороне Илье. Поравнявшись с ним, он задержала на мгновение и уверенно прошептал:

— Хороший у тебя мальчишка: талантливый, сильный, выносливый — жаль, что в таком юном возрасте он нажил себе много влиятельных врагов. Я не удивлюсь, если скоро его не станет.

Лицо Ильи побледнело в одно мгновение. Он обернулся, посмотрел на удаляющегося короля и, тяжело дыша, подбежал к Сэту. Раненый маг покидал арену в сопровождении Максимуса. Будучи упрямым до глупости, он отказался от носилок и пошел сам, орошая песок кровью. Следом за Сэтом и Максимусом шел Илья, бессильно сжимая отброшенную воспитанникам саблю. Замыкали это шествие два санитаря, прибывшие сюда с Максимусом.

Злобный взгляд Максимуса, заставлял расступаться всех зевак и журналистов. Сэт, закрыв глаза, спокойно шел рядом с врачом, казалось, что раны для него не существовала, кровь по нему не лилась, а о боли и речи быть не могло, ее не было. И вот наконец свобода! Они покинули это безумное место.

— Сэт! — внезапно кто-то окликнул юношу.

Тот резко обернулся.

— Господин Эвали?

Сэт не поверил своим глазам. Перед ним стоял его второй учитель, мастер клинка — Эвали Свифт. Молодой маг сделал ему навстречу пару шагов. Остальные остались на месте.

Эвали был заметной личностью. Он был не высокого роста, но очень хорошо сложен. У него была смуглая кожа. Длинные волосы, падающие тяжелой волной на его плечи. Завершали этот образ раскосые желто-карие глаза. Обычно они были темными, но сегодня, в лучах полуденного солнца напоминали блик, на лезвии ножа.

— Я рад вас видеть, — начал несмело Сэт, — Мне очень жаль, что...

Сэта не собирались слушать. Эвали сорвался с места и подлетел к любимому ученику.

Максимус успел лишь набрать воздуха, а Илья закрыть глаза, а Сэт уже рухнул к их ногам.

Вновь засверкали ненавистные фотоаппараты.

— Когда я согласился тебя обучать, ты клялся мне, что не будешь использовать оружие для убийств и тщеславия. Ты утверждал, что будешь защищать слабых, обездоленных и невинных! Это так ты выполняешь свою клятву!?

Сэт сел, вытер кровь с разбитой губы и встретил суровый взгляд мастера, но ничего не сказал.

— Я не для этого вложил в твои руки меч, а ты... мне стыдно, что я создал тебя! — заключил Эвали. — Ты глупец.

Он хотел уйти, но его остановило неожиданное громкое заявление Сэта:

— Я глупец? Глупец — вы, если не понимаете, что у меня не было другого выбора.

— Выбор есть всегда, — бросил наставник не оборачиваясь.

— Всегда? Ну, уж извините. Умирать не входило в мои планы! Я что, по-вашему, должен был позволить себя убить!?! — прямо поинтересовался юноша. — Такой судьбы вы желаете своим ученикам?

Эвали промолчал и даже не обернулся, но и с места не сдвинулся. Сэт тем временем встал, опираясь на руку Максимуса, и добавил:

— Если вас не устраивает исход дуэли, можете убить меня!

— Сэт! — воскликнул испуганно Илья, — Остановись ради тех, кому твоя жизнь не безразлична!

— Илья Николаевич, поймите, я не могу молчать, когда меня обвиняют, не понятно в чем, к тому же не могут предложить достойной альтернативы моему «греху»!

— Я тебе говорил об идеалах! — заявил наставник, обернувшись.

— Идеалах!?! — закричал неожиданно Сэт.

От этого неудержимого крика, даже покидающий арену король Тьмы обернулся.

Сэт тяжело дышал. Он посмотрел на толпу наблюдателей, обернулся, посмотрел на Максимуса и Илью и, с гордо поднятой головой вновь посмотрел на наставника.

— Вы все обезумели со своими идеалами! Идеалы. Идеалы! Идеалы!!! Вы только говорите об идеалах, а на самом деле... Что вы все знаете об идеалах?

— Сэт, пожалуйста, успокойся, — попросил несмело Максимус, коснувшись, дрожащего плеча.

— Я спокоен! — крикнул Сэт и рванулся в сторону. — Вы все не идеальны и никогда таковыми не станете! Вы лишь лицемеры и лжецы! Идеал — это иллюзия, созданная...

— Сэт! — не выдержал Илья.

— Что «Сэт»? Ну, что «Сэт»? Я что не прав?

— Сэт, твое сердце, — напомнил испуганно Максимус.

— Ничего не случится с моим сердцем!

Сэт резко обернулся.

— Твоя рана, — буквально взмолился врач.

Сэт только отмахнулся.

— Ну же, господин Эвали, решайте, кто вам нужен больше мертвый идеалист, или живой реалист?

— Глупец, — шепнул Эвали и удалился.

— А вы кто? — буркнул Сэт и пошатнулся.

Синее небо стало черным.

Он приоткрыл глаза в машине скорой помощи. Рядом сидел Илья и крепко сжимал его руку.

— Илья Николаевич...

— Молчи. Все будет хорошо. Потерпи еще чуть-чуть.

— Я не умру. Только ответьте...

— Что? — Илья склонился над слабеющим учеником.

— Я был не прав?

— Нет, — улыбнувшись, шепнул Илья, — ты был прав, просто излишне импульсивен.

— Спасибо, — сказал лишь губами Сэт, но был понят.

Илья заботливо провел рукой по его волосам. Юноша улыбнулся и закрыл свои усталые смыкающиеся веки. Его ждало небытие.

Сэт медленно и легко пришел в себя. Он лежал с закрытыми глазами и улавливал свои ощущения. Сердце бьется ровно и легко, видимо не обошлось без медикаментов. Руки забинтованы и не болят, интересно чем его накачали, что боли нет вообще. Хорошо... вот только в районе живота странное необъяснимое ощущение ни то легкости, ни то пустоты, а может даже тяжести. Он оставил это дело, решил потом просто все у Максимуса спросить, а ощущения, да ну их...

Он был один на один с собой. Сознание рисовало контуры палаты: рядом стул, много разной аппаратуры, капельница, а он даже не заметил ее, ну и это не страшно...

Он улыбнулся, чувствуя себя свободным и незначительным.

— Хорошо то как, — шепнул он не открывая глаз и глубоко вдохнул.

От этого вдоха по его животу прокатилась сильная волна боли, похожей на огонь, будто он не вдохнул, а заглотал пламя.

Зная, что никого рядом нет, он позволил себе сморщиться и тихо прошептал:

— Еще один шрам будет...

— Один? Десять! — раздался неожиданно голос Максимуса.

Сэт открыл глаза и ошарашено заморгал. На распознанном стуле сидел его друг врач.

— Ты!!!

— Ну, я. Я! — отозвался Максимум. — Не удивляйся, просто я спал.

— Но я...

— Ты не замечаешь спящих.

— Почему?

— А ты разве не замечал.

— Ну...

— Когда ты знаешь, что человек должен спать та его находишь, а когда не знаешь, твоя магическая «замена» так не напрягается.

— Как так...

— Не требуй от себя слишком много. Ты ведь слеп и то, что ты «видишь» мир само по себе уникально, а то, что ты видишь не все, это как побочное действие, зато другие люди не видят того, что происходит за их спиной, а твой диапазон зрения невероятен. У тебя великий дар, — Максимус вскинул в верх руку. — А ты еще жалуешься!

— Но все равно...

— Несправедливо? — предположил лукаво врач.

— Да, — буркнул Сэт, смешно по-детски надув губки.

— Ты ребенок.

— Мне еще семнадцать.

— Я помню, но и мне не тридцать!

— Я знаю, — бубнил Сэт, все так же хлопая губами.

— Так и не дуйся.

— Я и не дуюсь...

Максимус засмеялся, а Сэт изобразил маску недовольства.

— Сэт, — вдруг серьезно заговорил Максимус.

— Да, — серьезно отозвался Сэт, избавившись от гримас и хлопающих губ.

— Что ты вколол себе перед дуэлью?

— Морфин, — не задумываясь, ответил Сэт.

— Где ты взял морфин?

— Ты выписал.

— Что?! — вскрикнул Максимус.

— Не кричи. Ты что не помнишь, как мне морфин выписывал.

— Это год назад было. Я выписывал тебе две ампулы.

— Одна осталась.

— И ты ей воспользовался.

— Нет, ты меня не понял. Одна еще осталась. Одну я вколол, чтоб не чувствовать боли, ну и...

— Ты не колол тогда морфин?

Сэт кивнул.

Максимус тяжело вздохнул и сложил руки у груди.

— Сколько раз тебе говорить: я должен знать все.

— Я...

— Будь ты здоровым я бы и слова не сказал, но... Сэт! У тебя врожденный порок сердца! У тебя сильная сердечная недостаточность! У тебя опухоль головного мозга! У тебя прострелено легкое, а теперь у тебя нету части кишечника. Что ты себе позволяешь?! У тебя есть запасное тело?!!

— Ты ведь можешь пересадить мой мозг в механическое, — равнодушно отозвался Сэт.

— Да! Я то магу, а ты сможешь в нем жить.

— Научусь...

— Научишься! Там не будет магии. Ты не увидишь вообще ничего и быстро умрешь из-за этой опухоли, я вообще не понимаю, почему ты жив.

— Потому, что я так хочу.

Максимус хотел еще что-то сказать, но увидел давление собеседника и решил успокоиться.

— Ладно, твое счастье, что я не бухнул в тебя еще морфина. Так, — он взял папку и начал ее листать. Первое, с твоими руками все будет хорошо, заживут, как миленькие, можешь даже не думать. Второе, Эрвин нанес очень много повреждений органам пищеварительной системы. Желудок я зашил, а вот часть кишечника пришлось удалить. Поэтому пока все это не заживет, есть тебе нельзя, будишь питаться через капельницу.

Сэт скривился, но промолчал, понимая все нелепость возражений в данной ситуации.

— И в третьих, — Максимум тяжело вздохнул, — мы вновь перелили тебе кровь Ильи, поэтому пожалуйста, минимум магии, пока она не приживется.

— Я ведь стану сильнее.

— Ну, магически — да, но во всем остальном... Я понятия не имею, как ты преобразовываешь светлые магические частицы в это, а главное, что становится ценой. В прошлый раз, ты чуть не умер из-за опухоли. Я считаю, что она увеличивается, от количества магических частиц в твоей крови.

— Тогда зачем ты опять ее влил? — спросил Сэт, глядя в потолок.

Максимум тяжело вздохнул, но все же ответил:

— Пойми, людей с четвертой отрицательной группой крови не так уж и много, а найти среди них не магов МНЕ, черному, почти не реально, а найти срочно просто не возможно. Я влил в тебя литр из запасников и все, не магической крови у меня вообще нет.

— А другие маги...

— Мы решили не рисковать. Белые и черные частицы слишком разные, а с белыми тоже дефицит. Хорошо, что Илья согласен на все лишь бы ты только жил.

— Ясно. Когда я вернусь домой?

— Не раньше чем через месяц, а потом еще будешь долго сидеть на диете.

— Хорошо.

— И верни мне морфин!

— Хорошо.

— Илья гордится тобой, но лучше бы ты был просто ребенком.

— Я знаю.

— Отдыхай, а лучше поспи, — Максимум встал, но у двери остановился. — Разрешите Илье войти?

— Нет! Пусть едет домой, отдохнет. Скажи ему, что я сплю, со мной все хорошо и я поправлюсь. Пусть приходит через недельку и принесет мне ноут.

— Я так и думал. Отдыхай.

Максимум вышел, а Сэт закрыл глаза и погрузился в воспоминания. Лучше бы этой дуэли не было...

«Черные маги убивали белых. Белые — черных. Таковы правила войны»

Легким кажется слово тому, кто его бросит, но тяжелым тому, в кого угодит.

Бальтасар Грасиан

Неделя в больнице прошла для Сэта быстро и не заметно. Он почти все время спал, осваиваясь с новой магической силой и, изредка пробуждаясь, беседовал с Максимусом. Врач больше не заводил тему о безопасности пациента. Теперь они превратились в простых приятелей, и никто не предположил бы, что пару дней назад один из них дрался на дуэли, а второй смотрел на него с трибуны и просто молился за жизнь друга, а потом один лежал на операционном столе, а второй со слезами на глазах склонялся над ним. Сейчас они были простые друзья, которых мало волнуют правила, законы, проблемы и прочая суэта, они восполняли то общение, которого давно ждали. Сэт то и дело кривился от боли, когда не мог сдержать приступа смеха, а Максимус из вредности еще больше смешил его, тогда строптивый пациент начинал угрожать врачу, а тот, от души смеясь, менял тему. Это была одна из добрейших недель в жизни Сэта.

Дверь тихонечко скрипнула. Сэт открыл глаза и улыбнулся. На пороге стоял Илья. Маг тоже улыбался.

— Ну, здравствуй, мой импульсивный ученик, — сказал Илья, присаживаясь на стул у постели мальчишки.

Сэт посмотрел на учителя удивленно и растерянно прошептал:

— Здравствуйте, конечно, но к чему такое странное обращение.

— А как еще можно разговаривать со звездой? — весело уточнил маг.

Сэт растерянно моргнул.

— Сейчас все поймешь, — успокоил Илья и достал из сумки кипу газет. — Слушай. «Большая трагедия поразила мир черных магов! И если вы думаете, что я о смерти наследника, то ошибаетесь, я о великом и неповторимом Сэте. До сих пор нет никаких точных известий о его состоянии. На мой взгляд, потеря такого, во всех смыслах этого слова, неожиданного человека в рядах черных магов заставят нас долгие годы скучать. Ведь кто еще сможет так искусно пестрить скандалами на обложках популярных газет». Или вот, — Илья взял другую газету, — «По мнению многих аналитиков существует заговор, главным оружием которого является Сэт. Уже не первый год ходят разговоры о недовольстве его учителя Вересова Ильи властью Короля Тьмы — Иденбурга. Одно не укладывается в голове многих умов, как можно использовать такого глупого мальчишку, как Сэт, или в этой нелепости есть какой-то тайный смысл?», — Илья взял другую газету. — «Нет ничего невероятней меча Аламана. Это величайшее оружие прекрасно в руках мастера. Мне даже не понятно почему такой гениальный талант скрывается от общества. Мы должны гордиться своими звездами, а не...»

— Хватит, — простонал Сэт.

Илья стих и посмотрел на воспитанника.

— Вы издеваетесь?

— Нет, — хладнокровно ответил Илья. — Я всего лишь пытаюсь тебя подготовить к

появлению на улице.

— Только не говорите, что вы ради этого пришли.

Илья засмеялся.

— Я и не догадывался, что ты обо мне такого мнения. Я принес тебе ноутбук, документы, провода — в общем, все, что ты просил. Все оставил у Максимуса в кабинете, он обещал потом тебе принести. А я хотел, увидит тебя.

— В это верю. Как там дела дома?

— Как всегда. Все стоит на своем месте. Ты лучше расскажи, как ты?

— Максимус же уже все рассказал, а самочувствие вполне сносное, я думал будет хуже.

Единственно порядком замучило капельное питание.

Сэт замолк и внимательно всмотрелся в лицо наставника.

— Что?! — растерянно спросил Илья.

— Вы что-то не договариваете. Что-то случилось?

— Хорошо, — сдался Вересов. — Я тут наткнулся на один журнальчик и фото на его обложке меня порядком удивило.

— Фото?

— Да!

Илья достал из сумки глянцевый журнал. Еще раз взглянул на обложку, затем взял руку слепого ученика и положил ее на изображение.

Сэт вздрогнул. Там на обложке маленький мальчик лет семи держит за руку маленькую высшую вампиршу, лет шести. Он красивый глубокоглазый блондин в белоснежном костюме, даже с белым галстуком, просто светиться. Она тоже сияет, но больше мраком. Ее черные волосы прямыми локонами обрамляют ее бледное лицо. Красные глаза девочки нежно смотрят на мальчишку и ловят такой же мягкий взгляд. Ее черное приталенное платье, кажется еще более темным возле белого друга. Они смотрят друг другу в глаза и по-детски, невинно касаются друг друга губами.

Сэт убрал руку и молча смотрел на журнал у которого для слепца не было обложки.

— Это ведь ты? — спросил Илья.

Сэт не ответил.

— Я, когда узнал тебя, не задумываясь, купил этот журнал. Кто она?

— А разве это важно?

— Ты не рассказывал о ней.

— Не нужно было.

— Я прочел ее интервью. Теперь я понимаю почему ты так переживал, убивая того белого.

Сэт злобно посмотрел на наставника.

— Не сердись, а почитай. Я думаю, тебе будет о чем подумать.

— Она там все рассказала?

— Про вас наверно, да. Про тебя не много, а о твоём отце ни слова, по ее словам ты внезапно исчез, когда началась война.

Сэт взял журнал.

— Теперь ведь это не имеет смысла, — простонал он.

— Не имеет смысла?! Ты бы видел свое лицо, когда ты увидел эту фотографию. С такой любовью ты смотришь только на свою скрипку.

— Это другое...

— Она ищет тебя.

— Она ищет не меня. Она ищет Лешу Карлова...

— Но ведь это и есть ТЫ!

— Им был я...

— Сэт!

— Вот видите.

Илья внимательно посмотрел на воспитанника, настроение которого порядком испортилось.

— Зря я это затеял...

Сэт отрицательно покачал головой.

— Лучше я пойду.

Маг хотел встать, но сильная рука схватила его за руку.

— Подождите. Я, — Сэт тяжело вздохнул. — Может я потом буду жалеть, но я все расскажу. Только не смейтесь. Ее зовут... Наташа...

Со времени дуэли прошло всего две недели. Шпилева Наталья Валерьевна лежала в своей комнате и бесцельно любовалась потолком. Она отдыхала после ночных съемок. Тяжело быть моделью. Всегда звезда. Всегда прекрасна, а как иногда хочется влезть в обычные джинсы, кроссовки пойти гулять по подворотням, а нельзя! Имидж не позволяет!

Девушка встала, потянулась, расправила крылья и подошла к окну, взглянуть на внешний мир. Подойдя к открытому окну, она замерла. Там внизу, под ее окном стоял тот, кого она так люто ненавидела. Он смотрел на ее окно и не мог отвести глаз от молодой вампириши. Девушка оскалилась. Юноша опустил глаза, но с места не сдвинулся, казалось, будто теперь его больше интересовал асфальт.

«Вот же негодяй!» — подумала девушка. Она запрыгнула на подоконник и бодро спрыгнула с пятого этажа. Пару взмахов крыльев и она смотрит в его глаза.

Он хотел, что-то сказать, но слов не нашлось. Мертвые глаза Сэта замерли в ее алых бриллиантовых глазах. Девушка злобно улыбнулась, грубо схватила его за подбородок и страстно поцеловала. Глаза молодого человека дрогнули. Клыки вампира пробили его губы. Кровь покидала его тело, опустошая его плоть...

Владимир Алексеевич Ильин — юный белый маг с уникальными телепатическими способностями. Через глаза человека он проникал в его разум. Так он мог видеть чужие воспоминания, эмоции и даже мечты, и никакая защита не могла спасти от его дара. Каждый был для него, как открытая книга, от того он быстро терял интерес к людям, но Наташа была не такой. Она была разной. Ее настроение, ее эмоции, ее сознание было для него, как струя холодной воды, дикое и доброе, опасное и прекрасное, то, что заставляло вздрагивать от эмоций. Поэтому он опять спешил к подруге, чтобы обомлеть от ее присутствия.

Он шел по улице, мечтая лишь о встрече с ней. Он был старше Наташи, но три года — это совсем не много. Он был выше Наташи и это было хорошо. Он был на одном «полюсе» с Наташей, а это просто великолепно. Единственное, что его смущало — это рыжие кудри, которые редко нравились девушки и вечно разные глаза. Над этой особенностью долго ломали головы и медики и маги, но у парня глаза меняли цвета, а могли быть и не однородного цвета. Мило? Он склонялся к варианту — СТРАННО! Но и сама Наташа не была простой, а значит — шанс все же есть!

Он повернул из-за угла и, оказавшись возле ее подъезда, обомлел. Перед ним стояла целующаяся пара. Она — давно привычная Наташа. Он — знаменитый Сэт, такой же, как она необъяснимый, только черный. Вот только не были они похожи на влюбленных. Она бешеными глазами смотрела, в туманные глаза юноши. Он был бледен. Губы его посинели. Веки упорно закрывались. На ее губах возникла кровь.

Волна темной энергии, заставила Володю съежиться. Он все понял, вот только совсем не знал, что нужно делать. Он понятия не имел, как уберечь любимую от ошибки, но делать что-то надо!

Вот только Сэт не мог, не хотел, сдаться ТАК! Хотя стоит признать, что принять смерть от Наташи он счел приемлемым, даже заманчивым, но не сейчас... мести придется подождать.

Светлая вспышка, еще больше ошарашила Володю. Во-первых она была очень сильной, а во-вторых — прозрачной, что не характерно для магии. Но он не успел над этим подумать.

Сэт оттолкнул Наташу. Девушка не упала только благодаря крыльям. Сэт тоже чуть не рухнул, но сделав пару шагов назад, остановился. Он внимательно посмотрел на Наташу, вытер с губ кровь и покорно закрыл глаза.

— За что? — тихо спросил он.

— За что!?! Ты еще спрашиваешь! — злобно крикнула Наташа. — За моего отца!

— Понимаю, — выдохнул он тихо.

— Понимаешь!?! Что ты можешь понимать?! Ты хоть представляешь, что такое потерять отца и мать, когда ты еще совсем дитя? Что ты, УБИЙЦА, можешь понимать?!

Она подошла к нему, чтобы еще раз увидеть это хладнокровное лицо. Сэт открыл глаза. Они смотрели друг на друга. Она молчала, не понимая: как можно иметь такие пустые, не живые глаза; как можно смотреть на все и сразу; как можно не чувствовать; КАК?

— Ты пустой и... Ты — никто! Как ты можешь понимать?! — спросила она. — Ты ведь просто убийца!

Она попыталась его ударить, но он поймал ее запястье, когда ее ладонь почти коснулась его щеки.

— Девочка, — тихо сказал он, — наивная девочка, чего ты хочешь достичь? Какова твоя цель? Хочешь, что бы я умер? — он грустно улыбнулся. — Какая же ты наивная, Наташа. Девочка... наивная девочка, — он говорил все это тихо, без злобы, без боли, даже без обиды. Он говорил это с любовью. — Я не хотел убивать твоего отца. Я не хотел, что бы все было ТАК. Какой же ты еще ребенок. Это была война, а на войне приходится убивать...

— Это был мой ОТЕЦ! — закричала Наташа. По ее щекам покатались слезы. — Я не смогу спать спокойно, пока ты не умрешь!

— Хорошо, — спокойно шептал Сэт. — Хочешь моей смерти? Тогда забирай мою жизнь! Но пойми! — он тяжело вздохнул, — Тогда была война. Черные маги убивали белых. Белые — черных. Таковы правила войны. Одни убивают других. Это было тогда! А теперь всего этого нет. Между нами мир и... это просто убийство, но если для тебя это не важно... можешь убить меня.

Наташа замерла. Таких слов она не ожидала. Она думала, что он нападет на нее, будет угрожать, сделает из этого скандал, а он тихо шепчет ей о мире...

— Ну? Чего ты ждешь? Где теперь твоя решимость? Где гнев? Где ненависть?

— Ты... это...

— Хватит. Остановись. Уйди. Девочка. Ребенок, — он закрыл глаза. — Оставь меня!

— Это ты пришел!!! Ты! Не я, а ТЫ! — закричала Наташа, роняя слезы.

— Прости, — тихо прошептал он. — Я понимаю твою боль. Это и моя боль...

Он взглянул в ее глаза.

— Я хотел сказать: я... больше не появлюсь! Прости...

Он нежно коснулся ее подбородка и поцеловал. Поцеловал по настоящему, нежно, искренне. Наташа вновь ощутила его кровь, и слезы катились по ее щекам.

Он отстранился, вытер слезу с ее щеки и не прощаясь ушел.

Володя подлетел к Наташе. Девушка, увидев друга, разрыдалась и беспомощно прильнула к его груди.

— Не плачь. Он уже ушел, — шепнул Володя, глядя девушку по волосам. — Все хорошо.

Он взял девушку за руку и бережно повел домой. Наташа не сопротивлялась. Ели переставляя ноги, она плелась за Володей. Дома она рухнула на диван в гостиной и продолжила рыдать.

— Наташ, — начал тихо Володя, присев рядом.

— Отстань! — заявила девушка, обнимая подушку. — Не трогай меня.

— Наташа, но не лучше ли выговориться, — предположил Володя. — Почему ты так плачешь?

— Как почему? Ты, что не понимаешь?! Я оказалась слабой и беспомощной. Самое дикое, что оказался прав и всего лишь ребенок, наивный ребенок! — Наташа громко всхлипнула. — я должна отомстить, но я не могу... Он...

Больше она говорить не смогла. Володя нежно обнял ее за плечи и не знал, как ее утешить. Он боялся заглянуть ей в глаза и очень жалел, что не взглянул в глаза Сэту.

— Он убил моего отца, — вновь заговорила Наташа. — Он... убил его, понимаешь? Как он может так говорить? Зачем? Ну, зачем? Зачем он вообще сюда пришел?!

И вдруг она замерла, стихла, облизала губы и вопросительно взглянула на Володю.

— Ты видел его глаза?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Жаль, — она вытерла слезы с лица. — А я видела. Они такие... мертвые, такие... пустые, как у слепого, но живые, как у обычного человека. И... он такой...

— Какой?

— Не знаю, — Наташа беспощадно ломала пальцы. — Я не уверенно, но... понимаешь, от него не пахло темным.

— Да, я тоже не почувствовал темной магии, но... он...

— Что?

— Он поцеловал тебя?!

Наташа вновь уткнулась в подушку, не зная, что ответить.

— Почему? Зачем? — спрашивал Володя, расхаживая по комнате. — Он... Ты пыталась его убить! Как? Зачем он...? Не понимаю? Наташа! Почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь! Это ведь... Почему ты ему это позволила!?

— Я... почему-то я чувствую себя предателем.

— Предателем?

Наташа кивнула.

— Он не был тем, кем я его считала. Нет, он не был убийцей, он...

— Наташа! — чуть не плача, воскликнул Володя. — Ты так на него смотрела и... он тоже...

— Нет, это не то. Он... просто он не такой, как я думала и...

— Какой, не такой?!!

— Ну... его кровь... она... НЕ ЗНАЮ Я!!!

— Ни чего не понимаю, — Володя вновь сел рядом с Наташей.

— Ты просто ревнуешь...

— Я? Ничего подобного!

— Глупый, я же пыталась его убить.

— Ну и что? А он поцеловал тебя!

— Ну и что с того? — простионала Наташа.

— А ты уверена, что это был поцелуй?

— Ну... Что ты имеешь в виду?

— Ну... Просто я не понимаю, что он хотел этим сказать? Что это значило? Это не нормально, понимаешь! Зачем целовать того, кто пытался тебя убить? Может быть, есть какой-то обряд... или ритуал? Ну, кто поймет этих черных магов?!

— Ты ревнуешь.

— Да! Я ревную!

— Володя это бессмысленно. Я ненавижу его.

— Тогда почему, ты так на него смотрела.

— Он говорил так, будто знает меня...

— Да тебя все Атлантида знает. Ты ведь знаменитость.

— Нет, я имею в виду, что он знает меня, как человека, как личность, как девушку.

Понимаешь? Он вел себя, как мой друг...

— Друг!?

— Да...

— Ты бредишь!

— И он... точнее не он, а его кровь! Она показалась мне знакомой. Будто когда-то я уже пила эту кровь... Такую теплую, сладкую, любимую.

Наташа закрыла глаза и, набрав полную грудь воздуха, резко выдохнула. Открыв глаза, она увидела на столе журнал со своим интервью, а на обложке она и ее лучший друг, ее первая любовь — Леша...

Ее подсознание уже все поняло и хотело плакать, а вот сознание это отрицало и совсем не хотело связывать любовь с ненавистью.

Сэт сидел в парке на лавочке. Он держал в руке журнал. Другая рука касалась обложки. Что еще он мог, кроме, как помнить ее...?

«—Наташа, о вашей невероятной карьере, знают практически все, а как насчет личной жизни? У вас есть молодой человек?»

— Сейчас я свободна, но думаю, что в ближайшее время один мой хороший друг поменяет свой статус в моей жизни.

— Он известный?

— Нет, он самый обычный и этим меня привлекает.

— А из знаменитостей вам кто-нибудь симпатичен.

— Разумеется. Я питаю особую слабость к музыкантам. Люди, которые пишут музыку, люди которые хорошо поют, всегда восхищали меня.

— Вы хотели бы заняться музыкой?

— Нет, не думаю, что смогла бы. Я не могу, так чувствовать звуки, как это необходимо для творчества. Нет, лучше я останусь актрисой.

— Но многие актрисы поют. И не все они имеют хорошие голоса, но даже они пользуются популярностью.

— Я считаю, что нужно делать, лишь то, что ты можешь приблизить к совершенству.

— Вас часто видят в оперном театре, на концертах классической музыки. С чем это связано?

— Ну, разумеется с моей любовью к классической музыке. Я очень люблю классические инструменты. Обожаю скрипку, просто часами могу ее слушать.

— В таком случае, кто из скрипачей вам нравится больше всего?

— Не знаю, помните ли вы, но десять лет назад была очень знаменитая пианистка Мария Карлова, более известная, как Мария Кэри. Она очень часто выступала со своим сыном, Алексеем. Мало кто знает, но Алексей сам писал музыку, несмотря на то, что было всего шесть лет. Я любила его игру, и когда он писал, за ним было так интересно наблюдать.

— Вы были лично с ним знакомы?

— Да! Мы учились вместе. Он был человеком. Мы были в экспериментальной школе, где белые маги учились вместе с людьми. Это было весело. Сначала мы совсем не общались. Вернее он ни с кем не общался. Всегда такой серьезный и молчаливый. Я даже не замечала его, пока на одном из концертов он не вышел на сцену и запел. Его голос был невероятным. Я его так заужала, но мы все равно не общались. Я с ним пыталась заговорить, но он так и не пошел на контакт. Мне даже казалось, что он не любит людей и предпочитает одиночество.

— Вы так и не подружились?

— Нет, мы подружились. У меня был конфликт с одним мальчиком в нашем классе. Он был сильным магом и почему-то не любил высших вампиров. Мы все время с ним ругались. Он обзывал меня «зубастой», а потом однажды набросился на меня с кулаками. И я ничего не могла сделать, а никто не хотел вмешаться. Ребята в классе его боялись, потому, что он был самым сильным магом среди нас, а люди... Ну, что могут сделать люди, против мага? Я думала ничего, но Леша не думал об этом. Он подошел к нашему однокласснику, схватил его за плечо, развернул и что было силы ударил по лицу. Кулаком! Вот так вот просто, ничего не боясь. Взял и ударил. Я смотрю на него и не верю, что он такой маленький, бледненький, слабый, пошел меня защищать. Это было глупо.

— Ваш одноклассник набросился на него?

— Не совсем, он стал даже прикасаться к нему. Он воспользовался магией. Посмотрев на Лешу, он швырнул его в стену, ударил о потолок и прежде, чем я смогла вмешаться, выкинул его из окна. Я метнулась за ним, поймала и опустила на землю.

— А потом?

— Лешу положили в больницу. У него было несколько переломов. Я ездила к нему из благодарности. Так мы и подружились, а нашего одноклассника признали психически неуравновешенным и... больше я его не видела. А мы с Лешей стали новой сплетней. Все стали обзывать нас парочкой.

— А на самом деле как было?

— Ну, думаю, так оно и было. Правда, какие там чувства у шестилетних детей, но стоит признать, что Леша был первой моей любовью. Мы даже на вечере, по окончании первого

класса поцеловались, назло всем, кто шутил про нас. У меня даже фотография есть.

— А где сейчас этот Леша?

— Этого не знает ни кто. Он исчез в первые дни войны. Просто пропал. А теперь попробуй разберись. Расследование провести почти не реально. Я надеюсь, когда-нибудь увидеть его еще раз. Я не хочу верить, что он погиб. Я не видела его тела, а значит, я не видела его мертвым. Если он прочитает эту статью, я буду очень благодарна, если он даст о себе знать.

— Именно из-за него вы так любите музыку?

— Да. Когда я слушаю музыку, когда я слышу скрипку, я вспоминаю его и мне становится легче, потому, что он всегда был хорошим другом...»

Сэт смял журнал и выкинул в ближайшую урну. А что еще он мог?

Сердце сжалось и, казалось, обливается кровью, но на него как всегда нет времени. Таблетку нитроглицерина под язык. Посидел немного и пошел. Дальше его путь лежал назад в клинику под капельницу, на обед.

Когда стемнело, оставшись одна, Наташа смотрела старые фотографии.

— Леша... интересно, как ты изменился за эти десять лет? И куда ты исчез? Жив ли ты? Леша... Если бы ты был со мной этот Сэт ко мне не прикоснулся и... Почему ты так со мной?

Девушка погружалась в нежную ностальгию. Она вспомнила своего друга и блаженно улыбнулась. Сейчас она напоминала цветок под утренними лучами солнца...

И вновь это затмение... вновь вкус его крови... такой сладкой, такой...

Это раздражало. Наташа вскочила на ноги и швырнула альбом. Он упал на пол.

— Прости, — шепнула она, глядя на Лешино фото.

Мальчишка улыбался, глядя на нее.

И вновь этот вкус! Вновь этот запах...

Ночь — это лучшее время для вампира, это лучшее время Наташи. Сейчас, ночью, она могла быть собой. Она открыла окно, сиганула в низ, поднялась в небо и летела. Разрезая крыльями воздух, она оживала. Сейчас она была, как птица, хотя больше ей подходил образ летучей мыши, но для самой Наташи это не имело ни какого значения. Ее волновала лишь свобода, свобода которую она могла приобрести.

Как она хотела быть в мире, где Сэта нет, где войн нет, где все хорошо; в мире, где она могла бы быть собой, могла быть человеком, или хотя бы быть рядом с человеком...

Ночь! Такая тихая и печальная. Такая как всегда. Вот только для Сэта она не молчала. Ночь — это время, когда весь мир говорит с ним. Он слышал каждый шорох, каждое дуновение ветра, каждый звук тишины, а в голове все это становилось музыкой, все это оживало воспоминаниями. Он помнил всех: маму, отца, Сашу и Леночку, а главное ее, все еще живую, Наташу.

Он так хотел поговорить с ней. Он так хотел объяснить ей все, рассказать, но... оказалось, что это не возможно... оказалось, что это невыполнимо. Он даже не догадывался, что не найдет подходящих слов. Он не знал, что нет таких слов! Что он теперь мог?... Смириться и только...

Темнота... в его жизни была одна лишь темнота. Да, магия заменила ему зрение. Да, он

стал сильнее и могущественней, но... все это было таким не нужным, бесполезным и беспомощным...

Он сидел на окне с закрытыми глазами и слушал песни тишины... На миг ему показалось, что он услышал как чьи-то крылья разрезали воздух. Он открыл глаза. Никого, а он так надеялся на возвращение «ангела».

«Как вам такой финал?»

Настоящая верность скорее отступить от друга, чем от врага.

Карл Краус

Сэт вышел из клиники и довольно улыбнулся солнечным лучам. Его наконец-то выписали. Целый месяц пролежал он в больнице, а теперь наконец свобода.

— Добрый день, господин Сэт, — обратился к нему молодой черноволосый шофер Вересова.

— Аркадий? — уточнил Сэт.

Юноша кивнул.

— Еще раз скажешь: «господин Сэт» — и я обижусь.

Юноша хотел возразить, но Сэт не дал ему и слова сказать.

— В господ с работодателем играй, а я просто так. Понял?

Не дожидаясь ответа, Сэт открыл дверь автомобиля, закинул сумку и тут же пристроился на заднем сидении, подальше от лишних глаз.

Аркадий быстро оказался за рулем.

— Куда? — коротко спросил он.

— Домой, а там я на свой транспорт пересяду.

— Но...

— Есть какие-то проблемы?

— Да. Илья Николаевич... в общем с сегодняшнего дня, я ваш телохранитель.

— Что? — не поверил Сэт. — Ладно, я потом с ним сам поговорю. Тогда просто едим домой.

Сэт посмотрел в окно. Как много знакомых видов города. А вот и поворот к его прежнему дому, а если пойти вон туда, то можно оказаться у Наташи. Сэт тяжело вздохнул. А вот и консерватория, где так часто выступала мама...

— Стой! — крикнул Сэт.

Аркадий тут же остановился.

— Что-то случилось?

Но отвечать было уже некому. Сэт выскочил из машины и помчался к консерватории. Ведь там, на афише...

Взрыв!

Волна достала даже Сэта. Его швырнуло к той самой афише.

«Концерт памяти Марии Кэри. 17 августа 19.00»

Вот только теперь это было не важно.

Улица наполнилась хаосом. Несколько машин горело. В ближайших домах не было стекол. Сэт приподнялся. Ему повезло. Он отделался парой ушибов, а вот многим другим повезло меньше. Кто-то корчился от боли. Кто-то звал на помощь. Кто-то пылая бежал от огня. Кто-то плакал. Кто-то кричал. Меньше всех повезло Аркадию. Он был в самом эпицентре взрыва. Взорвалась машина Вересова, на которой ехал Сэт. Теперь он уже никуда не уедет...

Илья Николаевич сидел в конференц-зале своей фирмы. У него были важные переговоры с возможным инвестором, но все было испорчено, когда в зал вошли два Черных Ворона, молодых милиционеров черного подразделения.

— Илья Николаевич, просим вас проследовать за нами, — сказал один из них.

Молодой секретарь Вересова попытался оправдаться, но работодатель отмахнулся от него, как от надоедливой мошки.

— На основании? — спросил он у Воронов.

— Это строго конфиденциально.

— А что случилось-то?

— Ваша машина взорвалась.

— Что? Как такое возможно?! — воскликнул Илья, забыв о всяких переговорах. — Что с Сэтом?

— Больше мы не имеем права говорить, — сообщили Илье.

Делать нечего. Вересов бросил все и буквально побежал за молодыми Воронами. В машине он ломал пальцы, надеясь лишь, на то, что Сэт все же жив, или... Нет! Не о каких «или» он и думать не хотел. Сэт был ему и учеником, и сыном, и другом. С такой потерей он не смирился бы наверно никогда.

В отделении мага посадили на стул и оставили одного. Темные стены без окон, слабая лампа над головой, металлическая дверь. Тут только Илья подумал о том, зачем его привезли сюда, но ничего разумного он так и не смог придумать.

В помещение вошел молодой следователь. У него были большие синие глаза и лысая голова, как у всех следователей черных магов.

— Здравствуйте, Илья Николаевич.

— Здравствуйте, — недовольно бросил маг.

— Ну, зачем так сразу?

— А как надо? Вы может сразу скажите: чего от меня хотите?

— Ладно, — следователь сел напротив и включил диктофон. — Сегодня в 13.23 на Трехгранном проспекте произошел взрыв. Источником этого взрыва стала бомба, заложенная в багажник вашего автомобиля. Что вы можете сказать по этому поводу?

Илья задумался.

— Ну, Илья Николаевич.

— Я не знаю, что сказать... Это безумие какое-то. Вы мне лучше скажите, где Сэт?

— Сэт? А почему вы спрашиваете о вашем ученике?

— Как почему? Он должен был быть в машине!

— Да? — удивился следователь. — От вашей машины остались только куски метала. Сочувствую.

— Нет, — простонал Илья.

— Кто мог желать вам зла?

— Я... У меня не врагов в бизнесе, только в политике.

— В политике? Кто, например?

— А вы не знаете? Иденбург и его свита.

— Сам король тьмы? А не слишком ли вы высоко замахнулись?

Илья опомнился.

— Я не это имел в виду, — шепнул он. — Просто моя смерть мало кому принесет выгоду, только если из мести...

— Из мести?! — удивился следователь. — Поясните, что вы имеете в виду.

— Ну, как «что»? — Илья растерянно моргнул. — Меня ненавидят многие белые маги.

Я для них предатель. Среди них найдутся и те, кто хотел бы отомстить за смерть моего отца.

— Смерть вашего отца?

— Разумеется. Я же застрелил его в самом начале войны, об этом все знают...

Илья опустил голову, на его глаза наворачивались слезы, ведь именно в этот день он впервые увидел Сэта. В тот день...

— А ваш водитель?

— Аркадий?

— Ну, да. Вы не думаете, что это покушение мог подстроить ваш водитель?

— Зачем ему это? Он ведь... он же тоже...

— Да, он мертв, но ведь это ничего не решает...

— Нет! — категорически заявил Илья. — Аркадий не мог, да и не водитель он вовсе.

— Как это? — не понял следователь.

Илья растерянно посмотрел на следователя, но теперь все эти тайны не имеют никакого значения... какие уж тут тайны...

— Я нанял его для Сэта. Он должен был стать телохранителем...

— Телохранителем?! Для Сэта? И с чего вдруг такая необходимость?

— Ну, — тут Илья задумался, пытаясь решить между истиной и удобной ложью. Выбрал ложь. — Поймите меня правильно, я переживал за Сэта. Он фигура известная, а у нас на улице не безопасно, то белые маги без повода нападают, то сам Сэт с Черными поцапается, а он, — Илья тяжело вздохнул, — теперь он слаб, был...

— Для защиты значит?

Вересов кивнул.

— А если Сэт жив?

— Жив! — вскрикнул Илья Николаевич, вскочив на ноги. — Так он жив!?

— Это гипотетически. Останки еще не опознаны. Результаты экспертизы должны быть с минуты на минуту... Так если он жив, то куда бы он пошел?

— Домой, но он бы с начала со мной связался!

— А он не звонил?

Илья отрицательно покачал головой.

— А мог ли он подстроить свою смерть?

— Зачем?

— Но мог ведь...?

Илья вновь отрицательно покачал головой.

— Вы уверены?

— Разумеется! Ну, зачем ему это?

— А с законом у него проблем нет?

— Не было, старые аресты за превышение скорости я не беру в расчет, ведь это уже не важно, он у меня буйный, но не до такой степени... был...

— Вы уверены?

— Ну, конечно. Он от меня никогда ничего не скрывал, разве, что я не все из его прошлого знаю, но какие мог быть проблемы у мальчишки? Да еще и с законом? Это же абсурдно.

— Но ведь он был ранен, когда вы его нашли?

Вересов непонимающе посмотрел на собеседника.

— Чего вы от меня хотите? — не выдержал он. — Ну, чего?

— Я просто веду расследование. Задаю те вопросы, которые могли бы мне помочь.

Значит, Сэт не может быть причастным к взрыву?

— Да нет же! Там ведь люди пострадали! Он не мог так! Не мог!!!

— Тогда почему он вышел из машины перед самым взрывом? Раз он у вас такой правильный? Почему?

— Вышел? Так он жив?! Он жив! Так, что же вы молчали. Зачем же вы солгали!?

— А я не говорил, что он погиб, я сказал, что вашу машину разорвало.

— Где он?!

Илья перестал расхаживать по помещению и впился глазами в следователя. У этого сурового мужчины от одного этого взгляда сердце в пятки ушло, но он смог совладать с собой.

— Он здесь. Вы сможете его забрать, как только ответите на последний вопрос: Почему он вышел из машины?

— Удача, шестое чувство. Называйте, как хотите, но если бы он знал, он не вышел бы до последнего, да и не позволил вести машину в центр города. Это Сэт — он человек, а значит, чувствует боль простого народа. Хотите найти виновного, не копайте в эту сторону. Ничего не найдете.

— Почему вы так уверены?

— Потому, что я уверен в нем, а теперь отдайте мне его. Немедленно!

— Хорошо, ждите здесь. Я его приведу.

— Приведите.

Илья сел, сложив руки у груди, а следователь вышел. Через пару минут он ввел Сэта. Юноша был бледен, на лбу виднелась ссадина, но, в общем и целом, он был цел и невредим. Илья сразу бросился его обнимать.

— Сэт! Ну, ты и жулик...

— Извините, — шепнул грустно Сэт.

— Мы можем идти?! — спросил Илья у следователя.

— Конечно. Извините, если задел вас, но это моя работа. Я просто обязан проверить все. Буду держать вас в курсе расследования.

— Спасибо, — буркнул Сэт и поспешил выйти.

Илья кивнул на прощание следователю и вышел следом за учеником.

— Ты цел? — спросил он, когда они оказались на улице.

— Вполне. Отделался легким шоком и ссадиной на лбу. Не волнуйтесь, я был далеко от взрыва.

— Почему тебя не было в машине? — не удержался Илья.

— А вы хотели, что бы я был в ней? — нагло улыбаясь, поинтересовался Сэт.

— Сэт!

— Ну, я же шучу. Вы вернетесь на работу?

— Нет, сегодня пусть обходится без меня. Мы едим домой.

— На чем?

— На такси!

— И не жалко ж вам таксиста. Он если нас отсюда домой довезет, то вернется сюда поздней ночью.

— А я сейчас «реактивку» вызову.

— А с каких пор в центре города можно ездить быстрее 4000 километров в час?

Илья задумался.

— Слушай, ну ты же как-то передвигаешься.

— Я ж не на машине, а на мотоцикле. Я по милицейской машине проезжаю и дальше еду.

— А как нам тогда домой попасть.

— С помощью метро.

— Метро?! — ужаснулся Вересов. — Это же людской транспорт, да и вообще. Я...

— Только не говорите, что боитесь так низко спуститься?

— Что? Это всего каких-то сотню километров под землей. Просто...

— Там много «падали», зато быстро дома окажемся.

— Ладно, — сдался Вересов и направился к входу в подземные шахты. — Ты хоть знаешь, какая линия нам нужна.

Сэт только улыбнулся и, не говоря ни слова, пошел первым. Вересов прочел в этом положительный ответ и едва смог сдержать смех. Все таки, его ученик имел слишком много тайн.

Дома за чашкой чая Сэт рассказал наставнику о произошедшем взрыве.

— Удивительно, — шепнул Илья. — Твоя мама, даже после смерти спасает тебе жизнь.

— Не важно, — холодно буркнул Сэт. — Интересно другое. По-моему, этот следователь действительно не понимает, что действительно произошло и искренне собирается вести расследование.

— А ты знаешь, что произошло?

— А вы не знаете. — Сэт откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел в глаза Вересова.

— И это логично?

— Более чем! Других вариантов нет!

— Тогда...

— Я не обречен! У меня есть план.

— План! Какой тут может быть план. Если все зашло так далеко, то к покушению причастны все высшие службы черных магов, «ястребы» и всем этим командует...!

— Тише, — протяжно шепнул Сэт. — Он не настолько безумен, что бы разбрасываться подчиненными.

— Что ты имеешь в виду.

— Пишите заявление на сдачу первого магического уровня.

— У меня ж уже второй высший.

— Не вам, а мне.

— Тебе?! Что ты задумал?

— Аудиенцию у Короля Тьмы можно ждать годами, а так, он будет на аттестации, а значит, я смогу с ним поговорить.

— Зачем? Что ты можешь ему сказать.

— Мне придется доказать, что я достоин жить.

Илья долго молчал, глядя в тусклые глаза Сэта.

— Если ты завалишь аттестацию, то не сможешь получить следующий уровень. К тому

же. У тебя еще только 3, а ты сразу на первый замахваешься. Это не перебор?

— Если я буду аттестовываться на второй, его не будет в комиссии.

Вересов тяжело вздохнул.

— Хорошо.

— Не говорите так, как будто я обречен. Я еще вас на троне увижу.

Илья негодуя покачал головой и пошел в кабинет писать заявление, с просьбой позволить его ученику Сэту Ильичу Вересову пройти испытание на первый магический уровень.

Аттестация была назначена на 25 июля. Оставалась три дня, и за эти три дня нужно было хорошо подготовиться. К самой аттестации Сэт не собирался готовиться, а вот встреча с королем Тьмы требовала серьезной подготовки.

Входя в башню Мрака, Сэт был спокоен, а вот Илья никак не мог унять внутреннюю дрожь.

— Илья Николаевич, успокойтесь, — шепнул несмело Сэт. — Я же уже говорил, что не обречен. Просто поверьте мне, я потом все объясню.

Вересов ошарашено посмотрел на воспитанника. Еще мгновение назад он был уверен, что его волнение не отражается в его поведении. Он был уверен в этом и сейчас, но почему-то Сэт почувствовал его. Он улыбнулся, понимая, что сам он точно так же чувствует уверенность Сэта.

— Я верю тебе, — шепнул Илья.

Сэт не улыбнулся в ответ. Он не смотрел на Вересова. Его взгляд был устремлен вперед. Уверенный взгляд решительного человека — вот, что видел Илья, глядя на него. Вот только от уверенности Сэта легче ему не стало. Да, этот юноша постоянно выкручивается из всяких неприятностей, и все еще жив, но после каждого раза у Максимуса добавлялось работы и это по-настоящему тревожило. Как бы он не отрицал, как бы не пытался скрыть это, но, для него, во всей Атлантиде не найдется более важного человека, чем Сэт. Ни о ком он не будет так заботиться. Ни кого он не будет так любить. Ни кого, только это вредного сумасшедшего мальчишку.

Он тяжело вздохнул и обессилено принял этот факт: от него сейчас не завит ровными счетом ни чего. Он может лишь ждать окончания чужой «игры».

Они дошли до необходимого кабинета.

— Дальше я пойду один.

— Но ты несовершеннолетний и я могу присутствовать. Это в порядке вещей, — попытался возразить Илья.

— Нет! — сурово отрезал Сэт. — Вы можете мне помешать.

Больше он не говорил ни слова, а просто зашел внутрь, не дожидаясь ответа наставника.

В первый миг Илья растерянно посмотрел на закрывшуюся дверь, будто не верил, что все это происходит наяву. Затем это охватил гнев. Никогда прежде, никто ни смел разговаривать с ним ТАК. Никто не указывал ему, что делать, с тех пор, как он стал «дьяволом»! А этот мальчишка... Илья хотел влететь в кабинет и врезать этому негоднику при всех этих могущественных магах. Он даже коснулся ручки двери, но в этот миг его передернуло. Он будто снова увидел Сэта. Этот серьезный уверенный взгляд и холодное решительное «Нет!». В этот миг вся его решимость и уверенность просто исчезли. Он тяжело

вздохнул и просто сел на лавку возле кабинета. Он мог только ждать. Он мог только умереть, сейчас все зависело не от него.

Ломая пальцы, не помня молитв, он просто пытался поверить в того, кого боялся потерять.

Закрыв за собой дверь, Сэт перестал существовать. С этого момента на нем была привычная маска ледяного спокойствия, логики и уверенности — маска настоящего черного мага. Его голубые и без того безжизненные глаза, окончательно лишились жизни. Теперь они были похожи на матовый асфальт. Легкая улыбка, приподнимала уголки его губ. Что выражала эта улыбка? Доброжелательность? Неприязнь? Победу? Мольбу? Сколько бы вы не подбирали вариантов, верного вам не найти. Она ничего не выражала. Это просто шаблон. Лицо не говорящее ни о чем, но в то же время способное незаметно стать любым другим. Ужасное лицо — лицо истинного черного мага.

Сэт пробежался взглядом по комиссии. Задержал взгляд на короле темы. Победная, насмешливая улыбка сорвалась сама собой. Сэт закрыл глаза и покорным видом склонился, перед магами, будто этой предательской ухмылки и не было.

— Приветствую вас, маги высшего уровня. Благодарю за оказанную честь.

— По правде говоря, я удивлен этому твоему решению, — сказал мягко король.

Сэт поднял на него глаза. От короля просто «пахло» ненавистью, будто в глубине души он уже приговорил молодого мага на провал. В другой миг Сэт просто съежился бы от этого взгляда, но сейчас он продолжил смотреть в глаза короля, медленно выпрямляясь в полный рост.

— Почему, ты хочешь получить первый магический уровень, минуя второй? — Спросил король.

Сэт выдержал солидную паузу, а затем небрежно бросил:

— Нужны особые причины? Я делаю это потому, что могу. Разве этого не достаточно?

Он был поражен собственным голосом. Мощно, спокойно, хладнокровно — так, как было необходимо и не одной лишней нотки.

— Можешь? — удивился король.

Сэт просто кивнул.

Иденбург задумался, его длинные худые пальцы, размеренно постукивали по столу.

— Почему ты один? — неожиданно спросил он.

Сэт на миг стал по-настоящему злобным, ненависть Иденбурга просто померкла, перед этим чувством.

Сэт всмотрелся в перо в руке короля. На пару секунд правитель потерял самообладание, осознав, что перо начинает двигаться само, а его рука следует за ним, а он — КОРОЛЬ ТЬМЫ — не может справиться с этим, а затем просто покорился, решив узнать чем все это кончится.

«Я хочу поговорить. О смерти. Наедине» — начертало перо и магия рассеялась.

— Ты не ответил.

Сэт обессилено выдохнул. Маска слетела с его лица. Он в одно мгновение стал собой. Грустные голубые глаза. Прямая линия губ. И полное безразличие в выражении лица.

— По правде говоря, Илья Николаевич, не в восторге от этого решения.

— Значит, ты его уговорил? — почти с насмешкой спросил Иденбург.

— Не совсем, скорее он хотел получить возможность как следует отчитать меня, но это

не имеет отношения к нашему делу.

— Делу? — уточнил Иденбург.

В этот миг все восемь магов комиссии, осознали, что разговор становится понятным только, для короля и юного мага. Сейчас они говорят о чем-то, что не просто невозможно понять, а просто не нужно понимать!

— Да! — уверенно ответил юноша.

Король задумался.

— А не слишком ли много чести, для такого, как ты?

Сэт задумался. Он хорошо понимал, что от его ответа зависит сейчас слишком много, но что он должен был ответить? Что от него хотят? Чего от него ждут? Он не знал, кем должен быть, поэтому просто остался собой.

— Возможно, но я надеюсь на эту возможность.

— Вот отсюда! Все вон отсюда! — крикнул Король. — Оставьте нас наедине.

Маги растерянно переглянулись, но перечить королю не посмели. Уходя, они смотрели на Сэта. Сэт же старался не замечать их, он просто не мог. Его сердце колотилось, как сумасшедшее. Он просто хотел жить!

Они остались вдвоем. Король и маленький бунтарь!

— Что ж, я слушаю тебя. Говори.

— Благодарю, — мягко сказал Сэт и тут же переменялся в лице. Он бросал вызов королю, а значит — он мог и не выйти отсюда. — Вы, конечно, знаете, что совсем недавно взорвалась машина Ильи Николаевича. Я выжил по чистой случайности, но мы оба знаем, почему она взорвалась, и кто должен был умереть.

Сэт посмотрел на короля, что бы оценить его реакцию и не ошибиться в дальнейших словах. Король остался спокоен.

— Ты обвиняешь меня? Ты сумасшедший, — спокойно сказал он.

— Я вас не обвинял, и обвинять не собираюсь. Я здесь не для выяснения отношений.

— Тогда зачем ты здесь?

Сэт на мгновение замер, затем тяжело вздохнул и легким движением руки притянул к себе табурет. Сев напротив короля, он посмотрел ему в глаза и тихо начал:

— Думаю, говорить о мире между нами нету смысла. Я призираю вас. Вы ненавидите меня.

Он замолк. Король внимательно смотрел на юного нарушителя традиций и молчал. Стоит отметить, что такая прямолинейность поразила его. Он не ожидал, что этот мальчишка осмелится в лоб ему сказать такое, но в то же время, он не злился, понимая, что Сэт прав. Его ненависть уже давно мешала ему быть беспристрастным, а этот мальчишка, давно все понял.

— И что ты можешь предложить? — спросил заинтригованно король.

— Скажу без предисловий. Я хочу предложить сделку.

— Сделку?! И что ты можешь предложить мне?

— Хотите сказать, что у вас есть все?

Король внимательно посмотрел на мальчишку. Он хотел найти в его глазах ответ, ведь он совсем не понимал, что подразумевает этот юноша. Сэт усмехнулся, понимая растерянность правителя. Он решил больше не медлить.

— Вороны — маги, выполняющие секретные миссии, имен которых не знает никто, кроме вас и их начальника. Их тщательно отбирают. Пару месяцев назад Олдерн Браун, глава

воронов, предложил вам мою кандидатуру. Вы согласились, вот только Илья Николаевич наотрез отказался, а без его разрешения, я не могу работать даже на вас.

— Откуда тебе это известно?

— Илья Николаевич рассказал.

— Но мы стерли эти воспоминания!

— Ладно, я сам это слышал. Дурная привычка подслушивать.

Король злобно свел брови. На мгновение Сэт засомневался в разумности своего заявления, но отступить было уже некуда.

— Если бы я стал вороном, моя жизнь была бы полезней моей смерти.

Король посмотрел на наглого мальчишку и тихо спросил:

— Ты хочешь стать вороном?

— Нет, — искренне ответил Сэт, — но вы не оставили мне выбора. Поэтому я предлагаю сделку. Сегодня я подписываю договор, который вступит в силу в день моего совершеннолетия, а вы позволяете мне жить.

— Почему я должен соглашаться?

— А разве я живым не буду полезнее, чем мертвым?

Король внимательно посмотрел на мальчишку, но не стал пререкаться, ведь этот «мальш» был прав.

— К тому же, — начал Сэт несмело, — моя смерть вызовет много сплетен, которые не нужны ни вам, ни Илье Николаевичу. Да и я сам предпочитаю смерти жизнь. Каково будет ваше решение?

Король прищурил веки и, не говоря ни слова, взял чистый лист бумаги. Через мгновение перед Сэтом лежал договор, который оставалось подписать. Он взял лист и пробежался взглядом по тексту. Вот и все! Он добился своего, но почему-то в сердце возникло странное чувство поражения, будто, подписав этот договор, он окончательно проиграет. Видимо это было не так важно, как собственная жизнь. Он проиграл. Тонкое длинное перо пробило его палец и оставило кровавую подпись на договоре. Все теперь решено.

— Надеюсь, теперь вы не имеете ко мне претензий? — робким, сдавленным болью голосом, прошептал Сэт.

— Нет. Я буду ждать твоего совершеннолетия, а пока делай, что хочешь, только не стой у меня на пути!

— А я и не собирался. Я лишь слуга, а все остальное дело моего господина, — не задумываясь, отозвался Сэт все тем же сдавленным голосом.

— Ты имеешь ввиду «Дьявола».

Сэт кивнул.

— Он проживет дольше меня и вряд ли я смогу увидеть его на троне, только старым, дряхлым стариком. Я состарюсь и умру, а он еще долго будит таким, поэтому, я хочу жить как можно дольше... хотя, вам этого не понять.

Сэт посмотрел в окно. Отсюда, из башни мрака, был виден весь город, вся Атлантида, то ради чего он хотел жить, но в то же время, то, что он так люто ненавидел.

— Вам долгожителем, всего этого не понять. Ваша жизнь длинна, и не взирая на все ее трудности, вы успеваете попробовать все, а затем искупить свои грехи, а я, как простой человек, вечно метаюсь между грехом и искуплением, не доводя ни того, ни другого, до конца. Таков мой удел.

Он резко обернулся и посмотрел в задумчивые глаза короля Тьмы. Старик был озадачен

услышанным. Впервые он смотрел на Сэта, не как на человека, ни как на воспитанника врага, ни как на убийцу сына. Он видел в нем подданного. И это открытие удивило его, будто сам этот факт показался ему новым, будто раньше он не понимал, что Сэт подчиняется ему, что он его человек. Он черный маг, а значит его подданный, подданный короля Тьмы.

Сэт удивился такому замешательству, но осознав все, улыбнулся. Он не злился на Иденбург, он ненавидел его, просто он не мог признать его авторитет, не мог его уважать и, сколько бы не пытался, не мог заставить себя сделать это. Просто...

— Почему ты убил моего сына? — вдруг сорвалось с пересохших губ правителя.

— Я не хотел убивать его, но он не оставил мне выбора.

— Ты мог ранить его. Отрубить ему руку, но не убивать! — воскликнул король, вскочив на ноги.

— Нет, — тихо ответил Сэт. — Видно вы так и не смогли понять его чувств. Он ненавидел меня. Он желал лишь моей смерти. Сохрани я ему жизнь, он снова и снова проклинал бы себя за то, что не смог исполнить свою мечту. Он ненавидел бы себя и меня. Он до конца своей долгой жизни носил бы на себе позор поражения. Он — наследник короны, навсегда утратил бы уважение и доверие. Он стал бы посмешищем прессы, глупцом не достойным даже быть убитым, каким-то человеком. Как вам такой финал?

Король сел и долго смотрел на равнодушный рабочий стол и кровавую подпись Сэта на договоре.

— Я обращаюсь к вам ни как к королю Тьмы, — начал тихо Сэт. — Я говорю вам это, как отцу человека, жизнь которого я отнял.

Иденбург поднял влажные, от накатившихся слез, глаза и всмотрелся в бледное, измученное душевными терзаниями, лицо молодого человека. Сэт принял это взгляд. В тот миг он не знал, что именно должен сделать просто знал, что сейчас, надо отпустить себя и позволить делать то, что сердце посчитает нужным. Он опустил на колени и, склонив голову, тихо прошептал:

— Простите меня, если сможете. Я искренне не желал вашему сыну зла, ни одному, ни другому, но... их смерть навсегда останется на моей совести.

— Уходи! — велел маг, сдерживая слезы. — Убирайся! Ты получишь свой первый магический, даже без экзамена, прошлых результатов вполне достаточно, но...

Сэт медленно встал, но взглянуть ему в глаза не решался.

— Дай мне слово, что не попадешься мне на глаза, до самого совершеннолетия.

— Как прикажете.

— А теперь оставь меня.

Сэт коротко поклонился и вышел.

Когда за ним закрылась дверь. Король долго сидел не подвижно, глядя в пустоту. По его щекам лились крупные слезы. А затем он зарыдал, закрыв лицо руками. Он плакал... кричал до боли в горле... король...

С момента смерти его сына, прошло уже больше месяца. Он так увлекся местью, что совсем забыл о самом сыне, о его прожитой жизни и о том, что он был достойным слез короля.

Сэт закрыл дверь и замер, глядя на Илью. Вересов поднял глаза, но та боль, что выражалась на лице Сэта, заставляла его медлить. Он не знал, чем все кончилось, не знал, что чувствовал сейчас его воспитанник, а главное, чем ему можно было помочь.

— Все кончено, — прошептал Сэт.

Илья подскочил к нему и, не задавая никаких вопросов, просто обнял. Он точно знал, что не сдастся, что бы там не решил Иденбург. Он не отдаст ему Сэта, он не отдаст его никому! И никогда!

— Я буду жить, — сорвалось с бледных губ. — Он принял мою сделку, поэтому, я буду жить.

Илья посмотрел в холодные глаза Сэта. Он не видел в них слез, только печаль, но он чувствовал, что они сухи лишь от усилия воли.

— Поехали домой.

Сэт коротко кивнул.

Илья поправил зеркало, что бы видеть лицо Сэта, рухнувшего на заднем сидении автомобиля. Его веки были закрыты, а по щекам безжалостно катились слезы. Вересов тяжело вздохнул, но ничего не сказал, ведь его слова ничего бы не изменили. Что бы он ни говорил, совесть этого юноши останется непреклонна. А Сэт сможет это пережить, ведь он однажды принял это и сможет принять снова, нужно только немного подождать и на этом печальном лице застынет живая улыбка.

Вересов Илья Николаевич

Хватит бежать. Ты уже на месте.

Арлар Миклот

Что можно рассказать обо мне? Ну, по правде говоря, говорить можно много, но, что из этого по-настоящему важно, я и сам не знаю. Я — Вересов. И это подобно клейму, вместе с фамилией при рождении ты наследуешь честь рода, обязанности перед прядками, и много всякой другой глупости. С самого рождения я был сам по себе. Младший из троих детей. Никому не было до меня дела. Старший брат, Валентин, всегда пренебрегал моим существованием, видно сказывался, тот факт, что именно он наследовал все семейные реликвии, а я был всего лишь младшим ребенком. Отец посвящал всего себя брату. Мать болела и просто не могла уделять мне слишком много внимания. Только Лара, моя старшая сестра, обращала на меня внимание, но даже ее мне всегда было мало. Она отдавала мне все свое свободное время, но его набиралось лишь пару часов в неделю. Я продолжал чувствовать безграничное одиночество. Если бы не она, единственный родной мне человек, я бы совсем забыл о мире и ненавидел бы весь этот печальный мир.

Я был один. Всегда. Когда меня что-то тревожило или расстраивало, я мог лишь забиться в угол и ждать, пока придет Лара и пожалеет меня. И так было долгих сем лет моей жизни, а потом, мне в руки попала мамина гитара. Больше я с ней не расставался. Сначала я с интересом учился играть, затем сам несмело начинал импровизировать. Вся моя жизнь вмещалась в шесть струн, рождающих тысячи мелодий.

Когда мне было восемь, все мое существование занимала музыка. Все мое одиночество, вся боль и отчаянье превращались в звуки. До школы я брал в руки гитару, в школе писал в тетрадях ноты, а после школы снова брал гитару. И так изо дня в день. Я был самым счастливым в эти дни. Тогда меня даже радовал тот факт, что никому нет до меня никакого дела. Увлекаясь музыкой, я забросил все остальное. И учеба и даже магия больше не интересовали меня. Я стал самым настоящим двоечником, который никогда ничего не учил и знал лишь, то, что успевал запомнить на уроках. К счастью, отцу не было до этого никакого дела. Он был занят Валентином, а я мог продолжать заниматься, тем, чем хотел.

Лара всегда с большой радостью слушала мою игру, а я всегда играл только для нее, для единственного родного мне человека.

Когда умерла мама, я не почувствовал печали. За всю свою жизнь я видел ее лишь пару раз и едва ли мог полюбить, а вот Лара по-настоящему опечалилась, не говоря уже об отце. Тогда на ее похоронах, я почувствовал себя чужим. Я не понимал тех чувств, что испытывали окружающие, я не понимал ту печаль, что охватила всех. Я не любил свою мать, и мне не было ее жаль. Тогда мне казалось, что я какой-то не правильный, раз чувствую не так, видно не зря и отец и мать просто не замечали меня.

После смерти мамы не прошло и полугодя, а в наш дом вновь постучалась беда. Мой брат, Валентин, погиб на дуэли с каким-то черным магом. Что они не поделили, я не знал и меня мало это волновало. Я запомнил лишь его имя — Николариус Листэм. Я не испытывал к нему ненависти, я не обвинял его, просто мне было интересно, кто смог убить моего самодовольного брата.

На похоронах брата мне не просто было все равно, мне было противно слушать, как все восхваляли его, а ведь это было лишь потому, что отец всюду таскал его с собой, все от того, что он был старшим, все потому, что он был Вересов. Многие из говорящих даже не знали его. Пускай я мало проводил времени с братом, пускай я не любил его, да и он не любил меня, но я знал о нем больше, чем многие из угнетенной родни. Трагедия рода! А все потому, что он был наследник! Никто даже не думал о том, каким он был на самом деле, все видели в нем лишь старшего Вересова, потомка великого рода. В тот миг все они показались мне ничтожными. Мне стало жаль его. Ведь он был несчастнее меня, меня никто не замечал, но я мог быть собой, а он всегда был в центре внимания, но никогда не мог быть тем, кем хотел быть потому, что от него все время чего-то ждали. Тогда, в десять лет, я впервые заплакал из-за другого человека. Это были не столько слезы печали, сколько слезы радости. Ведь мой брат, существо одной со мной крови, освободился от фамильного гнета, от деспотичности отца. Пока он был жив, я помнил его суровым и равнодушным, будто без эмоций, а теперь в гробу передо мной лежал обычный человек, обрешивший покой, человек, ставший свободным.

В кокой-то миг, мне показалось, что кто-то смотрит на меня. Я обернулся. Неподалеку стояла странная пара. Мужчина в черном плаще и мальчишка, лет пятнадцати. Я не думал зачем, я это делаю, а просто пошел к ним, продолжая чувствовать этот изучающий взгляд. Незнакомцы не сдвинулись с места. Когда я подошел, то сразу, без лишних глупостей спросил:

— Что вам нужно?

Незнакомцы переглянулись, а затем мальчик представился:

— Я — Николариус Листэм.

Я внимательно осмотрел его. Он был невысокого роста, худощавый с обычным неприметным лицом и черными жиденькими волосами, собранными в хвост. В нем не было ни величия, ни силы, ни власти, обычный черный маг, но, не взирая на всю свою обычность, он смог победить Валентина, который был старше его на пять лет! Я не верил своим глазам. Я ожидал большого, страшного и непобедимого человека, а передо мной стоял обычный ребенок.

— Почему ты молчишь, — спросил Николариус. — Ты ненавидишь меня? Мечтаешь отомстить? Или боишься?

— Нет, — ответил я разом на все вопросы.

— Почему? — недоумевал Николариус. — Другой, на твоём месте, набросился бы на меня, или убежал, боясь связываться, а ты просто стоишь тут. Почему?

Я не нашел ничего лучше, как просто пожать плечами и обернуться. Бросив, последний взгляд на лицо брата, я вновь посмотрел на его убийцу.

— Вы освободили его. Мне кажется, что теперь он счастлив. Понимаете?

Николариус озадачено моргнул, а его спутник, до этого равнодушно теребивший бороду засмеялся.

— Почему вы смеетесь, учитель? — спросил Николариус.

Но мужчина не ответил, сбросив капюшон, обратился ко мне:

— От чего же он освободился?

— От фамилии Вересов, — тихо ответил я, опустив глаза.

В тот миг я ожидал смеха, но его не последовало.

— Посмотри на меня, — сказал спокойно маг.

Я не колебался ни мгновения. Глядя ему в глаза, я чувствовал в нем что-то такой, чего еще никогда не ощущал в людях. Как это не странно, но он был для меня родным. Его черные глаза и прямые брови, казались мне знакомыми, будто я видел их когда-то.

— Я — Арлар Миклот, черный маг третьего высшего уровня. Я наставник Николариуса, — он задумчиво провел рукой по бороде. — Запомни, мальчик мой, когда придет время бежать, когда тебе будет некуда идти, когда последней надеждой останется смерть, и тебе уже нечего будет терять, играй до конца. И если в этот миг ты поймешь, что все еще хочешь жить, пусть даже в пустоте, приходи ко мне, я покажу тебе новый способ видеть мир.

Я смотрел на него, как завороченный. Его голос, каждое его слово врезалось в мое сознание. Когда он стих, я даже не заметил этого, я продолжал смотреть на него, как на бога. Даже когда он развернулся и начал уходить, я не сразу понял этого.

— Стойте! — крикнул я ему в след.

— Я буду ждать тебе, — бросил он и просто исчез вместе со своим учеником.

Я долго стоял на том месте, пока ко мне не подошел отец. Он резко развернул меня к себе и, что было силы, ударил по лицу. Я беспомощно упал на землю. Это был первый раз, когда отец ударил меня, раньше ему было просто все равно, а теперь... Теперь я становился его наследником, теперь я должен был занять место Валентина. Не помню, что он тогда говорил. В моем сознании вместо его голоса снова и снова звучали слова черного мага, пока я не потерял сознание от побоев отца.

После смерти брата, моя жизнь превратилась в кошмар. Теперь я понимал, почему мой брат всегда имел такое странное выражение лица. Теперь я даже завидовал этому его лицу, ведь оно позволяло скрыть все, а мое лицо всегда выдавало мои чувства. Я был отвратительным лгуном, ленивым учеником и никудышным наследником. У меня отобрали гитару. Мне запретили ходить в школу: теперь моим образованием занимался отец и личные учителя. Меня раздражало все, и я протестовал, как мог. Я отказывался выполнять все, что приказывало мне отец, и это разумеется не проходило бесследно. Он бил меня каждый день, а иногда и по нескольку раз на дню. Вскоре, я стал намного выносливей и уже не терял сознание, хотя отдал бы многое, что бы просто отключиться.

Лара просто рыдала, глядя на меня. Она пыталась меня поддержать, но своими красными глазами только добивала меня. Она просила покориться, а я не хотел, просто не хотел переставать быть собой. В этом плане Валентину было проще, он с раннего детства выполнял то, чего от него хотели. Он просто не знал, что может быть иначе. Он не имел ни увлечений, ни привязанностей, а у меня все это было, и я не собирался от этого отказываться, только из-за прихоти отца.

А потом он придумал то, что я едва ли мог пережить. Он лишил меня сестры. Он выдал Лару замуж! И не за какого-нибудь молодого мага, а за своего друга — Алексея Ильина. Каким бы Ильин не был хорошим, но он Ларе в отцы годился! Я был в бешенстве, но она покорно приняла это, только бы я не стал бороться еще и за нее. Тогда я видел ее в последний раз.

— Я люблю тебя, Илюша, — сказала она. — Ты сильный и ты справишься. Что бы ты не решил, а я буду тобой гордиться, потому, что ты мой любимый младший брат.

Это были последние слова, что сказала мне моя сестра.

Я лишился поддержки. Я снова остался один. Меня могли спасти лишь струны, но моя гитара была под замком. Так, как я не мог играть, я все время что-то напевал и это хоть

немного, но спасало меня. Отцу я не сдавался, и постепенно он стал уступать мне. Он вернул мне гитару, и я снова мог играть. Взамен я стал прилежным учеником, но все равно не выполнял все его приказы, отказывался ходить с ним на приемы, за что, конечно же, получал, но это было уже в порядке вещей. Я забывал о боли, когда касался струн.

Я жил в этом аду, забывая о том, что может быть иначе. Каждый день я боролся за какую-то другую жизнь, в которую переставал верить. Отец постоянно называл меня бездарностью, позором рода, а моя музыка вообще была для него ничто. Я ненавидел его. Каждый день я мечтал просто удавить его, но держался. Меня снова и снова останавливал тот факт, что это мой отец, что это человек, который дал мне жить, что это тот, кому я должен быть благодарен за свое существование, хотя я давно понимал, что никогда не смогу быть благодарным. И это хрупкое равновесие сил держалось, пока последняя капля не переполнила чашу моего терпения.

Вечером, устав от тяжелого учебного дня я сидел в своей комнате и спасал себя музыкой. Меня позвал отец, но я просто проигнорировал его. Уж слишком сильно он меня утомил за сегодняшний день. Тренировки. Меч. Магия. Да и спина противно ныла от боли. Нет! Я просто не мог говорить с ним сейчас, я чувствовал, что могу сорваться, даже если просто увижу его. А вот он этого не понимал. Он влетел в мою комнату, схватил мамину гитару, и, вырвав ее из моих рук, безжалостно разбил о стену. В тот миг я даже не успел опомниться. Моя левая рука продолжала зажимать аккорд на несуществующем более грифе. Мои глаза стали мокрые от слез, а он схватил меня и швырнул следом за моим сокровищем. Я соскользнул с кровати и упал на колени перед разбитым инструментом. В тот миг я даже не понимал насколько я простая жертва. Я просто заплакал, не пытаюсь сопротивляться. Слезы котились по моим щекам, пока отец нещадно лупил меня кнутом по оголенной спине. Он не говорил ни слова, будто со мной не надо было даже говорить, будто я не достоин даже пару оскорблений, на которые он прежде не скупился.

За те пару минут я пережил все. От отчаянья моя душа перешла к гневу. В тот миг я забыл обо всем. Все что я прежде подавлял внутри себя вырвалось наружу. Я вскочил на ноги и набросился на своего отца. Он, видно, совсем не ожидал такого поведения. Я с легкостью завалил его на свою кровать и, схватив за горло, начал душить. Не хочу даже думать, каким было мое лицо, но в глазах отца отразился ужас, которого я даже представить не мог. Он медленно бледнел и начинал задыхаться. Я понимал, что еще миг, и я убью его, но что-то вдруг оборвалось внутри меня. Я вспомнил Лару. Я вдруг представил, что она будет чувствовать, узнав, что ее любимый младший брат убийца. Мои пальцы сами собой разжались, а через мгновение отцовские пальцы сжались на моем горле. Мы поменялись местами. Теперь уже я беспомощно хватал воздух. Не знаю зачем, но я сопротивлялся, хоть и не знал, зачем еще стоило жить. Мне чудом удалось скинуть с себя отца. От сильного удара в живот он упал на пол. Пользуясь моментом, я, что было сил, пнул его ногой (дурной поступок, нечего сказать!) и помчался прочь из дома туда, где никто и никогда меня не найдет...

Мне было одиннадцать лет. У меня не было больше ни прошлого, ни настоящего, даже свое будущее я едва ли мог представить, но я бежал. По темным пустым переулкам, я бежал туда, где возможно, хоть кто-нибудь сможет меня остановить.

«Запомни, мальчик мой, когда придет время бежать, когда тебе будет некуда идти, когда последней надеждой останется смерть, и тебе уже нечего будет терять, играй до конца. И если в этот миг ты поймешь, что все еще хочешь жить, пусть даже в пустоте, приходи ко

мне, я покажу тебе новый способ видеть мир» — звучало в моей голове.

Да, я был согласен придти к нему, но разве я знал, где его искать.

Я просто бежал прочь, не желая даже думать о том, куда бегу, лишь бы подальше.

Крепкая рука схватила меня за плечо. Через мгновение я уткнулся в чью-то грудь. Меня обняли и долгожданный голос сказал:

— Хватит бежать. Ты уже на месте.

Это был черный маг третьего высшего уровня — Арлар Миклот, мой будущий учитель...

Когда я узнал его, мое тело сдалось, а сознание просто покинуло меня. Я рухнул без памяти прямо ему в руки, не думая о последствиях, не сомневаясь, не боясь, просто доверив ему свою жизнь.

Очнулся я в его доме и очень скоро стал частью этого дома. Меня приняли там, как родного, не задавая никаких вопросов, не говоря ни слово о моем прошлом, о моем происхождении.

— Остайся пака здесь, — просто сказали мне, — А там, когда ты немного окрепнешь, решишь, что ты будешь делать дальше, а пока лучше просто не думай ни о чем.

Пока мои многочисленные раны заживали, я просто наблюдал.

Господин Арлар (черномагические обращения быстро ко мне прицепились) оказался очень одиноким человеком. Николариус был его единственным учеником. Из семи забытого сироты этот мужчина сделал отменного мага и война. Вскоре я понял, почему этот мальчишка смог победить моего брата. Он был быстрее его, и гибче. Там, где Валентин мог взять силой, он брал скоростью и ловкостью. Он был способен уклониться от любого удара, ударить в немыслимом развороте, перебросить оружие из руки в руку, пролететь под противником и сбить его одним лишь прикосновением. Я смотрел на него, как на бога. Я никогда не видел таких умений. Я даже представить себе такого не мог. То, что делал этот мальчик, существенно отличалось от того, чему учили меня. Все эти приемы совсем не походили на классический бой на мечах, скорее это был танец, танец тела и клинка, танец плоти и метала. Я впервые видел, как это чувствовать сталь, как это ощущать оружие.

Миклот улавливал мой восторг, но не говорил ни слова. Он каждый день осматривал мои раны, обрабатывал их какой-то мазью, и по-прежнему ничего не спрашивал, будто и так все знал.

Вскоре мне стало заметно лучше, тогда, после осмотра, Миклот сказал:

— Теперь нам надо поговорить.

В тот миг я молился лишь о том, чтобы этот человек не возвращал меня отцу. Я был готов умолять его о праве остаться в его доме хоть кем-нибудь, хоть слугой, хоть уборщиком, только бы не возвращаться домой к отцу.

— Я знаю, что это не то о чем бы ты хотел говорить, но я должен спросить, — он тяжело вздохнул. — Ты готов остаться?

От такого вопроса я просто не знал, что сказать и просто молча смотрел на мага.

— Еще тогда я знал, что ты придешь ко мне, что ты уйдешь из дома, что ты будешь в том переулке в этот день. Все было давно решено, но теперь... у тебя есть выбор. Ты можешь вернуться домой...

Я лихорадочно замотал головой.

— Зря ты так категоричен, — сказал спокойно черный маг. — Возвращение домой даст тебе все. Все белые маги будут готовы поклоняться перед тобой, только услышав твою фамилию, тебе надо лишь покориться отцу.

— Нет, что бы он там не говорил, но я не подчинюсь ему не сегодня и не завтра, — заявил я. — Лучше просто умереть.

— Гордый значит.

— Увы.

— Ладно, есть другой вариант, — он тяжело вздохнул. — К сожалению третьего варианта нет. Ведь если ты уйдешь отсюда, это будет равносильно возвращению домой. Ты ведь это понимаешь.

Я бессильно кивнул.

— Но ты можешь остаться здесь, но только в роли моего ученика.

Я ошарашено посмотрел на него. Это было очень соблазнительное предложение, но оно спорило со всем, что я прежде знал и чему верил. Я — белый маг, потомок древнего рода, призванный хранить свою магию, как святыню. Мне пророчили невероятное будущее, я мог бы стать хранителем струны света, а теперь... мне предлагали стать черным магом и, да простит меня поток, я хотел согласиться, невзирая на все странности ситуации.

— Я думаю, тебе стоит подумать, — сказал маг и направился к выходу, но я остановил его.

— Я согласен! — воскликнул я без колебаний.

В тот миг передо мной возникла Лара, вернее все то, что я помнил о ней. Теперь я уже знал, что никогда не смогу увидеть сестру, но если мой отец так хотел что бы я был сильным, могущественным и непобедимым, я стану таким, но не возле него, а там, где он не хотел бы меня видеть, среди тех, кого стоило ненавидеть за их происхождение, но не виновных ничем перед нами.

В тот миг я не понимал всей сложности картины, я просто не хотел возвращаться домой. Мне просто было страшно, и я хотел быть там, где обо мне помнят.

Я стал учеником черного мага Арлара Миклота. Чаша Тьмы приняла меня. И даже больше она признала меня лучшим. Когда моя кровь коснулась ее, правое запястье обожгло болью. 666. Три шестерки — мой код, мое новое имя. Вопреки всем непониманиям, волнениям и тревоги я стал одним из черных магов. Я должен был стать их лидером, потому что я — Дьявол! Миклот долго смеялся, глядя на метку, а потом сказал:

— Все давно предрешиено.

— Разве, но ведь вы говорили, что у меня есть выбор.

— Нет. Какой бы ты вариант не выбрал, результат не измениться. Просто всегда будь готов принять свою судьбу. Ты будущий правитель черных магов и только твоя кровь сможет показать тебе истинный путь. Ты понимаешь?

Я не ответил, ведь я тогда совсем не понимал, что моя жизнь навсегда измениться, что я отныне и навеки, свой среди чужих.

Если вы подумаете, что я видел перед собой прекрасное безграничное будущее, без проблем и противоречий, вы ошибетесь. Я прекрасно знал на что соглашался. Мне было известно все. Я понимал, что больше никогда не буду среди тех, кто близок мне по крови. Я понимал, что черный орден не примет меня сразу и мне придется, завоевывать авторитет.

Только сколько бы я не сомневался, возле меня были те, кто поддерживали меня всегда. Моя новая семья. Учитель — Арлар Миклот и лучший друг — Николариус Листем, или просто Ник. Мы были единым целым. Мне даже подарили гитару, и я мог играть по вечерам, а иногда даже петь. Я успешно осваивал магию и искусство боя. Все давалось мне невероятно легко, хотя многое из того, чему меня учили теперь, слабо отличалось от того,

чему меня учили дома. Видно просто само отношение к обучению играло важную роль. Я хотел знать все и сразу и учитель не сдерживал меня ни на мгновение. Я был счастлив...

Мой отец... Это было уже в прошлом. Конечно он нашел меня, но не только не стал меня возвращать домой, но еще заявил, что я ему больше не сын, и не имею право носить фамилию Вересов.

— Ну, и не надо! — заявил тогда я.

— Вы не можете отобрать у него ни фамилию, ни имя, ни кровных уз, так же, как не можете лишить его крови белого мага и своей собственной, — сказал Миклот. — Что бы вы не говорили, а он ваш сын и вы должны уважать его путь, каким бы странным он не казался, иначе вы не достойны называться отцом!

Мой отец долго смотрел на него с тем пренебрежением, с каким он не смотрел даже на меня.

— И это говорит мне тот, что не имеет своих детей, — заявил он и ушел.

Я посмотрел на учителя и поразился. Он остался спокойным, будто мой отец не значит ничего, будто его слова не пытались ударить его в самое сердце, будто все было так, как должно было быть.

— Все предрешено, — твердил он вновь и вновь, глядя на меня.

Тогда я не вдумывался в смысл этих слов, а теперь, сколько не думаю, не могу понять, а спросить больше некого.

Те девять лет, что прожил у Арлара Миклота, были моим маленьким земным раем. Рай... Наверно это слово не для нашего грешного мира.

Все рухнуло когда началась война. Арлар Миклот был убит. К счастью я уже был совершеннолетним и мог сам все решать.

Что бы я ни говорил, и как бы ни был счастлив, все мои мысли посвящались ему. Мой отец. Каждую ночь он стоял передо мной, как страшный кошмар, как тот, кто никогда не оставит меня в покое. Я привык к новой жизни, я свыкся с новой ролью, но мое прошлое все время звало меня. И мой отец, подобно совести, вставал передо мною. Я ненавидел его. Я мечтал уничтожить его. Единственное, что сдерживало меня это уговоры Миклота, который, дьявол его поймет почему, хотел, что бы я этого не делал.

Теперь я был совершеннолетний, теперь мой учитель был мертв. Я мог сам решать. Я мог делать то, что считал нужным, но что-то заставляло меня сомневаться. Все решила та ночь...

Я вскочил в холодном поту. Я снова пережил все с самого начала и больше не сомневался. Я хотел получить свободу. Я хотел освободиться от этого кошмара. Тогда не сомневаясь ни на миг, я зарядил пистолет и отправился туда, откуда так сильно хотел убежать десять лет назад. По правде говоря, я шел сражаться не с отцом, а с собственным прошлым, с самим собой и всем тем, что так не хотело отпускать меня. Я хотел убить не его, а ту часть себя, что так и не смогла его простить.

Он был дома. И, невзирая на позднюю ночь, сидел у камина, как много лет назад. Казалось, я попал в прошлое. Будто весь этот кошмар ожил, будто все началось сначала. Я сказал ему пару фраз, я думал, что сойду с ума, а потом просто нажал на курок. До самой последней минуты я смотрел в его глаза, надеясь найти ответ, надеясь увидеть в них сожаление или хоть каплю любви, но ничего... Я не увидел в этих глазах ничего и просто выстрелил, мечтая, что бы это все прекратилось. Молясь за собственную душу, не желая, убивать, но мечтая освободиться.

Мои мысли путались тогда. Мои воспоминания путаются сейчас, наверно я никогда так и не смогу понять своих собственных чувств. Любил ли я его? Ненавидел ли? Был ли он мне врагом или я это все придумал? Что было правдой? А что просто мне приснилось? Я знаю лишь одно: 22 декабря, десять лет назад, я выстрелил. Я убил его. Я убил себя. Я убил свое прошлое и уничтожил дорогу назад.

В тот миг, я даже не подозревал, что все давно предрешено...

Кажется ночь собиралась стать утром, но почему-то не решалась. Я шел по пустынным улицам, не желая никуда спешить. С каждым мигом, с каждой упавшей с неба каплей, мне становилось легче, будто я и, правда, освободился от кошмара, что так долго терзал мою душу. Все, наконец, закончилось, но в тот миг, когда я с облегчением вздохнул, появился он...

Я посмотрел на него, не думая, не задавая вопросом. Мне не казалось странным, что маленький мальчик, бежит по улице ночью. Меня не смущало ничего, кроме крови, что он оставил на асфальте. В тот миг, в моем сознании все перевернулось. Этот мальчик, которого я совсем не знал, стал на мгновение мной, десять лет назад. А ведь если бы меня не нашел Миклот, если бы он не забрал меня к себе, если бы он меня не спас... Я не хотел думать об этом, но одна лишь мысль повергла меня в ужас.

Все предрешено...

В ту ночь все сошлось. Он оказался в одно время в одном и том же месте именно со мной, именно с тем, кто мог бы его понять.

Зачем я спас его?

Я так решил.

Зачем я оставил его?

Я так хотел.

Зачем усыновил?

Мне казалось, что это правильно.

Хотел ли я быть похожим на Миклота? Хотел ли я заменить ему отца? Любил ли я его или просто удовлетворял свой эгоизм? Этих вопросов я себе не задавал тогда, а задавая их теперь, не знаю ответа.

Почему это произошло и зачем, я не знаю.

Просто этот мальчишка — это мой способ жить. Это мое искупление. Лекарство от моего кошмара.

Пока я лечил от прошлого его, он учил меня жить дальше, и теперь... Я и СЭТ... МЫ — семья! Вот что действительно важно!

Это все что теперь беспокоит меня.

Кошмары ушли...

Прошлое оставило меня в покое...

... его тоже...

Есть только он и я, а остальное уже не важно!

Вересов Илья Николаевич

Хватит бежать. Ты уже на месте.

Арлар Миклот

Что можно рассказать обо мне? Ну, по правде говоря, говорить можно много, но, что из этого по-настоящему важно, я и сам не знаю. Я — Вересов. И это подобно клейму, вместе с фамилией при рождении ты наследуешь честь рода, обязанности перед прядками, и много

всякой другой глупости. С самого рождения я был сам по себе. Младший из троих детей. Никому не было до меня дела. Старший брат, Валентин, всегда пренебрегал моим существованием, видно сказывался, тот факт, что именно он наследовал все семейные реликвии, а я был всего лишь младшим ребенком. Отец посвящал всего себя брату. Мать болела и просто не могла уделять мне слишком много внимания. Только Лара, моя старшая сестра, обращала на меня внимание, но даже ее мне всегда было мало. Она отдавала мне все свое свободное время, но его набиралось лишь пару часов в неделю. Я продолжал чувствовать безграничное одиночество. Если бы не она, единственный родной мне человек, я бы совсем забыл о мире и ненавидел бы весь этот печальный мир.

Я был один. Всегда. Когда меня что-то тревожило или расстраивало, я мог лишь забиться в угол и ждать, пока придет Лара и пожалеет меня. И так было долгих сем лет моей жизни, а потом, мне в руки попала мамина гитара. Больше я с ней не расставался. Сначала я с интересом учился играть, затем сам несмело начинал импровизировать. Вся моя жизнь вмещалась в шесть струн, рождающих тысячи мелодий.

Когда мне было восемь, все мое существование занимала музыка. Все мое одиночество, вся боль и отчаянье превращались в звуки. До школы я брал в руки гитару, в школе писал в тетрадях ноты, а после школы снова брал гитару. И так изо дня в день. Я был самым счастливым в эти дни. Тогда меня даже радовал тот факт, что никому нет до меня никакого дела. Увлекаясь музыкой, я забросил все остальное. И учеба и даже магия больше не интересовали меня. Я стал самым настоящим двоечником, который никогда ничего не учил и знал лишь, то, что успевал запомнить на уроках. К счастью, отцу не было до этого никакого дела. Он был занят Валентином, а я мог продолжать заниматься, тем, чем хотел.

Лара всегда с большой радостью слушала мою игру, а я всегда играл только для нее, для единственного родного мне человека.

Когда умерла мама, я не почувствовал печали. За всю свою жизнь я видел ее лишь пару раз и едва ли мог полюбить, а вот Лара по-настоящему опечалилась, не говоря уже об отце. Тогда на ее похоронах, я почувствовал себя чужим. Я не понимал тех чувств, что испытывали окружающие, я не понимал ту печаль, что охватила всех. Я не любил свою мать, и мне не было ее жаль. Тогда мне казалось, что я какой-то не правильный, раз чувствую не так, видно не зря и отец и мать просто не замечали меня.

После смерти мамы не прошло и полугодя, а в наш дом вновь постучалась беда. Мой брат, Валентин, погиб на дуэли с каким-то черным магом. Что они не поделили, я не знал и меня мало это волновало. Я запомнил лишь его имя — Николариус Листэм. Я не испытывал к нему ненависти, я не обвинял его, просто мне было интересно, кто смог убить моего самодовольного братца.

На похоронах брата мне не просто было все равно, мне было противно слушать, как все восхваляли его, а ведь это было лишь потому, что отец всюду таскал его с собой, все от того, что он был старшим, все потому, что он был Вересов. Многие из говорящих даже не знали его. Пускай я мало проводил времени с братом, пускай я не любил его, да и он не любил меня, но я знал о нем больше, чем многие из угнетенной родни. Трагедия рода! А все потому, что он был наследник! Никто даже не думал о том, каким он был на самом деле, все видели в нем лишь старшего Вересова, потомка великого рода. В тот миг все они показались мне ничтожными. Мне стало жаль его. Ведь он был несчастнее меня, меня никто не замечал, но я мог быть собой, а он всегда был в центре внимания, но никогда не мог быть тем, кем хотел быть потому, что от него все время чего-то ждали. Тогда, в десять лет, я впервые

заплакал из-за другого человека. Это были не столько слезы печали, сколько слезы радости. Ведь мой брат, существо одной со мной крови, освободился от фамильного гнета, от деспотичности отца. Пока он был жив, я помнил его суровым и равнодушным, будто без эмоций, а теперь в гробу передо мной лежал обычный человек, обредший покой, человек, ставший свободным.

В кокой-то миг, мне показалось, что кто-то смотрит на меня. Я обернулся. Неподалеку стояла странная пара. Мужчина в черном плаще и мальчишка, лет пятнадцати. Я не думал зачем, я это делаю, а просто пошел к ним, продолжая чувствовать этот изучающий взгляд. Незнакомцы не сдвинулись с места. Когда я подошел, то сразу, без лишних глупостей спросил:

— Что вам нужно?

Незнакомцы переглянулись, а затем мальчик представился:

— Я — Николариус Листэм.

Я внимательно осмотрел его. Он был невысокого роста, худощавый с обычным неприметным лицом и черными жиденькими волосами, собранными в хвост. В нем не было ни величия, ни силы, ни власти, обычный черный маг, но, не взирая на всю свою обычность, он смог победить Валентина, который был старше его на пять лет! Я не верил своим глазам. Я ожидал большого, страшного и непобедимого человека, а передо мной стоял обычный ребенок.

— Почему ты молчишь, — спросил Николариус. — Ты ненавидишь меня? Мечтаешь отомстить? Или боишься?

— Нет, — ответил я разом на все вопросы.

— Почему? — недоумевал Николариус. — Другой, на твоём месте, набросился бы на меня, или убежал, боясь связываться, а ты просто стоишь тут. Почему?

Я не нашел ничего лучше, как просто пожать плечами и обернуться. Бросив, последний взгляд на лицо брата, я вновь посмотрел на его убийцу.

— Вы освободили его. Мне кажется, что теперь он счастлив. Понимаете?

Николариус озадачено моргнул, а его спутник, до этого равнодушно теребивший бороду засмеялся.

— Почему вы смеетесь, учитель? — спросил Николариус.

Но мужчина не ответил, сбросив капюшон, обратился ко мне:

— От чего же он освободился?

— От фамилии Вересов, — тихо ответил я, опустив глаза.

В тот миг я ожидал смеха, но его не последовало.

— Посмотри на меня, — сказал спокойно маг.

Я не колебался ни мгновения. Глядя ему в глаза, я чувствовал в нем что-то такой, чего еще никогда не ощущал в людях. Как это не странно, но он был для меня родным. Его черные глаза и прямые брови, казались мне знакомыми, будто я видел их когда-то.

— Я — Арлар Миклот, черный маг третьего высшего уровня. Я наставник Николариуса, — он задумчиво провел рукой по бороде. — Запомни, мальчик мой, когда придет время бежать, когда тебе будет некуда идти, когда последней надеждой останется смерть, и тебе уже нечего будет терять, играй до конца. И если в этот миг ты поймешь, что все еще хочешь жить, пусть даже в пустоте, приходи ко мне, я покажу тебе новый способ видеть мир.

Я смотрел на него, как замороженный. Его голос, каждое его слово врезалось в мое

сознание. Когда он стих, я даже не заметил этого, я продолжал смотреть на него, как на бога. Даже когда он развернулся и начал уходить, я не сразу понял этого.

— Стойте! — крикнул я ему в след.

— Я буду ждать тебе, — бросил он и просто исчез вместе со своим учеником.

Я долго стоял на том месте, пока ко мне не подошел отец. Он резко развернул меня к себе и, что было силы, ударил по лицу. Я беспомощно упал на землю. Это был первый раз, когда отец ударил меня, раньше ему было просто все равно, а теперь... Теперь я становился его наследником, теперь я должен был занять место Валентина. Не помню, что он тогда говорил. В моем сознании вместо его голоса снова и снова звучали слова черного мага, пока я не потерял сознание от побоев отца.

После смерти брата, моя жизнь превратилась в кошмар. Теперь я понимал, почему мой брат всегда имел такое странное выражение лица. Теперь я даже завидовал этому его лицу, ведь оно позволяло скрыть все, а мое лицо всегда выдавало мои чувства. Я был отвратительным лгуном, ленивым учеником и никудышным наследником. У меня отобрали гитару. Мне запретили ходить в школу: теперь моим образованием занимался отец и личные учителя. Меня раздражало все, и я протестовал, как мог. Я отказывался выполнять все, что приказывало мне отец, и это разумеется не проходило бесследно. Он бил меня каждый день, а иногда и по нескольку раз на дню. Вскоре, я стал намного выносливее и уже не терял сознание, хотя отдал бы многое, что бы просто отключиться.

Лара просто рыдала, глядя на меня. Она пыталась меня поддержать, но своими красными глазами только добивала меня. Она просила покориться, а я не хотел, просто не хотел переставать быть собой. В этом плане Валентину было проще, он с раннего детства выполнял то, чего от него хотели. Он просто не знал, что может быть иначе. Он не имел ни увлечений, ни привязанностей, а у меня все это было, и я не собирался от этого отказываться, только из-за прихоти отца.

А потом он придумал то, что я едва ли мог пережить. Он лишил меня сестры. Он выдал Лару замуж! И не за какого-нибудь молодого мага, а за своего друга — Алексея Ильина. Каким бы Ильин не был хорошим, но он Ларе в отцы годился! Я был в бешенстве, но она покорно приняла это, только бы я не стал бороться еще и за нее. Тогда я видел ее в последний раз.

— Я люблю тебя, Илюша, — сказала она. — Ты сильный и ты справишься. Что бы ты не решил, а я буду тобой гордиться, потому, что ты мой любимый младший брат.

Это были последние слова, что сказала мне моя сестра.

Я лишился поддержки. Я снова остался один. Меня могли спасти лишь струны, но моя гитара была под замком. Так, как я не мог играть, я все время что-то напевал и это хоть немного, но спасало меня. Отцу я не сдавался, и постепенно он стал уступать мне. Он вернул мне гитару, и я снова мог играть. Взамен я стал прилежным учеником, но все равно не выполнял все его приказы, отказывался ходить с ним на приемы, за что, конечно же, получал, но это было уже в порядке вещей. Я забывал о боли, когда касался струн.

Я жил в этом аду, забывая о том, что может быть иначе. Каждый день я боролся за какую-то другую жизнь, в которую переставал верить. Отец постоянно называл меня бездарностью, позором рода, а моя музыка вообще была для него ничто. Я ненавидел его. Каждый день я мечтал просто удавить его, но держался. Меня снова и снова останавливал тот факт, что это мой отец, что это человек, который дал мне жить, что это тот, кому я должен быть благодарен за свое существование, хотя я давно понимал, что никогда не смогу

быть благодарным. И это хрупкое равновесие сил держалось, пока последняя капля не переполнила чашу моего терпения.

Вечером, устав от тяжелого учебного дня я сидел в своей комнате и спасал себя музыкой. Меня позвал отец, но я просто проигнорировал его. Уж слишком сильно он меня утомил за сегодняшний день. Тренировки. Меч. Магия. Да и спина противно ныла от боли. Нет! Я просто не мог говорить с ним сейчас, я чувствовал, что могу сорваться, даже если просто увижу его. А вот он этого не понимал. Он влетел в мою комнату, схватил мамину гитару, и, вырвав ее из моих рук, безжалостно разбил о стену. В тот миг я даже не успел опомниться. Моя левая рука продолжала зажимать аккорд на несуществующем более грифе. Мои глаза стали мокрые от слез, а он схватил меня и швырнул следом за моим сокровищем. Я соскользнул с кровати и упал на колени перед разбитым инструментом. В тот миг я даже не понимал насколько я простая жертва. Я просто заплакал, не пытаюсь сопротивляться. Слезы котились по моим щекам, пока отец нещадно лупил меня кнутом по оголенной спине. Он не говорил ни слова, будто со мной не надо было даже говорить, будто я не достоин даже пару оскорблений, на которые он прежде не скупился.

За те пару минут я пережил все. От отчаянья моя душа перешла к гневу. В тот миг я забыл обо всем. Все что я прежде подавлял внутри себя вырвалось наружу. Я вскочил на ноги и набросился на своего отца. Он, видно, совсем не ожидал такого поведения. Я с легкостью завалил его на свою кровать и, схватив за горло, начал душить. Не хочу даже думать, каким было мое лицо, но в глазах отца отразился ужас, которого я даже представить не мог. Он медленно бледнел и начинал задыхаться. Я понимал, что еще миг, и я убью его, но что-то вдруг оборвалось внутри меня. Я вспомнил Лару. Я вдруг представил, что она будет чувствовать, узнав, что ее любимый младший брат убийца. Мои пальцы сами собой разжались, а через мгновение отцовские пальцы сжались на моем горле. Мы поменялись местами. Теперь уже я беспомощно хватал воздух. Не знаю зачем, но я сопротивлялся, хоть и не знал, зачем еще стоило жить. Мне чудом удалось скинуть с себя отца. От сильного удара в живот он упал на пол. Пользуясь моментом, я, что было сил, пнул его ногой (дурной поступок, нечего сказать!) и помчался прочь из дома туда, где никто и никогда меня не найдет...

Мне было одиннадцать лет. У меня не было больше ни прошлого, ни настоящего, даже свое будущее я едва ли мог представить, но я бежал. По темным пустым переулкам, я бежал туда, где возможно, хоть кто-нибудь сможет меня остановить.

«Запомни, мальчик мой, когда придет время бежать, когда тебе будет некуда идти, когда последней надеждой останется смерть, и тебе уже нечего будет терять, играй до конца. И если в этот миг ты поймешь, что все еще хочешь жить, пусть даже в пустоте, приходи ко мне, я покажу тебе новый способ видеть мир» — звучало в моей голове.

Да, я был согласен придти к нему, но разве я знал, где его искать.

Я просто бежал прочь, не желая даже думать о том, куда бегу, лишь бы подальше.

Крепкая рука схватила меня за плечо. Через мгновение я уткнулся в чью-то грудь. Меня обняли и долгожданный голос сказал:

— Хватит бежать. Ты уже на месте.

Это был черный маг третьего высшего уровня — Арлар Миклот, мой будущий учитель...

Когда я узнал его, мое тело сдалось, а сознание просто покинуло меня. Я рухнул без памяти прямо ему в руки, не думая о последствиях, не сомневаясь, не боясь, просто доверив ему свою жизнь.

Очнулся я в его доме и очень скоро стал частью этого дома. Меня приняли там, как родного, не задавая никаких вопросов, не говоря ни слово о моем прошлом, о моем происхождении.

— Останься пака здесь, — просто сказали мне, — А там, когда ты немного окрепнешь, решишь, что ты будешь делать дальше, а пока лучше просто не думай ни о чем.

Пока мои многочисленные раны заживали, я просто наблюдал.

Господин Арлар (черномагические обращения быстро ко мне прицепились) оказался очень одиноким человеком. Николариус был его единственным учеником. Из всеми забытого сироты этот мужчина сделал отменного мага и война. Вскоре я понял, почему этот мальчишка смог победить моего брата. Он был быстрее его, и гибче. Там, где Валентин мог взять силой, он брал скоростью и ловкостью. Он был способен уклониться от любого удара, ударить в немыслимом развороте, перебросить оружие из руки в руку, пролететь под противником и сбить его одним лишь прикосновением. Я смотрел на него, как на бога. Я никогда не видел таких умений. Я даже представить себе такого не мог. То, что делал этот мальчик, существенно отличалось от того, чему учили меня. Все эти приемы совсем не походили на классический бой на мечах, скорее это был танец, танец тела и клинка, танец плоти и метала. Я впервые видел, как это чувствовать сталь, как это ощущать оружие.

Миклот улавливал мой восторг, но не говорил ни слова. Он каждый день осматривал мои раны, обрабатывал их какой-то мазью, и по-прежнему ничего не спрашивал, будто и так все знал.

Вскоре мне стало заметно лучше, тогда, после осмотра, Миклот сказал:

— Теперь нам надо поговорить.

В тот миг я молился лишь о том, чтобы этот человек не возвращал меня отцу. Я был готов умолять его о праве остаться в его доме хоть кем-нибудь, хоть слугой, хоть уборщиком, только бы не возвращаться домой к отцу.

— Я знаю, что это не то о чем бы ты хотел говорить, но я должен спросить, — он тяжело вздохнул. — Ты готов остаться?

От такого вопроса я просто не знал, что сказать и просто молча смотрел на мага.

— Еще тогда я знал, что ты придешь ко мне, что ты уйдешь из дома, что ты будешь в том переулке в этот день. Все было давно решено, но теперь... у тебя есть выбор. Ты можешь вернуться домой...

Я лихорадочно замотал головой.

— Зря ты так категоричен, — сказал спокойно черный маг. — Возвращение домой даст тебе все. Все белые маги будут готовы поклоняться перед тобой, только услышав твою фамилию, тебе надо лишь покориться отцу.

— Нет, что бы он там не говорил, но я не подчинюсь ему не сегодня и не завтра, — заявил я. — Лучше просто умереть.

— Гордый значит.

— Увы.

— Ладно, есть другой вариант, — он тяжело вздохнул. — К сожалению третьего варианта нет. Ведь если ты уйдешь отсюда, это будет равносильно возвращению домой. Ты ведь это понимаешь.

Я бессильно кивнул.

— Но ты можешь остаться здесь, но только в роли моего ученика.

Я ошарашено посмотрел на него. Это было очень соблазнительное предложение, но оно

спорило со всем, что я прежде знал и чему верил. Я — белый маг, потомок древнего рода, призванный хранить свою магию, как святыню. Мне пророчили невероятное будущее, я мог бы стать хранителем струны света, а теперь... мне предлагали стать черным магом и, да простит меня поток, я хотел согласиться, невзирая на все странности ситуации.

— Я думаю, тебе стоит подумать, — сказал маг и направился к выходу, но я остановил его.

— Я согласен! — воскликнул я без колебаний.

В тот миг передо мной возникла Лара, вернее все то, что я помнил о ней. Теперь я уже знал, что никогда не смогу увидеть сестру, но если мой отец так хотел что бы я был сильным, могущественным и непобедимым, я стану таким, но не возле него, а там, где он не хотел бы меня видеть, среди тех, кого стоило ненавидеть за их происхождение, но не виновных ничем перед нами.

В тот миг я не понимал всей сложности картины, я просто не хотел возвращаться домой. Мне просто было страшно, и я хотел быть там, где обо мне помнят.

Я стал учеником черного мага Арлара Миклота. Чаша Тьмы приняла меня. И даже больше она признала меня лучшим. Когда моя кровь коснулась ее, правое запястье обожгло болью. 666. Три шестерки — мой код, мое новое имя. Вопреки всем непониманиям, волнениям и тревоги я стал одним из черных магов. Я должен был стать их лидером, потому что я — Дьявол! Миклот долго смеялся, глядя на метку, а потом сказал:

— Все давно предрешиено.

— Разве, но ведь вы говорили, что у меня есть выбор.

— Нет. Какой бы ты вариант не выбрал, результат не измениться. Просто всегда будь готов принять свою судьбу. Ты будущий правитель черных магов и только твоя кровь сможет показать тебе истинный путь. Ты понимаешь?

Я не ответил, ведь я тогда совсем не понимал, что моя жизнь навсегда измениться, что я отныне и навеки, свой среди чужих.

Если вы подумаете, что я видел перед собой прекрасное безграничное будущее, без проблем и противоречий, вы ошибетесь. Я прекрасно знал на что соглашался. Мне было известно все. Я понимал, что больше никогда не буду среди тех, кто близок мне по крови. Я понимал, что черный орден не примет меня сразу и мне придется, завоевывать авторитет.

Только сколько бы я не сомневался, возле меня были те, кто поддерживали меня всегда. Моя новая семья. Учитель — Арлар Миклот и лучший друг — Николариус Листем, или просто Ник. Мы были единым целым. Мне даже подарили гитару, и я мог играть по вечерам, а иногда даже петь. Я успешно осваивал магию и искусство боя. Все давалось мне невероятно легко, хотя многое из того, чему меня учили теперь, слабо отличалось от того, чему меня учили дома. Видно просто само отношение к обучению играло важную роль. Я хотел знать все и сразу и учитель не сдерживал меня ни на мгновение. Я был счастлив...

Мой отец... Это было уже в прошлом. Конечно он нашел меня, но не только не стал меня возвращать домой, но еще заявил, что я ему больше не сын, и не имею право носить фамилию Вересов.

— Ну, и не надо! — заявил тогда я.

— Вы не можете отобрать у него ни фамилию, ни имя, ни кровных уз, так же, как не можете лишить его крови белого мага и своей собственной, — сказал Миклот. — Что бы вы не говорили, а он ваш сын и вы должны уважать его путь, каким бы странным он не казался, иначе вы не достойны называться отцом!

Мой отец долго смотрел на него с тем пренебрежением, с каким он не смотрел даже на меня.

— И это говорит мне тот, что не имеет своих детей, — заявил он и ушел.

Я посмотрел на учителя и поразился. Он остался спокойным, будто мой отец не значит ничего, будто его слова не пытались ударить его в самое сердце, будто все было так, как должно было быть.

— Все предрешено, — твердил он вновь и вновь, глядя на меня.

Тогда я не вдумывался в смысл этих слов, а теперь, сколько не думаю, не могу понять, а спросить больше некого.

Те девять лет, что прожил у Арлара Миклота, были моим маленьким земным раем. Рай... Наверно это слово не для нашего грешного мира.

Все рухнуло когда началась война. Арлар Миклот был убит. К счастью я уже был совершеннолетним и мог сам все решать.

Что бы я ни говорил, и как бы ни был счастлив, все мои мысли посвящались ему. Мой отец. Каждую ночь он стоял передо мной, как страшный кошмар, как тот, кто никогда не оставит меня в покое. Я привык к новой жизни, я свыкся с новой ролью, но мое прошлое все время звало меня. И мой отец, подобно совести, вставал передо мною. Я ненавидел его. Я мечтал уничтожить его. Единственное, что сдерживало меня это уговоры Миклота, который, дьявол его поймет почему, хотел, что бы я этого не делал.

Теперь я был совершеннолетний, теперь мой учитель был мертв. Я мог сам решать. Я мог делать то, что считал нужным, но что-то заставляло меня сомневаться. Все решила та ночь...

Я вскочил в холодном поту. Я снова пережил все с самого начала и больше не сомневался. Я хотел получить свободу. Я хотел освободиться от этого кошмара. Тогда не сомневаясь ни на миг, я зарядил пистолет и отправился туда, откуда так сильно хотел убежать десять лет назад. По правде говоря, я шел сражаться не с отцом, а с собственным прошлым, с самим собой и всем тем, что так не хотело отпускать меня. Я хотел убить не его, а ту часть себя, что так и не смогла его простить.

Он был дома. И, невзирая на позднюю ночь, сидел у камина, как много лет назад. Казалось, я попал в прошлое. Будто весь этот кошмар ожил, будто все началось сначала. Я сказал ему пару фраз, я думал, что сойду с ума, а потом просто нажал на курок. До самой последней минуты я смотрел в его глаза, надеясь найти ответ, надеясь увидеть в них сожаление или хоть каплю любви, но ничего... Я не увидел в этих глазах ничего и просто выстрелил, мечтая, что бы это все прекратилось. Молясь за собственную душу, не желая, убивать, но мечтая освободиться.

Мои мысли путались тогда. Мои воспоминания путаются сейчас, наверно я никогда так и не смогу понять своих собственных чувств. Любил ли я его? Ненавидел ли? Был ли он мне врагом или я это все придумал? Что было правдой? А что просто мне приснилось? Я знаю лишь одно: 22 декабря, десять лет назад, я выстрелил. Я убил его. Я убил себя. Я убил свое прошлое и уничтожил дорогу назад.

В тот миг, я даже не подозревал, что все давно предрешено...

Кажется ночь собиралась стать утром, но почему-то не решалась. Я шел по пустынным улицам, не желая никуда спешить. С каждым мигом, с каждой упавшей с неба каплей, мне становилось легче, будто я и, правда, освободился от кошмара, что так долго терзал мою душу. Все, наконец, закончилось, но в тот миг, когда я с облегчением вздохнул, появился

Он...

Я посмотрел на него, не думая, не задавая вопросом. Мне не казалось странным, что маленький мальчик, бежит по улице ночью. Меня не смущало ничего, кроме крови, что он оставил на асфальте. В тот миг, в моем сознании все перевернулось. Этот мальчик, которого я совсем не знал, стал на мгновение мной, десять лет назад. А ведь если бы меня не нашел Миклот, если бы он не забрал меня к себе, если бы он меня не спас... Я не хотел думать об этом, но одна лишь мысли повергла меня в ужас.

Все предрешено...

В ту ночь все сошлось. Он оказался в одно время в одном и том же месте именно со мной, именно с тем, кто мог бы его понять.

Зачем я спас его?

Я так решил.

Зачем я оставил его?

Я так хотел.

Зачем усыновил?

Мне казалось, что это правильно.

Хотел ли я быть похожим на Миклота? Хотел ли я заменить ему отца? Любил ли я его или просто удовлетворял свой эгоизм? Этих вопросов я себе не задавал тогда, а задавая их теперь, не знаю ответа.

Почему это произошло и зачем, я не знаю.

Просто этот мальчишка — это мой способ жить. Это мое искупление. Лекарство от моего кошмара.

Пока я лечил от прошлого его, он учил меня жить дальше, и теперь... Я и СЭТ... МЫ — семья! Вот что действительно важно!

Это все что теперь беспокоит меня.

Кошмары ушли...

Прошное оставило меня в покое...

... его тоже...

Есть только он и я, а остальное уже не важно!

«Мой сын, Сэт»

Порой лучшее лекарство от беды — забыть о ней, но о самом лекарстве этом мы забываем.

Бальтасар Грасиан

— Почему я должен ехать с вами? — воскликнул Сэт.

— Потому, что так нужно, — ответил Илья.

Они сидели в гостиной и вот уже несколько минут обсуждали планы на выходные.

— Это ваша сестра! При чем здесь я? — недоумевал Сэт.

— Ну, пожалуйста, — попросил Илья.

— Зачем? — не понимал Сэт. — Вы давно ее не видели, зачем мне вам мешать.

— Она хочет знать обо мне все, а ты — моя семья, ты ведь мой сын!

— Приемный, — напомнил Сэт.

— И что? Родной или приемный! Это ничего не меняет. Поехали!

Сэт тяжело вздохнул.

— К тому же, если ты будешь рядом, мне будет спокойней, ведь там будет много белых магов и мало кто из них готов принять меня.

— Хорошо, — согласился юноша, чувствуя странность происходящего.

Слишком много неожиданностей.

— Надеюсь, вы рады, что сможете встретиться с ней? — спросил несмело Сэт.

Он всегда интересовался чувствами своего наставника, но не всегда решался о них узнать, ведь он всего лишь мальчишка и лезть в душу приемного отца, мягко говоря, неприлично, но сегодня, глядя на это озабоченное лицо, он просто не мог не спросить.

Илья взглянул на Сэта и тихо неуверенно ответил:

— Я давно хотел встретиться с ней. Когда мы были детьми, она всегда поддерживала меня, она заботилась обо мне. Она интересовалась мной, моим творчеством, моими мечтами. Она даже помогала мне, но после смерти матери, отец выдал ее замуж... и я не видел ее двадцать два года. Тогда она была восемнадцатилетней девчонкой, а завтра ей сорок. Представляешь? Она же изменилась, выросла... Да и наш отец... Разве она могла простить, ведь я убил его?

— Могла, — уверенно ответил Сэт. — Ведь она любила вас. Разве можно ненавидеть любимого младшего брата?

— Думаешь?

— Уверен. Ведь простить того, кого мы любим легко, а если его можно понять, то это совсем просто.

Илья улыбнулся.

— Мне всегда сложно понять, то, что ты говоришь, но... мне стало легче. Спасибо.

— Не за что.

Сэт встал с кресла и направился к лестнице.

— Я пойду с вами, — сказал он напоследок.

Илья посмотрел ему в след и, рухнув на диван, погрузился в воспоминания.

Фамильный замок Ильиных был еще совсем пуст. Лариса Ильина, дочь рода Вересовых. Она была достойна обоих родов. Высокая статная, с длинной шеей и ровным цветом кожи. Изысканная кровь текла в ее венах. Об этом говорила вся ее фигура, а главное уверенный взгляд синих глаз. Эти глаза она и любила и ненавидела. Эти глаза были у каждого Вересова. Эти глаза говорили о ее слезах, но в то же время эти глаза роднили ее с Ильей, а значит: они были святы. Элегантная и стройная, но было в ней и то, что спасало от образа занудной аристократы. Рыжие завитки длинных волос. Как она любила эти рыжие волосы, которые всегда теребил маленький Илья. Волосы — это было единственное, чем она так дорожила.

Лариса была женщиной во всех смыслах этого слова и не взирая на свое благородное происхождение, не гнушалась простой работы. В огромном доме совсем не было прислуги она со всем справлялась сама и даже сегодня, к празднику все готовила сама. Рыжие волосы заплетены в небрежную кассу. Вместо изящного праздничного платья джинсы, майка и фартук. Она крутилась у плиты, что-то весело напевая.

В холле раздался звонок. Женщина тяжело вздохнула и, вытерев руки, отправилась посмотреть, кого там принесло. Она подошла к экрану и обомлела. Там у ее ворот стоял тот, кого она так долго ждала. Эти синие глаза она не смогла бы ни с чьими перепутать. Это лицо будто нетронутое временем. Ее детство ее любовь. ЕЕ младший БРАТ!

— Илья! — воскликнула она.

Больше она ни о чем не хотела думать, открыв ворота нажатием кнопки, она выбежала в сад.

К дому подъезжал, вернее просто подлетал, черный спортивный автомобиль с затемненными стеклами. Илья сидел прямо на капоте и спрыгнул с него, стоило машине чуть притормозить.

Кто был за рулем, Лариса даже не задумалась. Она подлетела к брату и нежно обняла его.

— Илья, — прошептала она.

Он не сказал ни слова, а просто заключил ее в объятьях, не веря, что все может быть так легко и просто. Его рука сама собой скользнула по ее косе, а через миг он уже теребил нежный рыжий локон.

— Дай я посмотрю на тебя, — сказала она отстранившись.

Она держала его за плечи, будто боялась, что он убежит, и внимательно осматривала его с ног до головы. Он безусловно изменился внешне, но все выдавало в нем того прежнего Илюшу, того мальчика которого она любила.

Он тоже жадно смотрел на нее, поражаясь, что ее так легко узнать, ведь она почти такая же, как в тот день, когда он видел ее в последний раз.

— Не вериться, что я, наконец, вижу тебя, — прошептала она улыбаясь и вновь прижалась к груди брата.

Ей казалось, что она может стоять так вечно, но вдруг ее охватило смущение. Она чувствовала, чей-то могущественный взгляд. На нее смотрел кто-то с непомерно огромной силой, кто-то способный на многое. Она подняла глаза. Илья непринужденно улыбался, он не чувствовал, этой силы. Лара грустно улыбнулась, вспомнив о даре, доставшемся ей от матери. Она чувствовала магов, шаманов и даже людей, но теперь... на нее смотрел тот, кто не подходит не под одно из описаний, сильнейший из тех, кого она когда-либо видела, тот, кто способен вершить судьбами, но отчего-то совсем забыл об этом.

Она закрыла глаза и, отгоняя наваждение, обернулась. У машины ее брата стоял

седоволосый юноша. Он спокойно смотрел на нее, не выражая ни дружелюбности, ни злобы, но в то же время он совсем не походил на того, кого она представила, почувствовав эту силу.

— Лара, познакомься, — мягко сказал Илья, — Мой сын, Сэт.

Юноша кротко кивнул.

Лариса еще раз посмотрела на Илью, затем на юношу, потом снова на Илью. Она никак не могла понять, как у ее брата мог быть такой взрослый сын.

— Тебя не проведешь, — сказал Илья, уловив его замешательство. — Он приемный, но, как и мы, Вересов, а значит мой сын, мой наследник.

В голосе Вересова возникло волнение. Он не знал, как отнесется к этому заявлению его сестра, да и не мог угадать поведение Сэта.

Лариса долго смотрела на юношу, ища в нем что-то скрытое, возможно не замеченное братом. Он был спокоен, но живое лицо опровергало предположение о хладнокровности. У него были седые волосы и это настораживало. Что могло заставить молодого юношу поседеть?

Она надеялась, что он сам начнет разговор, но он медлил, будто так же изучал ее, как и она. Он явно не собирался делать первый шаг, но вдруг улыбнулся и тихо сказал:

— Вы одного цвета с Ильей Николаевичем, будто у вас одна кровь.

Лариса непонимающе посмотрела на Илью. Вересов ошарашено смотрел на воспитанника, смутно понимая его слова, и совсем не осознавая, к чему они сказаны.

У молодого мага зазвенел телефон. Он устало закатил глаза и, тихо извинившись, вытащил телефон.

— Да, — ответил он. — Здравствуйте мистер Вэлдорвил.

У Ильи невольно приоткрылся рот от изумления. Вэлдорвил!!! Среди черных магов есть лишь один Вэлдорвил! Вэлдорвил Сейвс — советник короля Тьмы! Вересов даже представить не мог, что его ученик лично знаком с таким суровым и строгим человеком, как Советник короля.

— Я сегодня не могу. Я очень занят. — Не кричите на меня, я вас предупреждал, что на этих выходных не могу, только завтра. — Если вас это не устраивает, ищите другого переводчика! — Конечно! Что вы думаете, у меня работы мало, я один из немногих, кто знает этот диалект. — Кто? Откуда мне знать. Поднимите архивные данные. — Да? Так я оказывается один такой остался! Ну, тогда вы тем более подождете, до завтра. — Сроки прежние. Правила тоже. Не уложусь во время, не получу ни копейки. — Завтра я приеду к вам, когда вам будет угодно. — Хорошо. Я предварительно позвоню. — До встречи, мистер Вэлдорвил, приятно иметь с вами дело.

— Что от тебя хочет Вэлдорвил Сейвс? — спросил сурово Илья, когда юноша вернул телефон в карман.

— Перевод, какова-то документа, старинного, разумеется.

— Но почему ты?

— Как оказалась, я — единственный из ныне живущих черных магов, кто знает столь старинный диалект Аламанского.

Илья улыбнулся, вспомнив, как этот диалект достался его ученику, а ведь он никогда не учил древних языков! Мистика? Наследие! Это просто наследие меча Аламана, наследие артефакта, хранящего память своих владельцев и передающий их от одного к другому.

Сэт многозначно пожал плечами.

Лариса улыбнулась, и тут же расхохоталась.

— Теперь, я понимаю, почему ты называешь его своим сыном. Он очень на тебя похож, не взирая, на отсутствие кровных уз.

— Он же меня воспитал, что здесь невероятного? — спросил спокойно Сэт.

Он явно уже не раз слышал и о схожести характера, и подобии манер, даже о схожих вкусах, невероятном понимании и полном отсутствии кровных уз. Он до конца жизни останется просто ПРИЕМЫШЕМ, даже, не взирая, на любовь Ильи Николаевича.

Лариса поняла этот неуловимый полутон и грустно, но все же примирительно, улыбнулась. Сэт одобрительно кивнул. Кажется, они начинали понимать друг друга. Это очень обрадовало Илью. Он радостно заявил:

— Мы решили приехать по раньше, чтобы тебе помочь!

— Правда? — удивилась Лариса, — Ну, тогда не жалуйтесь. Работы на вас обоих хватит!

Работы и правда хватила. Илья занялся сервировкой. Просто в готовке он полный профан! Он накрывал столы, расставлял посуду и вазы с желтыми лилиями, которые привез. Желтые лилии — любимые цветы Лары!

Сэт, завязав длинные волосы, взялся за нарекку салатов и подготовку холодных закусок, орудия двумя кухонными ножами, он заставил Ларису заморожено следить за каждым движением его рук.

— Ну, ты даешь! — воскликнула она. — Неужели тебя Илья учил.

— Этому меня учил не он, — грустно выдавил юноша, выронив из левой руки нож. — Боевым искусствам меня обучал Эвали Свифт, но я сейчас с ним не в самых добрых отношениях.

— Извини.

— Ничего, — прошептал Сэт, поднимая нож и возвращаясь к работе.

— Я могу тебя кое о чем спросить? — несмело поинтересовалась Лариса.

— Конечно. Спрашивайте все, что угодно, я обязательно отвечу.

— Почему у Ильи нет своих детей.

Сэт с интересом посмотрел на нее.

— Ну, с этим вопросом вы обратились не по адресу. Не сложилось у него личная жизнь, вот и все, а подробности... я не стремлюсь лезть ему в душу. А на счет моего усыновления...

— Сэт, я лишь хотела...

— Я понимаю, что вы просто беспокоитесь, поэтому и хочу сказать. Я никогда не претендовал, на фамилию вашего брата, мне бы вполне хватила места его ученика, но таково было его решение, а я не в праве его судить, но я благодарен ему за это.

Лариса внимательно посмотрела на молодого человека, вызвавшегося помогать. Что он думал, говоря ей эти простые слова холодным спокойным тоном? Этот молодой человек с каждой секундой все сильнее отпечатывался в ее памяти, оставляя след в душе и разуме. Она боялась его, но в то же время не могла отвести взгляд от его холодных неживых глаз.

— Что твориться в душе у Ильи Николаевича мне не известно. Поэтому если хотите узнать о том, что он думает и что чувствует, спросите у него самого.

— Боюсь, он мне не ответит.

— Зря. Он очень радовался возможности увидеть вас, а потом не мог дожидаться сегодняшнего дня. Поэтому, поверьте мне, он ответит вам на все вопросы.

— Я совсем не знаю о его пути, как черного мага. Мой покойный супруг всегда скрывал от меня все, что происходит с Илюшей, а теперь... разве можно все сразу понять? Я боюсь

сказать что-нибудь такое, что расстроит его или смутит.

— У каждого есть вещи, о которых он не хочет говорить, но в тайне мы все желаем, что бы хоть кто-нибудь прикоснулся к нашей боли и разделил ее с ними. Главное, что бы это был тот, кому можно доверять тайны.

— Думаешь мне можно доверять тайны?

— Думою Илья Николаевич с легкостью откроит вам душу.

Сэт перемешал салат и с равнодушным видом покинул кухню.

В пышной гостиной он обратился к Илье:

— Там уже все готово. Осталось только принести сюда.

— Это значит: «Иди нам помогать, лентяй»?

— Что-то в этом роде, — весело подтвердил Сэт, ставя салат.

Не успел он отвернуться, а наставник уже скрылся на кухне. Сэт невольно улыбнулся, поражаясь такому невероятному стремлению. Он облегченно вздохнул. Теперь у его наставника есть тот, кто близок ему не только по духу, но и по крови. Родная душа. Правда где-то в глубине души Сэт ощущал не только радость, но и ревность, которая сильно смущала его. Ведь разве можно ревновать наставника к его собственной сестре.

Он осмотрел гостиную, не желая возвращаться на кухню и мешать воссоединившейся родне. В углу у окна стояло старое пианино. Правда, возраст, казалось, не тронул его. Сэт понял, что оно старое лишь по тому, что хорошо знал, что такую модель уже давно никто не выпускает. Таких осталось всего пару экземпляров. Одно хранилось в музее, другое в консерватории на Трехгранном проспекте, третье под замком в его квартире, четвертое стоит перед ним и еще два-три в частных коллекциях. Старое пианино. От одного этого словосочетания его охватывала ностальгия, а здесь тот самый инструмент, что навсегда врезался в его память, говоря о прошлом, о матери, о детстве. Он невольно шагнул к нему. Руки сами скользнули по клавишам. Еще миг и несмелый звук перешел бы в мелодию, а там его вряд ли можно было бы остановить, но до его острого слуга донеслись голоса. Кто-то говорил в коридоре. Их было двое: парень и девушка. Девушка? НАТАША!!!

Сэт испуганно отшатнулся от инструмента, не веря собственному чутью. Что здесь может делать Наташа? В первый миг он закрыл глаза и попытался отогнать наваждение, но его инстинкты вновь и вновь повторяли, что это она, а ни кто-нибудь другой. Она — Наталья Шпилева!

Он резко посмотрел на дверь и обомлел. На него смотрела Наташа, а рядом стоял тот самый молодой человек, что подлетел к ней тогда.

— Ты? — ошарашено выдавил он.

Сэт молчал, не имея сил даже дышать от страха и отчаянья. Перед ним стояла та единственная, что он никогда, видимо, не в силах забыть, но для нее он лишь монстр, лишь убийца. Враг!

В комнату вошла Лариса, а следом за ней Илья. Вересов все понял, увидев Наташу и взволнованное лицо Сэта.

Лариса же ничего не знала и ничего не заметила, а просто сказала:

— Ребята знакомьтесь. Мой брат — Илья. Его сын — Сэт. А это мой сын — Володя и его девушка — Наташа.

— Девушка, — чуть слышно прошептал Сэт, чувствуя полное отчаянье.

— Племянник значит! — злобно сказала Наташа. — Ты обещал!!!

От ее гневного голоса Сэт очнулся.

— Я не знал, что ты будешь здесь...

Но Наташа его и слушать не хотела. Она, расправив крылья, метнулась к нему. Перелетев через стол, попыталась ударить его крылом, но он ушел от удара. Крыло лишь вскользь задело его лицо, оцарапав щеку.

— Остановитесь! — крикнул Илья.

— Наташа!

— Я убью тебя! — крикнула вампирша и подлетела к нему.

Сэт замер, закрыв лицо руками. Он знал, что она не сможет убить его, но причинить вред... Он был готов, позволить ей отвести душу. Хочет пусть бьет, если ей от этого будет легче. Пусть попытается убить, если сможет пусть убивает, но она... сама...

Наташа зависла над ним, не имея сил нанести удар.

Его кровь. Его вкус. Весь он вновь заполнял ее сознание. Она ненавидела его. Она не могла простить его, но снова и снова вспоминала его лицо и покорные глаза.

Сэт несмело отвел руки от лица и поднял глаза. Его губы дрожали, но глаза оставались неживыми.

— Бей, — шепнул он, покорно опуская веки.

Она будто по приказу подняла крыло и, что было силы, ударила его сверху.

— Нет! — испуганно крикнула Лариса и собиралась остановить девушку, но ее остановил Илья.

Он схватил ее за руку и отрицательно покачал головой. Он не понимал Сэта. Он готов был уничтожить Наташу, но знал, что любое вмешательство сделает только хуже. А Сэт возможно навсегда замкнется в этом отчаянии.

Сэт упал перед ней на колени. С его разбитого лба сорвалась капля крови.

Наташа отскочила от него и зарыдала.

— Я не знал, что ты будешь здесь. Я и, правда, не хотел показываться тебе на глаза. Прости.

Сэт встал, вытер кровь с лица и обернулся к хозяйке дома.

— Извините, но мне лучше уйти. Простите Наташу, я просто нарушил данное ей слово и поплатился за это.

Он медленно направился к выходу. Никто не пытался удержать его. Наташа плакала. Никто не пытался утешить ее. Казалось, во всем мире они были только вдвоем. Он и она... Отчаянье...

У двери он замер, будто понимал, что что-то важное так и не смог сказать.

Она вытерла слезы и подлетела к нему, желая в последний раз взглянуть ему в глаза. Она схватила его за руку. Он посмотрел в ее мокрые глаза.

Она искала ответ в этих мертвых глазах, но они оставались безжизненными.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она.

Он склонил голову, взял ее руку и, коснувшись губами влажных от волнения пальцев, прошептал:

— Прости...

Он отпустил ее руку и, глядя ей в глаза, задыхаясь от боли в груди, прошептал:

— Я просто люблю тебя...

В Наташиных глазах отразился ужас.

Он закрыл глаза и опомнившись помчался прочь.

— Сэт! — крикнул Илья и выбежал за ним следом.

Он пробежал мимо Наташи, вскользь взглянул на племянника и скрылся.

Володя видел его лишь мгновение, но этого вполне хватило, что бы заглянуть в его сознание. Многие мгновения пронеслись перед ним. Все они были жестокими, темными и неприятными. Володя чувствовал злость. Даже ненависть, что просыпалась в сердце дяди. Многое пронеслось в сознании Ильи. Там было и то, что хотел увидеть Володя, то, что он искал и теперь видел в своей голове, глазами молодого Ильи Вересова:

... маленький светловолосый мальчик стоял в темной комнате, твердо сжимая пистолет. Это был Сэт, но он не понял бы этого, просто знал. Лицо мальчишки он не видел. Левую часть лица он закрывал левой рукой, по пальцам которой сочилась кровь, а правая часть лица скрывалась за пеленой мрака.

Пистолет в детской руке не дрожал, а неподвижно выжидал момента.

Его жертва сидела на полу у стола и так же решительно держала пистолет.

Мальчик и взрослый белый маг — Валерий Александрович Шпилев. Что они могли не поделить? За что сражались?

Шпилев не мог встать на ноги из-за простреленной ноги. Его кровь растекалось по полу и мешалась с кровью мальчишки.

Илья стоял и просто наблюдал, затаив дыхание. Он не был вооружен, но его ничего не сдерживало, кроме страха. Он знал, что отдавать решение в руки ребенка жестоко, но ничего не мог предпринять из-за своей беспомощности.

Пауза затягивалась.

Шпилев не спеша попытался дотянуться до кнопки тревоги, но не успел.

У Сэта больше не оставалось времени на размышления. Он схватил пистолет двумя руками и выстрелил.

Они оба выстрелили.

Шпилев осел. Пуля попала ему точно в лоб. И это едва ли удивляло, ведь между стрелявшими не было и трех метров.

Сэт побледнел. С его избитого лица вместе с кровью сорвалась слеза. Он пошатнулся, задыхаясь, но Илья поддержал его, зажав свежую рану на правой груди мальчишки...

Все это Володя увидел за одно мгновение. Увидел и вернулся в реальность. Он тяжело дышал и не мог унять дрожь ужаса. Еще никогда он не проникал в сознание так. Еще никогда оно не поглощало его. Он впервые чувствовал эмоции другого человека, как свои. Он и раньше видел картинки и образы, но чтобы воспоминание целиком... это впервые.

Илья догнал Сэта уже за воротами. Он поймал его за плечо и прижал к своей груди. Юноша весь дрожал, умаяя себя заплакать, но слезы оставались где-то внутри, мешая дышать.

— Тише, — прошептал Илья, глядя его по голове. — Все уже закончилось.

Так они стояли несколько минут, не обращая внимания на прохожих.

— Я в порядке, — прошептал Сэт, когда, наконец, смог взять себя в руки.

Он несмело отстранился от наставника.

Илья посмотрел на его серое от боли лицо и, сжимая до боли кулак, спросил:

— Тебя отвести домой?

— Не надо. Я сам, — прошептал Сэт. — Вам лучше вернуться. Извинитесь за меня перед Ларисой Николаевной. Мне очень жаль, что все это произошло в такой день на ее глазах, а Наташа... простите ее.

Илья бессильно выдохнул.

— Ты уверен, что доберешься сам? Может Максимуму стоит позвонить?

— Не надо. Я просто поеду к нему. Идите!

Илья посмотрел на Сэта. Молодой маг был внешне спокоен, но сердце его все еще бешено колотилось.

— Идите же!

Илья ушел, бессильно сжимая кулак, проклиная себя. Ведь если бы не он... если бы не он, все было бы иначе...

Наташа рыдала, проклиная себя, своего отца, Сэта и вообще весь мир в целом. Володя сидел рядом, сжимая ее ладонь. Он хотел ее утешить, но не знал, что можно сказать. Ему было жаль и ее и Сэта. Особенно Сэта, но... в тоже время он ненавидел его и желал уничтожить.

Илья подошел к дому. Он не спешил. У машины его ждала Лариса.

— Садись, — сказал он сестре, открывая заднюю дверь автомобиля.

Лариса села. Она не стала задавать вопросов, не стала сомневаться, а просто подчинилась. Илья сел рядом.

— Он просил извиниться, — прошептал Илья, уронив голову. — Ему и правдо жаль, что все произошло именно здесь.

— Как он? — спросила женщина.

— Он?

Илья отрицательно покачал головой.

— Ты знал?

Илья кивнул.

— Но я и предположить не мог, что они могут здесь встретиться, — он посмотрел на сестру и продолжил. — Во время войны он убил Наташиного отца, защищая меня. Поэтому она так ненавидит его. Ее мечта — месть, а он...

— И давно это?

— Думаю да. Возможно это еще с детства. Когда они были детьми, они дружили, но с тех пор Сэт сменил имя и едва ли она узнала в нем, того Лешу.

— Лешу?!

— Да.

— Он что белый маг.

Илья внимательно посмотрел на сестру, не зная, как сказать ей правду.

— Он человек.

— Человек?! Но, как тогда..?

— Этого никто не знает. Он просто стал магом, возможно так повлияла моя кровь, а может что-то еще. Он стал клибом, а затем магом.

— Клибом?

— Да, он слепой, но видит мир виде разноцветных линий и пучков.

— Вот почему у него такие безжизненные глаза.

— Только не говори никому. Это тайна. Об этом знаю только те. Кто обязаны знать, а все остальные даже не догадываются.

Лариса понимающе кивнула.

— Ты не злишься?

— Я немного встревожена, — призналась женщина. — Мне жаль их обоих. Ведь они оба правы и оба ошибаются.

Илья кивнул, закусив губу.

Лариса обняла его, и, прижав к своей груди, коснулась волос, как много лет назад.

— Я скучал по тебе, — прошептал Илья.

В машине они просидели больше часа, рассказывая друг другу, то, что происходило с ними, за эти последние двадцать лет.

Праздничный вечер в доме Ильиных был в самом разгаре, невзирая на уходящее за горизонт солнце. Веселая компания перебралась из дама в сад. Илья стоял у дерева и курил. Какая это была сигарета? Он уже не мог сказать. Он наблюдал за теми, кто могли бы быть его друзьями, за теми, кого он знал, когда был маленьким и, где-то в глубине души, радовался, что не имеет с этими людьми ни общих воспоминаний, ни общей жизни, но он всех их прощал, так же, как прощала их его сестра.

— Ну, здравствуй, Илья, — обратился к нему кто-то.

Илья обернулся, и рефлекторно отступил, но после, взяв себя в руки, остановился.

Перед ним стоял хорошо знакомый маг, друг его отца — Налимов Алексей Сергеевич. Высокий маг со светлыми немного поседевшими волосами, простым вытянутым лицом и яркими зелеными глазами.

Илья улыбнулся. Это не было вынужденным или ехидным действием. Это были его настоящие чувства, ведь этот человек с самого раннего детства хорошо относился к нему.

— Здравствуйте, Алексей Сергеевич. Спасибо вам.

— За что? — не понял маг.

— Сэт мне все рассказал...

— А-а... ясно. Как он?

— Нормально. Проблем много, но он упрямый...

Алексей Сергеевич понимающе кивнул.

— Ясно. Я видел его как-то по телевизору...

— Это по поводу дуэли?

Белый маг кивнул, вместо ответа. Он не любил такие скандальные дела и избегал не только их самих, но и разговоров о них, но в данный миг это было действительно важно.

— Глупо вышло, — прошептал Илья, вспоминая все то, что пережил из-за этой дуэли.

Повисло молчание.

— Он не плохо выглядит, если бы не седина, — начал маг.

— Ему сделали несколько пластических операций, поэтому его лицо больше «не говорит» о тех ужасах. Он на всю жизнь запомнил пытки белых магов. Вы даже представить себе не можете, сколько трудов мне стоило избавить его от кошмаров.

— Бедный, — прошептал Налимов виновато.

— Он сильный, — сказал гордо Илья. — Я никого не видел сильнее Сэта. Если бы только у него была цель...

— Цель?

— Да, именно так. Цель! Он так и не нашел себе цели. Он не имеет своей мечты. Он не может найти себя в этом мире. Ему тесно здесь, будто он не может развернуться, раскрыться, использовать весь потенциал своей души. Он будто заперт в собственном

прошлом и никак не может выбраться из него. Подобно самоубийце, что не может покончить с собой, он снова и снова опускается в этот ад, чтобы искать дорогу наверх.

— И все это из-за нас?

— Не совсем. Вы просто доломали его. Он залечил свои раны, но так и не научился жить дальше, потому, что так и не научился прощать самого себя. Он во всем видит свою вину и постоянно твердит себе, что все произошло именно по его вине.

— Безумие.

Илья ничего не ответил, не зная, что можно еще сказать.

— Он — ветка, что не цветет много лет, — сказал тихо Налимов, после долгого молчания.

— Нет, дерево, — печально поправил Илья. — Никто на свете даже представить себе не может, сколько в нем любви к этому миру и его обитателям.

— Даже к белым магам?

— Разумеется.

— Даже после того, что мы с ним сделали?!

— Да, он не умеет ненавидеть... или, по крайней мере, я этого не замечаю.

— Я могу его увидеть?! — неожиданно спросил Алексей Сергеевич.

— Да, конечно, а зачем он вам?

— У меня хранится вещь, которая принадлежит ему.

— Вещь?

— Да...

— Лучше отдайте ее мне, а я передам ему.

— Я хочу сам его увидеть!

— Уверены? Вы, все же, часть того прошлого, которое он не хотел бы вспоминать. Не тербить его раны. Я вас просто умоляю.

— Я должен его увидеть.

— Хорошо, — сдался Вересов и протянул собеседнику визитку Сэта. — Но обещайте, что не будете настаивать, если он вдруг откажется.

— Хорошо.

— И еще, пожалуйста, проследите, чтобы он не курил и сами при нем не курите.

— Это из-за Валеры?

— Да. Он ему легкое прострелил, а он такой противный.

Налимов понимающе улыбнулся, вспоминая маленького упрямого Сэта.

Илья увидел Наташу. Она ускользнула от Володи и устремилась куда-то вглубь сада.

— Извините, но мне надо кое с кем поговорить, — бросил он и направился за ней следом.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал он девушку, догнав ее.

— По поводу? — спросила равнодушно девушка, зная ответ, но не желая вспоминать о нем.

— По поводу Сэта и того, что он сказал тебе сегодня.

Наташа тяжело вздохнула.

— Я ничем не могу ему помочь, — прошептала она. — Я не понимаю ни его самого, ни его чувств. Это похоже на плохо отрепетированную трагедию одного героя. Больше похоже не блеф, чем на правду.

— Возможно, — согласился Илья, — но это так. Он сказал, то, что думал. Он не хотел

тебе это говорить, но слова сами сорвались, понимаешь?

— Чего вы от меня хотите?! — спросила вампирша, еле сдерживая гнев.

— Я хочу, чтобы ты его простила, или хотя бы дала шанс заслужить прощение.

— Он убил моего отца. Даже если когда-нибудь я пойму, что это просто необходимость и на войне так бывает, даже если я перестану винить его в этом, даже если прощу, не позволю приблизиться к себе! Никогда!!! Пусть даже не мечтает.

— Тебе это сложно будет понять, но в тот миг он не убивал твоего отца, а спасал меня и себя, а твой отец был просто препятствием. Просто выбирая между смертью и жизнью, он выбрало жизнь, но заплатил за это жизнью другого. Это философия войны: хочешь жить — убей! — сказал Илья и оставил ее одну.

Он мог бы говорить ей еще много, но был уже уверен, что все его слова не достигнут ее сердца, а разобьются о твердую броню ненависти и презрения, но в то же время он знал, что где-то там в глубине ее сердца теплится маленькая детская любовь к Алексею Карлову, которая еще могла ее спасти.

Наташа смотрела ему вслед и думала. Странно... Кровь... Она вновь почувствовала вкус его крови. Его боль... его вкус... Ей захотелось увидеть его, взглянуть ему в глаза и коснуться его губами. Он сводил ее с ума. Он дурманил ее. Овладевал ее сознанием, будто его кровь все еще жила в ней, говоря о нем.

«Я просто люблю тебя» — слышала она вновь и вновь.

У нее не было сил сопротивляться наваждению. Она испытывала покой, чистый искренний покой, которого прежде не знала. Он не задавала себе вопросов, а просто жила с этим странным шепотом в голове, не желая прогонять его из своего сознания.

Она подняла свои красные глаза и посмотрела в темно-синее небо, усыпанное несмелыми еще звездами.

Небо. Синее. Светлое. Темное. Чистое. Пасмурное. Разное, но постоянное. Небо. Оно жило своей жизнью, смотрело на них и улыбалось, иногда плакало, а иногда испепеляло. Сегодня оно улыбалось...

На другом конце города большая луна отражалась в светлых глазах Сэта, который невольно протянул к ней руку, стоя на балконе.

— Лира, а какое сегодня небо? — спросил он, опуская руку.

— Чистое, с большой луной и россыпью звезд. А зачем ты спрашиваешь?

— Я просто пытаюсь вспомнить, каким бывает небо.

— Не думой об этом, пока не стало больнее.

— Больнее? Мне не станет больнее, я просто забыл, каким бывает небо, я забыл, что такое луна и какого цвета звезды. Цвет... для меня не существует цвета, — сказал он тихо, облокотившись локтями о перила.

— Ты чего? — растерянно спросила девушка, не понимая зачем он ей все это сказал.

— Ничего... наверно, просто устал.

Он вошел в дом, поднялся к себе, закрыл дверь и замер, не зная, что он чувствует и что делать с этими чувствами. Прошлое и настоящее столкнулись, и в этом столкновении он должен был найти дорогу в будущее. Он был обязан сделать то, что хотел сделать вот уже девять лет, но так и не смог, а теперь от этого зависела не только его жизнь, но и его чувства, его любовь и жизнь той, которую он любил.

Он хотел научиться жить, но от одной этой мысли становилось тяжело под весом чувства вины, сожаления и боли...

Ночь — это славное время для вампира, это лучшее время, для Наташи. Сейчас, ночью, она поднималась в небо и летела. Разрезала крыльями воздух и жила, как птица. Хотя она больше походила на летучую мышь, но сравнение с мелким вампиром никогда не льстило ей, а вот птица... это совсем другой разговор.

Кровь... Его вкус... все, что было о нем, хранилось в ее памяти и ей казалось, что его энергия знакома ей. Но откуда? Она не могла вспомнить. Она прокручивала всю свою жизнь снова и снова, но не могла найти в ней никакой зацепки, никакой связи с Сэтом, только это бесконечное навождение...

Илья вернулся домой лишь на следующий день. Всю ночь он говорил с сестрой, не имея сил отвести от нее глаз. Жаль только это прикосновение к прошлому, после радости заполнилось равнодушием, во многом даже после откровений они были чужими людьми, что не видели смысла цепляться друг за друга, оставляя за собой благоговенное право набрать заветный номер и поговорить с родным человеком, понимая при этом, что и говорить уже не о чем, кроме болезненного прошлого.

«Зачем ты так?»

Новая мысль появляется при сравнении двух предметов, которые еще не сравнивали.

Клод Адриан Гельвечий

Сэт сидел в гостиной и быстро бегал пальцами по кнопкам ноутбука. Он знал больше сотни языков, среди которых было немало древних и редких, поэтому он занимался переводами различных книг, рукописей, документов и мог заработать этим неплохие деньги. Сейчас он был занят древним договором первого короля тьмы с Ремерией. Это был заказ самого советника короля. Левая рука юноши лежала на документе, бережно, касаясь старинного текста, правая писала уже готовый перевод. Как его мозг так легко переводил? Этого он и сам не понимал, просто текст, проходя через его сознание, менял свою языковую структуру. Жаль что в этом тексте более сотни страниц, придется потратить на это весь день. Ведь завтра к полудню перевод должен лежать на столе у заказчика.

Вы спросите, как слепой может работать за компьютером? Спросите лучше у Максимуса, что он вшил Сэту в шею, так станет проще понимать. Сэт был соединен со своим ноутбуком. Длинный провод тянулся от механизма к его шее и исчезал где-то в седых локонах.

В комнату зашел Илья.

— Что-то ты бледный. Как ты себя чувствуешь? — спросил он, взглянув на ученика.

— Нормально. Вы не волнуйтесь, боли больше не появлялись, — уверенно, но грустно сказал Сэт, оторвавшись от работы и глядя учителю в глаза, будто открываясь перед ним.

— А что тогда?

Сэт не ответил, а лишь многозначно кивнул в сторону календаря, стараясь не смотреть на дату. Илья взглянул на число. 17.06.2005 Он все уже знал и понимал.

— Если хочешь, съезди к ней. Я думаю, она была бы рада знать, что ты о ней помнишь, — предложил он ободряюще.

В бледных глазах Сэта на мгновение сверкнула искра жизни.

— Вы что серьезно?! — не поверил он своим ушам.

— Вполне.

— А как же тогда отречение от прошлого?

— Знаешь, — начал Илья, присаживаясь рядом, — я тоже отрекся, но сестру помню. Наверно родные — это то, от чего никто и никогда не сможет отречься в нутрии своего сердца. На словах — ДА, но в душе... это просто невозможно. Раньше я боялся тебя туда пускать. Мне казалось, что это может толкнуть тебя к какой-нибудь глупости. Тогда ты был ребенком, но сейчас ты повзрослел и способен решать все сам, но не забывай — там не только она.

Сэт еще больше побледнел и опустил глаза.

— Не думай об этом. Ты не виноват!

— Это относительно. — Сэт поднял глаза и посмотрел куда-то сквозь Илью, сквозь реальность и время, куда-то в свое прошлое, что все еще держало его окровавленными руками. — Хотя это сейчас абсолютно не важно. Меня некому судить и прощать меня тоже некому. Просто больше никого не осталось, только вы и память...

Илья тяжело вздохнул, глядя на эти не живые, давно уже мертвые глаза.

На кладбище было тихо. В этот солнечный день оно было пустынным и светлым, будто оставленным этим миром и этой суетой.

Наташа решила навестить отца и мать. Она часто приходила к ним, рассказывала им все, плакала или смеялась, но сегодня, впервые, она не могла сказать им того, что думала, о том, что тревожило ее и занимало весь ее разум. Последнее время она часто вспоминала своего старого друга Лешу Карлова. Он даже снился ей несколько раз. А иногда мысли ее уносились к Сэту... она все чаще чувствовала его кровь на своих губах, будто пила ее когда-то в прошлом. Он целовал ее... Она вспоминала прикосновение его губ. Он хорошо целовался... Думая об этом она ненавидела себя. Он признался ей в любви... Он безумен, видимо, но почему тогда она снова вспоминает об этом? Почему она чувствует его кровь? Почему ждет его губ? Зачем ищет его голос? За что ненавидит? Она уже ничего не могла ни понять, ни вспомнить, будто потерялась в собственном наваждении.

Она прятала глаза от Володи, боясь, что заглянет в ее разум поймет больше, чем понимает она сама.

Сегодня она стояла у могилы отца молча, не обещая отомстить и не решаясь признать, что месть не для нее, а убийца... влюблен в нее... безумие!!!

Она развернулась поплелась прочь, не в силах смотреть на лицо неотомщенного отца.

И вдруг, как продолжение наваждение она увидела фигуру. Высокий седой молодой человек, облаченный в черное стоял метрах в семи от нее. Она уже знала имя этого человека, причем не одно, а оба...

«Сэт — это... не может быть!» — подумала она и помчалась к нему.

Внезапно юноша стоящий к ней спиной, начал удаляться куда-то в глубь кладбища, совсем не замечая ее.

Наташа перестала бежать, но перейдя на шаг, продолжила следить за ним взглядом. Вскоре она была там, где только что стоял незнакомец.

ЛЕША!!!

Это несомненно был Леша, больше некому. Ведь здесь были могила семейства Карловых: Марии, Павла и Александра — матери, отца и старшего брата ее старинного друга Леша Карлова. И на каждой могиле свежие цветы. Девушка несмело подняла глаза. Она молилась, чтобы ее догадка не оказалась верной. Он стоял неподалеку, у могилы какого-то черного мага. Он стоял к ней боком, и она слишком хорошо видела его лицо, что бы ошибиться.

СЭТ!!!

В ее сознании все смешалось. Любовь и ненависть, радость и отчаянье, мечты и реальность — все в ее сознании стало единым. Тот, кого она любила, кого искала, в ком видела надежду, оказался тем, кого она презирала и ненавидела. Она уже не понимала себя. Не понимала этот мир. Не понимала всего того, что происходит с ней в этом сумасшедшем мире. Как милый добрый Леша, может убивать, сменив имя? Как тот, что уважал ее отца, мог безжалостно нажать на курок? Как тот, что любил все живое, может твердо сжимать рукоять меча и легким движением делить противника на части? КАК?!!

— Как...? — прошептала она и пробудилась от звука собственного голоса.

Она быстро нашла его взглядом. Он отдалялся, стремясь покинуть кладбище. Наташа не думала ни мгновение, что-то решило за нее. Она пошла за ним следом. Нет, она не

собиралась его догнать, по крайней мере пока, и, уж тем более, не собиралась с ним говорить, просто ей хотелось хоть немножко понять того, кого она так долго искала... и нашла!

Сэт шел уверенно, без сомнений. Они умерли в тот миг, когда он посмотрел на улыбающуюся мать. Его прошлое, то, что он так долго и мучительно проклинал, то, что он ненавидел и мечтал забыть, вновь предстало перед ним. Он вновь все вспомнил и понял, какой же он, на самом деле дурак! Он любил свое прошлое! Он любил свою мать. Любил сестру и брата. Отца? И его тоже... Видимо, поэтому ему и было так больно, ведь он пытался забыть то, что так сильно любил, что не мог выпустить из своего сердца.

Он впервые хотел придти домой и посмотреть на свое прошлое, на его счастливые дни, на его крах... смерть. Как бы он не сопротивлялся, но то, что произошло уже не изменить. Что бы он не думал, кого бы не винил, стены его квартиры останутся теплыми, по кухне снова и снова будет литься кровь, а не стене ванной... Нет! Не затем он шел туда. Он искал правды. О себе. О своих родных. О том, кто он такой? Откуда он пришел? Зачем? Когда-то он знал ответы на эти вопросы, но забыл их, как и то, что любил.

Когда он был простым человеком, жил в маленькой двухкомнатной квартире в тихом, простом, даже сером районе, жизнь была другой, совсем другой, абсолютно не похожей на жизнь черного мага. Иногда, как теперь, ему хотелось вернуться на одиннадцать лет назад, когда все было еще хорошо, но... Опять это «НО»!!! Все мы в этой жизни упираемся в него, и никогда не можем преодолеть...

После смерти отца, Сэт стал единственным хозяином квартиры, единственным Карловым. Давно в ней никого не было, а сам Сэт, вернее лучше сказать Леша, не был в ней с того самого дня... когда Леша Карлов был убит своим отцом...

Нет. Нет! НЕТ!!! Об этом он тоже не хотел вспоминать. Просто давно он не открывал эту дверь, а теперь ноги сами, помня каждый шаг, несли его к дому, где когда-то он не думал ни о счастье, ни о горе, ни, тем более, о смерти. Он шел туга, где прожил маленькую, беззаботную жизнь.

Квартира была на седьмом этаже. Можно было подняться на лифте, но это было слишком легко. Он шагнул на лестницу и, как прежде, побежал наверх, перепрыгивая через ступеньки. Он почти почувствовал себя прежним, осталось только ворваться в квартиру и повиснуть на шее матери, утопая в ее золотых локонах...

Он стоял перед дверью, зная, что Саша не будет его ругать, понимая, что мама не будет играть для него, Лену он не покормит, не пойдет с ней гулять, не сможет увидеть, как она вырастет, отец... он не скажет, что Леша — маменькин сынок. Этого больше никогда не будет! Разве что в его воспоминаниях, сжимающих сердце.

Старая, хорошо знакомая дверь. Он почти пришел. Осталось немного...

Он боялся открыть эту дверь, будто вместе с ней он мог открыть те чувства, что спрятал далеко в своей душе...

Он привык побеждать. Он был готов сразиться еще раз, сразиться с самим собой.

Он достал из кармана ключ и, тяжело вздохнув, вставил его в замочную скважину. Осталось совсем чуть-чуть...

Он повернул ключ. Сэт коснулся ручки и в тот миг, когда ему захотелось убежать, он открыл дверь не щадя не себя ни собственной боли, запертой в этой квартире.

Дверь открылась от легкого толчка, мелодично скрипнув, что-то невнятное.

Темный пыльный коридор. Все как тогда. Все так, как было в последнюю ночь Алексея. На пыльном полу, перемешавшись с грязью улицы, сверкали осколки зеркала, отражая сотню таких маленьких коридоров. Некоторые из них были покрыты старинной, давно уже забытой кровью... а рядом шкаф и его болезненный угол с явным пятном засохшей крови. Все осталось в том же хаосе.

...Павел ударил Лешу по лицу. Кулак, столкнувшись с ребенком, победил, откинув его прочь. Леша невольно отступил и рухнул, ударившись затылком и злополучный угол шкафа. Мальчик, потеряв равновесие и ориентацию, беспомощно сползая на пол, ловит руками зеркало. Его слабая рука скользит по глянцевой поверхности и срывается. Он падает на грязный пол, а за ним зеркало. Оно моментально разлетается на мелкие кусочки, осыпая Алексея острыми осколками. Некоторые мирно звякнули на пол, а некоторые, вонзившись в тело, застыли там. Он не чувствовал боли, только бессильное отчаянье. Он мог лишь молиться, что бы кто-нибудь спас его, но его некому было спасать.

Павел стоял над ним и смеялся, потягивая водку прямо из бутылки...

Сэт невольно коснулся рукою затылка. Этот удар принес немало проблем. Тихая боль проснулась в его душе, будто все было лишь вчера... Как хотелось сделать шаг назад, открыть дверь и бежать... бежать прочь, как тогда, не важно куда, не важно зачем только бы по дальше, только бы быстрее... как хотелось поддаться этому желанию, но тогда... его прошлое навсегда останется за закрытой дверью, а его душа так и будет рыдать над руинами собственной жизни. У него еще все впереди и он знает об этом. Он еще всего добьется, а пока надо сделать пару шагов в прошлое, чтобы навсегда переступить через него.

Он больше не медлил, а пошел сразу туда, где все когда-то закончилось, на кухню. Здесь он много времени проводил со своей семьей, здесь он был убит, здесь убил...

На кухонном полу по-прежнему темнелось пятно крови. Старая табуретка лежала на полу, скрывая свой окровавленный угол, битая посуда, раковой кухонный нож.

... В глазах плыло. Весь мир покрывался темной пеленой. Веки безвольно падали. Он вытер с разбитой губы кровь и, упираясь в кухонный умывальник, продолжал молить о спасении. Его никто не спасет. Некому прейти ему на помощь. Что-то вновь ударилось в спину. Алексей едва устоял на ногах... Он должен был сам себя спасти.

— Остановись! — крикнул он. — Прекрати, пожалуйста!

Крик сорвался в стон, а с глаз сами собой посыпались слезы. Его никто не слышал, его некому было слышать.

От боли он совсем лишился слуха, лишь хохот звенел в его сознании, хохот который он мечтал прекратить. Что-то звонкое разбилось о его голову... вот и все... прежнего Леша больше нет! Тот, кто когда-то был им, не помня больше боли, схватил кухонный нож, что как-то сам собой оказался в его руке, будто проведение вложило его в детскую ладонь. И все в его сознании переменялось. Тот инстинкт самосохранения, что спал в его сознании, тут же проснулся, заставляя сражаться за свою жизнь. Он рванулся в сторону и не думая больше о последствиях, рванулся к отцу. Он лишь хотел, что бы смех прекратился. Он хотел, что бы все стихло. Тупой кухонный нож уперся в плоть, усилие — и алая кровь опалила его руку. По его бледным щекам котились слезы...

Сэт тяжело вздохнул, поднял с пола табуретку, поставил ее у окна и дрожащими руками пытался вытащить сигарету. Он снова курил, пропахнет дымом и получит от Ильи за такое безразличие к собственной жизни, но теперь это не важно, ведь, так будет легче, а потом... он решил подумать об этом потом.

Наташа стояла у подъезда и долго смотрела вверх, не веря собственным глазам. Он пришел именно сюда, а это может значить лишь одно... Вот только готова ли она к такому повороту в ее жизни? А разве это она решает? Все уже свершилось. Занавес поднят. Тайна открыта. Теперь она может либо бежать прочь, либо попытаться понять, того, кого когда-то любила...

Глубоко вдыхая сигаретный дым, он все еще не мог унять дрожь... Он смотрел в окно, боясь обернуться, будто там, на полу, все еще лежало бездыханное тело. Что-то шевельнулось за спиной, что-то приближалось. Сердце юноши сжалось от страха. Он тяжело дышал... но уже точно знал, что больше не будет колебаться. Он будет сражаться за свою жизнь, какие бы призраки не пытались сражаться против него. Он резко обернулся. На кухне никого не было, только темное пятно, но кто-то все же был рядом, кто-то недосягаемый... Сэт встал и хотел пойти в коридор, ведь он совсем не помнил, закрыл ли входную дверь, а если так, то в доме может быть кто угодно. Но подойдя к двери, он моментально забыл об этом, в глаза ему бросился старый кровавый след от ладони на стене.

...Павел дико закричал. Скрючился от боли и, проклиная всех богов, рухнул на пол с дикой гримасой боли. Он был мертв. По полу растекалась кровь.

— Папа, — прошептал Леша, падая у остывшего тела. — Папа! — вскрикнул он, взглянув в безжизненные глаза отца. — Этого не может быть. Не может быть...

Как бы он не хотел, но все было правдой. Павел был мертв. С каждым моментом эта мысль все больше пугала маленького мальчика. Он убил!!! Но страшный хохот все еще звенел в его ушах, в глазах темнело, а сознание будто уползло куда-то в неведомую даль. Он смотрел на мертвое тело и боялся думать о смерти, ведь он тоже, казалось, умирал и вот через мгновение, будет так же бездыханно лежать в луже крови. Он хотел бежать от такого исхода, вскочил, но в глазах потемнело и его невольно повело в сторону. Пытаясь удержаться на ногах, он коснулся стены. С его маленькой смертельной ладони стекала кровь на светлые обои пропитывая бумагу безжизненной болью...

Теперь он смотрел на след от своей детской руки. Сэт невольно поднял руку и приложил правую ладонь к старинному отпечатку. Это была совсем не та рука, большая уверенная сильная, но все так же покрытая кровью, только незримой, не оставляющей следов. След его греха...

Кто-то смотрел на него. Кто-то стоял рядом. Он даже ощутил эту энергию, волнующую, пьянящую, безумную, Наташину.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Сэт, не глядя на девушку.

В его голоса сейчас было все и боль, и обида, и гнев с волнением. Он просто разрывался от эмоций, а она спокойно смотрела на него с легким беспечным сожалением.

— Я увидела тебя на кладбище и пошла за тобой, а ты привел меня сюда...

— Ты все это время, шла за мной? — спросил Сэт, прикасаясь лбом к холодной стене.

— Да, — легко ответила Наташа.

— Странно... я даже не заметил.

— Ты, наверно, был занят мыслями.

Сэт резко посмотрел на нее, но так и не увидел лишь энергию, будто призрака. Он мог видеть лишь душу, будто жил в каком-то аду!

— Зачем ты шла за мной? — спросил он, глядя в алое сияние вампирских глаз.

— Я... ну... сама не знаю. Просто ноги сами шли за тобой, а я не пыталась сопротивляться.

— Уходи...

— Леша...

— Не называй меня так!!! Я не Леша! Леша Карлов умер много лет назад! — крикнул Сэт, тяжело дыша.

— Почему? Это ведь ты. Ты же жив!

— Я — Сэт! Я — черный маг! Чего ты хочешь от меня!?! — кричал Сэт дрожащим голосом.

От алого цвета болела голова, но он не мог отвести от нее своих разгневанных глаз.

— Просто хочу понять тебя?

— Зачем? — простонал Сэт.

— Я не знаю, что произошло с тобой. Мне неизвестно, что ты пережил, но ты уже не тот, а значит что-то все-таки случилось. Я хочу тебе помочь.

Сэт чувствовал, что сейчас заплачет. Он слышал то, что так мечтал услышать, но все внутри него сопротивлялось. Он отвернулся от нее, чувствуя, как пьянеет от алой силы.

— Какое тебе до этого дело?

— Можешь мне не верить, но я скучала. Я искала тебя. Я беспокоилась. Ты очень много значил для меня, и я не хочу все рушить, не попытавшись понять. Я ведь не забывала тебя ни на мгновение.

Сэт истерично засмеялся.

— Ты ненавидишь меня!

Наташа вздрогнула.

— Забыла? — спросил он, резко обернувшись. — Я убил твоего ОТЦА!

Наташа злобно посмотрела на него. Да, он был прав, но в этот миг она не могла на него злиться, ведь он страдает. Ведь он едва сдерживает слезы. Он просто злиться на самого себя. Как можно его не пожалеть?

— Зачем ты так? — прошептала несмело девушка.

— Наташ, отстань! — крикнул он, вновь отвернувшись. — Уйди! У меня просто нету сил, я не могу иначе... Иди!!!

— Я не могу уйти. Я очень хочу, чтобы ты начал все с начала. Я помогу, просто помоги мне простить...

Она подошла к Сэту, коснулась его левой руки. Он обернулся. Она взглянула в его глаза, почувствовала, как его сердце измучено захлебывается, но не пощадив коснулась его щеки. Еще миг и она дотянулась бы до него губами, но он разрушил эту мечту, оттолкнув ее.

— Дурочка, — фыркнул он. — Ты ничего не понимаешь!

— Так объясни, — взмолилась девушка рыдая.

Он молчал, глядя в окно. Она тяжело рыдала, боясь глядеть ему в глаза. Она не могла понять его чувств и эмоций, не могла объяснить своих сомнений и страданий. Он просто растворялся в собственной боли, чувствуя, как сердце уже не колотится, а медленно остывает в сильной груди.

— Ты изменился, — прошептала она, всхлипнув, будто в каком-то забытье.

— Люди все меняются, а ты меня совсем не знала. Даже раньше ты так много обо мне не знала, — простонал Сэт, боясь вдыхать ее ауру.

— Я не о характере, а о внешности, — мягко говорила девушка, вытирая слезы и мечтая

забыть обо всем, что стряслось. — Я бы никогда тебя не узнала.

Она обернулась и нежно посмотрела на него.

— Скажи спасибо своему отцу, — выдавил он сквозь зубы, не глядя на Наталью.

— А причем здесь мой отец?

— Притом!!! — крикнул Сэт и, швырнув стул, дрожащими руками вытащил сигарету.

Он долго теребил ее в руках, не решаясь поднести к ней зажигалку, а потом, будто сорвавшись, нервно закурил, глотая клубы дыма.

— Твой отец изуродовал мне лицо...

— Мой отец? Тебе? Почему? — не задумываясь, спросила Наташа. — Но я совсем ничего не заметила...

— Конечно! Мне сделали три пластические операции. Конечно, теперь уже ничего не видно! Я имею идеальное лицо! Искусственное идеальное лицо!!!

Он резко обернулся и посмотрел в родные, ненавистные в тот миг, глаза.

— Уйди! Ты... Неужели ты так ничего и не смогла понять?!!

— А что я должна была понять?

— У меня новая жизнь. Все! Тебе в этой жизни места нет! Нет! И все тут!!!

— Ты врешь! Ты просто злишься, вот и все. Выговорись...

— Выговорись?!! Да это мне не поможет! С чего ты взяла, что я прежний?

— Ты поцеловал меня... ты сказал, что любишь и...

— И что? Что с того? Это было так... просто... Я так играл!

— Зачем ты так?

— Как?!

— Так! Ты ведь не такой. Ты был ни таким. Помнишь, ты влез в драку из-за меня, а ведь мы были едва знакомы...

Сэт молчал, несмело дрожа.

— Ты спас на речке мальчика, просто потому, что он тонул. Ты даже котенка с дерева снимал. Ты...

— Хватит! — крикнул Сэт не помня себя. — Хватит! Я не Леша! Не Леша!!! Я Сэт! Сэт Я другой человек! Я убил твоего отца и не жалею об этом...

Он хотел уйти.

— Нет! — Крикнула Наташа. — Не надо так!

По ее щекам катились слезы. Ее уверенная ладонь сжимала его запястье. Она хотела только удержать его. Она уже не хотела понимать, только простить. Она уже не хотела знать причин, не хотела слышать объяснений, только удержать... Она обняла его за плечи и плача, уткнувшись в его спину, прошептала:

— Не надо больше ничего говорить. Просто поплачь...

Сэт замер. Его губы дрожали. На глаза сами собой наворачивались слезы, но он не хотел плакать. Он поднял вверх голову и печально посмотрел на равнодушный потолок, заменяющий небо.

ТУК. ТУК. ТУК!

С каждой секундой, его сердце билось все реже, но сильнее, будто захлебывалось его эмоциями.

— Прости меня, — шептала вампирша, роняя крупные слезы. — Прости, что меня не было рядом. Прости, что не узнала сразу. Просто прости меня... прости!

— Хватит! — крикнул Сэт.

Он рванулся от нее, чувствуя, как задыхается от ее присутствия. Чувство вины разъедало его на части. Любовь плакала, а мечта умирала...

Он бежал прочь. От нее. От себя...

Он не закрыл дверь в свое прошлое, как и не закрыл квартиру. Все демоны вышли на свободу!

— Леша! — кричала она ему в след, упав на колени и не имея сил бежать за ним.

— Леша, — шептала она, роняя крупные слезы, на пыльный пол.

Сэт остановился лишь тогда, когда окончательно потерял способность дышать. Острая боль в груди сдавливала все его тело. Он сел на первую попавшуюся лавочку. Первым делам, как всегда нитроглицерин, а потом, когда боль немного утихнет, сигареты. Все без малейших колебаний. Его руки по-прежнему дрожали.

Он не мог понять себя. Почему он убежал? Почему оттолкнул ее? Ведь еще пару дней назад он был готов сражаться за нее, а теперь... Разве что-то изменилось? Почему, когда он не мог даже поговорить с ней, надежда жила, а теперь, когда он мог быть рядом с ней, он бежит? Сколько раз он твердил себе, что этому чувству не стоит жить. Сколько раз убеждал, что ее стоит забыть и не вспоминать никогда, но верил, надеялся, мечтал, а теперь... Да, что такого было в этом ТЕПЕРЬ? Видимо он и сам был не способен этого понять.

Сигареты закончились, когда по улицам крался полумрак. Он долго сидел на одном месте не понимая, хочет ли идти куда-нибудь или нет. Ему было просто плевать. Плевать на все! Вот и вся реальность, никаких иллюзий и мечтаний...

Концерт был закончен. Огни консерватории погасли. Зал был пусто, но в полном мраке на первом ряду сидел один единственный человек. Он смотрел на пустую сцену и не верил, что все давно закончилось. Почему же тогда он все еще слышит звуки ее игры. Будто она не умирала. Будто она все еще жива. Будто она играет... играет только для него и улыбается. Мария Кэри. Для кого-то она была хорошим человеком, кому-то лучшим другом. Кто-то называл ее гениальной. Кто-то — просто талантливой, а кто-то восхищался ее талантом. Кто-то, но не он. Он любил ее. Он обожал ее. Он шел за ней, учился у нее. Он был ее учеником, ее последователем, ее сыном. Только не было ни ее и его самого, только тени...

Он был уже пьян и, что скрывать, ничего не соображал. Он был одержим теми звуками, что роились в его голове, но они затихали, как все то, что мы рисуем в своем воображении.

Он встал, одним рывком запрыгнул на сцену и несмело коснулся клавиш рояля. Он вспомнил все ее движения, все ее жесты, каждый изгиб пальцев. Он закрыл глаза и любовался ее игрой, играя сам, подобно сумасшедшему, влюбленному в собственную иллюзию.

Он играл снова и снова, улыбаясь ее образу в своей душе. Но чем больше он играл, тем больше чувствовал, как отличается от нее, как многому не успел научиться, а ее нет. Ее больше НЕТ! И как бы он не хотел больше не будет.

Он остановился, будто разогнав наваждение. Он закрыл глаза, поднял голову вверх, просто пытался забыть.

— Кто здесь? — донеслось до него.

Сэт обернулся. В зал вошел сторож, явно услышавший его игру. Он грозно осматривал зал, светя перед собой фонариком, но почему-то все еще не находил Сэта. Юноша улыбнулся и, как не в чем не бывало, продолжил играть.

Фонарь быстро отыскал нарушителя по звуку.

— Кто вы? И как сюда попали? — спросил мужчина, но его не собирались даже замечать. — Вы слышите меня?

Он подошел к сцене.

— Прекратите немедленно. Это инструмент консерватории и вы не имеете права...

Тут мужчина замолк, от грозного взгляда молодого нарушителя. Он перестал играть и уверенно выпрямился во весь рост.

— Я не имею права, а всякие идиоты, которые тут брымкали весь вечер имеют? — грозно уточнил Сэт.

— Побойтесь потока. Здесь сегодня отдавали дань памяти величайшей женщине, а вы...

— А что я? — спросил Сэт. — Они по-вашему лучше меня? Тогда вы такой же идиот, как и они. Что толку от болтовни и восхищений?! Все восхищались ей. Все считали ее гениальной и неповторимой, но никто... Заметьте! НИКТО не спас ее. Все стояли и глазели на пылающий автомобиль, зная кому он принадлежит. Все стояли, обсуждали и НИЧЕГО не делали. Она умерла из-за нелепой болтовни, а вы мне говорите: «Побойтесь потока»! Как я могу его бояться, если он логичней вас вех!

— Тогда почему вы не спасли ее? — спросил спокойно сторож.

— Меня там не было, — прошептал Сэт, отвернувшись. — Я был далеко от туда и ни о чем даже не догадывался. Как я мог ее спасти?

— Меня там тоже не было. И тех, кто играл ради нее сегодня, тоже там не было, поэтому никто из нас просто не мог ее спасти, понимаете?

Сэт виновато опустил голову и просто молчал.

— Если вы так любили ее, то почему не пришли пару часов назад и не выступили, как остальные?

Сэт растерянно посмотрел на него.

— Вы должны уйти, иначе я буду вынужден принять меры.

Сэт спокойно пошел к краю сцены.

— Но сначала, доиграйте до конца, а еще лучше. Сыграйте все от начала до конца, а я послушаю.

Он посмотрел на него и вернувшись к инструменту, вновь коснулся клавиш. Он вновь играл, но бережно и нежно, как играл бы для матери, а не назло ее гибели.

«Мы не алкоголики»

Алкоголь — это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь.

Джордж Бернارد Шоу

Часы пробили одиннадцать... двенадцать... час, а Сэта все еще не было дома.

Илья сидел в гостиной, крутил в руке мобильный телефон и смотрел на входную дверь.

Он звонил воспитаннику каждые полчаса, но безрезультатно. Лира уснула прямо на диване, не вытирая слез с лица. Ник ходил по комнате с бутылкой пива.

Ожидание в каждой минутой становилось мучительней.

— Может он в аварию попал? — предположил Ник, утомленный настороженной обстановкой.

— Нам бы сообщили, — неуверенно отозвался Илья.

— Не знаю...

Как тревожная сирена в тишине, зазвенел телефон Вересова. Илья невольно вздрогнул и тут же ответил:

— Да. — Да, Остин. — Ург? — Он у тебя? — С ним все в порядке? — Извини. Я приеду за ним.

Илья отключил телефон и тяжело дышал, пытаясь унять гнев.

— Он нашелся? — нетерпеливо спросила, проснувшаяся Лира.

— Да, — злобно отозвался Илья. — С ним все в порядке. Ложитесь спать.

Он встал и быстро удалился.

— Он зол, — тихо прошептала Лира.

— Он очень зол, — исправил ее Ник, осушая бутылку.

Илья Николаевич хлопнул дверью своего кабинета. Малая стрелка часов застыла на четверке. Большая едва минула двенадцать.

— Ну? — спросил ждавший его Ник.

— Что «ну»?! — отозвался Вересов и, отобрав у друга бутылку, залил гнев алкоголем.

— Они с Ургом, — продолжил он, рухнув рядом с Ником на диван.

— Да понял я, что они с Ургом! Он сильно пьян?

— Ты даже не представляешь на сколько!!!

Повисло нелепое молчание.

— А ты? — тихо спросил Ник.

— Пока просто принес домой. Он как бревно.

— А утром...

— Проспится, и я ему напомню, что такое дисциплина и здоровый образ жизни. Мало не покажется!!!

— Может не стоит. Он не от хорошей жизни пьет, — сказал Ник, понимая состояние молодого человека.

— Ну, уж нет! Он у меня завтра по первое число получит!

— Ну-ну, добей мальчика. Ты сделаешь ему больно, и он зальет эту боль алкоголем, а ты снова сделаешь ему больно. Это замкнутый круг.

— А что ты предлагаешь?

— Простить его...

— Простить!? Нет! Ты забываешь: у него нет тормозов. Я прощу его сегодня и он будет думать, что я прощу его завтра. Это тоже замкнутый круг.

— Решай сам, — буркнул Ник, отбирая бутылку.

Илья долго смотрел на друга, а затем несмело предложил:

— Может вам обоим стоит лечиться от алкоголизма?

— Мы не алкоголики, — буркнул Ник и поспешил оставить Илью одного. Но у двери замер. — Есть проблемы, которые невозможно решить. Есть вещи, которые можно лишь простить, а если это не под силу, остается лишь забыться. Вот почему мне нужен постоянный градус и вот почему он хочет того же...

Солнце давно встало. Ник один сидел на кухне и готовил. Готовка была его страстным увлечением, но как бы он не был увлечен едой, от бутылки виски его ничто не могло отделить.

На кухню вошел Сэт. Вид у него был мягко говоря, не самый лучший. Длинные волосы были спутаны. Губа разбита. Кожа белая, а глаза едва приоткрыты.

— Что очухался, — иронично спросил Ник.

Сэт ничего не ответил и, пряча глаза, сел за стол.

— Есть будешь?

Сэт отрицательно покачал головой и обессилено рухнул на стол. Он такой жалкий и замученный не мог даже говорить. Ник посмотрел на него и понимающе улыбнулся. Он хорошо знал, что такое похмелье, после вчерашней вечеринки. Он молча достал стакан, налил в него виски, не жалея, до верху, из собственной бутылки и поставил его перед Сэтом. Провинившийся ученик обессилено взглянул на стакан, но выпил все, до дна. Ник довольно улыбнулся и хотел налить еще, но Сэт все так же молча перевернул стакан дном к верху.

— Вы меня потом не остановите, — спокойно пояснил он.

— А это правильно. Тебе молодому человеку с перспективами завязывать надо.

— Угу, — не вникая в смысл сказанного буркнул Сэт. — А кто меня вчера домой привез?

— Илья.

Ник сел возле Сэта. Лицо у парня изменилось: он явно боялся услышать это ответ.

— Он очень злиться?

— Очень, но ведь он отходчивый, ты же знаешь.

— Угу, — тихо буркнул Сэт.

— Ты, что боишься? — поразился Ник своей собственной догадке.

В кухню вошел Илья, но никто его не заметил и он замер на пороге, желая послушать этот разговор.

Сэт тяжело вздохнул.

— У Ильи Николаевича злость бывает разная...

— К чему ты клонишь?

— Чем сильнее он злиться, тем хуже контролирует себя.

— Ты что побоев боишься? — продолжал недоумевать Ник.

— Если бы, — усмехнулся Сэт. — Это еще так, ерунда, а вот... главное что бы он меня не выгнал. Ведь он имеет на это право.

Сэт закрыл лицо руками и тяжело дышал.

— Я не боюсь, что он тебя убьет? Может ведь. Имеет право.

Сэт засмеялся.

— Смерть!.. Я не боюсь смерти! Когда она ходит за вами и дышит холодом в затылок, вам надоедает ее бояться. Я уже умирал однажды, много раз прощался с жизнью, не раз побывал по ту сторону... Смерть мне надоела! Я не боюсь ее. Я смеюсь над ней, — Сэт грустно улыбнулся. — Если Илья Николаевич меня выгонит, я сам на себя руки наложу.

— А если откажется?

— Тогда все еще проще, — грустно шептал Сэт. — Он от меня отказывается. Я не числюсь в его учениках. Меня отправляют в распределитель. От туда меня быстро заберет Иденбург, будет долго эксплуатировать, как только сможет, а затем... я погибну при выполнении какой-нибудь невыполнимой миссии. И все, даже самоубийство не понадобится.

— Ты так просто говоришь о смерти, что аж жутко становится.

— Это нормально. Один умирает — другой рождается. Это закон жизнь, правило Потока.

— Закон? — ухмыльнулся Ник. — А почему тогда ты винишь себя в смерти?

— Смерть и убийство — это разные вещи. Я виноват. Я, и только Я!

— Нет, ты сам сказал: «это закон»! По «правилам Потока» они должны были умереть.

— Почему вы так уверены? — едва слышно спросил Сэт.

— Вот смотри, — Ник провел рукой по столу, будто разворачивал скомканный лист бумаги. — Твой брат Саша. Он был парализован и сразу сдался. У него функционировали обе руки, но он не пытался найти себе хоть какое-нибудь применение. Он просто не хотел жить — вот истинная причина его смерти.

— Нет, — протяжно простонал Сэт. — Ему было плохо. Он нуждался в поддержке, а я просто подтолкнул его к самоубийству.

— Ему просто нужен был повод. Он уже не хотел жить. — Ник взглянул Сэту в глаза. — Вспомни себя. Ты не мог ничего, но ты хотел жить. Ты боролся. И вот ты самостоятельный, не чем не ограниченный. Ты сражаешься лучше многих черных магов, и никто не поверит, что девять лет назад Илья носил тебя по дому на руках. Я многое видел и, поверь мне, не ошибусь, если заявлю, что человека можно сломать лишь тогда, когда он опустил руки. Саша сдался, поэтому умер, ты боролся, поэтому жив. Неужели ты совсем не видишь разницы?

Сэт не ответил, а лишь задумчиво смотрел, как солнечные лучи играют на гранях стакана, переливаясь разными цветами и перекатываясь с одной грани на другую. Тот, как видел эту картину он, вы даже не сможете представить, но можете понять, как в раздумьях увлекаешься игрой света.

— Дальше. Павел Карлов. Знаешь, о законе естественного отбора? Он его не прошел...

— Я его убил, — выдавил Сэт.

— Он сам себя убил. Если бы ты не сделал этого...? Ты хоть когда-нибудь задумывался, что бы было тогда?

Сэт посмотрел на Николариуса и абсолютно четко понял, что маг имел в виду. Да, это верно, если бы в ту ночь Сэт не убил его, самого Сэта не было бы. Да, это так, но...

— А если бы случилось чудо? — спросил Сэт, вспоминая свои чувства в то мгновение.

— Чудо происходит, если его хотят, а твой отец не хотел.

— Но я хотел. Я очень хотел!

— Ты его и получил, а он — нет. Все получают то, чего хотят, к чему стремятся и на что работают. Ему плевать было и на чудеса, и на жизнь, и тем более на тебя!

Сэт молчал.

— Тот белый маг и Эрвин. С ними случилось то же самое. Или ты их, или они тебя, а так, как третьего не дано, победил сильнейший, и этот сильнейший — Ты!

— Вас послушать, так все так просто, но почему тогда мне так больно?

— Чувство вины. Тебе надо научиться прощать себя, вот и все.

Сэт отрицательно покачал головой.

— Я никогда не пойму ни себя, ни того, почему все рухнуло в одно мгновение, будто проклятье.

— Счастье своенравно, — сказал Ник. — Оно подобно огню, горячее, красивое, но неукротимо разрушительное. И горе и радость сделаны из одного огня.

Повисла задумчивая тишина. Сэт вернулся к тем переживаниям, что так и не оставили его со вчерашнего дня. Ник припомнил ту причину, что заставила его сдружиться с бутылкой. Он понимал Сэта, ведь сам не мог простить себя, не глядя на эти простые теории. Разуму всегда сложно достучаться до сердца, как в прочем и сердцу, сложно убедить разум.

— Илья Николаевич дома? — спросил Сэт, пытаясь отвлечься.

— Да, специально ради тебя остался.

— Тогда пойду я к нему. Лучше уж я сам приду, чем он меня выловит.

Сэт встал и, обернувшись, замер, боясь дышать под взглядом разгневанного наставника. Илья Николаевич стоял у стены, сложив руки у груди. Взгляд у него был невыносимый, презрительный, холодный и надменный, такой, который Сэт видел лишь однажды...

На кухне повисло молчание. Сэт едва сдерживал ужас и желание убежать и спрятаться. Ник неловко смотрел на друга и его ученика, не желая вмешиваться в чужие дела. Илья же просто наслаждался реакцией Сэта. Он хорошо знал, что для Сэта страшнее всего ожидание.

Первым не сдержался Ник:

— Илья, прекрати! Хватит играть на нервах, это тебе не к лицу! — заявил он.

От этих решительных слов, все ожило. Сэт виновато опустил голову, а Илья, мягко улыбнувшись, подошел к ученику и не спеша обнял его за плечи, будто говоря о своей милости.

— Дурак ты Сэт. Просто дурак, — прошептал он.

Сэт молчал.

— Ну, что ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь.

Но Сэт по-прежнему молчал.

— Ты чего? — удивленно спросил Вересов.

Он отстранился от ученика и внимательно посмотрел на его бледное лицо.

— Ты меня поражаешь, — только и смог прошептать он.

Губы Сэта нервно подрагивали. Голубые глаза, затуманенные слепотой, были влажными, а по щекам, катились редкие слезы. Нет, он не рыдал, как девчонка, брошенная парнем, сторающая в собственной истерике. Вовсе нет. Это были простые скупые слезы, которые сами собой срывались с ресниц и катились вниз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что бы я без вас делал, — прошептал Сэт и несмело прижался к груди наставника, подобно маленькому ребенку, ищущему защиту у груди матери.

— Дурачек, — прошептал Илья, обнимая его, как родного сына, даже теплее. — Что бы

я без тебя делал? Ты же у меня один единственный.

— У нас, — несмело поправил Ник.

— О! Видишь, на тебя одного, два взрослых мага, — шутливо объявил Вересов и вновь посмотрел на воспитанника.

Такой кислый настрой Сэта абсолютно ему не нравился. Его ученик был готов сложить ручки и ровным счетом ничего не делать, а все передать кому-нибудь другому.

— Возьми себя в руки! — велел Илья и в подтверждение собственной решительности хлестанул ученика по щеке. — Что ты как маленький!? Как напиваться, мы взрослые, а как отвечать — маленькие!

Сэт вытер слезы и робко взглянул на Вересова.

— Простите... Я... Ну, как всегда, если честно. Вы ведь сами все понимаете...

— Понимаю, но злюсь! И учти: извинениями не отделаешься.

Сэт согласно кивнул.

— Через пять минут у меня в кабинете. Будем разбираться с твоими «пьянками» и «курилками».

Сэт взволнованно посмотрел на Илью. О том, что он вчера напился мог понять любой по «уникальному» шлейфу, а вот, как Вересов узнал о курении, было большой загадкой.

— Не смотри на меня такими глазами. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не понимать чем ты вчера занимался. Все, — заключил он. — Жду тебя у себя.

Илья немедля вышел, продумывая дальнейшую тактику.

Сэт сел на прежнее место и задумчиво приложил указательный палец правой руки к переносице.

— Ну, что ты готов принять свои двадцать пять, а то и тридцать ударов? — насмешливо спросил Ник.

Сэт убрал руку, посмотрел на Ника и, лукаво улыбнувшись, ответил:

— Разумеется.

— Ну-ну. Посмотрю я на тебя после.

Сэт больше ничего не говорил, да и не хотел говорить. Он просто встал и вышел.

Ник долго смотрел на опустевший дверной проем. Затем хлебнул немного виски и, рухнув на стол, прошептал:

— Это просто совесть и ничего больше...

— Сэт, подожди, — сказал неуверенно Илья, когда ученик собирался уйти.

Сэт обернулся и спокойно посмотрел на учителя.

— Ты что, и правда, думал, что я тебя выгоню?

— Ну, немного. Просто это было однажды и... Я очень боялся этого...

— Хватит! — крикнул Илья и наотмашь ударил Сэта по лицу. Это был по-настоящему сильный удар. Илья бил не просто для порядка, а со злостью, вернее даже ненавистью. — Как тебя язык повернулся?! Я что по-твоему спас тебя чтобы потом загубить?! Что ты молчишь?

Сэт смотрел на Илью растерянno и виновато

— Я не очень соображаю, — растерянno выдавил он. — Я не прав... просто... я просто испугался... простите...

— Уйди! Уйди сейчас же, пока я тебя не прибил!

— Простите...

Сэт взглянул на тяжело дышавшего от гнева Илью и просто ушел, как ему и велели.

— Идиот! — крикнул Вересов и швырнул в дверь первое, что попало под руку — графин с красным вином. Брызнуло стекло, подобно каплям воды, а красное вино растекалось будто кровью.

Сэт сидел у кабинета Ильи, закрыв лицо руками.

Ник, прибежавший на шум от разбитого графина, подбежал к нему и, присев рядом спросил:

— Что случилось?

Сэт посмотрел на него грустными глазами и подставил к виску два пальца вместо пистолета.

— Что, все так плохо?

— Плохо...

— Это он так из-за пьянки, что ли?

— Нет. Он слышал наш разговор и... в общем он обиделся.

— На что?

— На то, что я допустил мысль, что он меня выгонит или откажется и т. д. и т. п. и бла-бла-бла, — устало пробормотал Сэт, вновь прячась в собственных руках.

— Успокойся, я ему все объясню, — авторитетно заявил Ник, решительно вставая перед дверью.

— Подождите. Пусть он сначала остынет.

— Я его друг. Он мне ничего не сделает, а вот тебе лучше ему на глаза не попадаться.

— Я так не могу, — простонал Сэт, облокотившись о стену.

— Тогда просто жди, — велел Ник и решительно открыл дверь кабинета.

Илья сидел за столом и курил.

— Знаешь, а ты зря так, — сказал спокойно Ник, закрыв за собой дверь.

Под его ногами хрустывало битое стекло, но его это ни сколько не смущало.

— Он сейчас сидит под дверью и не знает, что делать.

Илья встал и отвернулся к окну, будто прячась от друга.

— Ты слишком суров к нему. Ты ведь сам понимаешь это. То, что он чувствует, что думает, ты ведь понимаешь, все это. Зачем же тогда давишь на него?

— Я не давлю, — буркнул нехотя Илья.

— Неужели ты не понимаешь, почему ему так тяжело?

— Нет. У него есть все, чего ему еще не хватает?

Ник подошел к Илье и заглянул в его глаза, надеясь, что в глазах отразится что-нибудь совсем другое, а не этот гнев. Так оно и было. В синих глазах Вересова застыла печаль.

— Неужели ты не понимаешь, что требуешь от него слишком много?

— Я ничего не требую.

— Ты заблуждаешься, — сказал мягко Ник. — Зачем ты его усыновил? Мог ведь просто оформить опеку.

— Я освободил его от прошлого, — тихо отвечал Илья. — Я дал ему новую жизнь. Я дал ему имя, дающее титул.

— Ты заставил его носить фамилию Вересов! — исправил сурово Ник. — Он лишь стремиться соответствовать. Он тянется за тобой, но он всего лишь человек. Да, он особенный! Да, он не обычный, но... он всего лишь человек. И это не измениться, каких бы

высот он не достигал. Ты давишь на него своим именем! Ты возложил на него слишком большую ответственность, и даже не заметил этого...

— Я дал ему все и ничего не требую взамен.

— А он знает об этом?

Илья молчал.

— Почему за столько времени ты не нашел в себе силы сказать ему, что ничего от него не требуешь? Я-то знаю, что ты чувствуешь, а он...

— Почему он не сказал мне, что не хочет быть Вересовым?

— Неужели ты сам не понимаешь? Он не мог сказать тебе «нет», после того, что ты для него сделал.

Илья молчал.

— Поговори с ним, — просил Ник. — Поговори с ним откровенно. Достучись до него. Кроме тебя никто этого не сделает. Он же никого кроме тебя не станет слушать. На него давит прошлое. На него давит настоящее, и будущее такое не четкое. Ты нужен ему! Остановись, слышишь? Остановись! Прошу тебя, иначе...

— Что?

Ник молчал.

Илья обернулся, посмотрел на друга и вновь спросил:

— Иначе что?!

— Он просто погибнет...

— Я не ты! — заявил Илья. — Я не убью своего сына.

Ник замер, будто был убит этими словами. То, что он пытался забыть, напиваясь, то, что не хотел помнить, стояло перед ним, как живое напоминание...

— Ты — не я, — прошептал он. — Он — не Норбер. Ты никогда не сможешь его убить, разве, что искалечишь, а он... он не из тех, кто хочет жить, он просто ищет способ достойно умереть, поэтому... хотя тебе не важно...

Он просто ушел...

Илья смотрел в окно. Он был не прав и знал это, но не хотел сейчас говорить с Сэтом, а Ник... с ним он обязательно поговорит, но потом... позже, а лучше завтра...

Сэт встал, ожидая слов от Ника, но тот, не обращая на него внимания, поплелся прочь. Он уже не видел ничего, да и видеть не хотел. Он мечтал опьянеть и забыться, а лучше... лучше просто умереть!

Сэт смотрел ему в след и молчал. Мог ли он что-то сделать? Он не знал. Все эти годы он лишь провожал взглядом тех, кто страдал рядом с ним. Он мог лишь наблюдать, боясь коснуться того, что было чужой болью. Его собственная накрывала его с головой, а чужая... Она была сильная, яркая, как живая, но коснуться ее, казалось, невозможно, будто все они живут в разных мирах. Каждый из них, жил в своем аду, просыпаясь от ночных кошмаров. Лира навсегда останется проституткой, ненавидящей собственную жизнь. Илья — нежеланный брошенный ребенок, сломавший прошлое, для построения будущего. Сэт — презренный убийца собственной семьи. И Ник — алкоголик, убивший единственного сына! Кто из них мог заглянуть в чужую боль, боясь захлебнуться в своей, а вот бежать и прятаться всегда лучше вместе.

Сэт смотрел ему в след, чувствуя ту же боль, что чувствовал вчера. Он знал, как важно сейчас чья-нибудь поддержка. Он знал, как важно слово. Хоть какое-нибудь СЛОВО, только

бы не в тишине! Только бы не одному! Он хотел сказать ему, сказать хоть что-нибудь, но прежде чем он решился, Ник начал спускаться вниз по лестнице.

Сэт обессилено рухнул на прежнее место у стены. Боль в голове усиливалась. Это уже мало походило на похмелье, но думать об этом сейчас совсем не хотелось. Потом он обязательно съездит к Максимуму, но это будет потом, а сейчас стоит решить более важные проблемы. Там за дверью тот человек, благодаря которому он до сих пор жив. Тот, кто дал ему эту новую жизнь. Тот, кто точно знает, чего хочет, но все еще не умеет совладать со своими эмоциями. Человек мнение, которого самое важное...

Он несмело встал. Все тело казалось чужим и двигалось так же безвольно. Он подошел к двери. Он хотел постучать, но тут же понял, что его выставят, не дав сказать и слова. Что ж, прочь манеры, когда надо действовать. Он решительно коснулся ручки, но та не поддалась.

Илья обернулся. Кто-то попытался оторвать дверь, но она уже заперта. Ник? Нет, он еще не скоро сможет смотреть на Илью без ненависти. Значит... СЭТ! От этого осознания Вересов отвернулся к окну. Он уже не злился, но простить ученика так быстро не позволяло, что-то надменное в его натуре. Он хорошо понимал, что перегибает палку, но... есть у всех те черты характера, что являясь нашими слабостями, поработают, все остальное. Тоже было теперь с Ильей...

Сэт тяжело вздохнул.

— Илья Николаевич, — начал он тихо, — позвольте мне войти, позвольте все объяснить.

Илья вновь обернулся и даже сделал шаг к двери, но шум по ту сторону двери остановил его.

— Сэт, не надо! — закричала Лира, вцепившись в руку возлюбленного. — Не делай этого! Оставь его в покое! Подумай лучше о себе: у тебя все рубашка в крови!

Сэт вздрогнул.

«И правда, — подумал он, — а я даже не заметил. Хотя чего еще можно было ожидать после такой порки... это не важно, но в чем то Лира все же права, мне стоит побыстрее со всем этим разобраться, иначе эта головная боль сведет меня сума.»

Сэт посмотрел во влажные глаза девушки и тих сказал:

— Ты ничего не понимаешь. Оставь меня, пожалуйста. Я просто хочу, чтобы ты не вмешивалась туда, где тебе нету места.

Лира заплакала, но нашла в себе силы, чтобы не отпустить его.

— Это ты не понимаешь, — шептала она. — Он слишком зол, что бы слушать тебя. А если он убьет тебя!? Я не смогу этого принять!

Илья вернулся к окну и вытащил новую сигарету.

— Он не убьет меня, никогда, — прошептал Сэт, ненавидя эту правду. — Ему больно слышать все это, поэтому я должен вмешаться.

— Должен? Ты никому ничего не должен.

— Ли́ра, — мягко прошептал он. — Пойми, это мое желание. Я сам этого хочу. Я слишком долго игнорировал страдания тех, кто был со мной рядом. Отпусти меня, пожалуйста.

— Нет, — прошептала она, роняя крупные слезы.

Сэту было жаль ее. Ее чувства, ее любовь... Она любила его странной не понятной, не искренней любовью, а он не мог ответить ей взаимностью.

— Прости, — прошептал он.

Он подхватил Ли́ру на руки и понес прочь, от кабинета Вересова. Ли́ра не сопротивлялась, прильнув к груди любимого. Она даже не догадывалась, что Сэт просто собирался избавиться от нее. Открыв свою комнату, он бесцеремонно швырнул ее на кровать и, заперев на ключ, оставил одну, неистова стучать в дверь. Ему было искренне жаль ее. Он хотел бы уменьшить ее боль, но она стояла на его пути!

— Илья Николаевич, откройте дверь! — заявил он уверенно, вернувшись к кабинету учителя. — Откройте, пожалуйста.

— Уйди, — выдавил Вересов, прильнув к ненавистной двери.

Он просто хотел побыть один. Он не мог понять, как все могло выгладить так отвратительно, неужели он, и правда, давил на Сэта, неужели он, и правда, так ужасен в гневе? Неужели окружающие, и правда, думают о нем именно так?

— Я никуда не уйду, пока вы меня не выслушаете! — уверенно ответил Сэт, понимая, что каждая минута теперь на счету, ведь если боль усилится...

— Баран!

— Я знаю, — отозвался Сэт улыбаясь. — Откройте.

— Нет!

— Откройте, иначе я выбью дверь.

Илья отошел от двери рассмеялся. Он совсем забыл, как все бывает просто, а этот мальчишка, всегда оставался упрямым и безрассудным. Выбьет дверь, пускай...

Сэт улыбнулся, чувствуя, как на глаза накатываются слезы боли. Он сжимал зубы, заставляя себе двигаться. Шаг назад. Удар. И дверь с грохотом слетела с петель и рухнула на пол.

Илья стоял у стола с пистолетом и уверенно направлял его на Сэта.

— Еще шаг и я выстрелю!

Сэт посмотрел на него спокойно и шагнул внутрь.

— Я не шучу!

Сэт резко подлетел к наставнику и отобрал оружие.

— Решили убить меня? — спросил он, улыбаясь. — Как это на вас похоже, создавать иллюзии. Вы выслушаете, а затем, если захотите, можете превратить свою иллюзию в реальность.

Илья замер. Он впервые видел Сэта таким. Перед ним стоял не кроткий несчастный ребенок, а сильный мужчина. Его уверенность захлестывала и пугала. Его решительность овладевала телом рядом стоящего. Илья был напуган. Он впервые увидел демона в человеческом теле, но это был демон, который принадлежал ему.

— Я был не прав, во мне говорил лишь страх, — шептал Сэт, снова становясь собой. — Я знаю, что я порядком достал вас, но я знаю и то, что слишком многое связывает нас и я не должен был забывать об этом. Вы эмоциональны, но редко повторяете одну и ту же глупость дважды. Я знаю, что заслужил хорошую трепку, но ведь она уже была!

Илья молчал, чувствуя, как ему самому, хочется плакать от собственной глупости.

— Я долго просто наблюдал, за вами, за Ником, не решаясь прикоснуться к тому, что мучило вас. Я думал, что каждый должен решить все сам, но в одиночку, мы только глубже погрязаем в собственной боли. Наше прошлое... в нем есть то, что мы ненавидим, но есть и то, что мы любим и за это... ради этого мы должны жить!

Он говорил, но голос его, пропадал, для него самого, превращаясь в гул.

— Я решил жить, много лет назад. Я решил жить ради вас, и я доведу это дело до конца. Я буду жить, ради будущего, но я не смогу обещать, что никогда не усомнюсь в собственных силах. Я буду стараться. Я обещаю!

Сэт положил на стол пистолет.

— Я был не прав, прости меня, — прошептал растерянно Илья.

Сэт не ответил, а просто обнял Илью, как брата.

Дерево любви зацвело!!!

— Ты прощаешь меня? — спросил Илья тихо.

— Конечно. Я все понимаю.

Он отстранился и, взглянув на наставника, переменял тему разговора.

— Чем вы заделли Николариуса?

Илья тут же поник.

— Скажите, это важно!

— Я ему о смерти Норбера напомнил.

— Норбер, — прошептал Сэт. — Извините, — бросил он и помчался вниз.

Сэт ворвался на кухню.

— Я по поводу Норбера, — начал он.

— Вы что сговорились?! — крикнул Ник и запустил в молодого мага пустую бутылку.

Сэт увернулся от бутылки и, осознав, что поговорить не удастся, выпалил все в лоб:

— Гроб Норбера пуст!

— Что?!

— Тела Норбера нет в могиле.

— Ты вскрыл могилу? — шокировано спросил Ник.

— Нет, конечно. Мне ведь не нужно смотреть, что бы видеть.

— Но, как...

Сэт не дослушал даже вопроса. В глазах потемнело. Звуки перешли в гул и реальность рухнула, как картонный домик, оставив ему лишь бесконечный мрак.

Он открыл глаза, когда ехал в машине скорой помощи. Рядом сидел Илья. Сэт сорвал маску и уверенно заявил:

— Дайте мне мой телефон.

— Сэт, сейчас не время...

— Не спорьте со мной, я не знаю, когда у меня будет еще один шанс. Дайте мне телефон!

Илья дал свой.

Сэт быстро набрал номер, отмахнувшись от санитаров.

— Ответь же... пожалуйста, ответь.

Но вместо ответа одни гудки.

— Пожалуйста, — простонал Сэт, — Наташенька...

— Да, — донеслось из трубки.

— Наташа, — прошептал Сэт. — Я должен извиниться, но у меня слишком мало времени, поэтому, я скажу только самое важное.

— Сэт, я...

— Подожди, дай мне сказать. Я был не прав, когда убежал вчера. Я люблю тебя и хочу заслужить твое прощение. Я хочу бороться за тебя и твое сердце. Я не хочу больше смотреть украдкой на твои фотографии, слушать твой голос по телевизору и жалеть, что не могу тебя коснуться, поэтому... я... прошу... тебя...

Он не смог договорить. Рука его ослабла. Телефон выскользнул из нее.

— Сэт! Сэт, что случилось?

Но вместо ответа она слышала лишь шум.

Максимус вышел из палаты Сэта и уверенно сказал Илье.

— Это вторая кома.

— Каковы шансы, что он выживет? — спросил Вересов дрожащим голосом.

— Шансов нет, — прошептал Максимус. — Я думаю, он не продержится и недели.

— А операция?

Максимус отрицательно покачал головой.

— Но почему.

— Сейчас остается шанс на чудо, но если я положу его под нож, я просто убью его. У него слишком слабое сердце, что бы позволить ему пережить такую серьезную операцию, понимаете? Я хотел бы его спасти, но я бессилен.

— А если искусственное тело?

— Илья Николаевич, мне все равно нужен его мозг, а он поражен.

— И что нам делать?

— Надеяться. Я не верю, что он может так просто умереть! Он не из тех, кто умирает так просто! Поэтому, я хочу, что бы он жил! Он еще не достиг своей цели, что бы умереть! Он будет жить!

Николариус Вандервил Листэм

Перепрыгнуть через голову можно лишь, когда твой противник, выше тебя на голову.

Арлар Миклот

Моя жизнь. Сейчас она кажется мне презренной и я давно свел бы с ней счеты, но я слишком слаб для такого решения.

Кем были мои родители? Да никем они не были! Просто черные маги без имени и титулов. Возможно, они были хорошими людьми. Возможно, они даже любили меня, но я никогда этого не узнаю, ведь я совсем их не помню.

Я рос в детском доме, среди таких же никому не нужных ребят и девчонок, а вот когда пришло время учиться, моя истинная сущность проявилась. Что я испытывал к тем магам, что выбирали себе учеников? Призрение! Они казались мне мелкими и ничтожными. Что они видели в людях!? Этого я до сих пор не могу понять. Они, казалось, выбирали себе не учеников, а домашнего питомца. Разглядывая детей, как обезьянок в зоопарке, они выбирали тех, кто по крепче и по резвее, а я не интересовал никого. Сложно представить меня тогда. Мне было лишь шесть лет, но уже тогда, я был нелюдимым. Сидя в углу, я наблюдал за всем этим с искренним пренебрежением, не боясь ни жизни, ни смерти. У меня не было ничего родного. Я не дорожил ничем в этом мире. Тогда и пришел он — Арлар Миклот. Он был совсем другим. Он не стал разглядывать детей, а просто окинув комнату взглядом, подошел ко мне.

— Почему ты сидишь здесь совсем один?

Я не нашел, что ответить.

— У тебя есть друзья? — продолжал расспрашивать маг.

А я молчал, не понимая, чего хочет этот человек. Я не понимал его, да и не хотел понять. Я лишь мечтал избавиться от его присутствия, что бы он ни мешал мне быть одному.

— Ты не хочешь говорить со мной?

Он утомлял и раздражал.

— Неужели я настолько неинтересный?

— Противный, — выдавил я, обнимая колени и прячась за них, как за щит.

— Как ты смеешь! — начала воспитательница, но маг остановил ее властным жестом.

— Ты считаешь меня противным, но почему?

— Вы такой же лицемер, как и все!

Маг весело засмеялся.

— Что смешного? — обиделся я.

— Ничего, извини. Просто я не ожидал от тебя таких наблюдений.

Он сел рядом.

— Я понимаю, что ты злишься. Я даже знаю почему...

— Откуда ты можешь знать!?

— Я тоже сирота, — тихо ответил маг.

Я замер глядя в его глаза. Мне вдруг стало так спокойно. Он ведь и правда вел себя не так, как остальные. Он вел себя по-другому, а значит — был другим!

— Я хочу взять тебя в ученики.

Я молчал.

— Как ты на это смотришь.

Если бы этот вопрос задал кто-нибудь другой, даже не знаю, каких бы гадостей я ему наговорил, но этот человек, заставил смотреть на него, как на чудо. Он заставлял верить себе и я не знал, что ему сказать, поэтому просто пожал плечами.

— Я — Арлар Миклот, маг третьего высшего уровня, — представился он, вставая.

Я тоже встал.

— Идем со мной, — предложил маг, подводя руку.

Я несмело коснулся этой руки, не веря, что это случилось. Мне казалось, что он исчезнет, поэтому я не сводил с него глаз и взяв его за руку не отпускал до самого его дома.

Он улыбался, глядя на меня. Я забавлял его или, возможно, напоминал его самого.

Быть учеником Миклота — это то счастье, которое сложно объяснить. Нет, он не обманул меня своим поведением. Он был именно таким. Он не давил на меня, не приказывал. Он вел себя, как мой отец, казалось, он именно к этому стремился. Он обучал меня всему тому, что знал сам, и я с легкостью осваивал все то, что мне показывали. Я старался запомнить все как можно быстрее. Я хотел быть лучшим во всем. Я хотел быть таким же, как мой наставник. Я тянулся за ним, поэтому, я так хорошо понимаю Сэта, который мечтает быть ближе к Илье. Я тоже был таким. Мне хотелось во всем быть лучшим, всегда быть первым только для того чтобы мой наставник никогда не сомневался в правильности своего выбора. Я хотел быть лучшим. И со временем я стал одним из лучших. Мне было куда стремиться, но моя планка была на том уровне, на котором я сам хотел ее видеть.

Миклот улыбался, видя мои успехи. Он брал меня с собой даже на совет, как многие брали наследников. Я, конечно, не имел права голоса и должен был держать язык за зубами, но вступить в зал совета в качестве приемника Арлара Миклота — это огромная честь.

Так шли мои годы. Люди не казались мне таким никчемными, как раньше. Я научился улыбаться и радоваться, но ЭТОТ парень перевернул во мне все и заставил вспомнить, мою ненависть ко всему живому. Я его возненавидел в тот же миг, когда увидел.

Мне было пятнадцать лет. Я шел по улице из магазина. Мне хотелось приготовить что-нибудь вкусное, чтобы порадовать учителя, но в тот день мне не суждено было блеснуть кулинарными способностями.

Я вышел из магазина, напевая что-то веселое.

— Извините, — прошептал маленький мальчик.

Но вместо «ничего страшного» он получил хлесткую пощечину от молодого человека в белом костюме.

— И это по-твоему извинение? — спросил он надменно.

Я посмотрел в эти пустые надменные глаза, и что-то в нутрии меня вспыхнуло, будто запертый внутри моего сердца гнев проснулся и вырвался наружу, но я хорошо понимал, что не имею право вмешиваться, ведь я не знаю ситуации, да и возраст у меня не тот, что бы делать что-то подобное. К тому же этот человек был белым магом, а значит: он не из тех с кем я смог бы просто конфликтовать. Он конечно тоже не был совершеннолетним, но он казался тем, кто не оставит своего противника без дуэли, а дуэль... Я над этим просто не думал, видимо, был просто слишком мал для таких мыслей, а этот человек, возможно, уже сражался. К тому же, я не знал, как отнесся бы к такой выходке учитель. Поэтому я просто закрыл глаза, развернулся и пошел прочь, желая ни слышать, ни видеть, ни думать.

— Ты думаешь, что сможешь безнаказанно топтаться по ногам мага, человеческое отродье!? — донесся до меня голос мага.

Затем смех и всхлипывание мальчика.

Я вздрогнул, остановился, но заставил себя не оборачиваться и не открывать глаза. Я ничего не видел, но звуков мне вполне хватало. Этот человек...

А всем вокруг было все равно, будто никто ничего не видит. Мимо шли люди, как заколдованные куклы без лиц и масок. Я сжал кулаки, пытаюсь удержать себя от действий, но в тот миг, я понял, что ничем не отличаюсь от тех равнодушных, которых так ненавижу, ведь я сам поступаю так же!

— Простите, пожалуйста, — простонал мальчик. — Не бейте меня, господин маг.

Незнакомец замахнулся. В тот же миг обернулся я и, не прицеливаясь, швырнул в него сумку с продуктами. Та угодила ему в лицо и остановила его опалу разорванным пакетом молока.

В тот миг это надменное величавое создание было просто смешно. Мокрый с пакетом на голове и такой озадаченный и растерянный, что я едва удержался от смеха. Победить такого великана пакетом молока! Да, я был готов кататься по асфальту со смеху, но смеяться было рано, жаль, что я этого не знал. Возможно, все было бы иначе...

Я подошел к мальчику, присел возле него и тихо спросил:

— Ты в порядке?

Мальчик испуганно кивнул.

Я обернулся и, прислушиваясь к несмелым шагам ребенка, смотрел на мага.

— Ты что себе позволяешь!? — воскликнул маг, отряхиваясь.

Я его ненавижу. Его энергия выводила меня из себя. Белый маг! Эти лицемеры так гордятся своими манерами, а в реальной жизни... Да, черные маги, и правда, грубы и невежественны, но они этого не скрывают, а остаются собой, а бить ребенка... это, конечно, подходило им по духу, но не каждый черный маг сделал бы такое.

— Что смотришь, боишься?

Я был спокоен до этого момента, сдерживая свою ненависть, но когда этот гад направил на меня свой выпад, пытаюсь унижить, я переменялся. Вытянувшись в полный рост, я поднял голову и, не доставая его ростом, достал величию. Короткий взгляд и насмешливая улыбка скользнула по моим губам. Он был смешен для меня. Как много он из себя строил, а в действительности ничегошеньки не стоил, как пустая иллюзия величия.

Он сдвинул брови, но тут же успокоился, проводя рукой по волосам. Этим движением он убрал все последствия моей атаки пакетом и осушил волосы, а затем попытался ударить меня по лицу, как того мальчика, но я не человеческий ребенок, а ученик Арлара Миклота! Его ладонь столкнулась с моим кулаком.

Он отдернул руку и так смешно и озадаченно посмотрел на меня, будто впервые встретил сопротивление со стороны жертвы. Может, это было и так, но тогда он был еще более ничтожен в моих глазах!

— Так ты маг, — прошептал он, — к тому же черный.

— Да. Я — Николариус Вандервил Листэм, черный маг четвертого уровня.

Он улыбнулся, той же противной насмешливой улыбкой, которую я тогда еще не понимал. Улыбка лицемерной силы, данной кровью!

— Я даю тебе последний шанс, — сказал мне незнакомый белый маг. — Или ты извиняешься, приклонив колени, или завтра в полночь я убью тебя на дуэли.

Он бесил меня, и, разумеется извиняться я не собирался, но и драться с кем-то не входило в мои планы.

— Я жду извинений, — напомнил мне маг.

— Где будет дуэль? — спросил я с наигранным спокойствием, которого во мне и в помине не было, но если я сейчас извинюсь, то буду просто идиотом и не смогу больше без призрания смотреть на себя в зеркало.

— Да ты хоть знаешь, кто я?!

— Да хоть господь бог! — небрежно бросил я, и это было уже не наигранно.

Я уже хотел убить его и не мог дождаться такой возможности. Это ничтожество... (даже сейчас чувствую этот гнев, вспоминая тот день)

— Бог, в каком-то смысле ты прав. Я — Валентин Вересов, наследник древнейшего рода, а ты просто мелочь со слабой аурой. К тому же, уровень у меня первый!

Слабая аура меня не смутила. Этой фразой он только разрушил все мои страхи, он не заметил, что я запечатал свою энергию внутри своего тела и не выбрасываю ее так бессмысленно, как некоторые, но фамилия Вересов меня все же смутила. Этот род был слишком знаменит даже среди черных магов. Многие его боялись, как огня. Во всех предыдущих войнах между черными и белыми магами Вересовы наносили такой урон черным магом, что их часто называли демонами. Что ж, мне придется убить одного из демонов, или умереть, что абсолютно не приемлемо, хотя для него это тоже не выход.

Его уровень... это тоже проблема, но, как говорит мой учитель: «перепрыгнуть через голову можно лишь, когда твой противник, выше тебя на голову»

— Я в последний раз предлагаю: извинись!

— Где вы хотите драться?

Он вздрогнул и отступил, но застыв рассмеялся.

— Ты сам виноват. Сказав эту фразу ты, подписал себе приговор!

Я просто смотрел на него, пряча подальше сомнения и тревогу, а вот страха, к счастью, не было.

— Место?

— Сквер перемирия.

— Послезавтра в полночь в сквере перемирия? — хладнокровно уточнил я.

— Да, — подтвердил он.

— Ты сам выбрал место своей смерти, — бросил я и пошел домой, будто ничего не произошло.

Я не был уверен в своих силах, но очень хотелось отплатить ему той же монетой и навести не хоть немного страха. Вот только для пущего эффекта стоило высвободить по больше энергии и сделать хороший силовой всплеск, но тогда я был сильно озадачен и не выделялся, вот даже не знаю хорошо это или плохо.

Я пришел домой тихий и задумчивый.

— Что-то случилось? — спросил Миклот, оторвавшись от газеты.

Я посмотрел на него и вдруг страх пробил меня до дрожи. Я, казалось, боялся ни дуэли, а Миклота.

Он подошел ко мне и не спеша взял за дрожащую от страха руку.

— Что случилось? — встревожено спросил он.

Я отступил и, опустившись на одно колено, тихо прошептал:

— Простите, я, кажется, запятнаю ваше имя, или даже уже запятнал.

Он опустил меня и, приподняв мой подбородок, взглянул в глаза.

— Что произошло, мальчик мой? Ты цел?

И вдруг все стихло внутри меня. Какой же я идиот! Мой учитель всегда был не таким, как все остальные маги, почему же я стал думать о нем, как о других? Почему я ждал от него классической реакции гнева. Этот человек совсем не беспокоился о своей репутации. Он смотрел мне в глаза, и я хорошо понимал, что он беспокоиться обо мне, а не о своем имени.

— Я ввязался в конфликт белого мага и маленького мальчика, — несмело начал я.

— И кончилось все тем, что этот белый маг вызвал тебя на дуэль?

Я кивнул.

— Что ж, — шепнул задумчиво Миклот. — И что ты ответил ему?

— Я принял вызов.

Рука наставника, легла мне на голову.

— Правильно. Этого ответа я от тебя и ожидал.

Я растерянно смотрел на него, совсем не понимая, о чем он думает и что вообще в его голове, но он был тем Миклотом, которому я маленьким мальчиком дал свою руку, а значит, я мог ему доверять, ведь он еще никогда меня не обманывал.

Арлар встал и подал мне руку. Я уверенно взял ее и встал.

— Твой противник — наследник Вересова?

— Да, но откуда вы знаете?

— Это было предрешено. Такова твоя судьба. Эта битва своим исходом, предрешит судьбу народа, материка, планеты, а возможно даже мира. Я знал, что это случится, но не думал, что это будет так скоро. Мне придется постараться, что бы подготовить тебя к этой битве, ведь ты не собираешься умирать?

Я решительно кивнул, совсем не понимая его слов.

Два дня я повторял все, что знаю, а перед самой дуэлью Миклот остановил меня и приказал расслабиться и просто отдохнуть. Я запечатал все свои силы. В тот миг, меня можно было распознать, как обычного человека и никакой магии, но она просто спала, концентрируясь и становясь сильнее и чище.

Полночь. Сквер перемирия.

Я стоял закрыв глаза и просто ждал. Мой противник опаздывал. Видимо, у белых магов принято быть невежественными, или проблема была в том, что ни не хотели быть вежливыми с нами, черными магами. Хотя в тот миг меня это просто раздражало.

— Дяденька, не деритесь, пожалуйста, — попросил меня кто-то.

Я открыл глаза. Передо мной стоял тот самый мальчик, видимо он все слышал и решил придти.

— Простите моего сына, — попросила женщина, держащая мальчика за руку. — Я все попытаюсь уладить. Вы не должны драться из-за моего сына.

Я посмотрел на учителя, стоящего рядом, не зная, что делать и ожидая хоть какой-нибудь подсказки, но он просто закрыл глаза, оставляя мне все права по решению данного вопроса.

Я посмотрел на мальчика на его маму. И все понял внутри своего сердца.

Я присел и провел рукой по волосам малыша.

— Я принимаю твою благодарности и понимаю твою тревогу, но это мое решение. Поэтому я буду драться!

Я встал и посмотрел в глаза матери.

— Ваш сын просто оказался не в том месте не в то время. Он ни в чем не виноват. На его месте, мог быть кто угодно другой, но оказался он. Я очень благодарен вам за то, что вы пришли. Вы напомнили мне, почему я решил драться с ним, но вам лучше уйти.

— Да, вам лучше уйти! — донесся из тишины голос, который я слишком сильно ненавидел, чтобы забыть. — Иначе вы увидите, как этот жук испустит последний вздох.

— Попрошу без оскорблений, — вмешался Миклот.

— О ты что папочку притащил? — спросил Валентин.

Учитель сделал шаг к нему. Он, казалось, собирался убить его сам, но я не мог этого позволить, поэтому просто коснулся плеча наставника. Тот обернулся.

— Он мой, — прошептал я.

Господин Арлар, довольно улыбнулся и отступил.

— Где твой адъютант? — спросил я.

— Мой адъютант — Кирилл Вирс.

Из темноты вышел молодой маг со слабыми способностями. В тот миг, я подумал, что этот парень не может быть другом такой личности и не ошибся. Кирилл Вирс — слуга Валентина Вересова, а друзья... Даже не знаю, были ли у этого человека друзья.

Моим адъютантом был мой учитель, ведь никому кроме него я не мог доверить свою жизнь. Все бумаги оформили быстро.

— Я верю в тебя, — сказал наставник перед самым боем.

Я огляделся, зрителей почти не было: два адъютанта и мальчик с мамой, которые никуда не ушли.

Я посмотрел на своего противника. Он был слишком самонадеян, это выдавала даже его одежда. Разве подходит для боя деловой серебристый костюм с алой рубашкой? Смешно! Я же был более предусмотрителен. На мне были черные спортивные штаны и майка с коротким рукавом.

Вересов смотрел на меня с интересом. Я положил руку на эфес сабли. Противник взял двуручный меч и, встав в боевую позицию, сорвался с места.

Я закрыл глаза и попытался прочувствовать ситуацию, снимая все ограничения с органов чувств. Покоряясь слуху и предчувствию, я победил в одно мгновение.

Валентин Вересов оказался до безумия примитивным бойцом. Он пошел в прямое нападения, желая снести мне голову. Как же это предсказуемо и примитивно. Я слегка изогнулся подставил под удар ножны сабли и ударил саблей в грудь. Удары произошли в одно мгновение. Сабля вонзилась в тело. Меч с легкостью разрубил ножны и ударился мне в левую руку. Я сжал от боли зубы и вогнал саблю до самой рукояти, а затем резко выдернул и лишь затем несмело открыл глаза.

Валентин стоял передо мной, истекая кровью. Меч медленно выскользнул из его руки. Я взглянул в его глаза и понял, что ошибся. У этого человека не было сражений — он дрался в первые, а раньше он лишь отрабатывал примитивные удары, поэтому его было так легко предугадать, но он был очень силен. Моя рука была рассечена до самой кости, да и кость треснула...

Я убил белого мага. Я убил Вересова! Я убил... Мне стало страшно, я отступил прочь выронив саблю. Мне было страшно, но меня остановил Миклот. Он положил руку на мое плечо.

— Молодец, — сказал он спокойно. — Это было блестяще.

Валентин рухнул.

Я обернулся. Спасенный мною мальчик смотрел на меня с нескрываемым ужасом. Теперь я в его глазах был демон. Я не стал подходить к нему и говорить что-нибудь. Им стоило уйти, но они остались, возможно это даже к лешему, пусть знают что черные маги и белые из одного теста и человеку лучше просто их бояться.

Я просто пошел прочь, желая как можно быстрее покончить со всем этим.

Миклот ничего не говорил мне о дуэли. Мы оба делали вид, что ничего не произошло, пока не настал день похорон Валентина Вересова. Я хотел пойти, видимо это чувство вины так на меня влияло, но я не мог позволить себе такую слабость, но мой наставник, кажется, видел меня насквозь, хотя теперь мне кажется, что он не людей видел насквозь, а их судьбы...

— Я хочу пойти на похороны Вересова, ты пойдешь со мной? — спросил он.

Я согласился. Так мы и оказались на кладбище. Мы стояли в стороне и наблюдали, как белые маги убиваются такой потерей. Я их ненавидел. Теперь им очень жаль, но кто был с ним рядом, когда он был жив? Слуга!

Я хотел уйти, но учитель неожиданно заговорил:

— Посмотри. Видишь мальчика в с черной лентой на правой кисти?

Я посмотрел на мальчишку и ужаснулся: он улыбался искренне и спокойно, но по его щекам катились слезы, такие же искренние, как эта улыбка.

— Это младший брат Валентина — Илья.

И вдруг мальчик вытер слезы и обернулся. Он посмотрел точно на нас, хотя мы точно знали, что скрыли свое присутствие, запечатав всю силу.

Он пошел к нам и, подойдя достаточно близко, спросил:

— Что вам нужно?

Я удивлено посмотрел на наставника, тот посмотрел на меня.

Я вновь взглянул на мальчишку и тихо, виновато представился:

— Я — Николариус Листэм.

Он с интересом осмотрел меня, но ничего не сказал. Я даже думать боялся о мыслях этого ребенка.

— Почему ты молчишь, — спросил я. — Ты ненавидишь меня? Мечтаешь отомстить? Или боишься?

— Нет, — ответил он коротко.

— Почему? — недоумевал я. — Другой, на твоём месте, набросился бы на меня, или убежал, боясь связываться, а ты просто стоишь тут. Почему?

Он просто пожал плечами, а затем неуверенно сказал:

— Вы освободили его. Мне кажется, что теперь он счастлив. Понимаете?

Я испуганно моргнул. Я совсем не понимал этого десятилетнего мальчика. Он был для меня такой же загадкой, как Миклот, который внезапно рассмеялся, прямо посреди кладбища!

— Почему вы смеетесь, учитель? — спросил я, испуганно.

Но он не ответил, а, сбросив капюшон, обратился к мальчику:

— От чего же он освободился?

— От фамилии Вересов, — тихо ответил Илья, опустив глаза.

Я наблюдал за ними и понимал, что ничего не понимаю, будто они говорят на другом языке.

— Посмотри на меня, — сказал спокойно Миклот.

Мальчик посмотрел на него и я невольно вздрогнул в его глазах возникло что-то такое, что, казалось, возникало в моих, когда я смотрел учителю в глаза. Восхищение, граничащее со страхом.

— Я — Арлар Миклот, черным маг третьего высшего уровня. Я наставник Николариуса, — он задумчиво провел рукой по бороде. — Запомни, мальчик мой, когда придет время бежать, когда тебе будет некуда идти, когда последней надеждой останется смерть, и тебе уже нечего будет терять, играй до конца. И если в этот миг ты поймешь, что все еще хочешь жить, пусть даже в пустоте, приходи ко мне, я покажу тебе новый способ видеть мир.

И вдруг учитель развернулся и пошел прочь. Я растерянно зашагал за ним.

— Стойте! — крикнул мальчик нам в след.

Я посмотрел на учителя. Он что-то прошептал, но я не услышал, а через мгновение мы исчезли. Я смотрел на учителя и ничего не понимал, но ничего не поделаешь: мой наставник особенный. Я улыбнулся и просто ждал, что будет дальше.

Прошло время, и я даже стал забывать этого мальчика с его невероятно живыми глазами, но Миклот вдруг вскочил и умчался куда-то прямо среди разговора, поздним вечером, а вернулся он не один, на его руках был тот мальчик...

Я был в шоке, когда увидел его. Он был очень худым, бледным, слабым и избитым. В тот миг я вспомнил Валентина и понял, как они все же не похожи, ведь даже теперь у этого ребенка глаза сверкали силой и решимостью. Они сверкали тем огнем, каким, по моему мнению, должны сверкать глаза белого мага, следующего благородному кодексу.

Он остался у нас. Его раны потихоньку заживали. Он был тихим и несмелым, запуганный котенок. Я не спешил с ним сблизиться, хотя уже понимал, что он останется с нами надолго, вернее навсегда, ведь он уже потерялся, вернее, отказался от своей прошлой жизни.

Потом он окончательно принял решение и стал одним из нас. Я понимал, что он идет на контракт с Чашей только потому, что нет другого выбора, ведь он просто загнан в угол просто делает то, что ему остается. Он просто хотел выжить. Я молча провожал его в тот день взглядом, не спрашивая и не ободряя. Мне было страшно, будто я был свидетелем чего-то ужасного, но учитель был спокоен, значит... возможно так все и должно быть, но это страшно!

Вернувшись, он сел в кресло и прижал к груди правую руку, будто молился. В тот миг все стало ясно.

— Было бы замечательно, если бы ты поговорил с ним, — сказал Миклот, небрежно теребя мои волосы. — Он не поймет меня, а ты не сильно отличаешься от него, поэтому...

— Я попробую, — неуверенно прошептал я.

— Только будь осторожнее со словами.

— Да, знаю я!

Учитель улыбнулся, будто и не ожидал другого ответа. Я просто кивнул и подошел к моему новому брату.

— Больно? — спросил я, присаживаясь рядом.

Он посмотрел на меня растерянно, возможно даже испуганно и ничего не сказал.

— Моя метка очень сильно болела особенно первое время. Ты знаешь, почему это происходит?

— Привыкаешь? — предположил он тихо.

— Не совсем. Метка возникает там где мы оставили свою боль, — сказал я закрывая глаза и прикладывая руки к собственной груди. — Она убивает эту боль, для этого она и нужна.

Я посмотрел на его удивленные большие глаза. Этот ребенок совсем не задумывался над этим, да и от куда он мог взять эту тему для размышлений? Я расстегнул рубашку и показал ему свою метку. Обычная простая метка, 43026, но я любил ее.

— Это не просто номер, данный мне как черному магу, это рубец на моем сердце. Это то, что осталось от огромной раны, маленький рубчик. Понимаешь теперь откуда эта боль? Это твоя боль, которую ты скоро забудешь, поэтому попрощайся с ней.

Он улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и, отведя руку в сторону, посмотрел на свое запястье. 666! Передо мной сидел новый Дьявол, а я даже не догадывался об этом. Я испуганно посмотрел на наблюдающего учителя, но тот просто кивнул, будто этот номер был мелочью, на которую не стоит обращать внимание.

— Николариус, скажи, — прошептал тихо Илья, не отрывая глаз от своего запястья.

— Что? — отозвался я, взяв себя в руки.

— Я забуду все, что было со мной?

— Нет, но боль утихнет. Мы ведь отрекаемся от прошлого, и оно становится просто страницей в нашей жизни.

— Благодаря ей моя боль станет намного меньше?

— Да. Когда она станет золотой все закончится и тебе станет легче.

Илья смотрел на пламя, играющее в этих проклятых шестерках.

— Это скоро закончится, завтра она уже будет золотистой, как моя.

— Пламя, сжигающее прошлое, — прошептал он тихо. — Тогда я буду любить эту метку, как свою вторую душу.

Я вздрогнул, а он просто коснулся губами собственной метки.

Мой будущий лучший друг Илья. Он тогда мирно улыбался, хотя его глаза были влажными, но он собирался жить дальше пусть даже по новым правилам. В тот миг я поймал себя на мысли, что смотрю на него с тем же восхищением, что и на Миклота. Этот мальчик был таким сильным и... особенным!

С тех пор я всегда следую за ним, куда бы он не пошел. Я просто был ему другом, потому что хотел быть ближе к нему, будто он солнце. И даже теперь я иногда смотрю на него, как на недосыгаемое горячее солнце.

И что там думает Чаша Тьмы? Почему нашим новым дьяволом должен быть белый маг? Почему его верный слуга, ребенок? Человеческий ребенок?

А просто не хочу об этом думать, но постоянно думаю, как безумный...

Когда-нибудь я все пойму, ведь я всегда буду рядом с Ильей и всегда буду помогать ему, что бы он не задумал!

«...самое важное...»

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор
Франсуа де Ларушфако

Наташа спала, но не видела снов. Она так нервничала, что уснула прямо в палате Сэта. После его звонка, она несколько раз звонила на тот номер, пока ей не ответил Илья. Он не хотел ей говорить, но она так настаивала, да и слова Сэта сыграли свою роль. Он поддался, и вот теперь Наташа здесь у кровати того, кого совсем не понимала. Она сжимала его руку и спала, ведь сил уже не осталось. Она здесь уже второй день, а никаких изменений нет, будто Этот человек был уже обречен. Пусть она спала, пусть даже не видела снов, но в ее мыслях снова и снова возрождались и умирали воспоминания о ее друге детства Алексее и о том, кем он стал, но все это вдруг рухнуло, ведь ее вампирское чутье предупреждало о чем-то опасном. Она открыла глаза и посмотрела на Сэта. Он открыл глаза и смотрел на нее. Его левая рука ловко сняла маску.

— Сэт, что ты...

Он так посмотрел на нее, что она не смогла закончить свой вопрос.

— Я сейчас кого-нибудь позову.

Она хотела уйти, но он сжал ее руку так крепко, что она не смогла сдвинуться с места. Когда она посмотрела на него, он просто покачал головой, будто уговаривая ее не уходить. Наташа просто подчинилась и села рядом, хоть и понимала, что это не очень правильно. Сэт закрыл глаза и, сжимая ее руку, жадно глотал воздух.

— Надо позвать Максимуса...

— Нет, — прошептал Сэт, открывая глаза. — Потом, а просто хочу побыть с тобой.

— Но...

— Потом! Я ведь так и не успел тебе сказать самое важное...

— У тебя будет еще время, пусти, я позову кого-нибудь из врачей...

— Наташа, не спорь, пожалуйста. Мне слишком тяжело с тобой спорить...

Она покорно улыбнулась, понимая, что все ее слова просто бесполезны. Он был очень бледен, а на лбу выступали крупные капли пота. Ему было больно, но он был уверен, что это не так важно, как то, что он хотел сказать.

— Я, правда, люблю тебя, поэтому прошу дать мне шанс. Я знаю, что у тебя есть молодой человек и знаю, что он, наверняка, хороший, но позволь мне стать тебе хотя бы другом, позволь мне доказать, что я не такой плохой, каким кажусь на первый взгляд. Мне всегда было плевать, что думают обо мне окружающие, меня абсолютно не интересовало чужое мнение, но мне совсем не все равно, что думаешь обо мне ты! Именно поэтому я прошу у тебя: дай мне шанс.

— Признаюсь, мне страшно, ведь я совсем не знаю тебя нового, но... я тоже хочу быть частью твоей жизни, ведь ты не чужой, — ответила Наташа.

Ей было страшно. С одной стороны она боялась перемен в своей жизни с другой, она боялась того, кто так сильно сжимал руку, ведь ненависть к нему все еще теплилась в ее сердце. Она хотела его простить. Она хотела его понять, но больше всего на свете она боялась обмануться и довериться тому, кто обманет ее...

— Ты все еще ненавидишь меня. Я знаю. Я, правда, понимаю, но не буду просить прощения, ведь это ничего не изменит.

Наташа что было сил, сжала его руку.

— Я всегда любил тебя. С самого детства, когда все шутили про нас, как про пару, — говорил он, вновь закрыв глаза, — я любил тебя, и с каждым годом это чувство становилось все сильнее и сильнее. Никого и никогда я не смогу полюбить так, как тебя, но я тоже боюсь, что так и не смогу быть достойным тебя, ведь за эти годы, пока ты хорошела, я превращался во что-то совсем чуждое тому Леше, которого ты приняла.

Наташа улыбнулась и, склонившись над ним, нежно коснулась его дрожащих губ. Его горячие губы обжигали, а ее казались ему прохладно живительными, но внезапно он оттолкнул ее.

— Зови, — шепнул он.

Глаза по-прежнему были едва приоткрыты, а вот пальцы разомкнулись. Он отпустил ее.

Наташа медленно встала и неуверенно пошла к двери.

Красный отблеск озарил всю комнату. Наташа обернулась. В едином порыве все приборы в палате, зажгли свои красные лампы, крича о чем-то ужасном. Она замерла, глядя на эти алые отблески в едва приоткрытых голубых глазах...

— Выйди! — велел чей-то голос.

Кто-то вывел ее из палаты, а кто-то другой остался там, но она уже ничего не замечала. По ее щекам катились слезы. Она уже поняла, что произошло...

Илья сидел с Ларой в своем кабинете и мирно беседовал.

— Вот здесь я и живу, — сказал тихо Илья.

— Ты уверен, что у тебя все хорошо? — спросила несмело женщина.

Илья тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку рабочего кресла, прошептал:

— Не смотри на меня так. Я все прекрасно понимаю и конечно волнуюсь.

— Тогда почему ты не с ним рядом?

Илья отвел глаза в сторону и тяжело вздохнул.

— Понимаешь, я просто не могу быть там. Он может очнуться в любой момент, но...

— Ты боишься?

Илья кивнул.

— Поэтому ты и должен быть там, разве нет?!

Илья молча смотрел на сестру жалобными измученными глазами.

— Ты же не хочешь, что бы он умер?

— Нет, конечно, но если это произойдет, я не хочу быть рядом!

Илья ударил кулаком по столу.

— Но почему?

Илья тяжело вздохнул.

— Он думает, что обязан мне. Я постоянно убеждаю его в обратном, но это не помогает. Он уверен, что обязан вернуть мне долг и если он вдруг начнет умирать до того, как его вернет, то...

— Тем более ты должен быть с ним. Если ты так много для него значишь, то...

— Три года назад я пообещал ему, что не буду сидеть над ним, пока он будет лежать в больнице. Он заставил меня ему пообещать, что я не буду просиживать там сутками, а просто буду заезжать время от времени...

— Он...

— Да, он сам так решил.

— Но почему? Что он пытается доказать?

— Это просто протест против нелепых самопожертвований. Он считает, что живя для себя можно сделать больше, чем живя для кого-то. Это и является основной причиной...

У Ильи зазвенел мобильный. Он вздрогнул зная, кто звонит и понимая, что этот человек не станет звонить просто так!

— Прекрати, ты должен вернуться.

— Нет, я не хочу!

— Ализиз!

— Нет! Нет и нет! И не спорь со мной!

Она тяжело вздохнула.

— Это же не ради меня, понимаешь ты это или нет? Это нужно тебя самому, ведь это твой кровный долг!

— Ты сама захотела занять мое место, поэтому не жалуйся, сестренка!

— Ализиз!

— Лаванда! (а в этих словах, кажется, скользнул сарказм)

— Пожалуйста!

— Нет!

Сэт открыл глаза. Его тело казалось ватным, все ныло будто его сильно избили, но он знал, что это просто побочный эффект реанимации.

— Тебе очень больно? — спросил Максимус без лишних предисловий.

— Если предлагаешь обезболить, то я «за».

— Хорошо, — шепнул Максимус и сам взялся за наполнение шприца.

— Я не буду у тебя опять все спрашивать, ты ведь и так помнишь, что мне нужно знать, — сказал он.

Сэт кивнул и тут же скривился от боли.

— Голова болит, тошнит, слабость, боль в груди, — перечислял Сэт с закрытыми глазами, пытаясь прислушаться к собственному телу. — Пальцы ног и рук шевелятся. Я в норме!

Сэт открыл глаза и посмотрел на друга.

Хирург тяжело вздохнул и ввел через капельницу морфин.

— Спасибо, — прошептал Сэт, зная, что скоро вся боль стихнет.

Максимус долго смотрел на него, а затем сказал.

— Что ты себе думаешь? Эта пятая клиническая смерть!

Сэт закрыл глаза.

— Я боюсь, что когда-нибудь твое сердце не отзовется на мои старания.

— Прости.

— При чем здесь «прости»? Я просто прошу тебя быть осторожнее. Ты ведь совсем безрассуден, поэтому что-то постоянно происходит.

Сэт закрыл глаза, а потом несмело прошептал:

— Что было со мной?

Максимус растерянно посмотрел на друга, этот вопрос он слышал впервые от Сэта за

долгие годы практики и совсем не знал, что именно он должен ответить.

— Что со мной произошло? — спросил Сэт настойчивей.

Он открыл глаза и смотрел другу прямо в лицо, не давая возможности спрятаться от взгляда.

— Твоя опухоль увеличилась и вызвала кому, — прошептал тихо врач, — затем...

— Не то! Совсем не то! Что было потом?

— Ты пришел в себя.

— Еще позже!!!

— У тебя остановилось сердце, — испуганно ответил Максимус.

— И все? — настороженно ответил Сэт, будто от него пытались что-то скрыть.

— Все.

— И ты мне не врешь?!

— Нет, конечно. Зачем мне это?

Сэт закрыл глаза и попытался расслабиться, будто отгонял от себя что-то.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто... Долго я был мертв?

— Почти три минуты, но это не должно было... Сэт, что произошло?

— Нет, не важно, это наверно из-за комы...

— Что не важно?! Отвечай немедленно!

Максимус схватил друга за больничную майку и тряханул что было сил, не церемонясь с ним ни на мгновение.

— Ты должен мне все говорить! Ты же это знаешь!

— Ага, — прошептал Сэт, — но я не уверен, что что-то произошло. Просто мне кажется что я забыл что-то важное...

— Что именно ты чувствуешь? — спросил врач, присев на постель пациента.

— Я помню, как говорил с Наташей, помню как начал отключаться, а потом...

— Что потом?

— Я был не здесь. Я был в другом месте, я сделал что-то важное там, но... Я не могу вспомнить.

— А потом ты очнулся?

Сэт кивнул.

— Расслабься, — прошептал Максимус, — скорее всего твой мозг просто выдавал тебе галлюцинацию из-за нехватки кислорода.

— Я был без сознания, какая галлюцинация?! Ты что издеваешься!?

— Извини, — прошептал врач, — но и ты меня пойми, твой мозг, как сломавшийся процессор у компьютера, он постоянно делает ошибки, и это вполне могла быть одной из них, понимаешь?

Сэт кивнул.

— Я сразу так и подумал, но мне почему-то кажется, что это безумно важно, будто я совершил преступление, будто разрушил что-то важное в своей жизни, будто отверг что-то более значимое, чем мне казалось.

— Сэт...

— Я понял, — шепнул он обреченно. — Это просто временное помешательство. Я не буду о нем думать, и все наверняка пройдет.

— Ты уверен, что тебе не нужна помощь психиатра или хотя бы психолога?

— Ты не веришь мне?

— Верю, но...

— Ты не веришь в меня?

— Перестань спрашивать такие глупости!

— Тогда просто расслабься, если что я скажу. У меня ведь никогда не было от тебя секретов и в этот раз я ничего не стану скрывать. Давай просто подождем.

— Но ведь такого раньше не было.

— Все когда-то бывает впервые. Я думаю, это пройдет, а если нет, то я обязательно тебе скажу. Все со мной хорошо, только спать хочется.

Максимус встал.

— Хорошо, я поверю тебе на слово, но мне все же надо проверить твои рефлексы, а потом отчитаться Илье Николаевичу.

Сэт тяжело вздохнул.

Илья вошел в кабинет Фина без стука и вежливостей. Им обоим это было не нужно, ведь для них обоих жизнь Сэта была важнее церемоний.

— Какого его состояние? — спросил Вересов, едва закрыв за собой дверь.

— Он вышел из комы, но у него остановилось сердце, к счастью я успел вовремя. Сейчас он в сознании и я...

— Только не говори, что он умрет!

— Нет, в данном его состоянии это мало вероятно. Он наоборот выздоравливает, — шептал тихо Максимус.

— Тогда почему ты так подавлен? — спросил Илья, сядя напротив врача. — Что тебя так тревожит? Если он выздоравливает, то ему лучше, что тогда не так?

Максимус тяжело вздохнул.

— Опухоль уменьшилось, сердечный ритм нормализовался, но я так и не понял, что вызвало рецидив и что нормализовало его состояние. Он просто умер и воскрес, будто перезагрузился, вот так вот просто, нажал на кнопку и перезагрузился!

— Но это же хорошо!

— Да, просто я боюсь, что его состояние может так же быстро ухудшиться.

— Просто не думай об этом. Мы будем бдительны.

Мгновение они, молча, смотрели друг другу в глаза, а потом Максимус несмело улыбнулся, будто боялся этой улыбки.

— К нему может вернуться зрение? — спросил Илья, помня, как это важно для Сэта.

— Возможно, — прошептал Максимус. — Однако этого может и не произойти, поэтому не стоит его обнадеживать. Он думает, что это не возможно, поэтому не сильно расстроится, если этого не произойдет, а если это случится, он будет самым счастливым.

Максимус стих. Илья внимательно посмотрел на его озадаченное выражение лица и уверенно спросил:

— Что ты не договариваешь?

Максимус посмотрел на Вересова, как на палача.

— Что еще произошло?

— Он сказал, что в тот момент, когда его сердце остановилось, он оказался в другом месте и сделал там что-то очень важное, но не может вспомнить что.

— Это какая-то патология?

— Вроде нет, — неуверенно сказал Максимус.

— Формально он был мертв, поэтому... Он мог оказаться в Шамболе.

— Теоретически, да, но мне так беспокойно... просто он был так взволнован, говоря об этом, что... Если он и правда был там, это может быть хуже, чем патология.

— Почему?

— Он был среди мертвых, кто знает, кого он мог там встретить.

В глазах Ильи возник ужас.

— Есть много мертвецов, способных вывернуть его разум наизнанку.

Илья задумчиво молчал.

— Он обещал мне все рассказать, если что-нибудь изменится.

— Мне страшно...

— Мне тоже... но... Илья Николаевич, скажите, как много можно говорить Наташе?

— Наташе? Не знаю.

— Она нам друг или враг?

— Она белый маг, но Сэт любит ее, поэтому я даже не знаю, поступай так, как решит

Сэт.

Илья встал.

— Я могу к нему зайти?

— Да, конечно.

Илья почти ушел, но у двери остановился.

— Мне плевать, что говорить Наташе. Это абсолютно не важно, я только хочу что бы он жил, причем жил так, как хочет сам, — говорил он, не оборачиваясь. — Мне не важно, какое решение он примет, я знаю, что он будет прав. Я бы все отдал, чтобы это прекратить, но снова и снова это происходит. Его тело, будто пытается убить его как паразита, но почему?

Илья обернулся.

— Почему все это происходит именно с ним?

— Он родился таким.

— Не правда! У него от рождения был порок сердца и все! Потом отец, потом Шпилев и как итог слепота! Все вроде увязалось, но где здесь магия и опухоль? Зачем ему это?

— Почему вы спрашиваете меня? Я ведь не давал ему этой силы.

— Ты веришь, что нам дается только то, что необходимо для выполнения главной цели всей нашей жизни?

— Это вполне возможно.

— Тогда может ли быть так, что это все из-за меня?

— Из-за вас? Как это из-за вас?

— Он хочет видеть меня королем. Он стал черным магом из-за меня. Он получил особую метку, с ней он верный слуга дьявола и его долг быть моей правой рукой во время правления, но это же не та миссия, которую может вынести человек!

— Почему вы заговорили об этом?

— Это ведь, самое важное для меня. Он единственное, что у меня есть, он мой сын!

— Не вините себя, в этом нет вашей вины, ведь не вы дали ему эту силу, а судьба.

Илья замолк, опустив голову, он все еще не знал, что правда, а что нет.

— Мне постоянно снится Мария, — шепнул он несмело.

— Мария Карлова?

— Да, и она проклинает меня в этих снах.

Илья вышел, понимая, что сказал слишком много.

— Самое важное, — прошептал задумчиво Максимус. — Жаль, но мы ведь не всегда можем защитить это «важное»...

Наташа несмело шагнула в палату к Сэту. Он спокойно лежал с закрытыми глазами, будто спал, но стоило Наташе приблизиться, и он не спеша поднял тяжелые веки и посмотрел на возлюбленную.

— Ты встревожена? — шепнул он виновато, понимая, что все волнения девушки только из-за него.

— Ничего, — прошептала Наташа, присев на краюшек кровати.

Она улыбнулась. Он смотрел на нее заморожено, а потом несмело коснулся ее щеке, будто пытался убедиться, что она не исчезнет.

— Интересно, какая ты теперь, когда волнуешься?

— Что!? — испуганно воскликнула девушка, отстранившись. — О чем ты?!

— Какой ты стала? — прошептал Сэт, нежно касаясь руки собеседницы. — Я помню тебя маленькой девочкой с двумя черными косичками и большими красными глазами. Когда ты волновалась, то часто тербила кончик крыла, если смущалась — у тебя краснели мочки ушей, а если ты злилась, то зрачки расширялись и глаза, казалось, чернели. Я видел много твоих съемок и фотографий, но ты не выказывала там много эмоций, поэтому я больше не знаю, какая ты в гневе или волнении.

— Сэт, ты что?! Я же сижу перед тобой!

Сэт закрыл глаза и улыбнулся, будто вспомнил очевидную истину.

— Извини, ты ведь не знаешь...

— Чего я не знаю?!

Сэт открыл глаза и, глядя на алый силуэт, произнес.

— Это тайна, которую мы не разглашали, но я ослеп лет семь назад.

— Нет! Как...? Почему? — простионала девушка.

Сэт закрыл глаза.

— Как? Травмы. Опухоль. там много чего было...

— Но...

— Я вижу тебя и окружающий мир, — произнес Сэт открыв глаза. — Я — Клиб. Я больше не вижу мир так, как видишь его ты, но я могу различать энергии, температуры. Я с легкостью ориентируюсь по силе и направлению воздуха. С тех пор, как я стал таким, у меня стали проявляться способности, ведь мои глаза отныне кожа и уши.

Он улыбнулся.

— Это не страшно, — прошептал он, — ведь я могу жить дальше.

— То есть нормально...

— Ну, это конечно не нормально, но вполне самостоятельно.

Сэт искренне улыбнулся, сжимая ее руку.

— Ты не изменился, — прошептала девушка грустно улыбаясь. — Такой же гордый, самостоятельный и не покорный судьбе. А мне все говорили, что жизнь таких ломает.

— Ломать то она ломает, но сломать не может, по крайней мере — пока.

— Ты не представляешь, как я испугалась, когда у тебя остановилось сердце! — воскликнула девушка, прижав к груди его руку.

На глаза у нее наворачивались слезы, но она не хотела плакать, пусть даже это слезы

счастья.

— Зря, — прошептал Сэт. — Я не умею умирать!

— В смысле?

— Умирать надо со смыслом, а так... так я никогда не умру, лучше жить!

— Все-таки ты — это ты и ничего тебя не изменит. Ты мне уже говорил, что если умирать, то с честью, если жить, то с удовольствием, а если играть, то...

— То с азартом, — закончил Сэт за нее. — Я помню, но теперь я бы внес одну поправку. Жить надо не с удовольствием, а не о чем не жалея и борясь до конца.

— Значит, жизнь не была к тебе благосклонна?

— Конечно не была, но... Знаешь, может я пережил многое, зато не о чем не жалею. Я сделал все, что должен был сделать. Я сделал все, что хотел, пусть даже ценой своего здоровья...

— Бедный...

— Бедный? Я богатый! — улыбаясь, заявил Сэт. — Мне принадлежит 20 % акций «Черной кошки», мне проценты капают каждую минуту, и вообще я неплохо зарабатываю переводами, да к тому же у меня своя трехкомнатная квартира в очень хорошем, престижном районе.

— Кстати про квартиру! — воскликнула Наташа. — Ты тогда убежал, а я осталась там и знаешь...

— Что?

— Это ужасное место... там так много крови...

— Я знаю, там ведь и моя кровь тоже, — прошептал Сэт, отводя глаза.

— Извини...

— Ничего, так что ты хотела сказать?

— Я навела там порядок и принесла тебе ключи.

— Кинь их на тумбочку, — шепнул Сэт, закрывая глаза.

— Мне наверно не стоило заводить этот разговор...

— Нет! Ты права.

Наташа вздрогнула, на нее смотрели два бледных голубых глаза, как иллюзия, два спокойных голубых глаза, без боли, печали и тоски...

— Ты ведь все еще не знаешь, что тогда произошло, — прошептал Сэт.

Наташа кивнула.

— Я вернулся от вас, но домой пошел не сразу, все ждал, когда свет в наших окнах погаснет, что бы ни видеть его хотя бы в свой день рождения... Но он все горел. Я вошел домой только около полуночи.

Голос Сэта вздрогнул.

— Леша, если тебе тяжело, можешь не говорить.

— Это важно, — бросил Сэт и тяжело вздохнув продолжил. — Он еще не спал...

— Он опять избил тебя? — спросила Наташа, хотя уже знала ответ.

— Да, но это было бы ничем, если бы я не начал сопротивляться. Я сам не понял, как и почему, но я схватил кухонный нож и... Я убил своего отца.

В глазах Наташи возник ужас.

— Но почему ты не пришел к нам, отец ведь хорошо к тебе относился и принял бы тебя, защитил.

— В тот миг мне стало очень страшно и я побежал к вам, но... я просто потерял

сознание на пол пути, а когда очнулся был в доме черного мага — Вересова Ильи Николаевича и память моя была чиста, как белый лист бумаги. Я помнил только страх, не зная, кого боюсь и куда хочу убежать. Я не пришел к тебе только по тому, что не помнил ни тебя, ни твоего отца, ни даже свое преступление, а когда память вернулась, я был уже черным магом и не мог так просто вернуться. Да и Илья Николаевич стал для меня очень дорогим и важным человеком. Он усыновил меня, и я действительно стал воспринимать его как отца. Я не мог просто взять и уйти.

В палату вошел Вересов.

— Надеюсь, я вам не помешал?

— Нет, конечно, — сказал Сэт спокойно. — Вы никогда не сможете помешать. Вспомнишь беса, сразу придет искушать, — сказал он Наташе, улыбаясь.

— Ну, вот теперь я еще и бес, — обиделся Илья Николаевич.

— Да, ладно вам, я же не в серьез.

Сэт отпустил Наташину руку и не спеша сел. Наташа не успела его остановить, а Вересов, даже не пытался.

— Наташа, знаешь, — начал Сэт несмело, — я тебе доверяю, но все же... ты не могла бы оставить нас на пару минут.

— Хорошо, — сказала девушка и вышла, недовольно взглянув на Вересова.

Илья проводил ее взглядом, но ничего не сказал.

— У вас все нормально? — спросил он у сына, когда за девушкой закрылась дверь.

— Ну, пока что не очень... просто сложно перестроиться и привыкнуть, к тому же она так нежна и приветлива...

— Но разве ты не этого хотел?

— Я-то хотел, но...

— Что тогда не так? — спросил Илья, пытаясь заглянуть в глаза молодого мага, склонившего голову.

— Просто еще совсем недавно она меня ненавидела и хотела убить.

— От любви до ненависти один шаг.

— Любовь, рожденная из ненависти и детской привязанности? Разве это любовь?

— Любовь — не подчиняется правилам. Она просто существует так, как угодно, исчезнет когда угодно и родиться из чего угодно, или вообще из ничего. У вас одно прошлое на двоих, разве этого мало?

— Ну, да.

— Просто подожди, у вас все наверняка сложится.

— Она встречается с вашим племянником.

— Ну и что?

— Как что?! Они же пара и я со своей любовью влажу в отношения пары, благополучие которой должно для вас что-то значить.

— Сэт, от любви еще никто не умирал. Если Володя потеряет ее, то грош цена их отношениям, а значит, ему нужна совсем не Наташа. К тому же мне будет еще тяжелее смотреть, как ты будешь душить это чувство в собственном сердце.

Сэт молчал.

— Может это конечно и важно, — продолжал Илья, — но, сколько бы ты об этом не думал, ничего не изменится, просто не думай, а люби, люби, не задавая никаких вопросов. Ведь ты любишь ее!

— Люблю...

— А она готова простить тебя, просто не думай, а люби ее и она услышит твои чувства.

Сэт кивнул.

— Вот и славненько. Теперь скажи, как ты? И что тебе привезти?

— Я нормально, — сообщил Сэт, уже веселее. — И везти мне ничего не надо, я скоро домой вернусь, ведь со мной уже все хорошо, полежу до утра и буду уговаривать Максимуса выпустить меня.

— Думаешь, он согласится?

— Думаю, у него нет выбора! Я просто не хочу сидеть здесь.

— Сэт, а зачем ты выпроводил Наташу?

— Есть серьезная проблема.

— Проблема?!

— Я должен был связаться с Вэлдорвилом по поводу заказа, но...

— Боги! — воскликнул Илья. — И что теперь будет?

— Вообще ничего страшного, просто он не заплатит мне, да и вряд ли будет со мной сотрудничать в дальнейшем. Я просто хочу ему позвонить, а Максимус как всегда забрал у меня телефон.

Илья грустно улыбнулся и дал ученику свой мобильный.

— Спасибо, — бросил Сэт, набирая номер советника короля Тьмы.

— Объявился, — донеслось из трубки.

— Здравствуйте господин Вэлдорвил.

— Ты где пропадал все это время? Все сроки уже вышли!

— Извините, возникли непредсказуемые трудности.

— Трудности! И какая же трудность могла помешать тебе позвонить советнику короля?!

Я разговаривал с тобой в субботу, и ты обещал, что позвонишь в понедельник, ты хоть знаешь какой сегодня день недели?!

Сэт посмотрел на Илью, ожидая подсказки. Вересов понял, что про дату Сэт, как всегда забыл спросить и показал ученику три пальца.

— Конечно, знаю, среда, — спокойно ответил Сэт.

— И ты думаешь меня это устроит? Я требую объяснений и выполненную работу срочно!

— За рукописью я приеду завтра, а насчет объяснений... можно я оставлю свои причины при себе?

— Ты вообще понимаешь с кем говоришь?

— Разумеется, но мне не хотелось бы обсуждать свои проблемы.

— И тебе не страшно?

— Это не имеет никакого отношения к делу.

— Сэт, ты в больнице?

— Ээ...

— Тогда ясно, можешь не спешить ко мне из-за заказа, но предупреждай как-нибудь или проси кого-нибудь, это совсем не дело так пропадать.

— Благодарю.

— И еще в следующий раз не занимайся ерундой, а прямо скажи, что ты в больнице!

— Простите, а как вы вообще догадались?

— Есть тайны от короля, но не тайн от его советника. Уж извини, но я знаю все и про

голову и про зрение, поэтому для меня ничуть не странно, что ты мог свалиться.

— Я не знал, думаю такого больше не повторится.

— Было бы замечательно. Позвони, когда сможешь приехать и передай привет Дьяволу.

— Илье Николаевичу?

— Ну, да ты же с его телефона звонишь.

— А ну да.

— Приходи, когда полностью оклемаешься, договорились?

— Как пожелаете, господин Вэлдорвил.

— Вот и славно, до встречи.

— Досвиданья.

Сэт отдал Илья мобильный.

— Я в шоке, — прошептал он.

— Я если честно тоже... даже не думал, что он серый кардинал.

— По-моему все глобальней, он ваш сторонник.

— Да, ну, глупость какая!

Илья только закрыл дверь палаты, а перед ним уже выросла злая Наташа Шпилева.

— Что? — спросил он у нее, понимая, что сейчас начнется что-то совсем не приятное.

— Зачем вы приходили?

— Как «зачем»? Он же мой приемный сын, родной человек.

— Только когда он лежал в коме, вас это не волновало, и вы, ни пойми где, пропадали!

— Вы, кажется, забываетесь.

— Ничего я не забываюсь! Он, так к вам относится, а вам плевать!

— С чего ты взяла, что мне плевать?

— А разве вы хоть раз пришли к нему, разве были с ним?

— А без этого любить нельзя? — сурово спросил Илья.

— Если кто-то тебе дорог, то ты должен быть с ним, когда ему плохо!

— А это ему нужно?

— Конечно! Это же...

— Ты у него спрашивала?

Наташа замерла.

— Вижу, что нет. Я не приходил не потому, что мне плевать, а потому, что он просил меня об этом. Это было его желание, основанное на его взглядах и мироощущении. Это и есть моя любовь! Я звонил каждый час, а ты... Я просто хочу, что бы он поскорее поправился.

— Но ведь...

— Прекратите, — шепнул Сэт, открывая дверь. — Вас слышно на всю больницу.

Он вышел в коридор и, пошатнувшись, чуть не упал, но уверенная рука Вересова, удержала его на ногах.

— Благодарю... Наташа, не стоит так говорить, Илья Николаевич и правда не приходил потому, что я просил его об этом. Ведь это не первый раз, когда я здесь, а если срывать всегда, когда мне будет плохо, то...

— То есть и мне не надо было сидеть с тобой?!

— Ты была не обязана, но я рад был увидеть тебя...

Илья обиженно сдвинул брови, но промолчал.

— Ты просто издеваешься! — воскликнула Наташа.

— Нет, я...

— Хватит, — вмешался Илья. — Что за глупые ссоры? Какая разница кто с кем был и что думал, главное, что Сэт снова с нами, а значит все еще можно изменить, разве не это самое важное?

Сэт улыбнулся, а Наташа гордо заявила.

— Ладно, сделаю вид, что меня все устраивает, а потом все по-своему сделаю!

Илья примирительно улыбнулся.

«... он не тот, кем пытается казаться»

Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным.

Франсуа де Ларошфуко

Сэта выписали, и теперь Наташа почувствовала себя свободной. Она не стала возвращаться в родную квартиру, а поехала к брату. Старший брат Наташи, Александр, был очень уважаемым человеком, несмотря на то, что ему едва исполнилось двадцать четыре года, он многого добился и был очень уважаем, среди белых магов. Он был офицером отряда безопасности, контролирующего зыбкий мир между черными и белыми магами. Наташа обожала брата и знала, что пусть сегодня и четверг, а он наверняка дома, ведь ее брат дежурил чаще ночью, чем днем.

Она открыла дверь его квартиры своим ключом и смело шагнула внутрь.

— Саша, доброе утро!

— Наташа? — удивлено, уточнил Александр, вставая с дивана.

Он был совсем не такой, как Наташа. Высокий, с русыми волосами, безумно похожий на отца. У него не было ни клыков, ни крыльев. Он был почти что человек, но алые кровавые глаза напоминали о крови их матери. Он даже не переоделся, а уснул прямо на диване, не снимая белоснежной формы стража [Страж — высшее звание, в отряде безопасности].

— Ну, а предупредить? — буркнул он, садясь.

— Зачем? — спросила весело сестра, падая с ним рядом.

— А вдруг я не один? — предположил Саша.

— А с кем?

— С девушкой какой-нибудь...

— Ты и с девушкой? Сам хоть себе веришь? Ты же уже кроме работы нигде и не бываешь.

— Я охраняю покой людей и белых магов!

— Знаю, — шепнула Наташа и прижалась к груди брата.

— С тобой все в порядке? — спросил Саша, взволнованно — От тебя лекарствами пахнет.

— Я просто была в больнице у друга.

— В больнице? Что-то случилось с Володей?

— Нет, это был не Володя.

— Опять смена фаворита, — иронично прошептал Саша. — И кто же он, этот новый «единственный»?

— Не издевайся!

— Хорошо, хорошо, не буду. Ну, так ты скажешь?

— Сначала ты мне ответишь на один вопрос, хорошо?

— Для тебя все что угодно, — согласился Шпилев, глядя сестру по голове.

— Расскажи все, что ты знаешь о Сэте.

— О Сэте? Опять!? Наташа, мы же это обсуждали!!!

— Это не ради мести.

— Не ради мести?

— Да, просто любопытно немного, ведь я его совсем не знаю.

Саша мирно улыбнулся.

— Ладно. Сэт — приемный сын Вересова, от рождения человек, мистическим образом получивший силу. Он вступил в ряды черных магов в возрасте восьми лет и с тех пор носит особую метку 15.13. Эта метка дает ему звание — верный слуга Дьявола и обязует верно служить новому Дьяволу до конца своей жизни.

— А Дьявол это...

— Дьявол, носитель трех шестерок, будущий правитель черных магов — Вересов Илья.

— То есть он просто принадлежит Дьяволу?

— Нет. Это не то, метки не принуждают, они только отражают истинные чувства, по крайней мере, так говорят черные маги, а если это не лож, то его желание — служить Дьяволу, и он преуспел. Невзирая на то, что кровно он не имеет никаких способностей, сем лет назад стали появляться вспышки эмоционального разрушения, то есть, испытывая сильные эмоции он бесконтрольно выбрасывал огромное количество энергии. Потом он как-то обуздал этот поток и с тех пор он считается магом, но так как от рождения он человек, есть те, кто не верят в чистоту его происхождения. Целую книгу можно написать про сплетни, распускаемые об этом юноше его родителями. Некоторые даже считают, что он родной сын Вересова, а кое-кто даже...

Саша замялся.

— Что?

— Есть версия, что он мерцающая звезда Ализиз.

— Верховный бог?!

— Да, — подтвердил Саша. — Они считают, что вернулся сам Аламан. Это конечно безумие, но говорит о многом. Недавно ему официально дали первый магический уровень, но ходят слухи, что он не сдавал экзамен, а получил уровень без тестов по приказу Короля Тьмы, не знаю насколько это правда, но если это так, то он вероятно сильнее магов первого уровня и наверняка может замахнуться на третий высший, а это, сама понимаешь, потолок. А вообще он очень скандальная личность и заработал огромную славу только на сплетнях. Он не участвует в политике и искусстве, но все хотят знать каждую деталь его жизни, стоит ему только заговорить с кем-нибудь и все ту же начнут гадать в каких они отношениях. Девушки от него без ума, но насколько я знаю нормальных, не созданных прессой отношений у него не было. Он вообще в основном один, все его контакты ограничены необходимостью.

— И какие это контакты?

— В первую очередь, Лира, Ник и Илья. Они живут в одном доме поэтому без контактов не обойдется.

— Кто такие Лира и Ник?

— Ник — друг Ильи, они были учениками одного черного мага, а Лира — ученица Ильи с мутным прошлым, но абсолютно не значительная личность.

— Ясно, а кто еще?

— Еще... Так, Максимус Фин. Не знаю что их связывает дружба, работа или еще что, но он часто бывает у Максимуса в клинике, правда причина такой частой посещаемости не известна.

— А еще?

— Ург Эвон. Их часто видят в месте в барах, клубах и т. д. Они постоянно напиваются

до чертиков. Ург потом засыпает прям там, где пил, а Сэт звонит его отцу, говорит где он, а сам, как ни в чем ни бывало, уезжает. Он кстати лет с четырнадцати на мотоцикле без шлема по всему городу носиться, его неоднократно задерживали за превышение скорости, а теперь даже не трогают.

— А еще?

— Да, все уже, остальные только по работе. Он занимается программированием и переводами, все остальные с кем он общается, это заказчики, а с ним все просто. Они ему заказ, он им результат, а они ему деньги.

— То есть он совсем один?

— Ну, получается, что да. Стой! Забыл. Есть еще Эвали Свифт — второй учитель Сэта. Он научил его сражаться. Все, что касается боя, Сэт унаследовал от него, а Свифт, к слову, тоже не прост. Его метка — 18.11 — мечник, то есть он очень сильный боец. Он начал заниматься с Сэтом, когда тот уже был магом. Он стал первым, кто видел призвание меча Аламана, а ведь Сэту тогда было всего одиннадцать. Более того Сэт не только может призывать меч и управлять им, он делить его на два легких клинка и использует технику боя самого Аламана. Этого к слову еще никто не делал, кроме создателя меча. К тому же раньше этот артефакт не служил никому больше трех лет, а тут прошло уже больше семи, а он все еще у Сэта.

— Ты прям в восхищении, — прошептала Наташа.

— Ну, уж извини. Ты даже не представляешь, как это невероятно, к тому же я никогда не испытывал к нему ненависти...

— Знаю, — буркнула Наташа.

— А теперь может объяснишь, почему вдруг так им заинтересовалась? Это знаешь ли совсем неожиданно.

— Ну, да...

Наташа отстранилась и, подойдя к окну, спросила.

— Ты помнишь Лешу Карлова?

— Лешку? Как его забудешь? Он был таким серьезным, таким задумчивым... А почему ты спрашиваешь?

— Ну... это сложно пока объяснить, скоро все сам поймешь.

Наташа смолкла, глядя на шумную улицу под окном. Как же она завидовала тем, кто беззаботно шагал с любимым рядом, держась за ручки. Как же она завидовала парочкам!

— Наташа, что случилось?

— Саш, — девушка обернулась. — Что общего между Лешей и Сэтом?

— Лешей и Сэтом? — Саша задумался на мгновение. — Стой! Леша — это Сэт?!

Наташа кивнула.

— И ты была у него?!

— Угу, а почему ты так шокирован.

Саша долго молчал, будто осознал, все что случилось.

— Невероятно, — прошептал он, — не за что бы ни догадался. Они же даже внешне не похожи!

Наташа села на пол и, обнимая себя руками, прислонилась к стене.

— Ты уверена в этом?!

— Угу, — выдавила девушка. — Я с ним даже поговорила и... он сказал, что наш отец изуродовал ему лицо...

— Папа?

Саша подскочил к Наташе и, упав возле нее на колени, обнял так крепко, как только мог.

— Не бойся, пожалуйста, милая. Все будет хорошо.

Наташа несмело обняла брата и заплакала, заревела, как маленький ребенок, закричала от боли в душе, но вцепилась в мундир стража, как в Надежду.

Алексей Сергеевич стоял возле своего автомобиля и ждал Сэта. Это было тяжелым ожиданием. Ему понадобился не один день, что бы решиться позвонить этому молодому магу, а теперь и вот теперь после тяжелого, но к счастью короткого разговора, они могли встретиться, осталось только дожидаться, но хотелось просто уехать, ведь чувство вины все еще жило в самом сердце, чувство, что ты сломал кому-то жизнь...

Мысли мужчины оборвались в тот миг, когда у самых его ног, резко затормозил мотоцикл и в невероятном развороте остановился. Это был Сэт. Он был без шлема и его волосы с легкостью трепал ветер. Казалось этого юношу не мучили призраки прошлого, будто он был свободен от него. Сэт мирно улыбнулся, и в сердце Алексея Сергеевича все оборвалось и стихло.

— Добрый день, Алексей Сергеевич, извините я немного опоздал, пришлось по делам заехать в Башню Мрака, а там можно застрять на целую вечность!

— Ничего, я даже не заметил, что ты опоздал. Неплохо выглядишь.

— Спасибо. Как ваша нога?

— Нормально, — спокойно ответил белый маг. — Даже не болит!

— Простите меня, я не хотел, что бы так вышло...

— Сэт, ты чего? Кто еще должен извиняться и просить прощение?! Это не ты все начал, а...

— Вы меня и пальцем не тронули, а я в вас стрелял, поэтому и говорю...

— Прекрати! Я не злился на тебя с самого начала. Ведь ты меня спас.

— От кого?

— Как? От белых, от Ильи! Ты решил все вопросы одним выстрелом!

Сэт попытался улыбнуться, но губы лишь бессильно вздрогнули.

— Забудь, я тебя простил, к тому же... Давай считать что мы квиты?

— Хорошо, — согласился юноша.

В этот миг все и открылось. Он был как все, и прошлое стояло над ним, как над каждым. Грустные глаза и взгляд в сторону... это боль...

— Я хотел тебе кое-что отдать, — сказал Алексей Сергеевич, понимая, что долго этот разговор не выдержит ни один из них.

Он залез во внутренний карман пиджака и вытащил золотой медальон со светло голубым камнем.

— Он ведь твой? — уточнил мужчина, зная, ответ, но хотелось сказать хоть что-нибудь.

Сэт замер, не отводя глаз от медальона. Пусть он и не видел, пусть он и отрекся, но никто и никогда не заставил бы его не узнать эту энергию! Мама! Он несмело взял медальон, будто боялся, что он исчезнет в его руках и, сжав в руке, прижал к груди.

— Он принадлежал моей матери, — прошептал он тихо, закрывая глаза. — Это как вернуться назад. Спасибо, вам огромное!

Сэт посмотрел на мужчину, как на спасителя и искренне улыбнулся.

— Извини, что столько лет ждал...

— Ничего, так даже лучше. Я за последних пару дней по-другому посмотрел на прошлое, поэтому... Я счастлив, видя его! Спасибо!

— Не за что!

Что ж... вроде мир, но лучше разойтись побыстрее, пока снова не стало больно...

Вернувшись домой Сэт столкнулся с Лирой. Она стояла в холе и ждала его.

— Что? — спросил он, уловив ее нетерпеливый взгляд.

Девушка не осветила, а, подлетев к нему, обняла.

— Лир, ты чего?

— Я так волновалась. Ты даже не представляешь, как мне было страшно, одной в твоей комнате. Я ведь даже не знала, что происходит.

— Ой, Лир, извини. Я даже забыл про тебя... ну, в смысле о том, что запер тебя...

— Ничего, — шепнула девушка отстранившись. — Я через окно вылезла.

— Умнечка!

Сэт по-дружески коснулся ее головы и вошел в гостиную. тут же забыв про страдания безнадежно влюбленной.

— Лира, а где господин Николариус?

— Ник? Не знаю, что с ним происходит. Он несколько дней пропадал, а сегодня ночью приехал и сидит на кухне всех игнорирует. Трезвый, между прочем!

— А Илья Николаевич пытался с ним поговорить?

— Вроде нет. У него то работа, то ты, то сестра. Он вообще дома сегодня не ночевал, так что они наверняка даже не виделись.

— Жаль, ну ладно, — буркнул Сэт и направился на кухню.

— Ты куда? Не надо с Ником разговаривать... Сэт!

— Почему? — спросил молодой человек, обернувшись.

— Ну, он же не очень то тебя любит...

— Глупости...

— Он же тебя ненавидит!

— Ошибаешься, — прошептал Сэт спокойно и вошел на кухню.

Ник сидел за столом и бессмысленно смотрел вперед. Сэт тяжело вздохнул и сел напротив мага, пытаясь попасть под его взгляд. Ник вздрогнул, будто его кот-то пытался разбудить и, нелепо моргнув, посмотрел на Сэта.

— Ну, как вы? — спросил юноша прямо.

— В шоке, — прошептал Ник и рухнул на стол. — Я был на кладбище и сам все видел... там же ничего нет... как такое вообще возможно!

— Возможно, — прошептал Сэт. — Это ведь реальность. Вообще если подумать, есть два варианта. Первый: кому-то очень понадобилась его тело, но это нелепо. И второй: он не умирал.

Ник поднял голову и пораженно посмотрел на Сэта.

— Но ведь мы все видели его мертвым и ты, и я, и Илья, и даже Лира!

— А что если тело всегда было мертвым?

— В смысле?

— Помните, тогда я вмешался, вы меня ударили, а Илья Николаевич тут же попытался остановить вас, в итоге никто не смотрел на Нубера больше минуты.

— Другими словами...

— Норбер сбежал заменив себя фантомом.

— Но скрыть фантома от остальных! К тому же Чаша Тьмы не может ошибаться!

— Ну, насчет фантома... тут конечно много загадок. Сам бы он не справился, но если ему помогли, то вопрос совсем другой получается. А вот с Чашей Тьмы...

— Вот видишь!

— Кто сказал, что у нее спрашивали?

— Ну, это же традиция и...

— Не спрашивал у нее никто! Зачем? Кто такой Норбер, чтобы ради него беспокоить дух древней ведьмы? Такие проверки делают лишь на очень значимых или особо опасных черных магах, а Норбер просто мальчишка!

— Но нам ведь говорят, что...

— Говорят, что мир рухнул осталась одна Атлантида. Все это просто слова. Надо же отличать реальность от политических ходов.

— А по твоему мир не рухнул?

— Куда он мог рухнуть. Все это сказки неизвестно кем и зачем придуманные. Мы ведь не закрыты полностью от остального мира. В нашей энергетической сфере есть две дыры, одна водная, другая воздушная. Если бы за пределами сферы ничего не было, то мы бы это заметили. По крайней мере: прощай океан!

— Но ведь еще никто не возвращался, покинув Атлантиду! Никогда!

— Конечно. Они просто не могут ее найти. Как можно обнаружить что-то не видя, не слыша и даже не ощущая? Атлантида для Земли — это пятое измерение, только без входа. Даже я с моим даром не нашел бы ее.

— Так просто...

— Гениальное и реальное всегда просто. В жизни вообще все просто, только человеку свойственно все усложнять своими сомнениями. Разум, как огонь. Он и друг, и враг в одно мгновение.

— А у тебя?

— А что у меня? Я как все. Если бы я не сомневался, меня бы здесь не было.

— Ты хотел бы бросить все и сбежать?

— Нет, конечно. Я бы изменил этот мир! Но мы отклонились от темы. Я знаю, как найти Норбера.

— И как?

— Но для этого вам придется выполнить два условия.

— Какие угодно?

— Первое: вы простите Норбера и не будете вспоминать о причинах случившегося. И второе: вы уговорите Илья Николаевича на мой контакт с Чашей Тьмы.

— Что? Это же безумие!

— Вы про какой из пунктов?

— Про второй конечно! Неужели ты готов рискнуть ради, того, кто...

— Не нарушайте первое условие, — попросил Сэт, сдавленно. — Я не хочу все это вспоминать.

— Но это же опасно.

— Поэтому мне нужно чтобы Илья Николаевич согласился. Чаша тьмы входит в контакт с магами третьего высшего уровня и если сочтет их достойными, ответит на их вопрос.

- А если нет, то...
- Никаких нет. Я даже не рассматриваю такой вариант. Вы согласны?
- Ну, с первым думаю без проблем, а вот со вторым придется помучаться.
- Надо попробовать, другого шанса не будет!
- Да понимаю я, но все же... не понимаю тебя.
- А меня и не надо понимать, просто примите все, как есть.

Илья вернулся домой поздно вечером, усталый и измученный. Иногда работа становится невыносимо тяжелой. Он умудрился уснуть прямо в кабинете прошлой ночью и теперь мечтал только о падении в мягкую кровать, но стоило перешагнуть порог, как тут же заявление:

— Нам надо поговорить.

Илья поднял глаза. В холе сидел Ник. Он был серьезен и строг, он был похож на себя прежнего, и это тут же заставило Илью собраться.

— О чем? — спросил он серьезно.

— О Сэте и Норбире.

— Норбире? И Сэте? Ты серьезно?!

Илья сел напротив друга и внимательно посмотрел на его суровое бледное лицо.

— Как никогда, — сообщил Ник. — Дело в том, что могила Норбера пуста.

— Как?

— Я тоже так отреагировал, но все правда!

— И что ты будешь делать? — спросил Илья, понимая все причины и проблемы.

— Я хочу его найти и вернуть.

— Ник, ты думаешь, что говоришь? Сэт же...

— Он хочет мне помочь, — перебил Ник, понимая, что хотел сказать его друг.

— Сэт?

— Да, он хочет пойти на контакт с Чашей Тьмы.

— Он это все сам придумал?!

— Видимо, да.

Илья встал и побежал вверх, даже не спрашивая о месте нахождения ученика. Ник спокойно последовал за ним, догадываясь, что Сэт не удивится их вторжению.

— Ты в своем уме?! — заявил с ходу Илья, открыв дверь в комнату Сэта.

— Конечно, — шепнул Сэт спокойно.

Он сидел на кровати с ноутбуком и работал над заказом советника короля, но все пришлось убрать прочь. На его шее висел медальон матери, который странным образом, не спорил с его суровой внешностью.

— Уверен!? Контакт с Чашей Тьмы, твоя идея?!

— Да.

— Это опасно!

Илья гневно стукнул кулаком по стене.

— Я знаю, не громите стены, — прошептал Сэт спокойно. — Силы у меня предостаточно.

— Но тебе придется делать контакт с переселением! Тебе придется переместить свою душу в Чашу! Кто даст гарантию, что ты сможешь вернуться назад?

— Никто, ведь этого еще никто не делал, а если и делал то не скажет, в конце концов

это противозаконно.

— Сэт, если об этом узнают...!

— Не надо «если». Не узнают.

Сэт встал и посмотрел Илье в глаза, хоть и не видел их.

— Вы ведь не скажите никому? — спросил он лукаво.

— Конечно, не скажу!

— Вот и я так думаю.

Сэт пожал плечами и рухнул на кровать.

— А если ты не вернешься?

Спросил Илья взволнованно.

— Не вернусь, значит, тоже никому не скажу.

— Ты можешь не шутить, хотя бы сейчас?!

— Я не шучу, — сказал Сэт, сев. — Я вполне серьезно. Если я не вернусь, то не вернусь

Мое тело продержится без души пару часов, а там сердце остановится, и я умру. И тогда я никому ничего не скажу.

Он равнодушно пожал плечами.

— А если ты просто не успеешь вернуться? У тебя сердце слабое!

— Если получится залезу к вам на первое время, а там попробуем закинуть меня в механическое тело.

— И будешь разумным роботом? Это невозможно!!

— Этого никто не делал, но...

— Прекрати!

— Ну, если у меня не будет выбора, тогда придется попробовать.

— А как же преимущество настоящего тела перед механическим? — спросил Илья, пытаясь отрезвить разум ученика.

— А у меня будет выбор? Хотя, если вы настаиваете, то я выпихну вас из вашего тела и буду жить дальше, как захочу. Вы не против?!

— Прекрати! — крикнул Вересов, сжимая кулак.

— А вы прекратите задавать нелепые вопросы. Я так решил и это не обсуждается!

— Но я не дал своего согласия, — прошептал Илья, испуганно.

— Если вы не дадите свое согласие, я сделаю это без вашего разрешения, а если не вернусь (уточняю специально для вас!) расцените все, как самоубийство и все! Одним черным магом в мире стало меньше!

— Сэт!

— Что?

— Скажи мне, почему?

— Что именно?

— Зачем ты хочешь это сделать? Ради кого?

— Ради себя, Норбира и Николариуса, разумеется.

— Но это же...

— Больно, обидно, тяжело! Да, но нет!

Илья смотрел на суровое лицо Сэта и не понимал его.

— Разве вам не страшно осознавать, что он где-то неизвестно где и искренне верит, что мы его ненавидим?

Илья не нашел, что ответить.

— А мне страшно, поэтому я хочу его найти.

— Но почему ты, мы можем послать официальный запрос и...

— Илья Николаевич, не будьте идеалистом. Кому это надо, возиться с каким-то так Норбером?

— Тогда это сделаю я, но не ты!

— Нет, не получится.

— Почему, думаешь, у меня силы не хватит?!

— Нет, дело не в этом. У вас с телом сильная связь, а у меня нет. Я с легкостью покину тело, а вы... ну сами понимаете, я же умирал в отличие от вас.

— Сэт...

— Это моя привилегия!

Илья посмотрел на молчавшего Ника, что просто слушал, не решаясь вмешаться, хотя он больше всех хотел решить все это поскорее.

— И когда ты хочешь это сделать? — сдался Вересов.

— Сегодня в полночь?

— Почему в полночь? Сила Чаши в полночь на пике!

— Знаю, но мне надо, что бы у Чаши Тьмы ни с кем не было контакта, а в периоде ее особой активности к ней никого не подпустят.

— А Иденбург?

— Ему закон не писан, он в любой момент откроет любую дверь, а я беру с большего.

Илья тяжело вздохнул.

— Может ты передумаешь?

— Нет.

— Ладно, удачи, — прошептал Илья и вышел.

— Спасибо, — прошептал Ник.

— Пока не за что. Я еще ничего не сделал, потом будете благодарить.

Николариус улыбнулся и вышел вслед за другом.

Сэт остался один, посмотрел на заказ и, тяжело вздохнув, сполз с кровати на пол.

— Какая тут работа? Весь настрой испортили!

На город спустился мрак. Вернее ночь, но Наташу это не волновала, она спокойна шагала, по хорошо знакомым переулкам. Все ее мысли были далеко от сюда. Она смотрела под ноги и думала о том, что чувствует, пыталась понять саму себя, но почему-то все с каждой секундой становилось лишь сложнее. Она и Сэт! Что они? Что связывает их? Что это за чувство? И этот привкус крови... ей было жаль, что все именно так и хотелось просто сбежать! Сбежать и добыть все то, что было последнее время. Он хотела просто ненавидеть его, не знать про его чувства, не знать его прошлого. Просто не знать его! Забыть! Но это было уже невозможно...

Она невольно коснулась холодными пальцами взволнованных губ. Это просто наваждение, но этот поцелуй...

— Наташ, привет, — сказал спокойный голос прямо возле девушки.

Вампирша вздрогнула, выходя из забытья и посмотрела на человека, стоящего рядом. Это был Володя, спокойный и умиротворенный. Она отшатнулась, но лицо молодого человека не изменилась, хоть он и видел ее глаза.

— Привет, а что ты тут делаешь?

— Вышел прогуляться и в итоге забрел сюда, а ты?

— Тоже гуляю. Мне многое надо понять в себе, — прошептала девушка, понимая, что скрывать что-то от Володи все равно нет смысла.

— И в нем, — продолжил за нее Ильин, подтверждая все ее опасения.

— Володя, не надо, — прошептала она. — Не издевайся надо мной, пожалуйста.

— Я не издеваюсь. Или это я, отвечая на звонок, говорю, что держу за руку другую, пока она без сознания? Или я внезапно рву все отношения?

Наташа посмотрела виновато на бывшего парня.

— Я просто хочу, что бы ты понимала к кому уходишь! Он же монстр, а не человек!

— Володя! Я не хочу ничего слышать, понимаешь? Все что ты говоришь бездоказательно! Я ведь никогда не говорила тебе, что люблю...

— Не говорила, но...

Наташа хотела уйти, но рука Володи неожиданно, сжала ее запястье.

— Зачем он тебе? Зачем?

— Я его люблю, — заявила Наташа, обернувшись. — Люблю!

— Но почему именно он? Неужели нет никого другого?

— А мне нравится он!

Наташа вырвала руки и пошла прочь.

— Выслушай меня, — сказал Володя серьезно. — Я могу доказать, что он не тот, как пытается казаться.

Наташа замерла.

— Просто выслушай, пожалуйста.

Наташа несмело кивнула.

— Тогда давай где-нибудь присядем, разговор будет не коротким.

Они приземлились в маленькой беседке в Наташином дворе.

— Ты знаешь, что Сэт — акционер «Черной кошки»? — спросил Володя.

— Да, он говорил. Ему принадлежат 20 % акций.

— Ты знаешь, что они занимаются созданием тел для киборгов и деталей для частичной механизации тела?

— Да, говорят они лучшие на этом рынке.

— Да, но никто из трех основных акционеров не воспользовался собственной продукцией. Никто: ни Илья, ни Ник, ни Сэт, а все почему?

— Может им это не надо?

— Сэту надо! Особенно после той дуэли. Он, как решето! Они, конечно, все скрывают, но я все же кое-что знаю, Сэту как минимум нужно новое сердце! Но он не торопится его завести! Почему?

— Может он считает это бессмысленным? — предположила Наташа.

— Ты была с ним в больнице! Это факт и он говорит совсем не о его здоровье, скорее о его не здоровье! Но он все еще человек! Почему?

— Ну...

— А я тебе скажу. Политика! Вот ключ к ответам. У Ильи Николаевича не лучшее политическое положение. Он должен стать королем, но не пользуется большим авторитетом, поэтому была создана «Черная кошка». Когда придет время, всех киборгов возьмут под контроль и установят военную диктатуру.

— Этого не может быть?

— Может! Это легкий путь удержание власти.

— Но даже если это и так, причем здесь Сэт?

— Как причем? Он слуга Дьявола и пойдет за моим дядей и в огонь, и в воду, и даже на войну.

— Это другое!

— Хорошо, — согласился Володя, доставая из кармана фото. — Что ты скажешь на это?

Перед Наташей была целая кипа фотографий. Девушка несмело взяла ее и начала смотреть. Эти фото объединяла лишь одна вещь — Сэт. Он везде был с девушками и везде разными. Где-то это были нежные объятия, а где-то страстный поцелуй.

— А вот на эту обрати внимания, — попросил Володя.

Наташа посмотрела на фото. Сэт сидел на диване в каком-то клубе, а на его коленях фигуристая блондинка. Она смеялась и кормила его клубникой. Рука Сэта спокойно лежала на бедре у девушки, а в глазах было то, чего Наташа, уже целую вечность не видела! Сэт был счастлив. Это было единственное фото, где Сэт был счастлив и расслаблен, а все остальные были будто наигранными.

— Из-за этой девушки он дрался с сыном Короля Тьмы.

— Но...

— Она его не больше к себе не подпустит.

— Почему?

— Это Карелира Грэйс, ученица дяди. В это воскресенье он напился и изнасиловал ее.

— Не может быть!

— Может, посмотри следующее фото.

Наташа взглянула. Та, красивая блондинка, спускалась по простыням вниз из окна на третьем этаже.

— Она от него сбежала!

Наташа испуганно смотрела на Володю.

— Это правда. В тот день дядя избил его, можешь проверить у него должны быть свежие рубцы на спине.

Губы Наташи дрожали, она никак не могла сказать, что не верит.

— К тому же есть, еще много тайн, например история с Алмондом Агвином...

— Bravo! — раздался голос Сэты.

Наташа обернулась. Он стоял совсем рядом, спокойно заглядывал в беседку и иронично аплодировал Ильину, пытаясь спрятать гнев за иронией.

— Гениально, — продолжал он, заходя внутрь. — Я, конечно, люблю наглых, сам такой, но подлых призираю!

— А что все то, что я говорил не правда?!

— Почти все, но дело не в клевете, просто это подло вылавливать ее ночью и наговаривать на меня!

— Ты не уходи от темы! — воскликнул Володя. — Не надо тут меня во всем обвинять! Я, между прочем, тут не рассуждаю, а оперирую фактами, поэтому могу требовать объяснений!

— Хорошо, — согласился Сэт, сев. — Только это не для тебя, а для Наташи.

Он закрыл глаза, тяжело вздохнул, а после начал:

— Все что касается «Черной кошки», полная лож. Я мало что знаю о делах, потому что не участвую в них. Я создал для компании защиту электронной сети и все, больше я ровным

счетом ничего не знаю. Что касается диктатуры, принципиально не в духе Ильи Николаевича, а как факт, рушащий твою теорию, могу доказать, что я воспользовался продукцией «Черной кошки».

Наташа смотрела на него с ужасом, волнением и восторгом. Она испытывала все и сразу, чем сильно отвлекала Сэта, но он изо всех сил старался не отвлекаться. Володя же был насторожен и серьезен, ведь его обвинение могло рухнуть!

— В моем затылке металлическая плита с порталом, для подключения. Поверишь на слово или показать?

Володя смотрел в его глаза, но не видел в них ничего, но эта уверенность, исходящая от черного «не мага», убеждала.

— А эти девушки?

Сэт посмотрел на фото.

— Что уж врать, мои любовницы, ни каких отношений, просто обоюдное удовлетворение.

— Но этой нет даже шестнадцати! — воскликнул Володя.

Сэт посмотрел на него, как на ребенка.

— У нас за это нет ответственности, к тому же она была самой опытной из этих.

Сэт швырнул Володе фото, оставил лишь две фотографии с Лирой.

— Лирка, — прошептал он, задумчиво. — Она конечно отличается от всех этих, ведь она мне не любовница, нас связывает, что-то другое. А это...

Сэт взглянул, как Лира выбирается из окна его комнаты и не удержал смешок.

— Что смешного?!

— Простите, просто она здесь такая смешная.

— Ты признаешь, что изнасиловал ее?

— Нет конечно, это же Лира!

— Это просто слова!

— Все здесь просто слова, колебания воздуха и только.

— Ладно, — согласился Володя. — Пойдем по фактам: Илья Николаевич избил тебя 18 августа и это факт!

— Ну, не сказал бы, — иронично выдавил Сэт. — Твой дядя никогда меня не избивал.

Его слова звучали уверенно, но мысленно он добавил: «... ну, или почти никогда. Тот раз не считается!»

— А что тогда это было?

— Небольшой воспитательный процесс с применением методов физического воздействия, или попросту — экзекуция.

— Значит, ты все-таки признаешь, что он тебя избил?

— Нет! Если бы он меня избил, то сегодня я бы не расхаживал по городу и не беседовал с вами «по душам».

— Но он бил тебя!

— Бил, но бить и избивать это разные вещи.

— И чем же они отличаются?

— Тебя что никогда не избивали? Так это ничего можно исправить!

Сэт прищурился и смотрел на Володю, так, будто тот был врагом всего человечества.

— Так! Это угроза? — уточнил Ильин настороженно.

— Как жеты меня замучил, — простонал Сэт. — Это просто предупреждение. Я так

устал от этого бессмысленного разговора.

— Бессмысленного! Это же важно!

— Каму?

— Наташе!

— Вот пусть она и спрашивает. Она, а не ты!

— Наташа...

Девушка вздрогнула.

— Что? — сказала она.

— Он решил отвечать только на твои вопросы, — сообщил Володя.

— Я слышала.

Она посмотрела на Сэта. В ее глазах была боль и отчаянье, а он, казалось, был спокоен.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спросила она устало.

— Честно? Просто я... Я приехал сюда на квартиру и решил пройтись к тебе.

— В такое время?

— Какое время? Еще нет двенадцати!

— Уже есть, — сообщил Володя, взглянув на часы.

— А тогда еще не было, да и не уверен, что я бы зашел, просто захотелось, а попал к вам на огонек воображения. Я... Да не знаю я! Не умею оправдываться!

Наташа смотрела в его спокойные глаза и ничего не могла сказать. Она уже ничего не понимала. Тот Леша, которого она знала, совсем не вписывался в образ этого черного мага, кишащего вредными привычками и распутством.

— Да, ладно я же не сволочь! — воскликнул Сэт. — Просто живу так, как хочу! И по головам я не хожу! Интриг не плету! А вы тут устроили настоящий сборник гадостей...

— А разве это нормально, напиваться до чертиков? — спросил Володя. — Менять женщин каждый день? Скандальничать? Влазить в драки? Это все нормально, по-твоему?

— А ты что мой отец, что б мне лекции читать? — спросил Сэт.

— Я племянник Ильи Николаевича!

— И что?

— Я тебе кузен!

— И что?

— И имею право вмешиваться!

— Ага, — буркнул Сэт и отвернулся. — Может, ты еще указывать мне станешь?

— А почему бы и нет!

Сэт посмотрел сурово на Володю.

— Не имеешь права!

— Почему? — удивился Володя.

— Проживи мою жизнь и тогда указывай! — заявил Сэт вставая. — Ты собрал на меня досье и думаешь, что знаешь все! Да ничего ты не знаешь!

— И дяде ты тоже это говоришь?

— Нет, — прошептал Сэт. — Он знает и понимает. Он бил меня за то, что я снова перебрал с алкоголем, но он понимает и никогда не будет читать лекции на тему вообще не пить, не спать с кем попало и так далее! Он не ты!

— Это значит я не авторитет!

— Это значит ты просто дурак.

Сэт просто вышел из беседки и, не прощаясь, пошел прочь, будто убежал.

Володя, встал, собираясь его догонять, но Наташа схватила его за руку.

— Не надо, — прошептала она и заплакала.

Сэт прислонился к стене в переулке и обессилено сполз на асфальт. Он был раздавлен, будто его избили, будто в его душу зашли в грязных ботинках и потоптались, будто убили, задев за живое.

— Не тот, кем пытаюсь казаться, — прошептал он, закрывая лицо руками. — Конечно...

Он поднял глаза к небу.

— Я не так силен, как вы думаете...

Он улыбнулся, встал и, гордо подняв голову, пошел домой.

11

«Без проблем...»

Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели.

Франсуа де Ларошфуко

Сэт закрыл глаза и расслабился. Он лежал на полу на кухне родительской квартиры и пытался расслабиться. Был уже второй час ночи, а это значило, что он солидно опоздал, но отступить назад он не хотел. Сложно было отвлечься от мыслей о прошлом, от Наташи и Володиных слов, но пришлось, ведь есть вещи поважней...

Он оставил свое тело в запертой квартире на холодном полу. Казалось, что он просто спит, но это было ближе к коме, чем ко сну. Все было легко без тела, свободно спокойно...

Он сформировался в храме чаши. Он не имел тела и каких-либо внешних примет, лишь силуэт, концентрация золотисто-белой энергии и золотой меткой на шее.

Перед ним развернулся темный огромный зал. Он был здесь десять лет назад на посвящении и хорошо помнил это место. Стены, покрытые фресками, окна с витражами, а в центре зала пьедестал с величайшим артефактом черных магов. Чаша Тьмы — кубок, похожий на череп с алыми рубинами вместо глаз, заполненный кровью всех черных магов. Здесь была и кровь Сэта (на его левой ладони все еще виднелся тонкий шрам). После смерти мага, его кровь испарялась, и о нем забывали, поэтому, когда Чаша была полной, черные маги ликовали, но сейчас она была заполнена лишь не половиной.

Сэт взглянул на кровавую гладь и уверенно коснулся ее прозрачной рукой. Кровь забурлила, вспенилась и, резко ожив, схватила его так сильно, как не могло не одно живое существо. Еще миг и Сэт был уже в Чаше! Только увиденное совсем не было тем, что он пытался представить! Большая просторная комната с белыми стенами, белоснежной мебелью и она — Ремерия! Высшая вампирша с огромными черными крыльями, алыми глазами, облаченная в облегающее черное платье. Она сидела в белоснежном кресле прямо напротив Сэта и улыбалась.

Юноша смотрел на нее удивленно и растерянно. Он был так озадачен, что даже забыл поприветствовать великую ведьму, но та не стала обращать на это внимание.

— Сэт — 15.13, не ожидала, что ты придешь, но рада, — она игриво улыбнулась. — Верный слуга дьявола! Ну и как тебе эта роль?

— Скучновато, — ответил Сэт, моментально расслабившись, будто перед ним не великая ведьма, а просто молодая женщина.

— Ну, уж извини, для Дьявола ты недостаточно горяч, да и это место заняли до тебя.

— Я знаю и не претендую на него.

— Тогда зачем пришел, если не жаловаться и не умирать?

— Я хочу знать, где сейчас находится Норбер Николариус Листем, метка 18.7.12.

— Стандартная метка, я такие не запоминаю, но если ты очень сильно хочешь, я поищу, — она закрыла глаза. — А этот мальчишка! — она открыла глаза. — А Дьявол знает, что ты здесь?

— Вы ведь и сами знаете, что я поставил его перед фактом.

— Жестоко. Слуга строит повелителя! Иронично. А зачем тебе Норбер?

— Ну, вообще-то это нужно не мне.

— Ладно, а Дьяволу он зачем?

— И ему он не нужен. Я делаю это ради Николариуса.

— Глупо, — она медленно облизала губы. — Пытаешься найти якобы убитого. Рискнешь жизнью ради гада, который подставил тебя. Пытаешься померить других, а сам не можешь даже удержать любимую девушку. Неужели ты не хочешь бороться?

— Зачем?

— Как? Ты же хочешь, чтобы она была твоей! Ведь все эти женщины только игра чтобы не думать о ней! Тебе же нужна только она!

— Не нужна. Скажите, где Норбер и я уйду!

— Ты уйдешь лишь тогда, когда я тебе это позволю. Запомни это!

— Я учту, но у меня ни так уж и много времени.

— Ах да, я подумаю над этим.

Она встала, подошла к нему и коснулась его лица. Сэт не стал ее останавливать. Она скользнула большим пальцем по его губам и, скользнув в сторону, обняла за плечи.

— Уникально! — шепнула она. — Ты даже не представляешь, насколько ты уникален. Ты превосходишь в мастерстве всех ныне живущих магов. Ты...

Она бесцеремонно облизала его шею и коснулась клыками, но он не отреагировал.

— И что не станешь останавливать меня?

— Если ваши игры, помогут мне получить то, что мне нужно, я буду играть по вашим правилам.

Она отстранилась и, пренебрежительно фыркнув, вернулась в свое кресло.

— Я знаю, что у тебя много вопросов, но знаешь... услуга за услугу. Я скажу, где Норбер, ты же в свою очередь выполнишь мою просьбу.

— Какую?

— Я скажу лишь, когда ты согласишься.

— Это противозаконно?

— Очень.

— Опасно?

— Безумно.

— Для меня или не только?

— Для тебя одного.

— Тогда я согласен. Что я должен сделать?

— Хорошо, слушай...

Утром Сэт приехал домой. После ночного путешествия все тело ныло, будто его измяли, как лист бумаги. Он сразу пошел на кухню, зная, что Николариус наверняка там.

— Ты вчера «гулял»? — спросил Илья, что тоже оказался на кухне.

— Гулял, — ответил Сэт улыбаясь.

Он положил перед Ником толстую черную папку.

— Здесь все о Норбере: где живет, чем занимается, под каким именем скрывается и как теперь выглядит. Все здесь!

— Ты ее украл?! — испуганно спросил Илья.

— Нет, мне ее отдали.

— Отдали? Кто?!

— Господи ну кто у нас в Чаше Тьмы главный?

— Ремерия?!!

— В общем, какая разница? Главное я достал то, что было нужно.

— Но...

— Я жив и здоров. Все нормально. Я же стаю перед вами! Меня никто не видел, поэтому никто ничего не узнает. Все! Забыли.

— Ты раздражен. Что случилось? Я просто волнуюсь.

— Я знаю, — прошептал Сэт. — Просто вчерашнее путешествие сильно меня вымотало. Да и к тому же я успел поцапаться с вашим племянником.

— С Володей?

— А у вас еще есть племянник?! — раздраженно спросил Сэт.

— Из-за Наташи?

— Все! — отрезал Сэт. — Не спрашивайте меня об этом!

— Ладно. Я не буду тебя трогать, — согласился Вересов понимая, что сейчас бессмысленно лезть с расспросами.

— Илья Николаевич, — неожиданно начал Сэт, — надеюсь, вы не будете против, если меня не будет этой ночью.

— У тебя планы?

— Да.

— Девушка?

— Что-то в этом роде...

— Сэт, кто она? Наташа? Или опять одноразовая личность?

— Нет, это особый случай.

— Особый?

— Да, думаю это надолго.

— Кто она?

— Очень интересная, таинственная, зрелая женщина.

— Сэт, — шокировано прошептал Илья.

— Что?

— Ты меня поражаешь. Где ты ее откапал?

— Где откапал, там уже нет.

— Зачем тебе зрелая баба?

— Илья, не допрашивай его, — вмешался Ник. — Может это любовь, а ты так жестоко: «баба». Вот обидится и оставит на твоём лице фонарь.

— Фонарь? У меня на лице?

— Да, а что? Не может разве? — говорил Ник, не отрываясь от папки, что листал.

— Что за глупости, — простонал Сэт. — Вам бы обоим романы писать с вашей-то фантазией. Ничего серьезного, невероятного и уникального, я просто развлекаюсь.

— Что!? Развлекаешься?! Ты меня убил, — сообщил Илья, шокировано.

— Ну, уж извините, — Сэт многозначительно закатил глаза и ушел.

— Нет, ну ты слышал? Развлекается он! Безумие!!!

— Да, не воспринимай ты все в серьез, — спокойно сказал Ник.

— Пойми ты, мне казалось, что я его знаю и понимаю, а тут такое! У меня просто в голове не укладывается...

— Ты что думаешь, что он всерьез?

- А что: нет!
 - По мне так: нет! Он все это сказал, чтобы избавиться от вопросов о вчерашней ночи.
 - Думаешь?
 - Уверен, но все же он что-то не договаривает.
 - А какие у него тогда планы на ночь?
 - Не знаю...
 - Что же произошло вчера?
 - Он расскажет, но потом. Дай ему время...
- Илья тяжело вздохнул.
- А что будешь делать ты, зная, где теперь Норбер?
 - Думаю над этим...

Задача, поставленная Ремерией, оказалась не из легких. Пришлось составлять подробный и жутко четкий план действий. К тому же пришлось кое-что создать. Сэт был взволнован, но не сомневался. Он закончил перевод и направился в Башню мрака, для создания прикрытия. Он шел по улице и думал, оценивал свои силы и возможности. Он снова и снова прокручивал план, как зависший компьютер, анализирующий информацию.

Выглядел он, как всегда, ничего нового или необычного: Серые джинсы и черная майка. его длинные светлые волосы слегка теребил ветер. Они были распущены и закрывали шею хозяина, пряча и метку и порт.

Центральный черномагический район кипел жизнью. Огромное количество магов и все что-то значат. Здесь редко встречались новички или слабаки, расхаживать здесь без дела уже наглость! А что бы иметь здесь дела надо иметь, по меньшей мере, связи или авторитет, слава не поможет! Сэт же был здесь, как дома, он шел к самому советнику короля!

— Ты куда? — испуганно воскликнула Ремерия в сознании Сэта, когда он вошел в мрачноватый небоскреб.

— Как куда? — мысленно удивился Сэт. — Не видно что ли? В Башню Мрака.

— Ты что сума сошел?

— Нет, я иду к Вэлдорвилу Сейвсу, — ответил Сэт. — У меня к нему дело.

— Ты же не будешь просить у него помощи?

— Нет, конечно. Я не настолько безумен!

— А потом что?

— Увидишь.

Сэт подошел к кабинету советника.

— Передайте господина Вэндервилу, что прибыл Слуга Дьявола, — сказал он спокойно секретарю.

— Сейчас.

Молодой секретарь сделал звонок и ту же пропустил Сэта в кабинет советника.

— Быстро, — сказал Вэндервил.

Это был высокий мужчина, на вид ему было около сорока, но в действительности ему было чуть больше трех сотен. У него были короткие черные волосы, карие глаза и небольшая черная бородка, которая добавляло его серьезному лицу иронии.

— Постарался, — сказал Сэт, спокойно. — Я и так затянул с этим делом.

— Но ведь не без причин.

— Это не важно.

Сэт поставил на стол министра чемодан и открыв его, отдал и старинный договор и его перевод.

— Там есть что-нибудь особенное? — спросил советник.

— Вообще-то не очень, — сообщил Сэт. — Правда, кое-что мне показалось странным.

— Что?

— Ремерия приказала уничтожить все документы связанные с ее родственниками, оставив только те, что касались брака с Аломаном.

— Ты читал мой договор с первым Королем Тьмы!?! — вскрикнула, обиженно Ремерия.

— И, правда, странно.

— Но абсолютно не важно для политики.

— Тоже верно.

Советник посмотрел на работу.

— Деньги я как всегда переведу на счет в соответствии с договором. Благодарю за скорость.

— Не за что. Я просто выполнил свою работу.

— Вот и славно, продолжаем сотрудничать согласно договору.

— Благодарю за понимание, — сообщил Сэт. — Я могу идти?

— Конечно, и передай Дьяволу привет.

Сэта передернуло, и он с интересом посмотрел на Вэндервила. Он немного помедлил, а потом сел напротив советника и, закрыв себя от Ремерии, сказал:

— Опять привет? Чего вы добиваетесь?

— Ничего, — сказал советник, улыбаясь.

— Скажите прямо. Вы за Вересова?

— Я за будущее, а там, как не крути правление нового Дьявола.

— И все?

— Ну, да, — улыбаясь, отвечал Вандервил.

— То есть вы против Иденбурга?

— А вы что против? — спросил маг, будто это было для него открытие.

— Пока нет, — сообщил Сэт.

— А потом?

— Как пойдет.

— Ясно. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Разумеется, — ответил Сэт и поспешил удалиться.

— И что это было? — спросила Ремерия. — Чего это ты вдруг от меня закрываешься?

— Просто личный разговор.

— Что честно?

— Вполне...

— И куда ты теперь? — спросила ведьма, видя, как молодой маг вышел из Башни Мрака.

— У меня есть план, просто не мешай!

— План? А зачем тебе в кармане два примитивных рубина? Что решил меня дурить?

— Эй! Вообще-то я все слышу и могу обидеться.

— А почему я должна тебе верить?

— Попрошу без наездов! Я вам не тот милый мальчик, могу и покусать.

— Эй, ты на кого зубы скалишь? Я здесь вообще-то вампир!

— Ха-ха. Я уже испугался! — иронично фыркнул Сэт, молча идя по улице. — Никогда не наезжайте на человека от которого вам что-то надо.

— Это что совет?

— Ну, что-то в этом роде.

— Ладно, а как наемник работодателю ты моешь мне объяснить: зачем они тебе нужны?

— Как наемник работодателю? Интересно, но на это я вам ничего не скажу, а просто пошлю куда-нибудь подальше. Как Сэт, я просто улизну от ответа, а если бы что-то для меня значили, то я бы наверняка объяснил, что это просто иллюзия для того что бы обманывать Иденбурга какое-то время.

— Э-э... Что? — растерянно и шокировано спросила Ремерия, не справившись с таким замысловатым потоком мысли.

— Ничего... мысли вслух...

— А-а, ну... Ты что все это время говорил?

— Нет, конечно! — воскликнул Сэт, раздраженно. — Это выражение такое! Все! Хватит! Мне надоело! Ты меня замучила, уходи.

— Но мои советы могут быть полезны...

— Тогда просто молчи!

— Хорошо, — согласилась ведьма, но вдруг опомнилась. — Что?! Да что ты себе позволяешь? Ты хоть понимаешь, кто я? Я — величайшая ведьма!

— А я великий навсепосратель! Еще вопросы есть?

— Ну, ты и наглец!

— Я знаю, — улыбаясь, отвечал Сэт мысленно.

— Ты так на Аламана похож. Он тоже был наглым, дерзким, сильным, могущественный, но справедливый и решительный. Он был величайшим из всех, тогда живущих. Аламан никогда не жалел себя, не страшился смерти. Он был, как ты выразился, великий навсепосратель, но погиб. Он прожил долгую жизнь, но был еще молод и силен и мог многое совершить. Он хотел обмануть жизнь, одурачить сметь, стать выше человечества, однако...

Сэт ее не слушал. Он все знал об Аломане. Знал, как тот погиб. Знал чего он хотел от жизни, к чему стремился и во что верил. Меч Аламана — это не просто оружие, это кладезь знаний, хранитель памяти и умений всех своих хозяев, начиная Аломаном и заканчивая Сэтом. Получив артефакт, Сэт получил доступ ко всей этой информации, но никто из прежних хозяев не был так интересен, как Аламан. Для Сэта он был, как бог, идол, человек приблизившийся к идеалу, но было, видимо, и что-то еще...

Ремерия все время что-то говорила, восхищаясь Аломаном, но Сэт совсем перестал ее слушать, а просто шел дальше. Он свернул в маленький переулок, зашел в один из домов и поднялся на крышу.

— А зачем нам эта крыша? — спросила Ремерия.

— Вообще-то она мне нужна, а вас она не касается!

— Грубо, однако, — буркнула ведьма.

Сэт ничего не стал говорить, а просто достал из своего чемодана ноутбук.

— Что ты делаешь? — спросила Ремерия, видя, как Сэт втыкает себе в шею кабель и спокойно усаживается на грязной крыше.

— Не мешай, — буркнул Сэт вслух. — И держись крепче. Я ухожу в сеть.

Стоило ему смолкнуть, и он тут же подключил кабель к уже включенному ноутбуку.

Ремерия так и не успела осознать, что значило «я ухожу в сеть» и за что она должна «держаться крепче». Ее затянуло куда-то, как в огромный мощный пылесос. Ее швыряло, как на сумасшедших американских горках. К счастью она крепко была прикреплена к сознанию юного мага и при всей своей беспомощности не могла потеряться. Ей казалось, что это никогда не кончится. Она даже обрадовалась, что сейчас бестелесна, иначе ее бы вырвало. Но все вдруг закончилось. Движение очень сильно замедлился. Высшая вампирша смогла даже разглядеть бесконечные потоки информации в виде 1 и 0, на мгновение она даже вошла в состояние покоя, но стоило ей расслабиться, как все началось вновь, но теперь еще быстрее, без изгибов и поворотов. Она не успела ничего понять, а ее просто выкинуло назад в тело Сэта.

Вернувшись в свое сознание. Сэт выключил ноутбук и, не спеша, приподняв волосы, вытащил кабель.

— Что это было? — чуть испуганно шепнула Ремерия.

— Я же сказал держаться крепче, ну да ладно... с тобой все хорошо?

— Ну, да... вроде бы...

— Цела? Ничего в сети не оставила?

— Ну, да, наверно.

— Ладно... может проверить?

— Да, не надо! Все со мной нормально. Ты мне лучше скажи, что ты там делал на такой сумасшедшей скорости? Что ты там вообще там успел понять?

— Ну, я просто запускал вирус в систему охраны. А про скорость? Ну... привычка, наверно. Сначала было очень страшно, а потом все изменилось. Я стал входить в раж и, — Сэт восхищенно улыбнулся, — все меняется от этой скорости. Я просто в восторге от этого безумия!

— Ты в восторге от скорости?

— Ну, да и не только...

— А как ты понимаешь, куда двигаться?

— Реакция, наверно. Я просто привык, понимаешь? Поэтому для меня здесь нет ничего особенного. Ты хранишь в себе все сведения все сведения о черных магах, ты — главный артефакт и божество черной магии. Все это — твой дар, а путешествовать в потоках информации — это мой дар, вот и все!

— Все просто. В жизни вообще все просто, только человеку свойственно все усложнять своими сомнениями. Разум, как огонь. Он и друг, и враг в одно мгновение.

Сэт удивленно замер. Она повторила слово в слово, буква в букву, даже тон в тон именно те слова, что он сказал Нику буквально вчера.

— А? Откуда вы знаете эту фразу? — испуганно спросил Сэт, мысленно.

— Так часто говорил Аламан, а что?

— Аламан? Тогда все ясно, — Сет тяжело растерянно вздохнул. — Просто совсем недавно я сказал эту фразу своему знакомому...

— Этого не может быть!

— Почему? Если меч хранит всю память Аламана...

— Нет, же! Ничего он не хранит! С чего ты вообще это взял?

— Но, я знаю то, что знал он. Я освоил древний язык, вспомнил его приемы и даже видел кое-какие из его воспоминаний, — растерянно буркнул Сэт, не понимая проблемы.

— Тогда почему никто еще ничего не увидел из прежних хозяев?

— Может, они просто не пытались? Или это было им не нужно?

— Меч выбрал тебя, когда тебе было одиннадцать лет. Он верно служил тебе почти семь лет. Он подчиняется тебе так же легко, как своему создателю, Аламану! Он открывает свои тайны. Он признал тебя полноправным хозяином. Ты смог стать магом, спас себя от слепоты, выжил в очередной раз после остановки сердца. Неужели ты никогда не хотел понять: почему все это происходит именно с тобой?

— По правде говоря, я об этом старался не думать.

— Но ты ведешь себя, как Аламан, — воскликнула ведьма, уверенно. — Смотри: я любила Аламана, а он любил меня, невзирая на то, что я была высшим вампиром. Ты тоже любишь внучку высшей вампириши несмотря ни на что!

— И что я должен из всего этого понять!?! — раздраженно воскликнул Сэт, вслух продолжая спокойно сидеть на крыше дома.

— Ты — Аламан, — решительно, объявила ведьма.

Сэт просто тяжело вздохнул и скривился так, что Ремерия тут же уловила его неверие.

— Почему ты так реагируешь? Неужели ты не веришь в чудеса рейнкорнации?

— Рейнкорнция — это просто возрождение души в новом теле, — спокойно возразил Сэт, беспечно ложась на крышу. — Просто перерождение, никакой памяти, любви, силы, ничего кроме прежней души!

— Но ты безумно похож на Аламана.

— Ничего подобного.

— Похож! Не забывай, твое лицо было изменено, но если бы этого не было, сейчас ты бы выглядел точно так же, как Аламан, будто у вас одни гены.

— Но я не являюсь родственником Аламана. У него не может быть прямых потомков, ведь у него не было детей.

— Дети? Это, — Ремерия растерялась, понимая, что он сбил ее своими сомнениями, но тут вдруг поняла, как доказать теорию его методом. — У Аламана не было детей, но у него было несколько братьев и сестер, а они родственники Аламана! И я уверена, что хотя бы один из них смог завести детей!

— Я не Аламан! — крикнул гневно Сэт, садясь. — Я не могу быть Аломаном.

— Твоя кровь идентична его крови.

— Этого просто не может быть. Я не хочу верить в это!

— Наташа — мое генетическое воплощение. Она такая же как я, поэтому вы — это мы пару тысяч лет назад.

— Вы сами себе противоречите, — простонал Сэт. — Она — не вы. Ваша душа не могла переродиться в новом теле, поэтому Наташа не как не может быть вашей рейнкорнацией.

— Моя да, но душа Аламана...

— Нет!

— Я — это я, она — это она, а ты — это он! Что здесь непонятно?

— Не верю! — воскликнул Сэт, закрывая уши, а после, опомнившись, продолжил. — Прекратите. Мне еще трудное задание выполнять, а у меня от ваших речей мозги вскипают.

Он решительно встал и гордо посмотрел на далекую вершину Башни Мрака.

— Не повторяй своих прошлых ошибок. Не пытайся превзойти всех людей, не стремись к славе бога, не ублажай себя иллюзией безграничной власти.

— Ты ошибаешься, — начал Сэт спокойно. — Он не пытался никого превзойти и не ублажал себя иллюзиями. Он просто хотел жить, так, как считал правильным, делая то, что

хотел, вот и все.

— Но смертный не может менять историю, а он ее изменил.

— Он сделал то, что хотел Он спас свое детище, спас Атлантиду и умер за свою идею. Он не пытался сравнивать себя с богами, не искал славы. Он даже не думал об этом, а просто сделал то, что хотел, просто слушая свое сердце.

— А ты-то откуда все это знаешь? — спросила Ремерия, будто поймала преступника за руку, подтвердив свои подозрения.

— Черт! Я все это узнал от меча. Я — не Аламан.

— Ты жутко на него похож и...

— Все! Хвати этих нелепых речей!

— Я просто хочу...

— Время пришло, — объявил Сэт, говоря о том, что скоро придется начать операцию.

Над высоким небоскребом, что принято называть Башней Мрака или, по настроению, резиденцией Короля Тьмы, поднимался черный густой туман. На часах было сего семь вечера, а небо было светло, но черные маги всегда любили пугать окружающих и наводить рисованный ужас: над Башней Мрака сгустился искусственный мрак, подобный клубам черного дыма, что медленно возникал из неоткуда и медленно клубясь, покрывала крышу здания. Именно этого Сэт и ждал. В такой светлый день никто не ждет вторжения, а искусственный мрак — идеальное, почти совершенное прикрытие от посторонних глаз. Молодой маг улыбнулся и осмотрел крышу под своими ногами. Его здесь никто не видел, но на всякий случай он нарисовал защитный круг с рунами, вырисовывая их кровью из порезанного пальца.

— Это глупо, — объявила Ремерия. — По крови тебя могут узнать.

— Нет. Здесь кровь никто не будет проверять, — спокойно отозвался Сэт, дорисовывая руны. — Мы в человеческом доме, а моя кровь не имеет никаких магических особенностей, руна поменяет форму через пару часов, да и до Башни мрака почти километр. Кто будет здесь что-либо искать?

— Но ведь...

— Не бойтесь. Все будет так, как я задумал. И с чего вдруг вы вообще боитесь? Вам никто ничего не сделает, даже если все откроется.

— А ты?

— Что во мне такого?

— Он же может стереть тебя в порошок, если захочет.

— Не бойся за меня. Что бы он там не учудил, я все переживу. Просто не бойся.

Сэт стянул с себя рубашку и небрежно швырнул ее на чемодан. Под рубашкой оказался верх комбинезона, который он быстро застегнул, пряча всю мышечную массу за черным полотном. Он спокойно поправил рукава, спрятал волосы под капюшоном. После скинул джинсы и кроссовки. Запихнул все это в чемодан, перепрятал прежде поддельные рубины в карман комбинезона, и телепортировал прочь от сюда в замок Вересова в свою родную комнату.

— И что теперь?

— Я начинаю, — бросил Сэт.

Он включил светоотражающий покров комбинезона, чем сделал себя не видимым для людей. Простой взгляд не мог его больше уловить. а от магического просто не было спасения, да и не верил Сэт, что кто-то будет разглядывать небо магическим взором.

— Расскажи мне, что ты задумал?

Сэт не ответил, а просто перепрыгнул на крышу соседнего дома. Так он передвигался с крыши на крышу немного петляя и время от времени сворачивая с курса, но снова возвращаясь. Он игнорировал мольбы Ремерии, что яро хотела все знать, и просто шел намеченным путем. Добравшись до соседнего с Башней Мрака здания, он замер на мгновение, еще раз оценил ее высоту и, глубоко вздохнув, взял разгон для прыжка.

— Будь осторожен, — прошептала заботливо Ремерия.

Эта фраза сбила Сэта. Он замер у самого края крыши и, мысленно выругавшись, подкрепил свою нецензурную лексику суровым заявлением:

— Никогда, ничего не говори мне под руку! Вообще не говори, пока это не понадобится! Все! Ты единственный человек, вернее... ну, ты поняла! Ты единственное мыслящее существо, что вывело меня за пару часов.

— Но я...

— Просто молчи! — сурово приказал молодой маг.

Ремерия подчинилась, хоть и знала, что это нелепо и абсурдно, но все же она хотела ему просто подчиниться, а не играть в великую ведьму.

Сэт тяжело вздохнул, сделал пару шагов назад, затем снова разогнался и, бесстрашно прыгнув в пустоту, запустил дрот, что по расчетам должен был вонзиться в крышу заветного здания. Он не видел куда попал и насколько надежно был закреплен, но металлическая нить удержала его от падения, а значит оставалось лишь быстро подняться не задавая никаких не нужных вопросов.

— Но почему без магии?

— Так меня вмиг засекут, — буркнул мысленно Сэт. — Все цыц!

Сэт стал медленно подниматься вверх, как по горному склону. Вскоре он шагнул в туман, где тут же выключил светоотражающую способность костюма. Здесь его вряд ли кто-то мог увидеть, да и Сэт был уверен, что нормальным взглядом в таком мраке ничего не увидишь, а энергия костюма еще пригодится для отступления и тратить ее попусту не входило в планы молодого Слуги Дьявола.

Все шло хорошо, возможно даже слишком хорошо, даже Ремерия послушно молчала и не пыталась его отвлечь. Все было просто идеально, и это тревожило Сэта. Пробираясь по стене в логово злейшего врага он был бы рад нелепой фразе Ремерии больше, чем такой идеальной обстановке. Он был готов ко всему, зная, что никогда не относился к числу везучих, поэтому когда дрот сорвался он был к этому готов, но к счастью это произошло у самой крыши и Сэт смог уцепиться за нее, как за спасительную руку помощи, успев при этом поймать падающий дрот. Он резко выдохнул, понимая, что его план только, что чуть не полетел под откос, но все решилось в последний миг, и он мог продолжить свой поход.

Сэт быстро забрался вверх, заставив свои мышцы поработать. На крыше было спокойно, а главное тихо, как в гробнице. Сэт со всем своим невероятным слухом улавливал лишь тягостную тишину, и каждое его движение казалось громом в этой яме. Сэт замер. Ему было страшно, как никогда прежде. Да, он боялся попасться. Да, он не хотел сейчас умирать, но было и что-то еще. Ему казалось, что если все пойдет не так и он умрет здесь, то потеряет, что-то безумно важное, что-то что он забыл вернуть, стерев все, что он помнит сейчас, но здесь и сейчас были те, кого он совсем не хотел терять. Было то, что он очень хотел успеть, как бы ни противна была эта жизнь! Он хотел выжить несмотря ни на что! Решил и тут же выкинул все это из головы, оставив лишь решение. Он хотел жить ради того,

кто был смыслом его жизни, только ради него и никого другого. Жить только ради службы Дьяволу!

Сэт шагнул к люку, не обращая внимания на тяжелую тишину. Люк был закрыт на электронный замок к которому стоило быстро подобрать код, ведь одна ошибка сразу активирует сигнализацию, но Сэт сразу не ошибся, подключив интуицию и отпечатки пальцев. Люк был открыт, сигнализация молчала, а значит, все могло продолжаться.

— Ловко, — похвалила ведьма.

— А то, — равнодушно фыркнул Сэт и шмыгнул внутрь.

Здесь было самое опасное место. Вирус, запущенный в охранную систему, должен был парализовать все камеры чердака и единственную камеру в кабинете Иденбурга. Камеры в коридорах его не интересовали, ошибка в их работе привлекла бы слишком много внимания, да и по коридору он не собирался идти, на что тогда существуют вентиляционная система? Однако она тоже была защищена лазерами, но Сэт их видел и легко мог избежать столкновения с ними. Вскоре он достиг кабинета Иденбурга. Открыв тихонько люк, он проскочи, как тень, в кабинет.

— Собрание совета началось? — спросил Сэт, помня, что Ремерия знает о черных магах все.

— Да, — отозвалась она. — Мне контролировать этот процесс?

— Было бы неплохо. Пока Иденбург занят, я могу здесь быть, пока не надоест.

— Ясно, — сказала Ремерия, будто выполняла великую миссию, будто спасала целый мир.

Сэт осмотрел стол короля. Все было примитивно: компьютер, бумаги, часы и многое другое. Одним словом хаос, но среди всего этого сумбура виднелась странная вещь. Сэт распознавал ее по сильной серой, а значит защитной, энергии. Но это было не столь важно по сравнению со слабым алым сиянием двух маленьких точек, пробивающимся сквозь серую пелену.

Сэт невольно протянул к ней руку, но тут же отдернул, заметив желтый разряд, похожий на молнию.

— Это «Сеть веры» — шкатулка, не выпускающая то, что в нее положили. Ты думаешь, что они там? — взволнованно поинтересовалась Ремерия.

— А где еще им быть?

— Тогда это безнадежно, — прошептала расстроенная ведьма.

— Ага, уже сдался! — иронично заявил Сэт. — Сеть веры — лабиринт и если я пройду его, то смогу вернуть ваши рубины, а поддельные оставить в место них.

— Но ведь никто и никогда еще не...

— Это не важно. История всегда врала и тут наверняка тоже врет. Из нее можно выйти иначе она называлась бы тюрьмой, а не сетью и не веры, а смерти!

— Но, Сэт...

— Я вернусь! Я знаю это.

— Ты точно Аламан, — сказала ведьма восхищенно.

— Все равно Аламан я или не Аламан. Главное: я вернусь и выполню свою часть договора.

— Сумасшедший...

— Если хотите можете оставить меня. До храма и сам доберусь.

— Что?! За кого ты меня принимаешь?! Я тебя в это втянула и теперь не брошу!

— Тогда не бойся, а то я чувствую твой страх, и это меня выбивает из колеи.

— Прости, — прошептала ведьма и затихла, как провинившийся ребенок.

— Тогда, идем! — объявил Сэт и смело коснулся загадочной деревянной шкатулки, происхождение которой было таинственно и далеко.

Сэту показалось на миг, что его разобрали на маленькие кусочки и снова склеили, но уже в другом месте, намного более маленьком. Однако он не чувствовал ничего тяжелого в этом, он просто стал меньше, чем был до этого! Пугало другое: он не видел, вообще ничего не видел! А значит, здесь не было ни энергии, ни жизни, ничего, что можно было бы уловить без нормального зрения. Однако Сэт мог слышать и слух его пытался сказать многое.

Он был окружен, но кем, можно было лишь предполагать. Он слышал дыхание и даже сердцебиение нескольких десятков людей, но они не излучали ровным счетом никакой живой энергии, будто были просто куклами, но он не чувствовал даже той силы, что управляла ими. Странные существа медлили, будто присматривались к нему и ждали от него действий, а он лишь стоял, почти не дыша.

Сэт резко обернулся и все в одно мгновение ожило. Неожиданно для Ремерии, но не для Сэта, неизвестные напали на внезапного гостя. Верный Слуга Дьявола, описал руками дугу будто отгораживал себя от наподдавших. Он вызывал свой уникальный меч и знал, что его огненная аура пойдет по дуге и защитит его на пару мгновений. Горячий меч скользнул в его руки, ослепляя своей силой. Легкий жест владельца и он, будто при помощи механизма, разъехался на два острых клинка. Два горячих раскаленных лезвия. Один на правом плече другой на левом. Оба пылали страстью к повелителю и стремились в бой, нужно было лишь позволить им рубить, разведя их в сторону, а пока они смиренны и послушны, ведь одно их рвение могло убить такого любимого господина.

Все застыло в изумлении, будто весь мир был ослеплен сиянием. Сэт не слышал ничего, будто все исчезло. Он не мог больше сосредоточиться на звуках, перед его глазами все еще пылал яркий огонь меча, невероятная желтая вспышка.

...лежать на дне реки, как то странно. Почему же мне не хочется дышать? Глупое тело у эмиров! И почему же нас так часто путают с вампирами? Хотя не важно, вы все равно не такие, как люди...

Лежать на дне реки... забавно, я здесь больше часа и все еще не потерял интерес к движению волны. Мягкие размеренные волны. Они похожи на энергию, только материальную... Энергия жизни. И есть только одна сила способная распороть тебя, изрезать, проникнуть в самую глубь — Луч солнечного света!

Солнечные лучи... хотел бы я повливать ими, такими мирными и уверенными. Ну, или хотя бы одним из лучей. Вот этим, например!

Я почти касаюсь его, но он ускользнет даже от меня и от учителя Амэта тоже... Хотя...

Я обязательно поймаю тебя...

... Отныне ты больше не луч солнца, не беспечный блик. С этой минуты и во веки веков ты — мой меч, меч Аламана! Я отдаю тебе свою жизнь, свою душу и свою веру, а ты будешь следовать за мной всегда!...

Свет усиливался, будто кто-то святил ему прямо в глаза. В ушах был лишь гул, а голова раскалывалась, будто его мозг собирался взорваться!

— Сэт! Что происходит? — донеслось до него.

— Не знаю, — прошептал маг, падая на колени.

Оба клинка выпали из его рук и растворились, будто их и не было. Молодой маг вцепился в голову и сжимал ее со всей силы, будто надеялся, что это поможет снять боль.

«Я тут умру, — подумал Сэт, закрыв мысли от ведьмы. — Глупо как-то и нелепо... Я не хочу тут умирать, не хочу быть убитым какими-то нелепыми существами! Я не для этого столько лет жил!!! Да, и данное слово, надо держать!»

Он не спеша встал, выпрямился в полный рост и закрыл глаза, но ничего не было... Вообще ничего не было! Ни кукол, ни стражей, ни кого, лишь два алых огонька.

— Иллюзия, — прошептал он.

— Иллюзия? Ты о чем?

— Все здесь иллюзия. Я ждал сопротивления и я его получил. Сеть веры! Во что веришь, то и получишь. Все это иллюзия, кроме того, что когда-то положили сюда!

— Но ведь здесь может быть и монстр.

— Теоретически...

Сэт подошел к красным огням и смело коснулся их. Алые рубины приветственно согрели его пальцы, стараясь не обжигать.

— Это они?

— Да, — подтвердила Ремерия, не веря, что все оказалось так просто.

Сэт взял рубины, а на их место кинул поддельные.

— Дело сделано, теперь домой!

Сэт развернулся и прямо перед собой увидел дверь, смело открыл ее и вышел на крышу человеческого дома с начертанными кровами рунами.

— Ты сделал это!

— Я же обещал!

— Ты же сможешь мне их заменить?

— Нет, я их тут брошу и посмотрю, как это вообще тебе поможет! — иронично воскликнул Сэт, чувствуя, что оживает, и никакой боли не было и этого ведение с рекой и сотворением меча...

Он был снова собой, как и обычно!

Ремерия сидела в своем белоснежном кресле, а он не другом напротив нее. Они просто смотрели друг на друга. Теперь у Сэта время было не ограничено его тело, его плоть, весь он был здесь и мог оставаться тут, пока не надоест, улыбающейся повелительнице.

— Ты молодец, — сказала она, небрежно закидывая ногу на ногу.

Все ее движения были немного замедленны и невыносимо сексуальны, однако Сэт был спокоен.

— Вы это тоже видели? — спросил он неожиданно.

Ремерия застыла, так и не закрыв рот. Он так старалась привлечь его внимание, вызвать симпатию, или хотя бы влечение, а он все это время был занят какой-то ерундой!

— Что «Это»? — спросила она разгневанно.

— Лежать на дне реки... повелевать лучами...

— Ты о чем? — испуганно спросила ведьма, понимая, что его слова похожи на бред.

— Значит, не видела.

— Что ты видел?!

— Судя по всему создание моего меча — меча Аламана.

— Это же...

— Не надо про меня и Аламана. Я не настроен на такие разговоры! Просто забудь...

— Ладно...

Она встала, подошла к нему и бесцеремонно уселась ему на колени.

— У меня есть просьба, — сказал молодой маг, спокойно глядя вперед, будто ничего не обычного не происходило.

— Какая? — спросила Ремерия, лизнув его ухо.

— Если вдруг случится так, что я переживу Илью Николаевича... пусть это и маловероятно, но если вдруг это случится, сможешь ли ты освободить меня от клятвы?

— Хочешь бросить орден? — спросила ведьма, став внезапно серьезной.

— Да, но только если вдруг я останусь без Дьявола.

— Почему?

— Мне не важен орден, не важен Кроль, даже ты для меня ничего не значишь. Я здесь только ради него, если бы не он, то никогда бы я не был черным магом, никогда не встречал в политику и не боролся бы за власть. Хотя ты ведь и так это знаешь. Ты ведь видишь всех нас насквозь?

— Хочешь свободу?

— Да! — уверенно заявил Сэт, взглянув на собеседницу.

— Без проблем! — объявила Ремерия, — но это уже другая просьба, а за ее исполнения другая услуга.

— И чего ты хочешь?

— У тебя есть кое-что, чего мне очень хочется, и если ты мне это дашь, то я не только гарантирую тебе освобождение от клятвы, но и в виде гарантии расскажу свой секрет.

Она схватила его за майку и, почти касаясь его губ губами, прошептала:

— Я хочу тебя. Хочу тебя сегодня здесь и сейчас!

— Без проблем, — ответил Сэт спокойно и сам ее поцеловал.

12

Райна Лотрек

Гениальное и реальное всегда просто. В жизни вообще все просто, только человеку свойственно все усложнять своими сомнениями. Разум, как огонь: он и друг и враг, в одно мгновение.

Аламан Денрот

Я родилась в тот же миг, что и моя сестра. Мы были близнецами, половинками, я и Ремерия. Я любила ее всем сердцем, а она любила меня, и никто нам не был нужен в этом мире, но все же мы были разные...

Когда мы были маленькими, то всегда были вместе, но взрослее становились все дальше и дальше друг от друга. И это была моя вина. Я отдалялась сама, убегала в одиночества, безумно завидуя родной сестре. Внешне были одинаковыми, но в нутрии... она была такой открытой и светлой, что все тянулись к ней, любили ее, восхищались ей, я была лишь ее сестрой.

Она искренне любила меня, но... глядя на нее, я чувствовала себя ничтожной, потому, в один прекрасный день, я просто убежала прочь, пытаюсь забыть, кем была я сама. Тогда я впервые увидела Его. Я налетела на него на улице и глупо упала, однако он не разозлился, а помог мне подняться, будто его совсем не волновали такие мелочи.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Я просто кивнула, не имея сил отвести от него глаз. Он был прекрасней всех людей, что я когда-то видела. Он сиял. Его яркие голубые глаза сияли в солнечных лучах, а светлые волосы казались золотом. И такое простое милое выражение лица. Он казался невиннейшим созданием на свете, такой наивный ребенок. Мы как-то невольно разговорились. Он был таким простым в общении, будто никогда в жизни его никто не обманывал, будто мы знали друг друга много лет. Он был так добр и мил: Аламан, или просто Ал.

Узнав, что я сбежала из дома и мне некуда идти, он просто предложил мне пожить у себя, если я помогу ему спрятаться детьми. Тогда я на миг подумала, что у него есть свои дети, но все же согласилась. Я могла постоять за себя, да и идти мне было совсем некуда. Я пошла за ним. Теперь даже не знаю, кто из нас был более наивен и простодушен, видимо я.

Аламан жил в маленьком доме на окраине города далекого от тогда еще не созданной Атлантиды. Это был старый обветшалый дом, но живой и светлый. В него только начала возвращаться жизнь, кто-то уже покрасил часть дома, а другая часть осталась прежней обшарпанной и старой. Одно из окон было разбито, но это казалось каким-то неуместным.

— Мы только вчера сюда вернулись и еще не успели привести дом в порядок, — виновато сказал Ал. — Но большая часть дома уцелела, так что...

— Это не важно, — шепнула я благодарно.

Мы вошли в дом и я замерла. В нутрии было убрано и даже немного шикарно. Старинные картины украшали стены. Хрустальные вазы оживляли полки со старинными книгами. А роскошная мебель подчеркивала белизну ковров.

— Братик! — воскликнул маленький мальчик, возникший неизвестно откуда.

Он бросился Алу на шею, а тот с легкостью подхватил его на руки.

Я вскоре познакомилась и с этим шустрым мальчишкой — Корбином, и с суровой четырнадцатилетней девушкой — Атрией, и другими братьями и сестрами милого молодого человека. У него было 5 братьев и 8 сестер, многие из них были очень малы, а он был старшим и заботился о них, хотя на вид ему было не больше 16 лет.

Я так привыкла быть с ними рядом. Я готовила им завтраки, обеды, укладывала малышей спать и тихо наблюдала за великолепной беспечной улыбкой. Он всегда казался беспечным, но в то же время следил за малышами, рассчитывал расходы и, казалось, был совсем взрослым.

Я так привыкла, что даже не заметила, как стала частью их семьи. Меня называли сестренкой, только Атрия была не довольна моим существованием, не желая делить со мной ни семью, ни кухню, но в этом ее недовольстве, я видела ревность, и меня это смешило, ведь все мы когда-то были подростками!

А потом явился тот, кто раскрыл мне глаза на реальность и заставил спуститься с небес на землю. Черноволосый демон, по имени Айрон. Он явился внезапно поздней ночью, держа за руку маленького мальчика, лит пяти, что держался за него, как за единственное спасение. Они были очень похожи, поэтому я совсем не удивилась, узнав, что они братья.

— Ай, ты неожиданно? — воскликнул Аламан и бросился встречать гостя, будто это был давний приятель, друг, а может даже часть семьи.

— Прекрати дурачиться, — попросил гость.

Но Ал просто улыбнулся своей сияющей улыбкой и тихо сказал:

— Не могу, пока я здесь я буду таким.

— Тогда собирайся, мне надо поговорить с тобой настоящим.

— Глупости! — заявил Аламан. — Как бы я себя ни вел: думаю, я по-прежнему, да и не стоит никуда бежать. Глен уже спит на ходу, — шепнул он, кивая на мальчика.

— И правда, — буркнул зеленоглазый демон.

Так неожиданные гости остались у нас. О чем они говорили ночью, я не знаю, но на мое существование. Он был удивлен, увидев меня.

— Высший вампир здесь? Ты с ума сошел? — спросил он у Ала.

— Все нормально, — улыбаясь отозвался Ал, кормящий младшую из сестреночек.

— Вы же враги!

Ал посмотрел на Айрона, как на идиота, которого очень жаль.

— Враги? — спросила я несмело.

— Как ты относишься к эмирам? — спросил Аламан, спокойно улыбаясь.

— Ни как, — буркнула я. — По легенде мы и эмиры создания противоположные и должны сражаться друг с другом. Вампиры не могут без тьмы, эмиры без света, но наш бой будет бессмысленным.

— Эмиры с легкостью могут убивать простых вампиров, созданных высшими, — сказал Ал. — Их энергия смертельна для них, само их присутствие причиняет им боль. Да, и высшие обожают кровь эмиров, и часто охотятся на малышей, что еще не способны защитить себя.

Он вдруг стал серьезен и спокоен. Улыбка исчезла с его лица. Сияющие глаза стали матово серьезными и я не верила, что тот, кто смотрит на меня сейчас тот же человек, что был передо мной пару мгновений назад.

— Вы эмиры? — предположила я, несмело.

Он встал и вытянувшись в полный рост сказал:

— Позвольте представиться. Я — Аламан Эрнест де Эмир Денрот.

Я замерла понимая, что он потомок самых страшных охотников на вампиров.

— Но ведь времена вражды прошли, — сказала я, все так же несмело.

— И я о том же! — воскликнул весело Ал, упав на прежнее место.

Он вновь невинно улыбался, а потом сказал весело демону:

— Дружище, не дури мне голову, лады?

Айрон рассмеялся и пошел будить маленького брата.

— Если честно, — начал Ал, когда дети покинули кухню и пошли гулять на улицу, — многие из моих братьев и сестер были убиты вампирами за эту вкусную кровь эмира. Да, и я сам убил несколько вампиров. И если я вновь встречу обезумевших от жажды, я убью их. Если встречу высшего, получающего удовольствие от сотворения новых вампиров, раздающего свою кровь всем, кто под руку попадет, я убью его. И это не из-за крови Эмира, это просто долг, защищать остальных. Но ты ведь ни такая?

— Я никогда не создавала вампиров, никогда, — призналась я сев, напротив него. — Но я решила, что если дорогой мне человек будет умирать, я дам ему свою кровь и буду давать ее каждый раз, когда он будет испытывать жажду!

— Я бы сделал то же самое! — сказал Ал, вновь став улыбчивым наивным ребенком.

Я долго думала о нем, как об эмире, как об охотнике на моих сородичей и не могла его представить сражающимся, но передумала, вспомнив то серьезное лицо и то равенство, что было между ним и самым настоящим демоном. Пусть даже вся его демоничность выражалась в изящных изогнутых рогах, но он же демон, а значит хуже нас — вампиров!

— Сколько тебе лет? — спросил однажды Айрон.

Они с Аламаном беспечно пили чай, а я занималась готовкой на завтра.

— Мне? — пораженно спросила я, будто не верила, что он со мной заговорил.

— Ну, да, — подтвердил он спокойно, будто вовсе не имел никакого отношения к демонам и не игнорировал мое существование несколько дней. — Мы из тех рас, что не выражают возраст напрямую, поэтому никогда не узнаешь, если не спросишь.

— В паспорте есть, — возразил Ал.

— Это одно и то же, по сути. Так сколько?

— А вам?

— Сначала ты! — настоял Айрон.

— А сколько дашь? — спросил Аламан, проигнорировав заявление друга.

— Ну, — я задумалась, было неловко говорить, то, что думаешь, но все же. — Если по человеческим меркам, то тебя лет 16–17, а Айрону 25–30.

Ал подавился и засмеялся, как маленький ребенок, давясь и смехом и кашлям одновременно. Айрон тоже засмеялся, но не с меня, а с друга, что не мог успокоиться.

— Я понимаю, что наверняка промахнулась, но...

— Айрон, ты старикашка! — воскликнул Ал, сползая со смеху под стол.

— И это говорит тот, кто старше меня, — буркнул Айрон.

— Извини, — прошептал эмир, сидя на полу.

Он, наконец, перестал смеяться и вытирал слезы, накатившиеся от такого дикого смеха.

— Просто даже не думал, на сколько лет мы выглядим, а ту такое заявление...

— Так сколько тебе лет? — спросил вновь Айрон, забыв про сидящего на полу Ала.

— А сколько дадите? — спросила я несмело, только теперь подумав, что это и правда забавно знать, на сколько лет ты выглядишь.

— 20–21, - донеслось из-под стола.

— 50–55, - заявил демон серьезно.

— Что? — воскликнул Ал, вскочив на ноги. — Разуи глаза! Ты что совсем в людях не разбираешься?!

— А надо было по человеческим меркам? — спросил он растерянно. — Я оценивал ее, как высшего вампира.

— У человекoв все просто, а у нас без хорошей мотивации не разберешься, так что давай по-простому, по человечески! — воскликнул Ал и тут же сел на свое место.

— Хорошо, тогда 23 года.

Ал облегченно выдохнул.

— А на самом деле?! — спросил он, будто играющий ребенок.

— 53, - смущенно сказала я.

— Вот! — воскликнул Айрон победоносно. — Я был прав! Ей 50 с хвостиком!

— Вот и знакомься с молодой и симпатичной, — буркнул Ал, уложив голову на стол.

— Эй, а вы?! — воскликнула я обиженно.

— А что мы?! — спросил Айрон, что бы меня побесить, но ему все испортил Ал.

— Мне — 97, а ему — 83, - буркнул он.

— Эй! — обиделся Айрон. — Кто тебя просил!

— А малышам, — спросила я, совсем не понимая взросления эмира.

— Никому из них еще нет 20, поэтому все они на моем попечении, — спокойно говорил Ал, закрыв глаза. — Они третье и последнее поколение детей моих родителей.

— В смысле?

— У эмиров только в определенные годы есть способность к деторождению, поэтому они так странно рожают. Одно десятилетие в столетии отведено на это. Мои родители погибли, все что у меня осталось, это малыши из третьего поколения.

— А остальные?

— Из моего поколения никого не осталось, только я. А из первого есть две сестры, но они страстные охотники, да и у них уже свои семьи. Они очень взрослые, да и... Им не было дела до нас, еще когда я был маленьким, а теперь им тоже не до нас, поэтому они моя семья.

Он поднял печальные глаза и вдруг весело заявил:

— Хотя Айрон с Гленом тоже мне почти семья!

— Стоп! — воскликнул демон. — Мне что отцу сказать, что ты на родство претендуешь?!!

— Нет! — испуганно воскликнул Ал и стал отмахиваться от друга, как от чего-то дурного и противного. — Не дури голову учителю, он не поймет такую глупость!

— Да, он может тебя принять.

— Не надо, — буркнул Ал с наигранным опустошением. — Я лучше по старинке в учениках похожу. Лады?

Айрон вновь весело рассмеялся. Я улыбаясь наблюдаю за всем этим безумием, и была очень счастлива. Мы были разными, но нас это мало волновала. Все мы были далеко не дети, но вели себя так, будто были просто детьми, и не было ничего более счастливого в моей жизни, чем это наивное дурачество по вечерам на кухне за чашкой черного чая. Мы были будто пьяны. А я была счастлива! Я была сама собой, а не тенью своей сестры!

Так прошло около года. Айрон почему-то не спешил, наверно это особенность всех долгожителей никуда не спешить. Даже вспомнился рассказ моего отца о том, как мама на

свиданье опоздала на два дня! И мы жили не спеша и тихо. Хотя куда нам было спешить? У нас еще не одно столетие впереди.

Я попросила Айрона рассказать об Аламане, ведь просить самого Аламана, как было неловко. Зная, про гибель его родителей, пренебрежение сестер и гибель братьев и сестер, не хотела предполагать, что еще было в его длинной жизни. Айрон, как не странно, сразу согласился, даже не издеваясь надо мной. Он рассказал все, что знал.

Аламан был младшим ребенком из второго поколения, когда ему было шесть лет, на их дом напали высшие вампиры. Мать была тяжело ранена, а все второе поколение «выпито» до последней капли, кроме маленького Ала, запертого в чулане. Мать была спасена вернувшимся отцом, а Ал стал любимейшим ребенком. Его лелеяли, как только можно было, берегли, заботились. Даже когда ему исполнилось двадцать лет, мать не оставляла его надолго, все боясь, что с ним что-нибудь случится, ведь эмиру так легко погибнуть, пока он мал; но он был уже не ребенком, хоть и играл беззаботное создание, для любимой матери, а потом просто сорвался, высказал все, что думал, и ушел из дома, пытаясь доказать, что не мал и не слаб. Ему было 25, когда мир открылся перед ним. Он сражался с вампирами, убил даже нескольких высших и к 35 годам стал опытным охотником. Однако этого ему казалось мало, уж слишком примитивно было идти на поводу у собственной крови. Он хотел большего, хотел менять историю, влиять на ее ход, быть частью ее, а это только прелюдия к его пути.

В 37 лет, ослепленный мечтой, об идеальном мире, он стал учеником Амета, сильнейшего, на тот момент колдуна, собирающего талантливейших представителей разных рас, для создания идеального мира. Аламан стал одним из этих сильнейших. Там и познакомился с Айроном, сыном Амета. Больше он не сражался, совершенствую свои навыки для чего-то более важного.

Лишь к 80 годам он решился вернуться домой. Эго отец не принял его, как предателя и негодяя, а мать вновь смотрела на него, как маленького ребенка, которого стоит оберегать и защищать, ведь он был мал и слаб в ее глазах. Она никак не могла простить себе того, что не смогла защитить своих детей и пыталась сберечь хотя бы его — любимого Аламан Эрнеста. Сын не смог понять ее и просто ушел ночью, не прощаясь, зная, что его не отпустят.

Все эти годы он поддерживал связь только с сестрами, писал им письма раз в 2–3 года, но они ему отвечали, чем все же признавали его, как своего брата. Он писал и матери, причем намного чаще, но без обратного адреса, боясь, что она найдет его и снова попытается окружить безграничной заботой.

Четыре года назад с ним связались сестры и сообщили о гибели их родителей. Они были убиты вампиром, пробравшимся в дом поздней ночью, кто это был, так и неизвестно, но сам Аламан, предполагал мстить, ведь этим вампирам руководила не жажда, иначе он бы начал с малышей! Он не стал рассуждать, колебаться, пускать в себя сомнения и страхи. Он просто предложил сестрам забрать малышей и взять вся опеку за них на себя. С тех пор он заботиться о братьях и сестрах из третьего поколения и время от времени привозит их в родительский дом, где вырос сам. И каждый раз, когда он приезжал сюда, то тут же превращался в наивного ребенка, которого играл, когда-то давно перед матерью, будто показывал ей, что она не ошибалась, что она была права, просто он немного заблуждался.

Я поняла, что он не так уж и прост, но уже полюбила его и наивным, и серьезным. Я привязалась к нему, а он, казалось, не отличал меня от своих сестер, и это было и мило, и обидно до слез.

После мы покинули город и уехали в совсем другое место. Мы даже поменяли планету, перейдя через портал. Аламан должен был вернуться к Амету, он и так слишком долго гулял «на свободе»! У отца Айрона было огромное поместье с несколькими домами. Главный дом принадлежал самому Амету, а остальные его ученикам. Был и дом Аламана, построенный только ради его братьев и сестер, ведь раньше эмир жил в главном доме!

Он и, правда, переменялся, переехав. Стал серьезным и суровым, даже дети уже не приставали к нему, как раньше, а сторонились и держались с ним, как с чужим, будто их родство разрывалось, от перемены настроения! Только Корбин, безумно любил брата. Он всегда говорил о нем, рассказывал, какой у него брат сильный, взрослый и могучий!

Зато ко мне отношение не изменилось. Он по прежнему любили меня, тянулись ко мне и хотели проводить как можно больше времени.

Шли годы. Они росли, болели, слабели и умирали, как и говорят об эмирах! Когда я пришла их было 5 мальчиков и 8 девочек. Через два года не стало одной из сестер Аламена. Еще через год умерли близнецы мальчишки, а следом за ними одна из их сестер. К двадцатилетию старшей из них, все такой же суровой, Атрии, у нее осталось лишь три брата и четыре сестры. И я говорю, не о ее поколении, а вообще о всех ее братьях и сестрах! Это было страшно, дико, больно! Я не понимала, почему Аламан, так спокоен, почему все они, так легко провожают членов своей семьи, будто в этом не было ничего ни страшного, ни дикого, ни несправедливого!

Мне было больно, но когда я не горевала, то тосковала, боясь заговорить с любимым о своих чувствах. Я все молчала, мечтая, что он заговорит сам, но он молчал.

А потом произошло то, что перевернуло всю жизнь! Меня нашла моя сестра! Меня нашла РЕМЕРИЯ!!! Она просто внезапно появилась на пороге, поздней ночью. Я была на кухне, и ей открыл Аламан, ожидая увидеть Айрона.

— Райна, — позвал он меня. — Это наверняка к тебе!

Я вышла в коридор и замерла. Моя сестра стояла в дверях, смущенно краснея.

— Ремерия!!! — воскликнула я

— Райна, — прошептала она несмело.

— Видимо я прав, — сказал сам себе Аламан и тут же пригласил ее в дом, отвел на кухню и усадил пить чай, беспокоясь, что она наверняка замерзла.

Я молча смотрела на нее, молясь, что она все же исчезнет, но она села передо мной и молчала, глядя только на меня.

Ал долго сидел с нами, ожидая, что мы заговорим, но мы лишь пилили друг друга взглядом.

— Все! — Объявил он сурово. — Вы же родственники, хватит вести себя, как дети. Поговорите же спокойно! Она же проделала долгий путь только что бы найти тебя, — обратился он ко мне, — а ты останешься хладнокровно спокойной, и даже не спросишь, зачем она это сделала?

Я посмотрела на него, будто молилась о спасении.

— Я ухожу, — сказал он и вышел.

Теперь мы были с ней вдвоем, и никто не мог бы остановить или осудить нас.

— Я волновалась, — начала тихо Ремерия. — Я все время думала о тебе. Где ты была эти шесть лет? Здесь? С ним?

— Почти, — ответила я. — Зачем ты здесь?

— Я же говорю, я волновалась. Я боялась, что с тобой что-нибудь случилось, поэтому

стала искать тебя. Я пять лет тебя искала!

— И нашла, — сказала я, встав и отойдя к окну. — И что дальше?

— Что с тобой? — встревожено спросила Ремерия, не спеша подходя ко мне. — Почему ты так со мной? Я же всегда была с тобой откровенна. Я всегда любила тебя. Так почему же ты так холодна со мной? Что произошло за эти шесть лет?

— Да причем здесь эти шесть лет!? — воскликнула я. — Эти годы были самыми счастливыми в моей жизни!

— И все благодаря ему, тому парню?

— Нет! Потому, что тебя не было рядом!!!

Ремерия застыла с ярким ужасом на лице. Она отступила от меня, а потом рванулась прочь, но не смогла убежать. Выскочив из кухни, она попала в уверенные объятия Аламана, что стоял у двери. Он резко оттолкнул ее назад. Ремерия влетела в кухню и упала на пол.

— Вы о чем думаете? Ты, — он властно указал на меня, — немедленно объяснила ей все, что думала, что чувствовала и почему уходила? А ты, — он посмотрел на мою сестру, как на презренное насекомое, — выслушала ее, попыталась понять и раскрылась перед ней! Ясно вам?!

— Почему? — спросила я, обиженно.

— Потому, что это правильно!

Он хотел уйти, но я остановила его своим заявлением:

— Ты же делаешь это не из-за нас. Тебе плевать, что будет с нами, просто ты злишься на себя, что не смог поговорить с матерью!

Он замер в дверях. Опустив голову, он долго молча смотрел на пол. Я понимала, что не права. Я уже знала, что просто сделала ему больно, что бы убежать от своей проблемы.

— Извини, я...

— Айрон рассказал? — спросил он, не дав оправдаться.

Он обернулся и продолжил, гордо глядя на меня:

— Знаю, что Айрон, больше просто некому, но ты не права. Я просто хочу, чтобы ты не повторила мою глупость, просто убегая. Меня не нашли, со мной не пытались говорить, а теперь мне некому выговориться, потому что ее нет. Моя мать умерла и проблема навсегда осталась в моем сердце, но у тебя все иначе! Вот она! — он указал мне на мою сестру. — Она перед тобой, твоя проблема и ты можешь ее решить, не бегом, а словами! Скажи же! Объясни: зачем ушла?

— Я боялась потеряться на ее фоне, — ответила я невольно и тут же закрыла рот руками, отступая все дальше и дальше к окну.

На мои глаза наворачивались слезы, а возле любимого вдруг восстала моя любимая непревзойденная сестра, которой я завидовала всю свою жизнь!

— Ты ушла из-за меня? — прошептала она взволнованно.

Я отвернулась и зарыдала, как маленький ребенок, ободравший коленку. Кто-то обнял меня. Я сразу узнала эти великолепные изящные руки с тонкими пальцами, как у меня. Меня обнимала моя сестра и я была счастлива, плакать в ее объятиях.

Дверь кухни тихо закрылась. Мы снова были одни, причем теперь, я была уверена, что он нас не подслушивает, стоя за дверью.

Это был тяжелый разговор, но я поняла ее, она смогла понять меня. Мы были сестрами и очень любили друг друга, просто она была ярче меня! Что здесь поделать?

Ремерия тоже осталась у Аламана, а он совсем не волновался на этот счет, будто ему

было совсем не важно, сколько вампиров он пускает в свой дом. Вот только между Ремерией и Алом что-то странное происходило. Они и говорили неловко. Она все время смущалась, а он так и норовил к ней прикоснуться. Меня это начинало тревожить, но я не успела сделать ни каких выводов, как у нас случилась страшная беда. Пропал Корбин!

Ал искал его по всему поместью, но десятилетний эмир, просто исчез. Мы искали его три дня, но безрезультатно, а потом он будто сорвался, запер меня и мою сестру в своей комнате и, вытащив меч ножных, спросил:

— Кто из вас его убил?!

— Ал, это не мы, — начала я.

Но он и не думал меня слушать, да и подозревал он не меня, а Ремерию. Даже не знаю, как он так легко нас отличал? Он схватил ее за воротник платья и, подтянув к себе, долго смотрел прямо в глаза. Она молчала, стыдливо краснея. Ее клыки невольно выдвинулись вперед. Я застыла, понимая, что у этого явления есть только одно объяснение, последний, чью кровь она пила, был моя любимый Аламан!

— Ты позволил себя укусить? — не веря собственным глазам, спросила я.

Он отпустил мою сестру, та обессилено рухнула на его кровать.

— Ты его укусила?! Рекмерия!

Но им было плевать на меня.

— Прости, — прошептал он, опустившись возле нее на колени. — Я просто...

— Он же твой брат, как я могла такое сделать.

— Прости, — шептал он, целуя ее руки.

А я стояла и смотрела на них, понимая, что все было неспроста, но я все проспала и мой Аламан, принадлежал уже ей! И как она только успела?! Ремерия!!!

Корбин нашелся через два дня, в подвале главного дома. Он заблудился, но без солнечных лучей истощился и когда его нашли, уже умирал. Ал вынес его на улицу, но как на зло шел дождь и все небо было затянуто тучами, а скудный свет не мог спасти эмира от истощения.

Я плакала, слушая, как они прощаются. Корбин умер, но Ал так и не смог отпустить его. Он забрал его душу и закрепил ее на старинной книге. Что случилось с этой книгой, я не знаю, ведь я ее больше не видела, а Ал о ней не говорил.

Через год он и моя сестра поженились, а я просто молчала, глядя на них. Я улыбалась, мечтая занять ее место.

А еще через пару лет Айрон попросил руки Риши, сестры Аламана. Когда они успели завести отношения? Мы даже не заметила, а между ними уже все пылало и искрилось. Да, он был старше ее на 81 год, но что такое 81 год, для долгожителя? Мелочь, поэтому мы сыграли еще одну свадьбу!

Риша переехала в главный дом, а все остальные малыши выросли и разъехались в самостоятельную жизнь. Дом опустел. Не знаю, хотел ли Аламан своих детей или нет, но их точно не могло быть у него и моей сестры, уж слишком разная у них физиология! А я... видимо он воспринимал меня, как сестру!

А потом я узнала, чем все-таки они занимались! Идеальный мир, что они хотели создать, должен был заменить ныне существующий. Идеальная искусственно созданная раса должна была жить в идеальном обществе с идеальными условиями, возникшими на

РУИНАХ старого мира. Они хотели уничтожить все, как только найдут баланс и идеал! Я пришла в ужас. Да, все это было заманчиво, но так ужасно.

Я уже была готова разочароваться в том, кого любила, но он вдруг восстал, против этой мечты, утверждая, что из того, что есть можно многое создать, если постараться. Амет не стал верить ему на слова, но и не стал бессмысленно спорить, они заключили пари. Аламан должен был создать идеальное общество, на небольшой территории, за пару сотен лет. Так начала свою историю Атлантида, мечта об идеальном мире!

Мы все переехали туда, даже Айрон, Риши и Атрия. Это было сложно, но Ал был одержим этим островом и его обитателями. Он возился с ними, как с детьми и был самым счастливым в мире!

Вскоре стали появляться первые результаты и к нам потянулись. Переехали старшие сестры Аламана с детьми и мужьями, брат и вся родня, а за ними и наши с Ремерией родственники.

Люди, маги, высшие вампиры и эмиры в одном месте, в полном согласии! Скажите это не возможно?! Только я видела это своими глазами!

ОН был не просто королем, он был подобен богу, поэтому его и провали мерцающей звездой, приписывая ему душу верховного бога Алилиза!

Две сотни лет прошли, и Амет вызвал Айрона, что бы разрешить спор. Айрон уехал. Он даже не знал, что будет потом, ведь если б знал, забрал бы Ришу с собой, а может и не уезжал бы, а сражался с нами!

На Атлантиду напала целая армия мутантов, во главе с безумным ученым Гюнгиором, что был одним из учеников Амета и наверняка действовал по его приказу!

Маги, люди и даже эмиры с вампирами умирали в неравном тяжелом сражении, а потом все закончилось. Почему был отдан приказ об отступлении, мы так и не узнали, вот только наш БОГ, наш Аламан, был мертв, убит неизвестно кем в этом бою!

Все потеряло смысл. Спор был проигран, ведь нет Аламана и нет восстания против идеи, а значит мир был обречен быть уничтоженным и Атлантида вместе с ним. Единственное чего она хотела, отдавая свою жизнь, за купол, это спасти доказательство того, что наш мир не безнадежен. Она взорвала портал и создала уникальную защиту, теперь даже если там все будет уничтожено, даже если все измениться, здесь на его детище все останется по-прежнему!

Ремерия, настоящая Ремерия, умерла!

Только вот она не учла распрей за власть! Кто-то должен был выбрать избранного. И я сделала свой ход, ради любимого и своей бестолковой сестры! Я стала Чашей Тьмы. Я создала орден! Я уничтожила все воспоминания о себе самой и назвалась Ремерие!

В этом была доля счастья. Она могла найти его, а я была ей!

Жаль только что мой план провалился из-за гордычки Атрии, что стала Струной Света!

То на чем мы держались, нас и развалило. Эмиры и вампиры не могут быть вместе. Крови смешались, и эмиры исчезли, а вампиров осталось единицы, хотя и те слабы, беспомощны и смертны по сравнению с нами, старыми Высшими Вампирами!

То на чем мы держались, нас и развалило.

13

«Зачем?»

Своим недоверием мы оправдываем чужой обман.

Франсуа де Ларошфуко

Ник не спал всю ночь. Он все время думал о папке, что принес Сэт и о том, что в ней было. Теперь он, наконец, знал, где Норбер, где его единственный сын, но почему-то не мог пойти туда. Всю ночь он думал о том, что случилось тогда. Он до сих пор не верил, что его сын жив, ведь он все эти годы верил, что убил его.

К рассвету он все решил внутри себя. Он хотел изменить свою жизнь, даже если ради этого придется перешагнуть через себя самого. Он хотел вернуть своего сына, хотел исправить свою ошибку. Да, ошибку! Он знал, что виноват, и хотел искупить свою вину перед единственным родным человеком на этой земле.

Стоило солнечным лучам проникнуть в комнату, и он тут же встал, взял папку и, посмотрев новый адрес сына, ушел. Он не знал, что именно будет делать, но хотел увидеть своего единственного ребенка, а потом... тут уж как сложится, главное только взглянуть в его родные голубые глаза.

Он шел по улице, медленно и не спеша, будто боялся спешить, будто не знал, что в действительности должен делать, будто боялся своих чувств и мыслей. В его сознании роилось столько разных эмоций. Он и страдал и волновался и был счастливым, все и сразу, огромной волной, заставляющей медлить перед этой неизвестностью, как перед адом, в который не хочется вступать.

Сейчас он впервые ненавидел черных магом, ненавидел их, как организацию, ненавидел их идеологию, их правила, их законы, ненавидел все то, чем руководствовался в своей прежней жизни. Кто придумал все эти правила? Кто решил, что учитель имеет право распоряжаться жизнью своего подопечного? Кто решил, что взрослый маг может вершить судьбами несовершеннолетних? Кто ввел побои, как метод воспитания? Кто? А главное зачем? Кому это вообще было нужно? Если бы не все эти правила и законы, если бы не это общество... хотя, кто знает, что было бы тогда? Просто Ник злился на себя и готов был обвинить кого угодно, только бы облегчить свою вину.

Его сын... его единственный сын, дитя единственной любимой женщины. Она была для него все, это родная любимая Дайна. Вот только она была человеком, простой человеческой женщиной. Она была слаба и вскоре умерла, когда маленькому Норберу не исполнилось и трех лет. Он никогда не помнил свою мать, лишь из рассказов отца он знал, что она была прекрасна и добра. Их сын...

От воспоминания о том теплом, маленьком невинном комочке, Ник был готов просто разрыдаться, видя в своем сознании окровавленное мертвое тело семнадцатилетнего сына. Его глаза налились слезами, но прежде чем эти слезы скользнули с его ресниц, он безжалостно смахнул их одним движением.

Он медленно шел по городу. Подобно тени исчезающей в толпе, среди холодных небоскребов. Город жил свое привычной жизнью и он жил вместе с ним, хоть и не осознавал этого. Он был маленьким болтиком в большой системе под названием АТЛАНТИДА

Сейчас он чувствовал себя оторванным из этого мира, будто вырванным и брошенным на произвол судьбы. Ему хотелось остановить время, а если это возможно вернуть его назад и тогда он изменил бы всю свою жизнь, изменил бы этот мир, нравы, взгляды, а главное никогда, правда, НИКОГДА, не ударил бы своего сына.

Какой-то черный маг поздоровался с ним, но не получил ни ответа, ни даже взгляда, ведь Николариус Листэм сейчас был далеко отсюда, невзирая на свое присутствие среди людей. Он был в собственном мире. Он пытался хоть на миг представить чувства Норбера, пытался понять своего сына. Хотел понять, что случилось тогда, но боялся понять, что ему самому нет прощения, что его вина в сотни раз больше, чем вина его ребенка. Он чувствовал, что зря идет, но не мог остановиться, ведь его сын был жив. Он дышал, чувствовал, жил все эти три года, пока он так старательно пытался забыть о нем, заливая мозг алкоголем.

Он шел долго, но все пути, в конце концов, приходят к своему логическому завершению. Перед ним вырос заветный дом. Он спокойно вошел внутрь поднялся по лестнице и замер на втором этаже у двери простой квартиры. Он замер глядя на эту дверь, как на что-то божественное, будто умолял ее сказать ему что-нибудь, но она была всего лишь дверью, а не мифическим божеством. В нем была только боль и не капли силы или решимости, просто отчаянье отцовского сердца. Ошибки — самые страшные враги человека...

Ник нерешительно постучал, но ему не отозвалось даже эхо. Он тяжело вздохнул, будто обрекал себя на пытку, и нажал на кнопку звонка. Призывный звон в квартире, но как только палец соскользнул, вновь настала тишина. Только Нику на миг показалось, что он почувствовал слабую ауру своего сына. Он вновь нажал на звонок, но ему никто не спешил открывать. В тот миг им овладело отчаянье, которого он от себя не ожидал. Он стал колотить в эту дверь, что было силы. Этот стук был подобен крику, будто он стучал не в дверь, а в далекое сердце, до которого не мог дотянуться.

— Зачем ты пришел? — раздался суровый голос с другой стороны двери.

Ник остановился, узнав этот голос, чувствуя эту родную силу и энергию. Он улыбнулся, прильнув к равнодушной двери.

— Норбер, сынок, открой? — попросил он тихо.

— Зачем?

— Пожалуйста...

Щелкнул замок. Дверь со скрипом приоткрылась, поддаваясь натиску мага. Ник несмело оттолкнул ее. Перед ним возник темный узкий коридор. Напротив него стоял высокий коренастый юноша со смуглым лицом. Все в его фигуре говорило о силе и молодости. Черные волосы небрежно нависали над суровыми голубыми глазами. В правой руке юноша держал пистолет, дуло которого смотрело прямо в грудь внезапно «вернувшегося» отца. Это и был тот самый «погибший» Норбер.

— Закрой дверь и не двигайся! — приказал он гостю.

Ник лишь кивнул и тут же подчинился, шагнув в коридор, он закрыл за собой дверь и замер на пороге в ожидании дальнейших действий или слов. В нем не было ни доли страха. Он чувствовал себя счастливым, будто получил, наконец, возможность предстать перед своей совестью, что так долго его мучила.

— Зачем ты пришел? — спросил Норбер, следя за каждым движением отца. — Неужто решил закончить то, что начал три года назад?

Ник отрицательно покачал головой.

— Прости...

Только соскользнуло это слово с его губ, и он тут же почувствовал себя раздавленным, уничтоженным и униженным. Будто вся его сущность была убита этим вопросом. По его щекам покатались крупные слезы.

— Прости меня! — крикнул он, схватившись за голову. — Прости, я просто...

Он медленно опустился на колени не в силах больше стоять на ногах.

— Я ничтожное создание, которому нет прощения, но я прошу тебя понять хоть на миг, что я чувствовал тогда и как я жалел о случившемся, я...

Ник замер, чувствуя, что больше не может ни говорить, ни плакать, сил едва хватило просто дышать сидя на полу у двери.

Норбер молчал, не зная, что ему делать. Все уверенность растаяла в нем и пистолет медленно опустился. Он все еще боялся, вспоминая тот день, но он знал, что сам виноват в случившемся. Он знал, что был виноват, но не перед отцом, скорее перед Сэтом...

— Прости меня, — прошептал Норбер, медленно идя к отцу.

Он упал на колени и, отпустив, наконец, незаряженный пистолет, обнял отца. Он не хотел думать, что происходит, не хотел знать, как его нашли, только бы удержать этот чудо в своих руках. Ник думал о том же, несмело обнимая совсем уже взрослого сына.

— Я был не прав, пап.

— Я тоже...

Они долго сидели так, пока, наконец, не осознали, что все это и есть реальность, и она никуда не исчезнет. Тогда они оба улыбнулись настоящей улыбкой. Это были две одинаковые улыбки, отца и сына. А через миг они сидели на кухне и мирно пили чай.

— Я был не прав, теперь я это понимаю, — говорил Норбер спокойно. — Я его просто ненавидел, хотя повода он мне не давал. Это было что-то настолько нелепое, что не поддается ни малейшей логике.

— Зачем ты это сделал? — спросил Ник тихо, прекрасно понимая, что этот вопрос уместней прозвучал бы три года назад, но тогда ему было просто не до вопросов, но теперь он хотел понять, пусть даже это было и запоздалым желанием.

Норбер тяжело вздохнул и, вогнав пальцы глубоко в волосы, начал свой тяжелый рассказ, что подобен покаянию грешника:

— Теперь я понимаю, что если ты просто талантлив, а возле тебя гений, это не значит, что ты глуп и отстаешь в чем-то, просто у гения потенциал больше и скорость развития совершенно другая. Это я знаю теперь, но тогда...

Он закрыл глаза, будто прятался, и тут же продолжил, будто не хотел останавливаться, боясь, что желание говорить просто исчезнет.

— Я всегда был первым, всегда был лучшим среди твоих и «Вересовских» учеников, пока не появился Сэт! Когда я увидел его в первый раз, он был в коме...

— Это после операции? — удивился Ник, он всегда думал, что никто из детей не знал о той части истории Сэта, что крылась в условиях поддержания жизнедеятельности безвольного тела.

— Да, — подтвердил Норбер, руша всю отцовскую уверенность. — Мы с ребятами совсем не понимали, что случилась и почему господин Шамирам с Максимусом так часто приезжали. Мы не знали, что стряслось, но очень хотели знать. В конце концов, любопытство всегда было моим самым плохим качеством, поэтому я пролез в ту комнату. Я видел его тогда и если честно, я потом долго не мог оправиться от шока. Я даже думать не хотел о том, что с ним было, но выглядел он ужасно. Он был как труп, подключенный к

огромному количеству разных аппаратов. Эта мраморная серость на его коже, впалые щеки...

Пальцы Норбера сжались в кулаки, будто он пытался удержать эмоции. Ему было страшно от воспоминаний даже теперь.

— Я думал: он просто умрет.

Норбер посмотрел отцу прямо в глаза. Ник кивнул, соглашаясь с таким умозаключением, ведь он и сам считал, что они зря тратят время на этого мальчишку.

— Но мы ошибались, — прошептал он.

— Да, — подтвердил Норбер. — Через месяц, когда началась беготня, я подумал, что он умер, но тут приехал Шамирам... как много чести для мертвого — Шамирам просто так не приходит, поэтому я решил послушать, что там происходит. Никогда не забуду этот шепот в тишине, такой растерянный и несмелый. «Я ничего не помню» — прошептал он, и мне стало так ни по себе, что захотелось убежать от этой двери как можно дальше, так я и сделал, но мое любопытство...!

Норбер злобно ударил кулаком по столу.

— Как только вы покинули его комнату и перебрались в кабинет, оставив Максимиуса наедине с тем ожившим трупом, я пошел подслушивать...

— А мы были так взволнованны и озадачены, что не заметили тебя...

— Впрочем, как всегда...

Норбер тяжело вздохнул и после небольшой паузы продолжил:

— Тогда я и узнал, что он выживет, но будет инвалидом из-за полученных травм. Мне было так жаль его. Кто сделал с ним все это? Зачем? Тогда мне было страшно, даже думать о его существовании, будто он нечто ужасное, как олицетворение всей человеческой ненависти и жестокости. Я пытался не думать о нем, не вспоминать, но это же было невозможно, к тому же через месяц он покинул свою комнату. В нем было что-то особенное. В его глазах было что-то особенное. Он как будто был далеко отсюда, просиживая часами в инвалидном кресле и глядя куда-то вперед он будто растворялся. Я никогда больше не видел таких серьезных, но в то же время потерянных глаз. Мне было жаль его всем сердцем, но я не мог даже подойти к нему. Наверно все тогда чувствовали то же самое, только Илья Николаевич думал как-то по-другому, и только от его голоса в голубых глазах безымянного ребенка появлялась жизнь, и только на его вопросы он отвечал скудным на эмоции тихим шепотом, как приведение.

— Жуткая была картина...

— Но он жил! Жил, понимаешь?

Норбер встал и стал быстро расхаживать по кухне, будто пытался кого-то догнать или просто убежал.

— А потом, когда он слегка ожил, когда его руки вновь стали подчиняться ему, а вместо шепота стали пробиваться простые слова, он становился другим и я чувствовал от него нечто подобное сиянию, заставляющему обернуться и взглянуть на него. Теперь я не боялся смотреть на него, напротив, я мог часами наблюдать за его задумчивым молчанием, за тем как он изучает движение собственных рук, но мне это не казалось забавным, да и той жалости, что была раньше я уже не испытывал, это было подобно восхищению, будто я видел, как что-то оживает прямо на моих глазах. Он был уникален от первой и до последней минуты, как...

Норбер замер у окна и, глядя в далекое небо, продолжен, так и не найдя сравнения.

— Он улыбался только Илье и роялю, когда касался клавиш. Он отлично играл, даже не скажешь, что у него проблемы с ориентацией, памятью и движениями. Я тогда не знал, что он о многом забывает уже через несколько минут, ведь я не говорил с ним, не общался и старался даже не подходить, как и остальные ребята. Мы игнорировали его, а он игнорировал нас, занимаясь своим медленным возрождением, но, в конце концов, я не удержался. Мне хотелось дотянуться до него, как до чего-то святого. Он был на втором этаже возле лестницы. Его коляска стояла у самого перила. Его руки мирно лежали на коленях, а смотрел он куда-то вниз, будто что-то в холе безумно интересовало его. Я решил, что это хорошая возможность, что бы заговорить с ним, ведь он не сможет спуститься без чьей-нибудь помощи, а попросить кого-нибудь, кроме отсутствующего Вересова, точно не решиться, и тогда я со своей инициативой буду что-то значить. Я не зал какую глупость делаю, когда подошел к нему и дружелюбно положил руку ему на плече...

Ник хмыкнул прекрасно помня, что случилось потом.

— Ну, откуда мне было знать, что он настолько напуган!?! — воскликнул Норбер, уперевшись руками в стол. — Я и не думал, что такое может случиться, а главное, что у него столько сил!

Норбер сел за стол и, нервно ломая пальцы, продолжил свою сыновью исповедь.

— Когда он обернулся. Я подумал, что все, что я знаю о нем лож. Те глаза, что смотрели на меня, принадлежали ни человеку, ни магу и тем более ни ребенку. Это были глаза загнанного дикого зверя, желающего чужой крови. Я был готов бежать от него прочь, но те слабые едва двигающиеся пальцы вцепились в мою руку с такой силой, что я не смог вырваться и прежде чем я осознал, что мне грозит опасность, прежде чем даже подумал о том, что надо что-то делать, этот полумертвый ребенок перекинул меня через себя и перила и просто вышвырнул вниз в холл, как игрушку, а не десятилетнего черного мага.

— Я все еще не понимаю, как он это сделал.

— А я не понимаю, как он после этого мог сидеть как прежде и улыбаться. Улыбаться понимаешь? Как? Зачем?!!

— Он плакал всю ночь без остановки захлеб...

— Знаю, но на утро он об этом уже забыл, ведь это такая малость скинуть человека со второго этажа.

Ник закрыл глаза и грустно улыбнулся, он наконец догадался, где таилась разгадка многолетней вражды между его сыном и приемышем Вересова.

— С того самого дня, что бы он ни делал и что бы ни говорил, я снова и снова видел те глаза и ту улыбку. Так и появилась первая из искр ненависти, а потом появилась и вторая. Ее звали зависть!

— Зависть?

Норбер смог лишь кивнуть, понимая удивление своего отца.

— Я завидовал ему, ведь ему досталось все, о чем только можно было мечтать. Илья взял его в ученики. Тогда я думал, что это безумие, но понимал, что без этого он не сможет остаться с нами, а идти ему явно было некуда, но почему чаша дала ему это имя? Зачем? Что в нем было таково, что бы стать слугой дьявола? Кто он такой, что бы быть самым лучшим слугой дьявола? Кто?!!

— Тебя это задело?

— Ни то слово, — признался Норбер, вновь переживая то юношеское негодование. — Я был в таком бешенстве! Мне казалось, что все сошли с ума, а он лишь молча смотрел куда-то

вперед, пока его свежая метка пылала как огнем, даже не прикасаясь к ней, будто она вообще не болела.

— А она и не болела, — прошептал Ник. — Вернее он не чувствовал боли, потому что ему кололи слишком большие дозы обезболивающих.

— А выглядело это так, будто он вообще ничего не чувствует, и поверь это пугало, будто находишься рядом с монстром, а меня это раздражало, особенно забота Вересова. Да он ни с кем так не разговаривал, как с этим мальчишкой. Где это видано что бы маг третьего высшего уровня носил на руках ученика?

— Приемного сына, — исправил Ник.

— Тогда он был просто учеником! А это усыновление?! Зачем он было, вообще? — спросил Норбер.

— Илья так захотел, вот и все.

— Это как в сказке, стать весомой частью ордена, не имея никаких способностей, а потом еще получить фамилию великого рода. Он же Вересов! От этой фамилии кто угодно содрогнется, и ни важно родной он или приемный: он — Вересов! Это было не честно! Он ничего для этого не сделал, все досталось ему легко, без усилий. Одно только радовало: он вряд ли этим воспользуется, ведь он обречен на инвалидность и не сможет никогда встать на ноги!

— Жуткий ход мысли, — прошептал Ник.

— Знаю, но тогда я именно так и думал, и именно так смотрел на него. Я ненавидел его каждой клеточкой своего тела и, когда он вспомнил все и был подавлен, я радовался искренне и от всего сердца. Меня радовали его печальные глаза, его слезы отчаянья, его крики боли. Я ненавидел его!

Ник закрыл глаза, пытаясь хоть на миг представить ту боль которую испытывал Сэт, глядя на счастливого Норбера. Он был уверен, что эта ненависть была бы взаимной, если бы только Сэт умел ненавидеть.

— Я не понимал ни его страданий, ни его стремлений, да и не пытался понять, я просто любовался его несчастьем, — продолжал Норбер, сжимая до боли кулаки. — Но я был не прав, думая, что он не воспользуется привелегией. Он решил бороться. Я не доумевал глядя, как он стал пытаться ходить. Все эти упражнения, все эти обезболивающие. Это была добровольная пытка, но он не сомнивался ни мгновения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он хотел ходить.

— Да, я знаю, но к нему было столько внимания и заботы...

— Ты завидовал ему? — не поверил Ник.

— Да, даже в тот миг я завидовал ему, — признался молодой маг. — Илья с токой заботой к нему относился, а он все время отстранялся, будто позволял Илье Николаевичу заботиться о себе, будто он ему ничем не обязан...

— Он так не думал.

— Откуда нам знать, что он думал?

— То же верно.

— Я знаю, что завидовал ему, ведь ты никогда не проявлял такой заботы ко мне, как Вересов к чужому ребенку.

— То есть с самого начала это моя вина?

— Нет, просто я был слишком избалован и эгоистичен.

«И это все равно моя вина» — подумал Ник, но промолчал, понимая, что нет смысла спорить с сыном на эту тему.

Мгновение они молча смотрели друг другу в глаза, а после Норбер продолжил:

— Я был раздавлен, когда он смог встать на ноги. Это было не мыслимо. Он восстановился. Он снова управлял своим телом, памятью и жизнью, в которой у него теперь было уйма возможностей, пусть даже и без магии, ведь существует множество других сфер деятельности, а его метка и его имя обеспечат ему место в обществе не зависимо от уровня его интеллекта. А он ведь никогда не был дураком, скорее наоборот. Я с самого начала понимал, что он обставит меня, а ведь я всегда был лучшим! Тут-то и родилась та ненависть, которая управляла мной в наших взаимоотношениях, та ненависть, которую он презрительно игнорировал. Он просто стал мне врагом, потому что я этого хотел, не задумываясь ни над причинами, ни над последствиями. Он просто не пытался наладить со мной контакт и шел на конфликт, когда я его провоцировал.

— То есть все ваши драки, провоцировал ты?

Норбер кивнул.

— Я всегда знал, как на него надавить, знал, чем его задеть, а когда узнал про отца...

— Ты над ним издевался, — ужаснулся Ник, откинувшись на перило табурета.

Он никогда не задумывался о том, что происходило между его сыном и Сэтом, списывая все их поведение на мальчишечью драчливость. Ему тогда и в голову не приходило задуматься над тем, что они дерутся только друг с другом, что хамят только друг другу.

— Я хотел, что бы он был несчастным. Просто хотел, потому, что ему все давалось легко и просто. Он же уже тогда писал программы с такой же легкостью, как я буквы! Понимаешь?

— Ты издевался над Сэтом! — заявил Ник, не в силах отключиться от этой мысли.

— ДА!!! — воскликнул Норбер нервно. — Я ненавидел его и он меня наверно тоже... Я думал, что ненавидел, но... он такой дурак.

— Он винил себя во всем от первого и до последнего мгновения. Он видел сотни кошмаров, мечтал что бы кто-то ему отомстил за его отца. Его мучила совесть и физическая боль, а ты издевался над ним!!!

— Я был дураком...

— Какой кошмар, — прошептал Ник.

— Ты даже не догадывался, что помогал мне в этом...

Ник непонимающе посмотрел на сына.

— И до сих пор не догадываешься, сейчас приведу тебе пример. Вспоминай, это было еще во время войны, до того, как у Сэта появилась сила. Тогда боевые действия шли полным ходом, и вас с Вересовым почти никогда не было. Другие ученики разъехались к своим родителям, а мы с Сэтом были лишь вдвоем. Тогда я отводил душу по полной, не боясь последствий. Мы тогда не просто дрались, а избивали друг друга.

— Но...

— А вы ничего не знали, потому, что мы оба молчали...

— Почему Сэт никогда не жаловался? Ведь он мог рассказать, что ты его провацируешь?

— Не мог.

— Как это?

— Просто не мог. Не знаю почему, но он не хотел жаловаться, будто от его жалобы мир

рухнет. Он не хотел тревожить Илью...

— Правильно, — прошептал Ник. — Он не мог отвлекать Вересова такими пустяками и верил, что сам должен справиться. Это на него похоже взваливать все на себя...

Норбер грустно улыбнулся.

— Тогда я просто этим пользовался, не думая о причинах.

— И в тот раз тоже?

— В тот? — не понял Норбер.

— Я о примере.

— А! Ну, разумеется тогда все было практически по обычному сценарию, если не считать того, что Сэту было очень плохо и он не хотел идти на конфликт.

...Была зима. Стены и окна замка пострадали и холод беспрепятственно пробирался внутрь.

Была ночь. И мороз был злее чем днем, а мрак добавлял ему уникальной силы, способной медленно убить любого невнимательного.

Норбер бродил по замку. Ему дыло скушно, новостей о военных действиях давно не было, а занять себя было совершенно не чем, разве, что подоставать Сэта, но для этого его нужно было найти. Только Норбер вспомнил неприятеля, как увидел свет в щелке гостинной. Он улыбнулся понимая, что здесь на третьем этаже это было единственное теплое место, потому, что не имело ни окон ни дверей. Это было самое теплое место в доме, а с разведенным камином оно становилось великолепным убежищем от холода. А там где тепло, надеться тот, кто решит согреться и вот его мечта уже исполняемая — он нашел себе занятие, придумал развлечение, осталось только зайти.

Он смело распахнул дверь и шагнул внутрь. Сэт и правда был тут. Он лежал на диване уткнувшись носом в перило и увернувшись в теплое одеяло. В камине горел огонь, создавая тепло. Он совсем не обратил внимание ни на открывшуюся дверь, ни на шаги, а значит он либо спал, либо его простуда набрала более серьезные обороты, но как бы там ни было, а сейчас он самая легкая жертва из всех, какие только можно придумать.

— Эй Сэт! — крикнул он, небрежно толкнув десятилетнего мальчишку ногой.

Сэт вздрогнул от неожиданности и, открыв глаза, тут же сел.

— Чего тебе? — спросил он вялым сонным голосом.

— Это вообще мой диван! — Заявил дерзко двенадцатилетний Листем.

— Ха! — буркнул Сэт. — Ты здоров?

Норбер скривился от негодования.

— Здесь ничего тебе не принадлежит. Этот диван, как и все остальное принадлежит Илье Николаевичу и оба мы на птичьих правах, так что не надо тут строить из себя...

Сэт не договорил. Его голос перешел в хрип. Из его груди вырвался приступ мучительного раздражающего кашля.

Норбер рассмеялся, искренне и радостно, подобно победителю, но Сэт не воспринял его. Стоило кашлю утихнуть, как он тут же надел очки, лежащие на маленьком столе, и хотел уйти.

— Ты что струсил? — спросил Листем, забыв о смехе.

— Я!? — поразился Сэт обернувшись. — Ты бредишь, на почве своей звездной болезни.

Норбера задело, и он без малейших предупреждений попытался ударить Сэта, но Вересов младший увернулся от кулака и ударил противника коленом в живот. Норбер

медленно сполз на пол, чувствуя, как все внутри переворачивается от этого удара. Сэт пренебрежительно фыркнул и отвернулся.

— Псих, — выдавил Норбер. — Не диво, что родной отец пытался тебя убить.

Сэт замер. Тяжело дыша, он пытался взять себя в руки, но только больше вскипал.

— Что молчишь? — спросил Норбер, гордо вставая на ноги.

Сэт обернулся, медленно снял очки и исподлобья посмотрел на обидчика. Это были те дикие глаза, что когда-то напугали Норбера.

— Что? Я не прав? Довел отца...

Больше он не смог сказать ни слова. Сэт набросился на него. Листэм даже не догадывался какую ужасную пытку затеял, ведь в сердце Сэта все еще жила боль, а в ушах, от воспоминаний вновь появлялся этот дикий безумный смех. Пальцы мальчишки сомкнулись на шее обидчика. Одной рукой он сжал горло так, что Норбер начал задыхаться, но убивать его никто не собирался. Сэт ударил его головой о стену и тут же повалил на пол. Норбер рухнул не зная, как сопротивляться такой всепоглощающей ненависти, но инстинкт самосохранения требовал действий. Он попытался вскочить на ноги, но Сэт опередил его. Уверенно поставив ногу ему на спину, он перенес на нее весь вес, лишая противника возможности двигаться.

— Еще раз, гнида, ты что-нибудь вякнешь по этому поводу, — выдавил Сэт сквозь стиснутые гневом зубы, — я тебя просто убью. Ясно?!

Норбер не ответил, но Сэт и не ждал ответа. Он пнул Норбера со всей силы и развернулся, что бы уйти, но от чего-то замер. Норбер несмело приподнялся, не понимая поведение врага: В дверях стоял Илья и Ник. Оба удивленные, вернее даже шокированные и смотрели на Сэта, как на монстра, из чего Норбер тут же заключил, что предстал в их глазах просто жертвой, а значит: вся вина сама собой легла на Сэта.

Илья Николаевич не сказал ни слова, а просто наотмашь ударил ученика по щеке. Сэт рухнул, едва не ударившись в стену, и тут же встал, несмело глядя куда-то в сторону. Он всегда затихал в присутствии Вересова, толи проявлял так уважение, толи просто боялся, но в любом случае никогда не осмеливался ему возразить.

— Что это было? — воскликнул Ник, справившись с замешательством. — Я требую объяснений.

— У сына своего спросите, — буркнул Сэт.

— Не смей так разговаривать! — велел Вересов и тут же вновь ударил его по лицу.

Сэт устоял на ногах, но лишь по тому, что стоял у самой стены, и падать было просто некуда. Он просто закрыл глаза и молчал, не зная, что делать. Вересов не сводил с него глаз. Его взгляд пугал: холодные глаза в гневном прищуре, но сам Илья даже не думал об этом.

Ник метнулся к медленно встающему на ноги сыну и, подав ему руку, спросил:

— Как ты?

Норбер лишь что-то буркнул, пытаясь не выдать свое благополучие.

Вересов перестал смотреть на воспитанника, а просто сел на тот самый диван, из-за которого все и началось.

— Неужели гены так много значат? — прошептало он тихо.

— Что?! — пораженно воскликнул Сэт, осознав смысл учительских слов. — Гены? Почему?

Он испуганно смотрел в холодные измученные глаза Вересова и тщетно пытался унять дрожь.

— Как вы могли такое подумать? — прошептал он еле слышно. — То, что мой отец был пьяницей и дебоширом еще ничего не значит. Я — не он! Понимаете?!

Он закричал так, что охрипший голос, перестал казаться таковым.

— Не ори на меня, — приказал сурово Илья.

Он отвел взгляд в сторону, не желая видеть мальчишку, ведь в его сердце пылало разочарование. Он слишком сильно любил этого ребенка, для того что бы просто умереть с таким его поведением. Сэт понял этот жест совсем иначе, для него эти скользнувшие прочь глаза были презрением.

— Ну и в бездну вас всех! — истерично воскликнул он и тут же попытался уйти прочь, но, поравнявшись с Норбером, услышал ехидный комментарий:

— Что получил?

Сэт замер, осознавая услышанное и все произошедшее. Он посмотрел на Норбера холодными ледяными глазами, сверкающими поверх оправы очком и, не говоря не слова, сунул ему под нос средней палец правой руки. Не дожидаясь новых упреков, он резко обернулся и обратился к Илье:

— Знаете... думайте, что хотите! Но если вы и, правда, решили, что я сумасшедший, то... Дальнейшая ваша опека надо мной не имеет ни малейшего значения. Простите, за эти два потраченных на меня года.

Он развернулся, чтобы уйти, и не просто к себе, а раз и навсегда, но Илья остановил его:

— Эти два года были самыми дорогими в моей жизни, особенно последний, — сказал он тихо. — И я не считаю тебя ни сумасшедшим, ни больным, ни каким-нибудь там еще.

Сэт слушал, закрыв глаза и не решаясь обернуться.

— Ты еще ребенок, — продолжал Илья, — и у тебя была масса отредцательных примеров, но я точно знаю, что на тебя можно еще повлиять, тебя еще можно изменить.

Сэт обернулся, понимая, что он был не прав.

— Но я хочу знать: что здесь произошло? И кто в этот виноват? — сурово закончил свои рассуждения Илья.

— Кто? — спросил Сэт будто у самого себя. — Да не было здесь виноватого, просто так бывает.

— Так?! Ты его чуть не убил! — воскликнул Ник...

— А дальше ты и сам должен помнить, как долго орал на него и как, в конце концов, Илья Николаевич его просто напросто выпорол, — закончил свой рассказ Норбер.

Ник молча смотрел на сына.

— Я добился того, чего хотел, только легче от этого так и не стало, — прошептал Норбер, стыдливо. Теперь все эти чувства казались ему нелепыми и неразумными.

— И ты решил избавиться от него раз и навсегда, — заключил Ник.

— Да. Я просто не удержался, когда появился господин Алмонд. Я не знал, что будет с Сэтом, не знал, зачем он хочет его купить у Вересова, но понимал, что это мой шанс убрать Сэта из нашего дома, из моей жизни. Я не знал, на что его обрекаю, когда подписывал договор кровью Вересова. Я не знал, но был безумно счастлив.

— Ты продал его другому магу...

— Вересов же отказался, а Агвин очень хотел заполучить новую легенду, а я хотел от этой «легенды» избавиться и мы просто нашли друг друга.

— И ты не жалел об этом?

Норбер отрицательно покачал головой.

— Пока меня не раскрыли, не жалел, а потом просто испугался.

Ник долго молчал, не осмеливаясь обвинять сына в старых грехах, а после просто спросил:

— Как ты сбежал?

— Алмонд Агвин помог.

— Агвин!?

— Да, он спас меня, заменив фантомом, благодаря вмешательству Сэта. Так что меня спас тот кого я больше всего ненавидел.

— И где ты был потом?

— Сначала я жил у Агвина и прошел все тоже, что и Сэт, так что сожаления во мне было предостаточно, а потом, когда господина Алмонда положили в психиатрическую больницу, я просто сбежал от него, запрятал всю силу и претворился человеческим мальчиком с амнезией.

— А кровь?

— Да, в крови нашли немного Рик, но списали это на кровь предков, так я и стал просто Николаем Лимом, вместо Норбера Листэма.

— Я никогда бы тебя не нашел, — прошептал Ник. — Если бы не Сэт...

— Сэт?! — удивился Норбер.

— Да, это он нашел тебя.

Глаза Норбера забегали, выдавая и смятение и стыд.

— Какой он сейчас? — спросил он несмело.

— Да, все такой же, — ответил Ник спокойно. — В нем за эти три года почти ничего не изменилось.

— Ясно...

Ник растерянно смотрел на сына, боясь представить его эмоции.

— А ведь мы могли бы быть друзьями, но...

— Вы можете! — уверенно заявил Ник.

— После того, что я сделал.

— Он не хочет это вспоминать.

«Разумеется» — подумал Норбер, но ничего не сказал вслух, не желая выдавать тайну Сэта и Агвина, да и свою тоже, слишком уж все это было жестоко.

14

«Кретин, решивший жить»

Есть книги, из которых можно узнать все и ничего не понять.

Иоганн Вольфганг Гете

Сэт лежал с закрытыми глазами. Веки казались ему непосильно тяжелыми и, будучи абсолютно измотанным и совсем не отдохнувшим, он решил просто оставить все так, как есть. Глаза все еще болели, причем сильнее, чем вчера. Их жгло будто огнем. Он все надеялся, что это странное ощущение стихнет, и они будут просто украшением, как и прежде, но все оставалось по-прежнему. Он чувствовал свои глаза и это просто раздражало! Он приоткрыл правый глаз, и тут же испуганно открыл оба. Над ним был простой потолок, белый ровненький, но... он видел его ни линиями, ни потоками, и даже не волнами, подобными искажению. Он видел его в цвете, как белый ровный потолок. Он видел! Видел, как все!

Он так этого ждал, так мечтал об этом, так надеялся, и вот перед ним реальность, которую он так долго хотел увидеть, но ему хочется бежать прочь от нее. Он не верил сам себе и не понимал от чего же ему так страшно, чего он боится и почему, хочет вновь не видеть этот мир. Он вновь закрыл глаза, надеясь, что это наваждение исчезнет, но глаза по-прежнему нестерпимо жгло, а голова болела, будто не справлялась с давно забытыми ощущениями. Сэт вновь открыл глаза и резко сел на кровать, осознав, что его галлюцинация никуда не делась.

Он долго смотрел на пол, не понимая, что делать. Он совсем не знал, как принять такое событие, будто ему даровали что-то огромное, что-то чего он никак не мог понять.

— Ализиз!

Он закрыл глаза и улыбнулся, безумной улыбкой сумасшедшего. Его глаза жгла боль, но прекрасно понимал, что это лучшее из того, что его глаза когда-либо давали ему. Еще одна его мечта стояла перед ним, а он вновь хотел бежать, будто боялся быть счастливым, или понимал, что это счастье так легко отобрать, что даже на миг не хочется верить в него, ведь так было всегда... Его надежда рассыпалась в пепел, лишь Илья оставался рядом, будто ничего на происходило, и сколько бы раз он не вставал на ноги, все повторялось вновь и вновь. Его разрывало от боли, от отчаянья, от счастья и надежды. Его жгло болью, и хотелось плакать, а он дико улыбался, вновь пуская в свое сердце слабый луч надежды. Он знал, что сейчас он как никогда близко подошел к самой страшной грани в своем разуме, что сейчас его чувства как никогда страшны и безумны, но он чувствовал, а значит жил. ПОЧЕМУ ЖЕ ОН ВСЕ ЕЩЕ ЛЮБИЛ ЭТУ ЖИЗНЬ? ЗА ЧТО?

— Не оставляй все на меня...

— Отпусти!

— Ализиз! Я не справлюсь без тебя! Я не смогу!

— Отпусти!

— БРАТ!

— ОТПУСТИ, тебе говорят!

Его запястье выскользнуло из женской руки. Короткий взгляд и он мчится прочь, назад в ЖИЗНЬ, но почему?

Этого он никак не мог вспомнить...

Сэт медленно сполз с кровати на пол, понимая, что все в его сознании смешалось. Если бы он только подумал о том, что с ним происходит, то наверняка назвал бы себя безумным, но он не хотел думать, ни над вернувшимся зрением, ни над новым осколком того далекого ведения. Он просто смотрел на свою комнату, понимая, как давно он ее видел и как это забавно смотреть на нее простыми человеческими глазами. Он знал, что совсем ничего не изменилось, ведь он сам ничего не хотел менять здесь, но за десять лет линий и теней он просто не мог налюбоваться стенами потолком, полом, мебелью, белой скрипкой на шкафу.... Он любовался бардаком, который всегда царил в его комнате и он казался ему прекраснейшей картиной.

Он улыбался безумной улыбкой, прекрасно понимая, что еще миг, и он совсем растворится в этом ощущении.

— Я не держу тебя больше. Я не буду мешать тебе, но, пожалуйста, подумай хоть на миг о том, что я тебе говорю. Это же твой долг...

— Отстань. Я просто живу, а все остальное твоя забота. Ты сама этого хотела.

— Но я ведь не знала, что все так обернется. Я не понимала, что настолько слаба...

— Я хочу жить...

— Я хочу жить, — прошептал Сэт, чувствуя, как крупные слезы срываются с его век.

Глаза больше не болели, а вот что-то внутри будто разрывалась на часть, будто он убегал неведомо куда и неведомо от кого. Он и сам не понимал, что так сильно терзает его, но знал только одно, что этот никогда не должно стать поводом для того, что бы умирать. Он знал, что он должен идти. Поэтому он просто встал на ноги. Выпрямившись в полный рост, он будто восстал против всего мира и против себя самого. Он хотел идти вперед, пусть даже и не мог вспомнить зачем он этого хотел. Он даже не мог вспомнить, кто он на самом деле. Да, ему на это было в общем-то все равно. Его вполне устраивал ответ, что он человек, по имени Сэт, все остальное: ведения, смертельный опухоли, интриги, политика — все в этом мире было важно лишь для понимания, но ни для жизни, ни для чувств. Он знал, что он хочет жить, не смотря ни на что. Знал, что хочет быть рядом лишь с одной на этом свете. Знал, что все это только его собственные чувства, но глубоко дышал, оживая...

Безумная улыбка с каждым мигом становилась все мягче. Он закрыл глаза и с радостью открыл, что бы взглянуть на окружающий мир.

Его комната была в хаосе, что раньше всегда устраивал его. Он знал, где что валялось [иначе просто не скажешь], но теперь внешний вид имел большое значения и он с удовольствием взялся за работы. Улыбаясь, он собирал листы с нотами, которые лежали не только на столе, но и на полу. Он возвращал книги на полки, вернул скрипку в чехол и даже навел порядок в шкафу. Найдя там единственную не мятую рубашку, одел ее и вышел, желая увидеть как можно больше, ведь в его судьбе все всегда так быстро меняется...

Он лишь подумал, а в сердце вновь ворвалась боль. Стоя в коридоре возле своей

комнаты, он прислонился к стене и закрыл глаза, пытаясь прогнать страх и сомнения.

Его окутывала тишина замка. Видимо в доме никого кроме него не было, лишь тишина. Он глубоко вздохнул, будто пытался втянуть этот покой, что окружал его, будто хотел стать частью этого покоя. От этой мысли стало больнее. Он сжал кулак и вновь пытался побороть себя самого и не позволить слабости овладеть им.

Сложно понять самого себя, даже сложнее, чем кого-то другого рядом...

Он услышал тихие легкие шаги. Кто-то неспешно шел по коридору легкой плавной поступью. Его сознание уже хотело нарисовать старый привычный образ из потоков и теней, но он не позволил ему это, резко открыв глаза и посмотрев в сторону шагов.

Возле него стояла Лира. Как всегда прекрасная и вызывающая. Она была совсем нагая, не прикрытая даже полотенцем. Уж слишком сильно она привыкла к отсутствию кого бы то не было дома в такой час и скользнула в душ так, без всяких приличий.

— Привет, — сказала она спокойно.

Ее даже не смутил взгляд Сэта, что почему-то замер на ее груди. Он даже не думала, что он ее видит, ведь он всегда говорил, что она для него всего лишь тень, как и все другие, но теперь...

Сэт долго любовался ее грудью, совершенно не понимая, с чего вдруг она ему так нравится, затем нагло оглядел ее всю и улыбнулся, понимая, что ему принадлежала далеко не уродина.

— Сэт, что с тобой? — спросила взволнованно Лира. — Что-то случилось?

Сэт кивнул и посмотрел в ее яркие синие глаза, сияющие на смуглой коже натуральной блондинки. Он любовался ей, чувствуя, как желание медленно овладевает им, подобно инстинкту дикого зверя.

Лира отшатнулась, чувствуя, что-то не ведомое в его взгляде.

— Почему ты смотришь на меня так? — спросила она, невольно прикрыв пышную грудь руками.

— Я вижу тебя, — прошептал Сэт, рефлекторно лизнув указательный палец правой руки.

— Что? — испуганно спросила Лира.

Она и сама не понимала, что пугало ее больше, эти слова, этот взгляд или этот странный жест.

— Я вижу тебя, понимаешь, что это значит?

Он вновь улыбнулся, как безумец. Его зрачки расширились, и он рассмеялся диким истерическим смехом, раздирающим на части.

Лира на миг замерла, а после испуганно сорвалась с места и тут же вбежала в свою комнату, закрыв следом дверь.

Сэт тут же стих, осознав, что натворил. Теперь он уже не видел в этом ничего смешного и забавного и даже призирал себя за такие мысли. В нем осталась лишь тихая печаль. Он подошел к двери Лире и, прижавшись к ней лбом, сказал:

— Прости меня. Я не хотел, что бы так вышла, просто у меня все путается в голове...

Дверь открылась. Он невольно отступил. Перед ним вновь стояла Лира, все так же нагая и все так же красивая. Взгляд Сэта вновь замер на ее груди, но теперь это не казалось странным, а просто раздражало. Он сжал кулак и заставил себя перевести взгляд прочь.

Лира нежно улыбнулась и не спеша протянула к нему руку, касаясь его щеки. Ее тонкие пальцы нежно скользили по его коже, теребили его губы и будто дурманили, а сама она

медленно приближалась к нему.

— Лира, — прошептал несмело Сэт, когда она прильнула к нему, — пожалуйста... не надо...

— Почему? — спросила она, медленно расстегивая его рубашку.

— Просто остановись...

— Не хочу...

Она весело усмехнулась и осторожно скользнула в его кожаные брюки, не спеша пробираясь к низу живота, но вся ее игра закончилась, когда он схватил ее за руку. Крепкие пальцы сжали ее запястье.

Лира долго смотрела на эту руку, не понимая, что именно было не так, и где она прокололась, а после, будто осознав, что не в руке дело, посмотрела на Сэта.

— Почему? — прошептала она тихо.

Сэт молча смотрел в сторону, избегая ее взгляда.

— Почему им всем можно, а мне нет!? Почему? — воскликнула Лира, отскочив от него прочь.

Сэт посмотрел на нее с нескрываемой жалостью и сожалением.

— Ты спишь с кем попало! Ты меняешь любовниц чуть ли не каждый день, так чем же плоха я!? Чем? Я же не хуже их! Я же не наивная девственница, в конце концов!

Она подлетела к Сэту и что было силы ударила его кулаком в грудь, но он лишь поймал ее в свои объятия.

— Прости меня, — прошептал он, глядя ее волосы.

Девушка заплакала, прижавшись к нему.

— Скажи, почему ты все время гонишь меня? Скажи...

— Лир, просто поверь, что так будет лучше...

— Кому?!

— Тебе самой. Все мои любовницы не будут плакать, когда я оденусь и уйду, а ты будешь...

— Не буду. Если ты этого хочешь, то я не буду плакать! Не буду, только...

Она посмотрела на него молящими глазами, но он лишь отрицательно покачал головой и отстранился.

— Но ведь ты хочешь меня! Хочешь, даже не любя!

— Дурочка, — прошептал Сэт тихо. — Ты ведь не любишь меня. Ты просто хочешь меня покорить, вот и все. Как доказательство твоего мастерства...

— Нет же! Я просто...

— Хватит! — грубо заявил Сэт, тоном повелителя. — Оденься и больше никогда не пытайся меня соблазнить иначе я не буду тебя переубеждать, а просто отшвырну, поняла?

Он посмотрел на нее равнодушным взглядом, от которого она съежилась и затихла.

— Ты меня поняла?!

— Я люблю тебя, — прошептала она вместо ответа.

— Нет, ты просто любила меня...

— Я люблю...

— И что мне сделать?! — воскликнул он.

Она замерла, понимая, что он действительно прав и ничего не мог сделать для нее. Он ничем не мог ей помочь, а она все еще хотела получить хотя бы его тело, раз уж не может заполнить его сердце...

— Прости, — прошептал Сэт и пошел дальше, в мир, что все больше напоминал ад.

— Дурак, — прошептала она, рыдая...

Он ничего не сказал ей, сжимая кулак. Он хотел убежать от нее, что бы ни думать о том, что не может ответить взаимностью на ее странные чувства, ведь он всегда любил другую, абсолютно не похожую на Лиру, ту о которой мечтал. Он и сам плохо понимал ради чего так часто менял любовниц. Он никогда не думал, что заставляло его стремиться к полигамности. Наташа? Любовь к ней? Или вечная неудовлетворенности и одиночество? Он не пытался понять самого себя, а просто позволял себе то, чего хотелось, без выводов и рассуждений. Он просто делал все, что бы только не думать и не углубляться в эту боль не становиться ее частью, будто надеялся, что она уйдет сама, но она, разумеется, никуда не уходила.

Его жизнь...

Он глубоко вздохнул и продолжил свой путь по новой реальности, в которой уже не оставалась места на прятки и побегу. В этой реальности он хотел быть сильнее и свободнее. Он думал обо всем, что было внутри него: о боли, о страхе, об одиночестве.

Наташа.

Он замер, понимая, что она для него все так же недостижима, а теперь это расстояние между ними, казалось, еще более огромным, будто раньше он этого даже не видел, будто не понимал, что между ними пропасть в десять лет боли и отчаянья.

Он шел, как тень, пока рядом не мелькнул силуэт. Сэт остановился, понимая, что стоит в гостиной у большого зеркала. Он не знал, какой он сейчас, не знал, что в нем изменилось, не знал, только чувствовал боль и страх от мысли, что сейчас он ко всему должен привыкать заново, даже к самому себе.

Он грустно улыбнулся и медленно повернулся к своему отражению, будто бросал ему вызов, будто это отражение было не частью его самого, а злейшим врагом.

Последний раз он видел себя самого, после пластической операции. Тогда на его лице было несколько аккуратных швов с припухшими краями. Как они зажили, Сэт уже не смог увидеть, потому что в его жизнь ворвался мрак. Он часто пытался найти руками хоть какое-то напоминание об этих шрамах, но не одного не находил, будто был идеально прекрасным. Это его бесило, ведь он хорошо помнил, как выглядел за несколько часов до операции и то подобие лица его пугало. Да, после операции он вновь был похож на человека, но как он выглядел сейчас? Как? Этого он даже не мог представить... Ему было не важно. Он был любимцем женщин, но знал, что дело далеко не в его прекрасной внешности скорее наоборот: его любили за неординарность. Он легко бросался в глаза везде, где появлялся. Он был невероятно дерзким и уверенным... хотя... он впервые думал о лояльности слабого пола, ведь раньше он никогда не задумывался над этим, а просто пользовался своей популярностью. Теперь же все имело другое значение...

Он смотрел на себе и не верил глазам... перед ним стоял человек, которого он никак не ожидал увидеть в зеркале, как свое отражение. Он был хорошо сложен. Все его тренировки были не беспочвенны от худенького мальчишки не осталось ни следа, теперь с первого взгляда была ясно, что он далеко не слабак, хотя в то же время он не был похож на неповоротливую грудку мышц. От этого силуэта веяло силой. Сэт поднял глаза и посмотрел в глаза самому себе... он вздрогнул и что-то сжалось в его груди, будто кто-то умер, а он этого и не заметил. Его ярких голубых глаз больше не было, они поблекли и стали напоминать стекло. Его золотистых волос тоже не было. Золото сменилось сединой, лишь местами виднелись тонкие желтоватые локоны. Он смотрел на себя и не верило, что это он... другое

лицо, без шрамов и изъязнов, идеально пропорциональное, будто нарисованное под линейку... другие глаза... волосы... другой он... другая жизнь...

Он закрыл глаза, пытаясь отогнать мысли прочь. Немного успокоился и вновь посмотрел в зеркало. Все же это отражение не было ужасным, но ему хотелось от него бежать, только теперь он не хотел бежать от реальности, ведь он видел ее и скрываться за неведением просто не мог. Он не мог искать себе оправдания, обманывать себя и кормить пустыми надеждами он должен был все понять...

Он медленно провел рукой по щеке, будто пытался проверить насколько реально то, что он видел перед собой. Он и, правда, был таким!!! Он смотрел на самого себя и не знал, что делать дальше, как вести себя с самим собой, как реагировать...

Глупое выражение лица, как у ребенка...

...ребенка...

...не подходящее магу...

...черному магу...

...магу...

На шее слева из-под волос виднелась часть метки, его клятва Королю тьмы, его «ошейник» и его «цепь». Эти маленькие золотые цифры связывали его по рукам и ногам. Он делал его дальше от той, кого он любит. Они заставляли служить тому, кого ненавидит... хорошо, что в будущем Королем станет другой человек!

Кто стоял перед ним? Человек? Маг? Или безумец?

Кем был он сам?

Кто был этим отражением?

Зачем он был здесь?

Ради чего?

...отражение...

Он понимал, что с каждым годом, с каждым шагом уходил все дальше от того, кем хотел быть, кем хотел себя видеть. Каждый день, все это время, он упорно разрушал себя, и что теперь смотрело с его отражения?

Бесчувственная маска...

— Лицемер, — выдавил Сэт сквозь зубы и, что было силы, ударил кулаком в зеркало.

Отражение вздрогнуло и рассыпалось. Его отражение медленно исчезало в бесконечных осколках. Он замер, понимая, что его кулак уперся в стену. Было больно и страшно.

Что он творил?

Что с ним происходило?

Он тяжело дышал, чувствуя боль в сжатом кулаке, понимая те осколки, что пронзили его руку. Он опустил голову и печально смотрел в пол, все так же упираясь кулаком в стену. Ему казалось, что он проиграл, но кому и что, это было не видимо, просто было больно и страшно...

Он все еще не знал: Кто он? Куда идет? Чего хочет?

— Ализиз!

И что это за имя!!!!!!????

Он обессилено сполз на пол. Кулак скользнул по стене, оставляя кровавый след.

Он сидел на полу и смотрел на собственную руку, израненную его отражением. Он

смотрел на нее, будто пытался что-то понять, будто искал ответ, но во всем этом была лишь пустота.

Осколки, вонзившиеся в плоть, больше не казались болезненными. Боль ушла, осталось только недоумение и не понимание всего того, что происходит. Он смотрел на кровь, что медленно сочилась по его руке тонкими густыми струями. Она ползла по его ладони, скользила по запястью и, доползая до локтя, капала на штаны, остужая его гнев.

Он растворялся в собственных мыслях и терялся в них, снова чувствуя лишь отчаянье.

— Я хочу жить, — прошептал он несмело, все еще не понимая это желанья.

Думая о смерти он вновь и вновь твердил, что хочет жить, но почему?

... зачем?

... кому это вообще нужно-то?!!!!!!!!!!!!!

Он закрыл глаза и еще сильнее сжал кулак, заставляя руку просто кричать от боли.

Он медленно встал, понимая, что хочет вновь убежать от собственных мыслей и чувств, но ведь он решил, ведь он знал...

Он открыл глаза и вновь посмотрел на эту реальность...

— Мерзость, — вырвалось из его дрожащих губ, когда он увидел то, что осталось от его отражения, — То же будет со мной, если я не остановлюсь...

Небо было затянуто тучами. Лил дождь. Холодный сильный ветер продирали до костей. Он медленно шел по улице, наблюдая, как крупные капли, врезаясь в лужу рассыпались на мелкие брызги, становясь ничем в общем потоке. Улицы были почти пусты, пару машин и пару зонтиков спешащих куда-то, а он просто наблюдал за каплями, отдаваясь этой мрачной погоде.

Он все еще сжимал раненую, заботливо перебинтованную Максимусом руку, будто от этой боли могло очнуться что-то внутри.

Его никто не замечал, как тень в сером городе. Он будто растворился в этом дожде, становясь частью потока, как капли дождя. Он смотрел на мир сквозь черные очки. Для него серость была мраком.

Он не знал, чего хотел и куда шел. Он просто делал шаг за шагом, стараясь не останавливаться. В груди что-то сжималось и горело, но он не взял даже таблеток, убегая из дома. Видимо его разум совсем лишился здравого смысла, раз он набросил на плечи лишь плащ и шел так по улице под ледяным дождем.

Он не чувствовал ничего, хотя может наоборот чувствовал слишком много и слишком сильно, что даже не мог это осознать.

Он делал шаг за шагом, боясь остановиться. Он хотел лишь идти вперед, все еще чувствуя желание остановиться и умереть, но его разум вновь и вновь твердил, что он хочет жить...

Силы были лишь для того, что бы идти вот так вперед без мыслей и направления. Идти неизвестно куда и неизвестно к кому, твердя себе о желании жить...

Лил дождь. Крупные капли, врезаясь в лужу... рассыпались на мелкие брызги... становились ничем в общем потоке. Улицы были почти пусты...

Она молча шла под дождем, ведь ей было о чем подумать.

Она была звездой, вполне успешной и знаменитой, но даже она в этот день просто растворилась в сером городе, омываемом дождем. Она не следила за каплями, не убеждала

себя жить и, в общем и целом не страдала. Она просто думала о том, что твориться в ее разуме и сердце. Она думала о своих чувствах мечтах. Она думала о том, что тревожило ее, о том, кто лишил ее сна своим воскрешением. Она погналась за мстью, но так и не утолила ее, осознав, что не может поднять руку, на того, кто спокойно смотрит ей в глаза, соглашаясь умереть от ее руки. Она погналась за любовью, увидев нечто по-настоящему завораживающее, но обожглась о правду, предрассудки и сомнения. И за чем гнаться теперь, она просто не знала.

Ненавидеть?

Любить?

Бояться?

Что ей с ним делать??!!!!

Она тоже шла без зонта, но спасала себя большими крыльями, закрывающими ее от капель ничуть не хуже. Они защищали ее и от ветра, но она чувствовала влажную свежесть, струящуюся по улице, и на ее губах возникала едва заметная улыбка. Улыбка печали и любви в один миг.

Кто он?

Маг?

Человек?

Леша?

Сет?

Как ей его называть?

Что ей с ним делать??!!!!

Он не думал о ней, вернее боялся даже думать, ведь он был так далек от нее. Она была так чиста и невинна по сравнению с ним. Он для нее был настоящим... кретином! И осознание этого, заставляло еще больше ненавидеть себя.

Что он делал в своей жизни?

Да, он неплохо зарабатывал. Да, он был не глуп, и он был знаменит, но...

Его слава... просто ничтожество...

...алкоголик...

...дибошир...

...алкоголик...

...извращенец...

...алкоголик...

... лицемер...

...алкоголик...

...слуга...

И снова...алкоголик...

Да, он был настоящим КРЕТИНОМ, рядом с ней!

Они оба устали. Они оба помнили и любили, но хотели забыть и убежать как можно дальше, наверно именно поэтому их так сильно тянуло друг к другу.

Они быстро поравнялись и скользнули прочь...

... маленькая ножка в черной туфельке на высоком каблуке, заставившая воду вздрогнуть на мгновения, переворачивая разум созерцателя луж...

... сжатый кулак, покрытый бинтами притягивал взгляд, сильнее шрама...

... красная ленточка платья...

... черный плащ...

... кончик крыла...

... седой мокрый локон...

Вот и все, что они заметили за этот миг, но что-то в сердце сжалось от страха и восторга. Что-то в сознании лихорадочно захлебывалась.

Они несмело шли прочь. С каждым шагом становясь все дальше. Сердце бешено стучало. Кровь ударила в голову, опьяняя, сильнее алкоголя.

Ну что такое маленькая ножка в черной туфельке? Что такое сжатый кулак?

Ее крылья невольно опустились, отдавая ее дождю. Она не выдержала и обернулась, желая увидеть обладателя этого кулака, надеясь, что он обернется тоже.

Он не смог устоять перед дурманом и обернулся, не в силах удержать странный порыв.

Да! Наверно они слишком сильно хотели не встречаться!

... он улыбался глядя в ее большие красные глаза на фоне бледной кожи. Она любовалась золотом его волос...

Это было так давно, что казалось просто видением, но вот он вновь видел ее сквозь столькие годы и терзания. Он смотрел на нее другими глазами. Он смотрел на нее, умирая от страха, ведь этот силуэт, эти глаза, эти губы — вся она стояла перед ним, и от ее существования сердце замирало, умирая в бесконечном страхе перед этой любовью. Он ее любил! Любил безумно и сильно. Она была прекрасна... эта фигура... это лицо... эта грудь... глаза... волосы... крылья... Он смотрел на нее с далека влюбляясь в каждую линию и без того любимого создания. Он смотрел на нее, не веря, что она стоит перед ним сейчас... здесь... ОНА! А не кто-нибудь другой...

А ведь он увидел лишь маленькую ножку в черной туфельке...

Она шагнула к нему, сама не зная, что будет делать в следующее мгновение.

Он продолжал стоять, чувствуя, как вода сочиться по его телу, охлаждая разгоряченное сознание. Он смотрел на нее, любясь этой поступью. Все фотографии, что он видел раньше, померкли перед оригиналом, медленно идущим к нему.

— Наташа...

Она оказалась слишком близко чтобы он мог сказать хоть слово. Она смотрела в его глаза с таким отчаяньем и болью, что ему просто захотелось застрелиться прямо здесь и сейчас у нее на глазах, только бы она больше не находилась рядом с таким КРИТИНОМ!

Она сняла с него очки и заглянула в эти измученные глаза, полные боли и стыда за свою прожитую жизнь.

Он отвел взгляд, понимая, что все это слишком безумно, что бы он мог это выдержать сегодня, но она нежно коснулась его щеки, поворачивая голову.

— Посмотри на меня, — прошептала она.

Он для него этот шепот был громче властного приказа. Он вновь смотрел в ее глаза, умирая от стыда и страха.

Она тоже смотрела в его глаза, но в них мерцала жалость, ранящая острее меча.

Она скользнула рукой на его шею и, притягивая к себе, поцеловала.

Он несмело подался ей, легко обняв ее талию.

Ее губы были сладкими и теплыми, его холодными и несмелыми.

С ней все было будто впервые. Она сводила его с ума, пьяня этим сладким жаром.

Дождь стих. Серые тучи все еще застилали небо, но кое где расступались, пропуская свет. Лучи солнца врывались в этот серый мир, играя бликами на мокром асфальте, деревьях, домах, телах влюбленных.

Сэт оторвался от Наташиных губ, не веря, что все, что он видит реально. Он смотрел на нее, как на виденье, а она крепко обнимала его, прижимаясь всем телом к его промокшему насквозь плащу.

— Я люблю тебя, — прошептал он, обнимая ее. — Я никого никогда не любил кроме тебя. Я...

— Молчи, — прошептала Наташа, чувствуя, что еще миг, и она вновь начнет думать и сомневаться. — Просто молчи...

Он лишь закрыл глаза, касаясь ее мокрых волос.

— Я не знаю, что со мной, — шептала Наташа, в его плече. — Я не понимаю, что чувствую. Меня разрывает от эмоций. Я не могу без тебя, но я не понимаю тебя! Не понимаю!

Она отстранилась, выскользывая из его неуверенных рук.

— Кто ты? — спросила она, глядя в его грустные глаза.

Он и сам не знал ответа на этот вопрос, поэтому отвел взгляд в сторону и сказал первое, что пришло на ум:

— Кретин...

Она побелела и отступила, как от кошмара.

— Снова ты говоришь то, что меня пугает...

— Прости, — шептал он, глядя в сторону, понимая, что отдаляет ее все дальше, но не в силах себя остановить, ведь он и правда «кретин».

— Зачем ты говоришь о любви?

— Потому что люблю.

— Зачем смотришь в сторону?

— Потому что... боюсь...

— Чего?!

— Всего...

— Я нужна тебе?

— Наверно...

— Наверно?!

— Нужна... наверно...

— Ты издеваешься!? — воскликнула она и что было силы ударила его по щеке.

Сэт замер чувствую обжигающую пощечину, бьющую в самое сердце.

— Прости, — только и выдавил он, перед второй пощечиной.

Его нещадно хлестала по лицу та, которую он любил больше жизни и осыпала оскорблениями среди которых определение «кретин» просто таяло и казалось никчемным.

— Ты просто издеваешься!!! — воскликнула она, отвернувшись

Он смотрел на ее дрожащие плечи, понимая, что должен сделать хоть что-нибудь, что бы ее удержать, что угодно только бы она осталась с ним рядом, хоть еще на мгновение, ведь без нее он... зачем ему становиться лучше, если ее не будет рядом?

Он коснулся ее плеча, но она отдернулась.

— Ты права, — начал было он, пытаясь найти слова, но она не стала его слушать, а помчалась прочь, не желая даже думать о нем.

Она его любила, но у нее была мирная тихая жизнь по сравнению с ним и понять его она просто не могла, а принимать еще не умела.

Он смотрел ей в след, чувствуя, как что-то тихо плачет внутри него. Он вновь упустил ее, что еще можно было сказать. Он хлопнул со всей силы себя по лбу и прошептал:

— Кретин, решивший жить...

Сжимая до боли, перебинтованный кулак он шел вперед, ненавидя эти радостные блики на дождевой воде!

Все, что ему осталось этой ночью, это забыться, опьянеть, что бы ни думать, и ласкать ту, что выберет его на эту ночь своей любовью. Он был готов любить любую только бы не оставаться в одиночестве, но любое забытье не может длиться вечно. Все оборвалось как только женская рука скользнула по внутренней поверхности его бедра и нащупала длинный грубый шрам.

— Ум, и откуда же он у тебя? — спросил любопытный женский голос, прямо над ухом.

Сэт ожил от этого вопроса. Сев на кровати, он смотрел в пол, пытаясь отогнать приступ гнева.

— Ты чего, сладкий? — спрашивал женский голос.

Нежные руки обняли его. Он чувствовал дыхание у своей шеи.

— Я ухожу, — прошептал он, резко встав.

Руки исчезли.

— Так быстро? — удивился голос. — А я рассчитывала на еще одну добавку...

— Мне просто надо идти, — бубнил Сэт, одеваясь.

— Вредный ты, — шептала обладательница голоса, раскинувшись на кровати. — Тебе ведь никуда не надо, ночь на дворе.

Он замер и посмотрел в окно. Там и правда была глубокая ночь. Он сел на кровать, понимая, что совсем запутался.

— Сладкий, ну не уходи, я же знаю, что сил у тебя много, ну...

Кто-то целовал его плечи, а он никак не мог вспомнить имя этой девушки, а ведь он с ней не первый раз проводит ночь, но видимо последний.

— Я ухожу, — прошептал он, вновь ускользя от дурмана.

Она просто отвернулась от него, завернувшись в одеяло.

— Я больше не приду, — буркнул он, закрывая дверь.

— Какого?! — донеслось до него из-за двери, но больше он слушать ничего не хотел, а просто шел прочь от этого сладкого голоса, приводить в порядок свои мысли и чувства.

15

«Потерпи»

Терпимость неизбежно ведет к равнодушию.

Денни Дидро

Поздней ночью Лира тихо выбралась из дома, что бы никто не заметил, и, поймав такси, умчалась в город. Она спокойно смотрела в окно, понимая, как будет неожиданно ее появление на прежней работе. Да, и она сама не сильно хотела туда, но было там то, что могло помочь ей заполучить желаемое.

За окном мерцали огни, которые забавляли девушку своими красками, заставляя задумываться о чем-то белее простом и легком, нежели прошлое и Сэт. Она улыбалась беззаботным мыслям, когда машина наконец остановилась. Расплатившись с таксистом, она вышла из машины и замерла перед входом в клуб. «Лунная газель». Клуб? Да, так его все называли, зная при этом, что в этом клубе не плохой бордель...

Она долго смотрела на вывеску со светло-синими буквами и элегантный силуэт стройнейшего из животных. Она и сама не знала, что заставляло ее смотреть на эту элиминацию и улыбаться. Ее охватывала ностальгия, которую она от себя не ожидала, ведь приятных воспоминаний с этим местом было не много, но в сознание крутились лишь они.

Она все так же улыбалась подойдя к двери. Парень на входе был ей незнаком, но это ее не удивило, ведь охрана здесь менялась слишком часто, что бы протянуть четыре года ее отсутствия.

— Я свой, — прошептала она, лукаво подмигнув, и скользнула внутрь.

Парень не сказал ни слово, не понимая, что в таком месте могла забыть девушка.

Внутри «Лунная газель» казалась скучным местом. Маленькое помещение, почти пустое, темное с искусственной пафосной музыкой. Она улыбалась, заметив черную дверь. Почти все клиенты знали, что за этой дверью скрывается совершенно иной мир, полный дурмана алкоголя и любви. Но она не пошла туда, а направилась к борной стойке, у которой мирно дремал бармен, спокойно стоя на ногах. Его она хорошо знала.

— Здорово, Шпиль! — крикнула она прямо в ухо бармену.

Тот вздрогнул от неожиданности и тут же вышел из дремоты, ошарашено разглядывая пышную блондинку, сидящую перед ним. Он долго изучал ее лицо, потом скользнул на вырез, затем вновь вернулся к лицу и несмело уточнил:

— Лирка, что ли?

Она улыбнулась и спокойно кивнула. Шпиль долго ее изучал взглядом.

— А ты похорошела, — заключил он.

— Разумеется, я же выросла.

— Ну, да... а ты это... какими судьбами?

Он дружелюбно смотрел на девушку, не понимая, зачем она вернулась туда от куда с таким трудом вырывалась.

— Да, так в гости забежала.

— В гости? — удивился бармен.

Лира рассмеялась.

— Налей чего-нибудь покрепче, — попросила она.

Перед ней тут же оказался стакан примитивной водки с лимоном.

— Мне нужно увидеть Марисан, — прошептала Лора, выпив предложенный напиток залпом.

— А зачем? — спросил бармен, повторив заказ хорошей знакомой...

— Надо, — коротко ответила бывшая работница, залпом осушив вновь наполненную рюмку.

— А как там твой мальчик? — спросил Шпиль, вновь наполняя рюмку.

— Он уже не мальчик, — буркнула Лира, глядя на рюмку, как на виновное во всех ее бедах существо.

— Че, динамит? — спросил Шпиль, приблизившись к собеседнице, так, что его нос почти касался ее лица.

— Не борзей! — огрызнулась Лира и, отстранившись от наглого бармена, осушила рюмку.

— Ой, какие мы невинные стали, — хихикнул бармен, выпрямившись. — Лад, так и быть, позову я нашу начальницу, но учти... только ради тебя...

Он улыбнулся и скрылся за той таинственной черной дверью и очень скоро вернулся с солидной женщиной. Она была далеко не молодой и даже не пыталась скрывать свой возраст, но при этом ее абсолютно не смущало ярко-алое платье с открытой спиной и яркий макияж. Ее светлые волосы были пышно уложены, открывая сухую шею. Она была бы очень красива, если б не была так стара, но привычки брали верх.

— Ну, здравствуй, деточка, — сказала она, широко улыбнувшись ученице.

— Здравствуйте, — фыркнула Лора, чувствуя как в сознание возвращаются не самые приятные воспоминания.

— Так просто или по делу? — спросила Марисан, присев рядом с молодой девушкой.

— «Просто по делу» — сообщила уверенно Лора, взглянув в глаза, призраку из неприятного прошлого.

Марисан улыбнулась, понимая, такой ответ слишком хорошо.

— Что ж, — прошептала она. — Поднимемся в мой кабинет, там и поговорим, о твоём ДЕЛЕ.

Лора кивнула. Шпиль непонимающе смотрел то Марисан, то на Лору. Он понимал их странные слова, но тема их разговора казалась ему невероятной и не логичной, но разобраться в этом ему было просто не суждено, потому что они тихо встали и скрылись за той таинственной черной дверью. Лора на миг закрыла глаза, стараясь не видеть такой знакомый главный зал, но сознание само рисовало ей розовые стены, столы и бархатные бордовые диваны. Они быстро скользнули на лестницу и поднялись на последний пятый этаж этого «невинного» местечка в кабинет самой Марисан.

— Ну, рассказывай, зачем тебе «дива»? — спросила женщина, закрывая на ключ дверь. — И какая нужна доза?

— Доза нужна максимальная разовая, за любую цену, — ответила девушка, игнорируя первый вопрос и присаживаясь на диван.

— Зачем тебе ОНА да еще и в таком количестве? — интересовалась Марисан, присаживаясь в рабочее кресло за письменным столом.

— Какая разница? Я плачу за товар, остальное конфиденциально! — заявила Лира, не желая раскрывать свой замысел даже той, что лучше других умела хранить тайны, хоть и

собирала их, как коллекционер.

— Деньги, золото, алмазы — все это мишура, которой у меня предостаточно. Я насытилась деньгами. Мне интересна жизнь, эмоции, души, — но я не могу их собирать лишь наблюдать за ними.

Она вытащила из шуфлядки стола сигары и закурила, выпуская крупные клубы дыма.

— Я хочу знать все, — продолжала она. — Как ты? Что у тебя нового? Не жалеешь ли ты что ушла? И вообще все о тебе!

— Я отлично, — ответила девушка, элегантно улыбаясь, — и не о чем не жалею.

— Вот и славно. А как там Сэт? Ты его заполучила, покрутила и выкинула?

Лира ничего не смогла ответить и лишь отвела взгляд.

— Лир?

Женщина попыталась заглянуть собеседнице в глаза, но те ускользнули, зарождая догадку.

— Неужто ты «диву» для него берешь? — спросила женщина, ужаснувшись, собственному предположению. — Неужели этот мальчик стал настолько не пробойным?

— К сожалению, — прошептала Лира, все как же скрывая глаза, — но я не собираюсь сдаваться...

— И чего же ты хочешь добиться?

— Я, — мгновение Лира, сомневалась, но после, продолжила, взглянув женщине в глаза, — затащу его в постель, а потом заявлю, что беременна.

— Хочешь женить его на себе? А не круто ли? Не забывай ему еще семнадцать лет, он юн для брака и он человек...

— Что с того, что он юн? И чем плохо то, что он человек? Я люблю его, а он слишком благороден, что бы бросить меня!

— Думаешь, он поверит тебе на слово, имея в друзьях владельца одной из лучших клиник в городе?

— Поверит, а если нет... люди в клиника Максимуса тоже не миллионеры. Я найду чем их убедить в своей беременности.

Лира лукаво улыбнулась, становясь уверенней с каждой минутой.

— Не понимаю, — прошептала Марисан, — неужели без наркотиков никак? Ты ведь была такой опытной, и что теперь?

— Не знаю, — прошептала Лира, глядя в пол. — Я все перепробовала, но ему все равно...

— Он влюблен?

— Возможно... Не знаю я! Да и меня это не волнует!!!

— Ясно, — женщина задумалась, — но если я правильно помню, у него есть проблемы с сердцем...

— Ну, да...

— Не боишься? «Дива» сильный наркотик. В больших дозах он и здорового может убить.

— Не боюсь! — отрезала Лира. — Мне больше нечего терять. Я заполучу его любой ценой и никто не посмеет его у меня отобрать!

— Жестоко...

— Все равно! Я так решила!

Глаза Лир загорелись уверенностью.

— Если с ним что-нибудь случится Вересов этого так не оставит, — прошептала Марисан, доставая из сейфа заветный порошок.

— Я уже все решила!

— Хорошо... любовь это святое для таких, как мы...

Сэт вернулся домой поздно вечером. Он был пьян, но еще вменяем. Выпил он очень много, но легче от этого не стало. Эмоции переполняли юного мага, теперь он был на грани истерики.

— Ну, и как это понимать? — спросил спокойно Илья.

Он стоял у стены, скрестив руки у груди.

— Как хотите, так и понимайте, — прошептал Сэт, выкидывая снятый ботинок через плечо.

Та же судьба постигла и второй ботинок. Услышав его удар о пол Сэт направился к лестнице, не обращая внимание на Вересова.

— Стой! — велел Илья.

Сэт остановился, но не стал оборачиваться. Вересов вздохнул и, подойдя к ученику, взглянул ему в глаза.

— Ты же мне обещал, — только и смог прошептать Илья, постепенно переходя на крик. — Ты же клялся мне, что этого не повторится!

Сэт холодно взглянул на Илью, снял с себя рубашку и, опустившись на одно колено, подал Илье, телепортированный из его кабинета кнут.

— Прекрати!!! — злобно крикнул Илья и отобрал у Сэта кнут. — Ты здурел!!! По твоему мне все равно, что с тобой происходит!?

Сэт молчал.

— Встань! — велел Илья сурово.

Сэт не спеша встал на ноги и взглянул на учителя. Перед ним стоял совсем молодой на вид маг, такой же, как тот, кого он увидел, открыв впервые глаза, вступая в новую жизнь. Илья все еще был прежним. В его темных волосах не было ни намека на седину, а в теле, казалось, сила только зарождалась, начиная свой путь. Он был еще так молод... и это было так больно...

Сэт метнулся к Илье и выхватил у него кнут и оттолкнул. Вересов совсем не ожидал такого действия и не успел оказать сопротивления, и, пошатнувшись упал на пол, совершенно не понимая происходящего.

Сэт же уже не обращал на него внимания. Он отступил и что было силы ударил себя кнутом по спине. Брызнула кровь. Илья ошарашено вздрогнул и тут же вскочил на ноги и прежде, чем Сэт успел ударить себя еще раз, отобрал у него кнут и, схватив его за руку, прижал к себе.

— Тише, все хорошо, — машинально прошептал Илья.

Плечи воспитанника нервно подрагивали, будто его трясло от холода. Вересов начал сомневаться во вменяемости ученика, ведь он такого еще никогда не дела. Раньше при любом психозе он напивался, влазил в драки или наоборот работал сутками, но бить себя... это было что-то из ряда вон выходящее.

— Я всегда хотел казаться сильным, — неожиданно прошептал Сэт. — Мне казалось, что я сильный. Мне казалось, что я стал сильным, что теперь меня никто и ни что ни ломает, но...

Сэт выскользнул из рук Ильи и сел на пол.

— Я беспомощный, слабый, жалкий, — шептал он. — Аж противно!

— О чем ты? — спросил взволнованно Илья, опустившись на колени, возле Сэта.

— Я не могу держать себя в руках. Я устал и больше не могу, — он закрыл лицо руками. — Я хочу умереть, просто умереть. Я хочу очнуться от этого кошмара.

— Потерпи, — прошептал Илья, обняв Сэта. — Все пройдет. Впереди все будет иначе.

— В будущем?! А разве у меня может быть будущее?! Мое тело разваливается прямо на глазах, а жизнь катиться к чертям. Не жизнь, а существование...

Илья совершенно не понимал, что происходило с Сэтом, и куда вдруг делся сильный человек, который уверенно проходил все трудности. Он не мог понять, что в нем вдруг сломалось, перевернув так его сознание. Он уже знал, что его пьяный сейчас ученик снова мог видеть, и это казалось хорошим событием, а не плохим. И ожидая, его он был уверен, что Сэт просто отмечает это событие, а не заливают горе алкоголем. Он смотрел на него и не понимал эту измученную личность с болезненными глазами.

— Почему? — спросил Илья, не понимая, почему у ученика все так перевернулось в сознании.

— Потому, что не знаю, куда идти...

Сэт посмотрел на Илью Николаевича, пытаясь найти понимание, но тот явно был в недоумении от услышанного.

— Что бы идти вперед нужна цель, как смысл жизни, определенный курс который ты сам себе наметил. У меня же нет пути... я ничего не хочу, — прошептал Сэт. — После смерти отца я остался совсем один. У меня не было даже воспоминаний, я был потерянным чистым листом и ту пустоту, что была внутри меня заполнили вы. Вы — стали единственной ниточкой, связывающей меня с этой жизнью. Я не хотел висеть на вашей шее, поэтому так старался встать на ноги. Я хотел стать сильнее, что бы быть вам полезным, но даже теперь от меня никакого толку. Я совершенно не знаю, как сделать вас Королем Тьмы, как сдвинуть этого старикашка Идебурга, а я так хочу увидеть вас королем, я так хочу дожить до того дня, когда черные маги склоняться перед вами. Я хочу успеть помочь вам, но на самом деле, я просто бесполезен. Я даже не знаю, как бороться за девушку, которую люблю! — голос Сэта, сорвался на крик. — Я никому не нужна бесполезная тварь!

— Не правда, ты мне нужен, ты Лире нужен, да и Наташе ты нужен, просто она еще это не поняла. Ты не бесполезный и никогда таковым не был. Ты даже смог сделать невозможное — ты вернул Норбера!

Илья замолчал, не зная, что еще сказать, просто он понимал, что Сэт сейчас действительно на грани. Его разум, казалось рассыпался на осколки и любое слово могло уничтожить остатки сознания, что еще мерцали в глазах потерявшегося человека.

Сэт молчал. Он почему-то успокоился. Ему вроде стало легче, не хотелось больше кричать, плакать и биться в истерике, но чувства все будто пропали и мысли ушли прочь, но губы сами прошептали, после небольшой паузы:

— Норбер? Он здесь?

Илья осекся, сомневаясь, что это приемлемая тема для обсуждения.

— Да. Он здесь, но он уже спит. Завтра ты его увидишь. Он очень изменился, он раскаивается. Я думаю, вам найдется, о чем поговорить. Если ты, конечно, хочешь, а если ты не хочешь его видеть, то...

— Я хочу его увидеть, — перебил Сэт наставника и резко встал на ноги. — Простите.

— За что? — спросил Илья, встав и посмотрев ученику, к тому же и приемному сыну в глаза.

— За этот истерический бред. Я не должен был вынуждать вас все это выслушивать.

— Сэт, — тихо прошептал Илья. Его очень раздражала позиция Сэта относительно себя самого и того, что окружало их. — То, что ты сейчас мне сказал, это не истерический бред, а...

Тут Илья замолк, не в силах подобрать подходящее выражение. Сэт едва заметно улыбнулся, безумно смеясь где-то в глубине сознания. Он был почти безумен и озадаченность наставника, казалась ему смешной и нелепой.

— Не надо, не мучайтесь, — прошептал он с еще более явной улыбкой на губах. — Я спокоен. Со мной все нормально, так что не надо меня успокаивать.

Илья ошарашено посмотрел на Сэта, окончательно запутавшись в его мыслях, переживаниях и проблемах. «Неужели он совсем не понимает, что я волнуюсь за него? Неужели он думает, что я говорил ему это просто, что б утешить, без чувств, как игру?»

Сэт смотрел Илье в глаза. Сначала это был спокойный, ничего не выражающий взгляд, но потом на губах возникла едва заметная неуловимая ухмылка, а в глазах на миг скользнуло безумие.

— Сэт! — уже с гневом в гнев крикнул Илья. — Ты что, правда, думаешь, что мне плевать?!

Сэт улыбнулся и шагнул к наставнику, что постепенно вскипал от гнева, сам себя накручивая, но воспитанник так спокойно улыбался и так уверенно смотрел наставнику в глаза, что Илья тут же утих и гнев сменился легкой печалью. Он положил голову на плече такого не выносимого мальчишки и закрыл глаза.

— Я все прекрасно понимаю, Илья Николаевич. Просто вам не к лицу этот тон. Вы не умеете так жить и так общаться. Вы — это уже не вы, когда говорите со мной так.

Илья очнулся от этих слов, как от удара по голове. Он растерянно отступил назад и с нескрываемым шоком, смотрел в стеклянные, совершенно не понятные ему глаза Сэта.

— Неужели я никогда не разговаривал с тобой так? — растерянно прошептал маг.

— Нет. Так никогда прежде. — Эти холодные слова, звучали для Ильи, как приговор. — У вас был такой глупый тон, — Это уже смахивало на оскорбление. — Такое чувство, — спокойно продолжал Сэт, — что вы просто не знали, что сказать, но боялись замолчать. Не надо всего этого. Вы мне нравитесь таким, какой вы есть — сильный добрый маг с эмоциональным и своенравным характером. Вот это мой Илья Николаевич — суровый, но справедливый. Это вы настоящий, а не тот странный запуганный отец одиночка, не знающий как спасти свое единственное любимое чадо...

Илья ударил Сэта по лицу, и на мгновение в холе стало тихо, совершенно тихо, как в склепе. Сэт совершенно беззвучно вытер кровь с разбитой губы и вновь заговорил, совершенно спокойно, будто ничего и не произошло.

— Что вас сейчас так задело? — поинтересовался юноша. — Что все таки стало поводом вашего гнева? Любимое чадо, или все же единственное?

Илья вновь ударил Сэта, причем сильнее чем в прошлый раз.

— Меня бесит, что ты говоришь обо мне, как о страшном бесчувственном дядьке!

— Я такого не говорил, — буркнул Сэт себе под нос, виновато отведя взгляд в сторону.

Илья посмотрел на него и наконец понял, что происходило сейчас в голове его ученика. Он увидел проблему, вернее ее суть, но совершенно не знал, как ее решать, но одно он знал,

точно, на поводу у этого мальчишки он не пойдет. Он улыбнулся и совершенно спокойно заявил:

— Можешь даже не стараться, я не поддамся!

Сэт лишь кротко взглянул Илье в глаза, вздохнул и, не говоря больше ни слова, хотел уйти.

— Подожди. Зачем тебе это? Неужели от физической боли становится легче?

Сэт обернулся и задумчиво посмотрел в какую-то только ему понятную пустоту.

— Нет, конечно, но, — он сделал странную паузу, будто подбирал слова или скорее пытался принять внутри себя ту правду, что намеривался сказать вслух. — Просто она отвлекает от разных бредовых мыслей.

— Ясно.

Илья прикрыл глаза, осознавая услышанное, а потом, улыбнувшись, схватил ученика за руку и потащил на кухню. Затащив пораженного Сэта в помещение, он запер дверь и стал старательно что-то искать.

Сэт же просто остолбенел, ничего не понимая.

— Ну что ты как не родной? Сядь! — велел Вересов молодому человеку и тот не задумываясь подчинился.

Сэт был в легком шоке. Он совершенно ничего не понимал и только задавал сам себе уйму вопросов: «Что он собирается делать? Почему на кухне? Стражи!!! Да что у него в голове? Нет ну... таких глупцов как я мало на свете! Называется, нарвался! И на что? Теперь сиди и жди молча, чего б там ни было»

После не долгих поисков Илья вытянул ящик водки, припрятанный Ником на «крайний случай» и два стакана.

— Илья Николаевич, — растерянно прошептал Сэт, наблюдая эту картину. — Вы что серьезно?

— Абсолютно!

— А как насчет того, что мне пить нельзя, что это вредно и...

— Сегодня можно, — заявил Вересов, не дав парню закончить свой вопрос, не имеющий сейчас значения.

Илья прекрасно понимал, что вредность алкоголя никуда не делась, но это был своего рода ключ, способный развязать его воспитаннику язык и этот способ, признаться, был его последней надеждой...

Утром Илья проснулся у себя в комнате. Как он там оказался, он не помнил совершенно, из чего он заключил, что его сюда, скорее всего кто-то принес. Он лежал на кровати, пытаясь приспособиться к сильной головной боли, отражающей количество выпитого. Одно только радовало, он помнил каждое слова, сказанное вчера Сэтом. Все до последнего словечка и полутона. Еще вчера он сделал выводы, которые теперь его пугали. Да, моральное состояние ученика требовало особого внимания. Сэт явно был просто противен самому себе. К тому же одной из главных его проблем и тревог была любовь к Наташе. Сэт искренне любил эту девушку но не знал, что делать с этой любовью. Он понятия не имел, как вести себя с ней, что говорить, как. Он просто терпеть не мог быть беспомощным и слабым, даже от чувств, а теперь... теперь он не понимал что именно с ним происходит.

Теперь Илья понимал все это очень ясно. В его голове была четкая картина того тупика

в котором потерялся, его родной человек. Он хотел ему помочь и поддержать, но пока не знал, как правильной всего это сделать.

Занятый такими рассуждениями, он спустился вниз и зашел на кухню.

В кухне царил порядок, не оставивший ни единых следов ночной попойки. Маг лишь тяжело вздохнул, понимая, что убирал наверняка Сэт, и направился в комнату воспитанника. Он не стал стучать, а тихо приоткрыв дверь, заглянул в комнату. Окинув взглядом кровать он тут же понял, что Сэт суда вообще не возвращался. Он хорошо знал привычки молодого человека и тот, хоть и вставал достаточно рано, никогда не заправлял кровать до обеда, позволяя себе порой поваляться под одеялом и писать перевод какого-нибудь документа прямо так, под теплым одеялом. Однако, несмотря на утренний час, кровать была аккуратно застелена и это, признать, напугало Илью, чуть ли не до дрожи. Он хорошо помнил то разбитое состояние в котором прибывал эта неординарная личность вчера ночью и даже думать не хотел, что он мог натворить под влиянием непонятных ему чувств.

Первым делом Вересов стал звонить Сэту, но его звонок остался без ответа. Он быстро спустился вниз в холл, где вчера все началось, и вновь позвонил. Телефон Сэта отозвался на звонок не приметной стандартной мелодией со стороны кухни. Это напугало Илью еще сильнее. Он стал панически метаться по холлу, измеряя его шагами вдоль и поперек, звоня то пропащему Ургу, то занятому Максиму. Он позвонил даже Наташе, но никто, абсолютно никто не знал, где сейчас находился Сэт.

— Илья Николаевич, что-то случилось? — спросил несмело Норбер, спустившийся вниз, совершенно незаметно, для переполошенного Вересова.

— Нор, ты Сэта не видел? — тут же спросил маг, заметив молодого человека.

— Неа, а что?

— Он мне срочно нужен, а телефон он не взял. Где мне теперь его искать?

— А ты уверен, что он не дома? — спросил сонный Ник, вставший только из-за этого переполоха.

— Ну...

Илья всерьез задумался, ведь он и правда не проверил весь дом.

— Вот именно! Сначала проверь библиотеку, а потом бей тревогу!

Илья уже хотел бежать вверх, но его остановил Норбер.

— Можно я схожу? — спросил он, все еще осторожно, явно чувствуя себя не совсем свободно в этом доме.

Илья лишь положительно кивнул. Норбер облегченно улыбнулся и тут же умчался на второй этаж и буквально через минуту вернулся.

— Его там нет, — сообщил он, не успев спуститься по лестнице.

Илья обессилено сел в кресло, видимо представив самое худшее, что только могло придти ему в голову.

— Что вчера у вас стряслось? — спросил Ник, садясь напротив. — Он опять был пьян?

— Да...

— И?

— Ничего, — прошептал потерянно Вересов.

— Что значит «ничего»? — спокойно расспрашивал маг. — Что ты сделал, когда он пришел?

— Ничего...

Он боялся говорить вслух то о чем думал, боялся делиться этими мыслями, боялся, даже

думать, то что не выходило из его голову, но мысли так просто из голову не выгонишь.

— Я боюсь за него, — только и смог прошептать он, что бы не сорваться.

— Что случилось? — растерянно спросила Лира. — Где Сэт? Что происходит? — с каждым вопросом в ее голосе звучало все больше страха. — Что с Сэтом?!

— Да ничего, пока. Просто не можем его найти, — тихо ответил ей Норбер, стоящий рядом.

— Лира, Норбер, будьте тут и сообщите сразу, как Сэт появится, — сообщил Ник и схватив Илью за руку, добавил. — Идем!

— Куда? — растерянно спросил Вересов, встав на ноги.

— В твой кабинет. Поговорим. Ты ведь мне ничего не расскажешь при них, да и не за чем им знать такие вещи.

— Какие вещи?! — переполошено спросила Лира. — Что вчера стряслось!? Где Сэт?! Что вообще происходит?! Что вы с ним сделали?!!

— Я не знаю, — простонал Илья, сев обратно. — Он был очень пьян вчера. Пьян и невменяем... я не знаю... не знал, что делать... он... не важно!

— Что?! Что все это значит?! — испуганно голосила Лира.

— Господи, что вы все орете в такую рань? — спросил кто-то неожиданно вошедший.

Все затихли и посмотрели внезапно вмешавшегося в беседу. Это был красивый молодой человек, среднего роста и спортивного телосложения.

— Вы к кому? — спросил Норбер, как единственный, кто еще что-то мог сказать.

Молодой человек лишь удивился, явно не собираясь отвечать на этот вопрос. Никто ничего так и не успел понять, но Вересов неожиданно вскочил и просто подлетел в незнакомцу и присмотрелся. Это было красивое и хорошо знакомое лицо. Слегка растрепанные черные волосы, коротко стриженные и совершенно не послушные, но столь ярко подчеркивающие синие глаза молодого человека, что в него могла влюбиться с первого взгляда любая свободная девушка.

Незнакомец лишь мягко улыбнулся, немного бледными губами и Илья крепко обнял его.

— Господи, Сэт, как же ты напугал меня.

— И поэтому надо было всех перепугать? — спросил приятный мягкий голос, столь спокойный и умиротворенный, что почти неузнаваемый.

— Я не хотел! Правда, — улыбаясь говорил Вересов.

— А я и не предполагал, что вы меня не узнаете.

Лира побледнела и просто осела на ступеньки. Ник с нескрываемым интересом изучал такого нового и совершенно неожиданного Сэта.

— Что ты с собой сделал? — спросил он, лукаво улыбувшись.

— Ничего особенного, — отозвался Сэт, пожав плечами. — Просто сменил прическу.

— А глаза? — не выдержала Лира.

— Линзы, все равно ведь зрение не идеальное.

Сэт мирно улыбался и казалось его совсем ничего не тревожило в этой жизни, но эта маска тут же упала, когда он увидел глаза учителя, что взглянул на дисплей своего неожиданно зазвеневшего телефона.

— Сэт...

— Что? — напряженно отозвался молодой человек, о чем-то явно догадываясь.

— Это Наташа. Прости. я...

— Просто ответьте... для начала, — прошептал устало и опечаленно Сэт.

После звонка Ильи Николаевича Наташа не могла найти себе место. Она бегала по квартире в поисках, какого-нибудь «успокоения», но не находила его, и в конце концов не выдержала и сама позвонила Вересову.

Он ответил не сразу, но только Наташа услышала его скупое на информацию и эмоции «да», она тут же выпалили:

— Илья Николаевич, Сэт нашелся? С ним все в порядке? Я просто очень волнуюсь.

Но на другой стороне трубки медлили. Она даже не догадывалась, что Вересов смотрел на Сэта и видя его недовольный, даже чуть злобный и это мешало ему так легко ответить, но прогнать Сэта он просто не мог, хоть без него и было бы говорить. Он вздохнул и сухо сообщил:

— Да, он здесь, в полном порядке. Я зря беспокоился.

— Слава струне, — облегченно выдохнула Наташа. — А я могу с ним поговорить?

Илья затаил дыхание, потому что именно этого вопроса он и боялся больше всего. Он посмотрел на Сэта и подал ему трубку. Молодого человека чуть заметно передернуло, будто от пронизывающего тело холода. Он неуверенно взял трубку.

— Да, — отозвался он, совершенно неуверенно.

— Привет! — радостно, чуть ли не вскрикнула девушка. — Как же хорошо, что ты в порядке, а то я очень перепугалась.

— Конечно я в порядке, — с легким, почти неуловимым раздражением ответил Сэт. — Илья Николаевич зря волновался.

— И хорошо, что зря! Ты не представляешь, как я за тебя волновалась. Ты мне очень дорог и я совершенно не хочу что бы с тобой что-нибудь случилось.

— Наташа, я прошу тебя. Я умоляю, не начинай, — почти простонал Сэт, — ты потом снова заговоришь по другому...

— Нет, Леша. Нет! — перебила его высшая вампирша.

— Я не Леша, — спокойно напомнил ей Сэт, не имея сил спорить.

— И правда, прости, — прошептала Наташа. — Я по старой привычке. Если ты действительно хочешь, я буду всегда называть тебя Сэтом.

— Честно? — в его голосе прозвучала нескрываемая надежда.

— Конечно, Сэт, — мягко отозвалась Наташа. — Имя ведь не главное.

— Рад это слышать, но это мало что меняет...

— Нет! Меняет! — уверенно заявила Наташа. — Меняет то, что я люблю тебя!

Сэт, что расхаживал по холлу все это время, остолбенел, не зная, что ей и ответить на это, а она тихо, чуть не плача шептала в трубку:

— Ну скажи, почему? Почему, когда ты готов идти за мной на край света, я дурачу себе голову нелепыми предрассудками? Почему же, когда я готова бежать за тобой, ты уже обижен на меня? Сэт, прости мне мои вчерашние слова... пожалуйста, прости...

— Я не злюсь и вовсе не обижен, — растерянно шептал он. — Просто я все еще не верю, что это и правда ты...

— Почему?

— Мы с тобой совершенно разные. У нас так мало общего... разве что прошлое. Мы едва ли похожи, но смогли совпасть и настроением и чувствами прямо сейчас.

— А я очень рада! Правда Сэт. Я счастлива, что мы совпали, хотя бы раз, хотя бы сейчас! Может встретимся?

— Прости, но я сегодня хотел заняться одним важным делом.

— Каким если не секрет?

— Не секрет, но... Можно я тебе расскажу уже когда закончу?

— Ладно, — согласилась Наташа, чем поразила Сэта еще сильнее. — Я, как твоя девушка, надеюсь я имею право себя так называть, не хочу ограничивать твои дела, особенно если ты обещаешь потом рассказать.

— Спасибо, — тихо прошептал Сэт, не веря собственному счастью. — Давай я тебя сейчас сам наберу, а то не хорошо тратить твои деньги и занимать телефон Ильи Николаевича.

— Хорошо, — легко согласилась Наташа. — Я буду ждать твоего звонка.

Она отключила вызов и легла на диван, совершенно довольная таким маленьким чудом, как этот телефонный разговор.

Сэт мило улыбнулся и отдал Илье Николаевичу мобильный телефон. Все так же улыбаясь, оглядел всех: Илью Николаевича, который смотрел на Сэта счастливыми глазами и искреннее радовался положительному всплеску в судьбе почти что сына; Ника, как не крути, а привязался к мальчонку и радовался, что тот цел, хоть и думал больше о единственном сыне, которого смог вернуть; Лору, которая не могла отвести восхищенный взгляд и демонстрировала, как впрочем и всегда, соблазнительность своего тела, но это как обычно не заинтересовало Сэта, занятого совершенно иными мыслями; Норбера, что не знал куда деть глаза, но невольно смотрел на бывшего врага и вновь понимал его превосходство.

— Ну и чего вы на меня все смотрите? — спросил неожиданно Сэт.

— Просто ты, — начала Лора, но от эмоций не договорила свою пылкую восторженную фразу, от нехватки слов или может даже чувств.

Ник будто вышел из оцепенения и посмотрел на сына, что все еще смотрел на оживленного, молодого и действительно красивого Сэта.

— Прости за весь этот дурдом, — начал было извиняться Илья.

— Не извиняйтесь, — резко перебил его Сэт и, подойдя ближе, сказал: — это вы меня простите за вчерашнее, да и сегодня я вас перепугал.

— Ничего, — улыбаясь, сказал Илья.

— Мне с вами нужно еще поговорить, но с начало надо позвонить Наташе — все так же мягко говорил молодой маг, а потом усмехнувшись добавил: — а то она не каждый день не кусается.

Он был откровенно счастлив и, напевая что-то себе под нос, отправился на кухню за своим мобильным.

И только через полчаса Сэт без стука вошел в кабинет Ильи Николаевича.

— Извините, — сказал он скромно, закрывая за собой дверь.

— Забудь! — велел равнодушно Илья, понимая, что речь идет о вчерашнем вечере. — Ты хотел со мной поговорить. Если ты по поводу вчерашнего, я не хочу об этом.

— Нет, я не о том, — сказал Сэт и сел на стул напротив Ильи — Я просто хотел, — он опустил голову, с усилием подбирая слова, — Илья Николаевич, я хочу съехать от вас на какое-то время.

— Что?! — немного испугано спросил Вересов.

— Просто, — Сэт несмело взглянул на учителя. — Я хотел пожить дома, сделать там

ремонт и... ну... вы понимаете, — шепнул он совсем несмело.

Илья поймал этот несмелый взгляд и, кивнув, сказал:

— Хорошо, только не забудь мобильный и будь на связи. Я сейчас тебе разрешение напишу.

Илья стал писать бумагу, без которой Сэт не имел права проживать отдельно от наставника, а при нынешнем положении дел было бы очень глупо рисковать хоть немного в спорах с законом, даже столь простым.

Когда Сэт с чемоданом шел по коридору, Лора смотрела на него и не знала, как удержать его, как не потерять его. Она сжимала в руке шприц с Дивой и не знала, не могла его использовать. Она лишь закрыла дверь и осев на пол, плакала, слыша его шаги.

После обеда у Наташи все еще было хорошее настроение. Она чувствовала себя счастливой. Когда на ее телефон пришло сообщение, она смотрела старые фотографии с Лешей, на которых явно было заметно, что Леша не любил это бессмысленное фотканье, но терпел все это только ради своей подруги.

Услышав звук телефона, она мигом схватила его, но увидев номер отправителя, засияла еще сильнее, ведь это был ее любимый черный маг.

«Что у тебя завтра вечером?» — напрямик спрашивал он, все так же не упуская все кроме того, чего изначально хочет.

«Пока ничего» — быстро набрала девушка, поражаясь, как быстро она уже стала набирать.

«Может, тогда поужинаем где-нибудь вместе?»

Все же он отвечал явно медленней, но его сообщения она ждала, возможно, сильнее чем чего бы то ни было в своей жизни.

«Давай» — мигом согласилась она.

«Тогда, до завтра. Я за тобой заеду в 7»

Наташа засияла и на ее щеках появились слезы счастья. Она не могла вчера еще подумать, что они будут вместе. Еще 3 месяца назад она мечтала его убить, а теперь... она любила его....

16

Карэлира Эвас Грэйс

Вы тоже люди и тоже живые!

Сэт Вересов

Я была обычной девочкой из обычной семьи. Таких, как я в самом начале своего пути среди черных магов просто миллионы. Обычная семья, обычные родители, такие обычные черные маги с обычными номерами, ничего особенного. Мы жили в обычной квартире, в обычном доме, стоящем в самом обычном квартале черных магов. Я ходила в обычную школу для черных магов, обладала самыми обычными способностями. Наверно меня ждала бы самая обычная жизнь, если бы мои родители не погибли в самой обычной аварии. Такое наверно могло случиться с кем угодно, но случилось именно со мной. Тогда жизнь моя стала иной надолго, но это изменение скорее просто падение ради выживания, куда важнее то, что меня вернуло к жизни.

Мне было тогда пятнадцать лет, и я была одной из работниц публичного дома в Лунной Газели. Такая жизнь устраивала меня куда больше участи бродяжки. Меня не пытались найти, запихнуть в распределитель, от меня никто не отказывался и я оставалась ученицей, только должна была выживать. В мире магов, такие как я просто мусор, даже люди и то интересней отсутствием сил, нежели я с этими крохами магии в крови.

Тот день, вернее та ночь, была для меня самой обычной. Я сидела на диване на коленях у клиента. Он должен был уже скоро уходить, но оставлять его я не имела права до самого конца. Он говорил о чем-то с другим магом, но я не только не хотела вникать, но и не понимала толком их пьяных умных речей, и делая вид, как я восхищенно слушаю этот бред, мне оставалось лишь украдкой будто случайно наблюдать за залом.

Эти двое бросались в глаза, вернее даже один этот мальчишка становился явно заметным, выделяясь из этого скопления пьяных похотливых мужчин. Он казался Лире светлым, возможно лишь из-за светлых волос и белоснежной рубашки. Он стоял за одним из диванов у карточного стола у правого плеча Вересова, что последнее время стал одним из самых часто появляющихся клиентов этого места. Он много играл, проигрывал, пил и снимал за раз несколько девочек. Ее здесь знали все и ждали каждый вечер. Здесь любили тех, кто катиться вниз, однако этого мага тоже можно было понять, ведь ему никогда не стать своим для черных магов, никогда не обрести порядок и равновесие, но в то же время среди белых ему стоило не появляться ни когда и ни по каким причинам. Мне казалось, что он был одинок, ведь все за что его принимали даже тут невзирая на его грубость и жестокость, так это деньги. Деньги открывали ему двери в Лунную Газель, но вряд ли они могли унять то, что он заливал здесь литрами алкоголя.

Пусть я и была глуповата, но понимать мужчин, работая здесь я научилась, буквально чувствуя то чего они желали. И мне казалась я понимала его одиночество, но этот мальчишка. Я не знала кто он, но его странный печальный взгляд, равнодушный ко всему вид. Он смотрел лишь на руки Вересова держащие карты, но с такой тоской будто это имело смысла больше чем все что происходило здесь вообще.

Я тогда в какой-то миг просто не удержалась, откровенно наблюдая за пареньком и

всмаатриваясь в его будто нарисованные художником черты лица. Я не видела, как он пришел сюда, но едва ли сам, наверняка его кто-то привел, но кто и зачем? Да и чего он пытался достичь стоя здесь в задымленной шумной комнате. Он как будто случайно попал сюда, но все же у него явно была некая цель, прячущаяся в голубизне печальных глаз. Но я совсем не понимала его, пока его рука не попыталась остановить Вересова, что вновь протянулся к бутылке. Он что-то тихонечко ему говорил. И мужчина взглянул на него. Этот жестокий взгляд всех здесь пугал, но этот мальчишка лишь вновь заговорил, касаясь руки мага. Я сожалела, что не слышала его слов, но его молящие глаза меня поражали.

Когда Вересов вырвал руку и ударил мальчишку, я не испугалась и не вздрогнула, так уж было устроено то место, что на подобное совсем не обращали внимание, а я и подавно должна была обращать внимания лишь на нынешнего своего господина, но это тогда было тяжело и я отвела взгляд, вновь вернувшись в мир своей никому не нужной жизни. Только внутри замер некий осадок.

Он и правда поспешил удалиться мой съемщик. Я проводила его, уже не помня его имени, как и не помнила имен всех остальных кого провожала сегодня, да и вчера и во все остальные дни. Я даже лица их забывала почти мгновенно, как и забыла тогда о мальчишке, что совсем недавно занимал все мои мысли.

По привычке улыбаясь, забыв уже как и жить без этой услужливой улыбки, я подошла к нескольким девчонкам, так сказать моим коллегам, хотя они любили называть себя подругами, что бы хоть как-то компенсировать пустоту внутри от всей этой жизни. Не то что бы я хотела с ними поговорить, просто мне было любопытно, отчего они стаяли в сторонке без дела и не спешили найти себе клиента, да еще и вдвоем. Просто хоть это и не бросалось в глаза в столь многолюдном зале, но не было характерно для этих двоих постоянно выискивающих себе работу.

— Что-то случилось? — поинтересовалась я подойдя.

— Смотри, — коротко ответила мне белокурая Жули, указывая на сидящего у стены мальчишку.

Я посмотрела на него и тут же узнала. Сознание мое вернулось к нему с некой нетерпеливой радостью. Он сидел совсем неподвижно, на корточках у стены, глядя куда-то в пол, касаясь руками головы, будто удерживая в ней что-то, рвущееся наружу.

— Симпатичный правда? — весело спросила миниатюрная черноглазая Син.

Ни соглашаться с ней ни спорить я не стала, не желая выдавать свой интерес к этому парнишке и его таким особенным чертам.

— А кто он? — спросила вместо этого я, будто без причин, надеясь, что они знали хоть что-то.

— Сэт — ученик Ильи Вересова, его сюда Николариус Фин привез. Они вроде как за Ильей приехали, но сам Фин тоже увлекся кем-то из наших, как всегда по сути, — рассуждала Жули, — а этот уже почти полчаса здесь сидит вот так.

Син аж светилась неким воодушевлением, переплетая пальцы на уровне груди.

— Я как подумаю о том, что он тот самый о ком все говорят и пишут, тот уникальный...

— Но если это он, то ему всего двенадцать лет, — прошептала я растерянно понимая, что он выглядел все же старше.

— Да ну? Какие там двенадцать? — возмутилась Жули. — Лир, е будь такой наивной, ему минимум пятнадцать, а все эти газетные статьи лишь часть пиара, он же слуга Дьявола, чем удивительней о нем напишут, тем больший успех у статьи.

— Пусть даже так, — смущенно прошептала Лира. — Это едва ли что-то меняет.

— Меняет. Он тоже наш клиент, — с неким нескрываемым восторгом воскликнула Син.

Меня от этого аж передернуло внутри. Все это было как-то совсем не верно. Он один выделялся, но этого не только не хотели замечать, но и уважать.

— По-моему ему совсем не до нас, — прошептала я отчаянно, надеясь все же защитить этого человека от нелепостей этого места.

И в этот миг он убрал руки от лица и вновь взглянул на Вересова, совсем отчаянными глазами. Мне казалось некая надежда покидала его. Движения обретали мягкую безвольность. Он просто сполз окончательно на пол и безвольно смотрел на равнодушную спинку дивана. Его немного бледное лицо с мягкими чертами и разбитой верхней губой завораживало меня, как ни одно лицо прежде будто я и не видела никогда красивых мужских лиц.

Жули рядом вздохнула, как-то сладко, будто была заморожена не меньше моего, а Син откровенно выдохнула с нескрываемым блаженством. Я поняла тогда, что совсем не отличаюсь от них, хоть мне и мерзко от их слов, и все что я могла это лишь опустить глаза и молчать, не дыша и не осуждая уже никого.

— Ну и почему вы тут стоите? — строго, но все же негромко спросила заметно стареющая Марисан, подкравшись к нам крайне незаметно.

Я лишь подняла на нее глаза, а девчонки расступились, открывая ее строгому взгляду сидящего на полу паренька.

Я помню, как ее взгляд стал лишь строже.

— И вы просто смотрите?

— Мы с Жули, не могли решить, как к нему подойти? — виновато шептала Син.

— Да, не трогайте вы его! — воскликнула я и тут же испуганно закрыла рот рукой.

К счастью никто не обратил на это внимания и крик мой потерялся среди шума.

Марисан посмотрела на нее сквозь лорнет и, вновь отведя его от глаз, нахмурилась.

— Что за дурное мнение?

— Поймите, он еще слишком юн, — тихо объяснялась я. — Зачем, объясните мне, зачем развращать ребенка, особенно, когда все его мысли, заняты иным?

Марисан лишь хихикнула в атласную перчатку, подавляя неуместный хохот.

— И это говорит мне та, что работает здесь с тринадцати лет...

— Именно поэтому я и говорю это. Не надо, оставьте его.

Мои слова обращались в мольбу.

— А ты знаешь, что только настоящая профессионалка, сможет соблазнить мужчину в подобном состоянии, особенно девственника?

— Да, вы как-то говорили об этом, — робко ответила я. — Но к чему вы клоните?

— Мне не нужен не квалифицированный персонал, — жестко ответила владелица, этого заведения.

— Но вы же совсем не давно, говорили, что я одна из лучших.

— Так пойд и докажи это! — велела Марисан уверенно.

Я смотрела на нее в мольбе с последней надеждой, но строгий взгляд женщины, буквально разбивал все мои мысли о мольбах.

— Иди и сделай это, иначе можешь идти и искать себе новую работу.

Меня передернуло, даже дрожь прошла по телу от воспоминаний о моем бродяжническом прошлом до попадания сюда, и взглянула на Сэта, уже стараясь

рассмотреть в нем клиента, а не человека. Он сидел все так же, только теперь настукивал что-то указательным пальцем и, закрыв глаза, откинул голову, уперевшись затылком в стену. На разбитой губе появлялась свежая кровь, небольшими каплями, выступая над раной, будто пока мы говорили он успел искушать собственные и без того пострадавшие уже губы. Но он этой крови не замечал, будто его подобное и не касалось.

Я подходила к нему медленно, следя за его движениями, надеясь найти что-то о чем можно было заговорить, что бы он рассказывал, а я слушала, мужчинам это часто нравилось, но все чем он отличался от остальных, это своим видом, а спрашивать о нем, мне казалось не только нелепым, но и грубым, я даже боялась тогда задавать подобных вопросов. Поэтому подойдя и присев рядом, я сказала первое, что пришло в голову:

— Привет.

Да, банальней ничего не придумаешь, но ничего другого я не придумала, стараясь вложить в это простое слово максимум своей нежности и потенциальной ласки.

Он взглянул на меня исподлобья, строго с легким раздражением, как смотрят обычно на мешающих девиц, но не сказал мне ничего, вновь погрузившись в свои мысли, глядя уже сквозь меня.

Я вновь просто рассматривала его, понимая, что ему совсем не до меня и плевать он хотел на любые мои старания, но что-то я должна была сделать, слишком многое стояло на кону, все мое будущее зависело тогда от реакции этого незнакомого мне человека.

Но совсем ничем я не могла привлечь его внимание и повода к нему коснуться я никак не могла найти, пока не увидела бусинку крови. Мне тогда эта идея показалась хорошей, главное было не причинить ему боли. Я приблизилась к нему совсем медленно, следя за ним, опасаясь реакции и агрессии, мало ли на что мог быть способен этот черный, но он не реагировал, и я аккуратно сняла языком кровь с его губ. Я думала оживая он вздрогнет, отстраниться, оттолкнет ее или хотя бы поразиться, но нет. Его равнодушные глаза, медленно отразили осознание с подобием интереса. Его глаза, казалось смотрели в мою суть, в меня саму, в мое сознание. Подобного я не видела больше никогда, но это быстро исчезло, будто он понял что-то и тут же потерял всякий интерес, возвращаясь к своим переживаниям. Опустив голову, он обнял колени, напоминая мне меня же только маленькую, в попытках спрятаться от всего мира. От этого даже становилось больно, но я не могла уже смотреть на него, как на клиента.

— Что с тобой? — спросила я из последних сил, искренне, без наигранной ласки и бессмысленной улыбки, надеясь, что могу хоть чем-то помочь.

Он поднял голову и взглянул на меня. Такого я не ожидала увидеть, это был отчаянный взгляд, бессильный и усталый с намеком на слезы.

Я видела в нем тогда себя, ту жалкую, брошенную девочку, желающую умереть, что бы, не мучатся, но готовую любыми способами цепляться за надежду выжить, хоть какую. И сказать мне тут было нечего, точно так же как я не желала тогда ничего особо слышать, все, что мне оставалось, это просто обнять его, что я и сделала, проводя пальцами по его сидящим волосам, и он не стал отталкивать меня, не стал отвергать и прогонять, а наоборот уронил голову мне на плечо.

И прежде, чем я поняла, что он меня хоть немного принял, по моим щекам катились слезы, крупные, искренние, которые я не сдерживала и не собиралась сдерживать, доверяя так ему свои чувства, будто и не было никого кроме нас здесь, даже не знаю, что это такое на меня нашло, но сопротивляться этому я и не думала.

Я совсем расслабилась, обнимая его, он вдруг резко вскочил на ноги, да так быстро и ловко, отстраняя меня как пушинку, но тут же подхватывая, не давая упасть.

Он смотрел как Вересов уходит с двумя девушками из зала, а я не понимала отчего так бегают его глаза, благодарно держа его руку.

Тот короткий взгляд, что он бросил на меня, будто оценивал какую-то возможность. Он напугал меня. Не было в нем и намек на какую-то боль или страдания, будто это был уже другой человек, спокойное расчетливое лицо, и глаза, видящие во мне что-то намного меньшее нежели личность.

Ничего не говоря и не поясняя, он потянул меня за собой, стремясь не отставать сильно от наставника.

Я плелась в растерянном недоумении, боясь уже этой крепкой руки, что тянула меня по коридору, но сопротивляться ему боялась, еще сильнее, вспоминая слова Марисан.

Вересов зашел в одну из комнат, а Сэт, затащил меня в соседнюю и равнодушно швырнув меня на кровать, сказал:

— Я заплачу, только не мешай.

Я растерянно смотрела на него ничего не понимая, наблюдая за странными его движениями у стены, будто он выбирал некое место, а затем остановился и прислонившись к стене закрыл глаза.

Я попала будто в центр непонятных интриг, став какой-то фигурой, но просвещать меня о моей роли никто явно не собирался и это пугало. У нас не редко бывали проблемы с клиентами, особо буйными, особо пьяными или еще как отличившимися, однако на этот счет всегда были меры — камеры во всех комнатах, и тогда это и радовало и печалило, ибо мне в любом случае придется держать не финансовый ответ перед работодательницей, что наверняка сейчас за нами наблюдает, но и от странностей я хоть как-то была защищена.

Он не двигался и я постепенно привыкла, осмелев, ведь мне нужно было как-то отстать свою работу, а его странное поведение казалось мне превосходным поводом, что бы завести разговор, пусть это даже было и рискованно, но другого я и не видела.

Устроившись поудобней на кровати, я спросила:

— Что ты делаешь?

— Слушаю, — коротко ответил он, даже не открывая глаз.

Это было немного обидно, ведь я так старалась принять непринужденно-соблазнительную позу.

— Что слушаешь?

Он не ответил, а лишь кивнул в сторону соседней комнаты. Это меня поразило до такой степени, что я позабыла, про все свои планы, понимая смысл его намеков. Он утверждал, что слушает происходящее за стеной в здании, где звукоизоляции уделяют далеко не последнюю роль, сами же понимаете шум одного клиента не должен мешать другому, это закон подобных мест, а он совсем не походил на того, кто шутит подобными вещами.

— И слышишь? — не верила я.

Но он коротко и уверенно кивнул, не оставляя мне никаких шансов сомневаться и не верить ему, но это было совершенно нелепым, что можно было там выслушивать, мне было крайне не понятно и предполагала я в этом только некий изощренный вид извращения, однако спросить все же спросила:

— Только зачем все это.

Он открыл глаза, резко, совсем неожиданно и посмотрел на меня, причем так резко,

будто пронизывал мой разум, еще через мгновение прямо в голове, я услышала его голос:

— Я знаю, что делаю.

Меня бросило в холодный ужас, наверно я даже побелела, думая, что совсем свихнулась, на этом пареньке, что все так же странно смотрел на меня.

— Не бойся, я просто говорю с тобой, — сообщил мне голос, еще сильнее ужасая.

— Как? — прошептала я из последних сил.

— Просто, — отвечал равнодушно голос. — Я клиб и имею не мало особых способностей, в частности могу проникая частью энергии в незащищенный разум транслировать свои мысли. Простейший эмпатико-магический фокус.

— Простейший?

Подобная небрежность к такого рода умений в его то возрасте меня просто ужасала, многие маги с многолетним стажем не осмеливались на подобное отношение, а этот вот, спокойно заявлял подобное.

— Для мага пятого уровня, более чем...

— Пятого уровня?! Правда что ли?

— Да...

— Ты защитил пятый уровень? — недоумеваю и не веря ему, я вдруг перешла на крик, полнейшего недоумения, помня тогда, что только два года назад о нем заговорили, как о человеке, у которого появился дар мага и вот он уже имеет пятый, а она в свое время не смогла защитить и седьмого.

— Да, я сдал экзамен, — отвечал его голос, причем так спокойно, будто совсем не понимая, что здесь такого.

— Круто, — только и смогла протянуть тогда я, падая на кровать, а потом чуть приподнимаясь на локтях, что бы не терять его лица. Мне так было тогда очень удобно, да и расслабилась я тогда окончательно, будто и не с клиентом была, а с другом и болтали мы о чем-то совсем веселом.

Он проигнорировал подобный восторг и закрыл глаза, видимо не собираясь продолжать разговор или прислушиваясь к происходящему за стеною с большим вниманием. Я смотрела на его лицо любовалась и думала о том, какой же он странный, а главное не понятно чего же он все таки добивался, и в чем был смысл, ведь если бы это было не важно он бы был готов платить деньги за мое сидение в ожидании.

— Так все же, зачем тебе все это? — спрашивала я, все никак не давая ему покоя, хоть он о нем и просил, но ничего с собой я поделывать не могла.

— Я слишком хорошо знаю Илью Николаевича, что бы оставаться спокойным, — шепнул он мне в ответ тихо.

— Это как?

Тогда я его совсем не понимала, воспринимая Вересова просто, как постоянного клиента, даже не задумываясь о его одиночестве, как предателя белого ордена и перебежчика. Только потом я поняла, что он чужой женщинам обеих магических сторон, а тогда был просто маг и только.

Мальчишка вместо ответа сбросил рубашку и показал мне шрам на плече, странный, не похожий на оставшийся от удара кнута, видимо глубокий, уже затянувшийся, но еще чуть припухший с покрасневшими краями, видимо совсем недавний. Что это должно было значить я не понимала, но он к счастью пояснил.

— Он ударил меня саблей...

Я ужаснувшись отползла на кровати и тут же села.

— С тех пор, как он запил, совсем себя не контролирует. Он не был таким, но сейчас любое неповиновение приводит его в бешенство, а сейчас он слишком сильно пьян.

Я долго ошарашенно смотрела на него, недоумевая, буквально не веря, что я правильно все поняла и он сейчас беспокоился о моих коллегах, девчонках, таких же как я постоянно торгующих собственным телом.

— Ты беспокоишься за чужих тебе людей? Шутишь что ли?

— Я похож на шутника? — спросил он, чуть отойдя от стены, будто потеряв к тому что там творить всякий интерес.

Тут я спорить с ним не могла совершенно, он был слишком серьезным, но по прежнему не понимала...

— Но ведь мы...

Тут я замаялась не в силах подобрать слово, вернее зная слово, но не желая его произносить, впервые тогда по-настоящему устыдившись своего занятия, но он видимо понял меня и так и ответил на незаданный вопрос:

— Вы тоже люди и тоже живые...

Меня охватила благодарность, причем особая. Он смотрел на меня, как на равную, как на обычную, просто с такой работой, я не была для него прокаженной.

Я знала, что нас не слышат, что за нами лишь наблюдают, причем наверняка, ибо при такой команде Марисан не могла не убедиться в выполнении приказа.

Я не знала, как его соблазнить и не хотела устраивать ему никаких интриг и обманов, а наоборот остаться честное. Не знаю, как у меня хватило духу, но я просто рассказала ему все, так как есть, что мне не жить, если мы не займемся любовью. И он сказал — хорошо.

Эта была единственное, что я помнила из моей работы. Все сцены у меня смешивались воедино, бесконечной рутинной, но он выделялся. Я сама не воспринимала его как клиента, да и он не обращался со мной как с вещью. Это был лучший секс в моей жизни, правда. Я конечно не об ощущениях, а о моральной какой-то стороне. Я тогда получила какое-то удивительное удовлетворение в итоге, хоть он и был осторожен, немного несмел, но не безынициативен, хоть и чуточку неловок. Совсем мальчишка, но я была счастлива, а он за это счастье еще и деньги мне отдал.

Я тогда еще пошутила, что его учитель не одобрит такой траты своих денег, а он буркнул, что-то о своих деньгах. Я тогда не знала, что он обеспечен почти всем благодаря наследству, оставшемуся от его родителей.

Он ушел и я думала, что мое чудо закончилось, но через пару недель меня оттуда забрали, ибо у меня нашелся учитель, согласный мной заниматься — Вересов Илья Николаевич, которого уговорил неугомный Сэт. Как он вообще помнил о моих тех откровениях я не знаю, но если бы ни он, я так бы и осталась никем. Я люблю его, полюбила тогда и люблю по сей день, хоть он мне и не верит, но я люблю. Может быть я не умею любить, как ему того бы хотелось, но я люблю, как умею, как могу, как имею силы. Люблю его и буду с ним любой ценой, потому что для него я живая!

17

«Играй»

Мы переполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли много обид.

Жан Лабрюйер

Вечером, приняв душ и переодевшись, Сэт закончил ремонтные работы на сегодня. Свою комнату он разворотил, поэтому разместился в родительской спальне. Закрыв за собой дверь и включив свет, он рухнул на огромную двуспальную кровать. Он глубоко вздохнул, блаженно улыбнулся и погрузился в воспоминания.

Видалась ему мама, которую он часто видел лишь утром и то спящей. Она допоздна работала и утром долго спала. Поэтому, прежде чем уйти в школу, он целовал ее в щеку...

После смерти Саши беременная мама часто плакала, а Сэт играл для нее на пианино, чтоб хоть чуть-чуть утешить любимую маму...

Сэт встал и подошел к любимому маминому инструменту, который сам Сэт уважал. Он провел рукой по поцарапанному дереву...

...После школы, пользуясь тем, что отца нет, Леша сел за пианино и играл мамину любимую симфонию. Он так увлекся, что не услышал, как пришел отец.

Павел не терпел музыки. Он сразу вспоминал покойную супругу. А эта симфония их познакомила, поэтому, когда он услышал родные, некогда любимые звуки, он ворвался в спальню, схватив ремень. Нет, он не собирался бить сына, он хотел уничтожить пианино. Он схватил Лешу за плече, отшвырнул в сторону и стал беспощадно колотить пряжкой не в чем не повинный музыкальный инструмент. От каждого удара оставалась одна или несколько царапин. Для музыканта, его инструмент, как часть тела, даже больше, жизненно важная часть тела. Инструмент покойного музыканта — это реликвия, его душа, его жизнь. Мальчик помнил, как мама расстроилась, случайно поцарапав инструмент. Для Леша это было дикое зверство. Он как музыкант не мог выдержать такого отношения, это было выше его сил. Он вскочил на ноги и закрыл собой инструмент.

Пианино было спасено, но его окропили капли алой крови и искренние слезы горя, обиды и бессилия...

После этого кошмара Сэт не рискнул играть на пианино, но теперь не удержался, да и не пытался удержать. Время страхов давно прошло! Он бережно поднял крышку, пробежал по клавишам и начал играть, ту мелодию, что звучала в его голове.

Никогда прежде он не писал музыку на пианино. Раньше лишь скрипка была его вдохновителем, лишь на нее ложились мысли, ноты, чувства, на нее ложилась жизнь. Скрипка всегда была его любимым инструментом, хотя он играл не только на скрипке, но и рояле и гитаре (последнему его научил Илья Николаевич).

Когда стемнело Наташа, по обычаю расправила крылья, взлетела в небо и скользила по облакам. Она всегда делала так, когда была в хорошем настроении. Летая над домами она инстинктивно снизилась возле дома Леша. Так она выражала свое уважение к нему, вот уже не один год, но только сейчас пролитая мимо, она услышала прекрасный звук пианино. Ее

так заинтересовала музыка, что она приземлилась во дворе и сидя на ветке дерева слушала. В блаженстве она не знала, куда девать глаза и бессмысленно скользила взглядом по темной улице. Фонари были не зажжены, в окнах мрак, лишь в некоторых виднелись одна две одинокие свечи, но вдруг на седьмом этаже она увидела сияющее окно. Шторы в этой комнате были задернуты, но даже сквозь них сочился свет. Наташа присмотрелась и пораженно замерла, это было окно ведущее в спальню квартиры Карловых. Наташа вздрогнула. Она спрыгнула с дерева и побежала в подъезд.

Вдохновенный примирением с Наташей, Сэт написал симфонию и теперь, закончив ее нотную запись начал играть ее целиком. Ему показалось, что она рядом, что с каждой нотой она приближается и появляется ее запах, но он не смог даже допустить, что это правда и счел это миражем, рожденным его эмоциями. Ему даже показалось, что она здесь, что она стоит прямо за его спиной, но он лишь играл не открывая глаз, наслаждаясь иллюзией порожденной воображением.

Лишь когда она обняла его за плечи и нежно поцеловала его черные волосы, он наконец поверил своим ощущениям, чувствуя что они далеки от иллюзий и это осознание его откровенно шокировало. Он вздрогнул и музыка оборвалась.

Наташа нежно опустила его пальцы на клавиши и шепнула прямо в ухо:

— Играй. Я люблю, когда ты играешь...

Сэт закрыл вновь глаза, возвращая утраченное на миг настроение, чувствуя теперь ее запах не как иллюзию, а как свою жизнь. Он играл и музыка лилась именно так как он ее видел, как он ее задумал, будто и правда его мысли превращались в эти звуки и его чувства обретали форму. Она обнимала его, не отпуская и улыбалась, вслушиваясь в эту мелодию, пока она не утихла, таким бесконечно счастливым аккордом сбывающейся надежды.

Она поцеловала его в шею, прямо в метку черного мага, где кожа все же была теплее кожи рядом.

— Я люблю тебя, — шепнул он нежно, не спеша открывая глаза.

— Я люблю тебя, — как эхо отозвалась она, нежно прижимаясь к его крепкой спине.

Она была рядом. Причем так близко, что можно было почувствовать биение ее сердца, биение любимого сердца. Он обернулся и посмотрел ей в глаза. Она с радостью поймала его взгляд, глядя в его глаза как в смотрят в любимую душу. Они были так близко, что кожей ощущали дыхание партнера. Наташа отпустила его плечи и, опустившись на колени, нежно склонила голову к своим губам, будто требуя поцелуя. Сэт же не сопротивлялся, ведь ее желания были его желаниями.

Она коснулась губами его губ. Их языки слились в любовном танце. Он нежно обнимал ее, гладил ее талию, а другая его рука медленно ползла по бедру, сначала вниз, а затем вверх, под юбку. Наташа же тоже не оставалась в долгу. Она расстегнула его рубашку и, скинув ее с плеч, перешла к нижней части гардероба. Они оба не думали ни о чем. Их не волновали условности, в этот миг главное было лишь то, что они любят друг друга и хотят быть рядом, вместе. Как можно ближе друг к другу.

Но реальность была немного другой и требовала все же корректив. Зазвенел телефон и хоть мелодия была тихой, но достаточно заметной, но Наташа и не шелохнулась, понимая, что это не ее телефон, а Сэт тоже сделал вид, что отношения к этому не имеет или не слышит. Его правая рука скользнула по внутренней поверхности ее бедра, а другая блуждала под кофтой подбираясь к груди, и было это настолько легко и инстинктивно, будто только

этим он всю свою жизнь и занимался.

Однако телефон не стихал, а за одним звонком следовал другой. Неожиданно Сэт вздрогнул и замер, будто окаменев, и вампирша тут же поняла, что что-то определенно не так. Она отстранилась и, открыв глаза, взглянула на возлюбленного. Сэт сидел с закрытыми глазами и на его лице было выражение борьбы с болью, а на шее, медленно появлялась кровь, сочаась из метки, превращающейся в самую настоящую рану.

Наташа закрыла лицо руками, села на пол и совершенно шокированными глазами смотрела, на избранника. Она не знала, что было причиной его мучений и возникло, а мысли, что причиной могла быть она сама, что именно из-за этого поцелуя и слияния их столь отличных друг от друга энергий, вызвали такую боль, все это пугало ее, до дрожи.

Телефон продолжал звонить. Сэт поднял дрожащую правую руку и с подоконника ему в ладонь прыгнул мобильный, как по приказу. Он дрожащими пальцами еле дыша нажал кнопку и все так же дрожа поднес телефон к уху.

— Да, — тихо, что б не застонать, сказал Сэт.

— Тьма! Почему так долго? — спросил злобно Илья Николаевич, но Сэт не ответил: боль становилась все не выносимей, — Сэт, не молчи! — тревожно воскликнул Илья Николаевич. Неожиданно он понял причину молчания, уж слишком хорошо они знали друг друга. — Ладно, молчи, ты меня слышишь?

— Угу, — простонал Сэт.

— Слушай. Приезжал Иденбург с отрядом V. Он ищет тебя. Я сказал ему, где ты и сейчас приеду.

— Нет! Не надо! — резко воскликнул Сэт, глаза, которого испуганно подрагивали. — Не приезжайте, все будет нормально, обещаю.

— А почему твой голос дрожит?

— Пожалуйста, — прошептал Сэт, делая вид, что не слышал его слов. — Когда все кончиться я позвоню!

— Ладно, — шепнул Илья, понимая, что спорить нет смысла, а делать по-своему нет смысла, ведь тогда они поругаются, а обиженный Сэт, для Ильи самая страшная кара.

Сэт быстро отключил Илью и взглянул на Наташу.

— Прости, — шепнул он, вытирая с шеи кровь, он накинул на плечи рубашку и, встав на ноги, застегнул джинсы. — У меня небольшие проблемы.

Он подошел к Наташе и подал ей руку. Девушка несмело взяла его за руку и, встав, поправила одежду.

— Что это было? — спросила она, коснувшись его шеи.

— Знаешь о клятве повиновения? — спросил в место ответа Сэт.

— Ну, типа того...

— Такую клятву произносит каждый черный маг. Он после ее произношения обязан повиноваться главе ордена, то есть королю Тьмы. Если же глава не доволен или злиться на одного из магов он может вызвать у него эту неприятную реакцию. Сейчас король тьмы, Иденбург, едет сюда с отрядом обученных для захвата и убийства магов высших уровней. Они едут за мной. Я знаю в чем причина и знаю как спастись, но ты... должна временно уйти, — пока он говорил, Наташа смотрела на него преданными глазами и крепко зажимала его все еще подрагивающую ладонь. — Наташа пожалуйста поднимись на крышу и подожди меня там. Когда все кончиться я приду за тобой, обещаю. Посмотри, если же я буду вынужден уехать с ними, лети и жди моего звонка... Понимаешь меня?

— Да, — согласись Наташа и обняла своего героя, не зная как его утешить. — Я буду ждать тебя на крыше, — сказала и направилась к двери, но Сэт схватил ее за руку, притянул к себе и, страстно поцеловав, подвел к окну.

— Они уже в подъезде, — сказал Сэт и, открыв окно, посадил девушку на подоконник, — Лети. Лети, любовь моя, — шептал он, глядя на удаляющиеся крылья.

Из-за отсутствия электроэнергии Иденбургу пришлось идти пешком, т. к. телепортация наделала бы много нежелательного шума.

Подъем оказался очень тяжелым, особенно для старого правителя, от этого оказавшись на седьмом этаже он остановился, желая восстановить дыхание. Стоит признать, что именно на это и рассчитывал Сэт.

Он сам открыл дверь, держа в руках подсвечник.

— Здравствуйте, что привело вас в мою скромную обитель? — спросил почтительно молодой человек.

Тяжело дышавший Иденбург злобно посмотрел на парня и зловеще оскалился. И в тот же бинт белоснежный новый бинт на шее Сэта потемнел от новой крови.

— Я тоже рад вас видеть, — иронично сказал молодой Вересов и, освобождая проход, добавил куда более откровенно: — Ну, заходите, раз приперлись.

Как только Иденбург зашел в коридор, у него заболела голова. Во-первых от множественного рябящего сияние свечей в коридоре и небольшой гостиной, во-вторых от странного сладкого, чуть дурманящего запаха.

Он разозлился еще сильнее, и крови на бинтах стало еще больше, но Сэт лишь прикусил незаметно губы, делая вид, что ничего не произошло.

В гостиной Король тьмы сел на кресло. Двое из отряда стали по обе стороны от него. Еще трое окружили сэта, что внешне был спокоен, держа все свои страхи и тревоги внутри, собственного, чуть замирающего сердца.

— Зачем вы прибыли сюда? — спросил, опираясь о стену.

Так было легче стоять, да с опорой все что угодно выдержать легче, а что здесь будет, можно было лишь догадываться, а значит, готовиться морально надо было к самому жестокому. О смерти же речи быть не могло.

— Обычно я начинаю первым, а такие, как ты, молчат, пока им не позволят говорить! — напомнил раздраженно Иденбург.

С шеи, сквозь бинты, на грудь молодого человека потекла кровь, но это не умерило его пыл.

— Как прикажите, — холодно сообщил Сэт, сложив руки у груди.

Не заметно для наблюдателей, впиваясь пальцами в собственное плечо, что бы отвлечься от боли, он старательно сохранял равнодушно уверенный взгляд, оставаясь снаружи непоколебимо уверенным в собственной безопасности.

— Вот и славно. Я имею подозрения, что ты незаконно вступал в контакт с чашей тьмы и пользовался ее силой, невзирая на свой низкий уровень.

— Как интересно, и как же вы это планируете доказать?

Терпение Иденбурга лопнуло. Он чуть заметно оскалился и резко, в повелительном жесте, выкинул вперед руку. Сэта передернуло, будто что-то внутри взорвалось, распуская по всему телу нити, а затем эти нити резко стянулись. Он с беззвучным криком согнулся, чувствуя, как по губам потекла кровь. С трудом глядя на пол, он видел, как она капает на

пол, а затем исчезает. Боль отступала и он не спеша, немного осторожничая разогнулся и посмотрел на Иденбурга. Повелитель надменно смотрел на жертву, сидя в кресле, как в настоящем троне. Их взгляд был взглядом злейших врагов, будто оба были готовы убить другого, но Сэт слишком хорошо понимал не равенство сил. Парень закрыл глаза, умеряя собственный пыл, и, вновь оперевшись о стену, всем своим видом старался показать смирение и готовность подчиняться, слушать, а главное молчать.

Иденбург довольно улыбнулся, с легким разочарованием в уголках глаз.

— Более того, — продолжил король тьмы, — Я знаю, что ты тайно проник в башню мрака.

Иденбург создал паузу, нагнетая обстановку и надеясь на реакции, но Сэт остался спокойным, однако чувствуя выжидающий взгляд, открыл глаза и посмотрел на правителя пустыми синими глазами, без гордости, но и без страха.

Король прищурился, понимая, что мальчишка крепче, чем он рассчитывал, да и вся эта покорность. Была такой же защитой, как и хамство, хотя казалось, что мальчишка просто медленно сходил с ума от боли.

— Я хотел сразу убить тебя, но ты прав доказательств слишком мало, кроме как то, что кроме тебя на это больше никто не способен. Поэтому я нашел иной выход... только не сопротивляйся, — таинственно прошептал худощавый маг и, встав с кресла, направился к молодому магу.

Парень, будто ожив. С явным осознанием и просветлением в глазах, чуть вздрогнул. Меньше всего на свете он хотел умирать сейчас, вот только... он совсем ничего не мог сделать. За ним была стена, два мага в черных масках крепко держали его за руки.

Иденбург был совсем близко, протягивая к нему свою старую худую костлявую руку. Сэт закрыл глаза, буквально жмурясь, только что бы, не видеть, не бояться, не дрожать, а главное не выглядеть слабым перед столь сильным врагом.

Острые пальцы короля, коснулись головы молодого человека, и тот с тихим стоном открыл резко глаза. В одно мгновение он вспомнил все: и кровавое проклятие на стене ванны, и тело брата, и убийство маленькой сестры, и инвалидное кресло, и отца, и кухню.

...полная алая ванна и белое тело...

...и на полу кроваво-водная смесь у перевернутой коляски...

...буквы на белой плитке...

...торт, в истерике брошенный на пол...

...дрожь...

...мамины слезы...

...постоянные врачи...

...больницы...

...гроб с ее телом, закрытый...

...запах гари...

...битые бутылки...

...плачь Лены...

...черные маги...

...огни...

...нож...

...как резали детское тело...

...и крик...

...не в силах вырваться...

...крик...

...кровь по асфальту...

...сердце в руках...

...смех...

...блеск огня...

...холод мокрого асфальта...

...дождь...

...удар в живот...

...слезы...

...пустота...

Все то, что он испытывал тогда, все это разом пришло к нему теперь.

Он пытался кричать, но ни воздуха, ни голоса не было. Больное сердце будто стояло и обжигающая боль, совсем обездвиживающее грудную клетку.

Иденбур отпустил мальчишку и дал знак отпустить его магам, те подчинились. Сэт сполз на пол, опускаясь на колени. По его щекам текли слезы и, глядя на дрожащие пальцы, он мог только отчаянно дышать, не имея сил даже закрыть глаза.

Король тьмы даже удивился, что обычный человек смог остаться в сознании после такого. Мысленно он даже уважал этого мальчика, признавая его мужество, именно поэтому он просто исчез, ушел, тихо, тем же путем, что и пришел, ведь его злоба была удовлетворена, однако теперь, он видел все немного иначе, даже понимая, это дерзкого ребенка. Его сын так зверски лишил жизнь маленькую сестренку этого мальчишки, что тот едва ли теперь мог с уважением смотреть на черных магов.

Наташа стояла чуть не рыдая от переполняющей его тревоги. Она укуталась в крылья и пристально смотрела на подъезд. Когда Король Тьмы и его пятеро спутников покинули здание, девушка облегченно вздохнула, понимая, что Сэта с ними нет, но счастье ее не было долгим. Сэт не пришел за ней. Она продолжала ждать, а время шло. Его не было десять минут, двадцать, тридцать... Больше она не могла. Забыв обо всем, что он говорил, она полетела вниз и ворвалась в открытое окно спальни. Комната была пуста. Наташа выбежала в коридор. Входная дверь осталась открытой на распашку, от чего внутри все переворачивалось, от ужаса. Она вбежала в гостиную и замерла от страха и недоумения: Сэт сидел у стены и смотрел вперед пустыми глазами. Таким она его видела только один раз в жизни...

...Сэта не было в школе несколько дней. Это случалось часто. Маленькая сестра, и вечно пьяный отец — какая тут школа?! Но ужас был в том, что он не просто не приходил на занятия, он не отвечал даже на звонки. Она так боялась за него и волновалась, что встревожила своего отца и однажды, когда Валерий Александрович, тоже не выдержал, а он хорошо знал о проблемах Леша и даже хотел его усыновить и помочь с лишением родительских прав, касательно отца, только мальчик очень боялся расставаться с маленькой сестрой, даже не на долго, поэтому упрямо отказывался от такой помощи, они с дочерью направились к Карловым.

Однажды так уже было и Валерий Александрович тоже приехал. В тот раз все обошлось: Леша просто сидел дома с больной Леночкой, а телефон отключил, только что бы

учителя не звонили отцу.

Теперь же, все явно было не так гладко Валерий Алексеевич долго колотил в дверь 127 квартиры, прежде, чем ему открыли.

Павел едва стоял на ногах и дверь он открыл только по тому, что ему надоел этот упрямый стук в дверь.

— Где Леша!? — сразу злобно спросил Валерий Александрович.

— У себя наверно, — буркнул Паве и равно душно пошел обратно в спальню, даже не думая закрывать дверь.

Испуганная видом взрослого и вполне габаритного пьяного мужчину, маленькая Наташа вцепилась в руку отца.

Валерий Шпилев, приобняв дочь, прошел в квартиру и резко открыл комнату мальчика.

Наташа прижималась к отцу все сильнее. В комнате, казалось, никого не было, так уж сложно было заметить Лешу, что сидел на полу у пустой кровати Лены, сложно было заметить. Он сидел молча и пустыми измученными глазами. Он сидел молча, с пустыми измученными глазами. Губа у него была разбита, на лбу кровавая ссадина. Левая штанина опалена, разодрана и окровавлена. Измазанный в грязи и крови свитер. Руки в ссадинах, а главное пустые глаза...

Именно таким его увидел Валерий Александрович, старательно изучающий комнату. Он отпустил свою дочурку и метнулся к Леше, оставив свою напуганную дочь в центре комнаты, дрожать, цепляясь рукой за перила кровати.

— Леша, — позвал он очень тихо мальчика, но тот не отзывался. — Леша. Леша! Леша!!!

Все было бесполезно. Мальчик не отвечал, лишь на его глазах возникли слезы.

— Где Лена? — спросил Шпилев, надеясь, хоть на что-то.

Но вместо ответа мальчик закрыл лицо руками и зарыдал.

Наташа села возле него. Она его совершенно не боялась, хоть ее и пугала общая атмосфера. Она хотела взять его руку, но увидев ободранные и окровавленные руки, к которым она с дрожью и ужасом не могла прикоснуться.

— Да что же он себе думает!? — воскликнул гневно Валерий Александрович.

Он в пылу гнева, вскочил на ноги и выскочил из комнаты, спальню, намереваясь выплеснуть все свое негодование на хозяина квартиры, не видя кроме него никаких иных виновных, но в коридоре, опомнился, вспомнив состояние ребенка, прекрасно понимая, что сейчас было важнее и первично. Закрыв глаза и вернув себе самообладание, вернулся в комнату.

— Леша, — в последний раз, попытался лон поговорить с мальчиком, намереваясь увозить его отсюда в больницу.

Мальчик молчал, а маленькая Наташа, несмело прикоснувшись вскользь к запекшейся на руке друга струйке крови, прошептала:

— Папа... он... почему он не реагирует? Пап...

В глазах девочки были слезы, которые никак не падали с ресниц.

— Все будет хорошо, — пообещал он дочери.

И стоило ему нежно вытереть слезы с ее ресниц, как мальчик безвольная фигура мальчика поехала в сторону и с неестественно глухим звуком упала на пол.

Наташа испуганно взвизгнула, отскочив, закрывая лицо руками, продолжая видеть все сквозь пальцы. Шпилев же, только свел брови, бережно взял мальчишку на руки и,

убедившись все же, что тот жив, вынес его из комнаты, оживляя дочь голосом.

Наташа семенила за отцом по лестнице, старательно пытаясь быть как можно быстрее, со страхом и ужасом, заметив, что на ступеньки падала кровь...

После Леша долго лежал в больнице. Смотрел в одну точку и молчал, лишь изредка реагируя, кивая, но не имея сил что бы то ни было говорить. Валерий Александрович искал Лену, но безрезультатно, а через две недели, после внеочередного вопроса, Леша все же сказал:

— Они ее убили...

Это были первые его слова, стоившие ему огромных сил, после которых он хотел бы рыдать, вот только слез не было, вместо них он просто лишился чувств, чуть не упав с кровати...

Врачи говорили, что он уже никогда полностью не поправится. Они утверждали, что у мальчика слишком сильная психологическая травма, и если тело его восстановится, то разум прежним уже не будет никогда, боялись даже, что он не заговорит, но через две недели после происшествия он начал говорить, пусть и старательно выдавливая из себя слова и тратя на это силы, а через месяц ему хватило сил рассказать о том, что случилось той ночью. Он рассказал, как три черных мага убили его сестру, используя ее как жертву ритуала. Он так хорошо, все помнил, что от этих воспоминаний, его выворачивало. Он буквально заново видел, как она плакала, как даже звала его по имени, а он совсем ничего не мог сделать один против взрослых черных магов.

Говоря он плакал, но вытирая слезы, продолжал говорить, понимая, что правда была нужна, что бы все стало ясно и надеясь где-то внутри, что когда он все расскажет, ему станет хоть немного легче, ведь говорят, что порой душу стоит кому-то излить...

Он рассказал все, опустив конечно несколько деталей, тех от которых больное с рождение сердце упрямо стремилось остановиться. Он совсем не сказал, о том, как эти маги потом избивали его, видимо что-то проверяя, и как потом просто кинули в реку. Он не смог сказать, как возвращался домой, совершенно ничего не понимая, почти не помня тот путь. Он не сказал, как уже дома, чудом вернувшись, он увидел кроватку Лены и как на этом для него все закончилось...

Он не говорил об этом, считая, только смерть своей сестры важным фактом той ночи...

Это было в прошлом, все это он уже пережил, но именно сейчас он сидел у стены именно с тем же взглядом, что до сих пор помнила Наташа. Он точно так же смотрел в одну точку, без малейшей жизни или воли в глазах.

Тогда маги-медики избавили его от этого прошлого, оставив ему лишь факты и никаких ярких картин. У него было лишь осознание и никаких воспоминаний и только тогда ему стало чуточку легче, ему перестали сниться кошмары и он перестал вздрагивать от вида огня, вот только теперь, когда Иденбург вернул ему все, перед глазами, как прежде так явно скользили огненные блики по асфальту, окропленному кровью и среди начертанных знаков лежало расчлененное тело его крохотной сестры...

Он будто попал назад... на десять лет назад, до конца уже не понимая, где прошлое, где настоящее и кто он есть, будто все что в нем было, сводилось к этому далекому болезненному воспоминанию.

— Леша, — шепнула нежно Наташа, опускаясь рядом на колени, а после понимая, что

это не то имя, которое он ждет, и тут же исправилась. — Сэт... Милый мой Сэт...

Она нежно прикоснулась к его щеке и ресницы его вздрогнули, распуская по радужкам глаз волну прояснения. Это имя, эти руки, этот запах, это было напоминание о другом, о том, что есть, о том, что было сейчас важно, но он не смог отозваться, с трудом дыша при столь жгучей боли в груди.

— Прости меня, родной, — прошептала она, обнимая, желая хотя бы согреть это, будто оставленное душой тело.

Холодные руки медленно и неспешно, легли на ее спину. Он обнял ее и аккуратно, как сокровище, прижал к себе. Он закрыл глаза, и по левой щеке в ее черные волосы скользнула слеза. Единственная слеза, на которую у него хватало сил.

— Я тебя никому не отдам, — прошептал он тихо, но так будто собирался дать клятву. — Пока я буду жив, я буду защищать тебя.

Он так мучился и призрачил ту далекую свою беспомощность, что теперь, когда он стал намного сильнее, просто не мог позволить хоть кому-то из дорогих людей страдать. Ему хотелось, что бы они это знали, ведь у него теперь было так много сил, что он мог даже невозможное на первый взгляд. Он хотел, что бы та, которую он любил, знала, что он готов на все, что бы защитить ее. Возможно, это было немного эгоистично, но он не мог позволить ей умереть, ни ей на Илье Николаевичу. Потерять кого-то из них было выше его сил, именно по этому ему казалось, что он скорее умрет сам, чем увидит одну из этих смертей.

Наташа спокойно прижималась к нему и так привычно теребила его волосы, теряющие окрас буквально на глазах, возвращаясь к изначальной привычной уже седине. Никогда магические окрасы не были не зависимы от сил владельца, так уж повелось в мире магии.

Наташа, конечно же, не знала, что именно тут произошло, не знала что Король Тьмы сделал с ним, но понимала, что спрашивать об этом не было смысла. Она совсем не знала о его делах, о его жизни. Так уж сложилась, что она была ему чужой, но родной сердцем. Она могла теперь только обнять его и быть с ним, понимая, что сейчас он испытывает боль.

— Все у нас будет хорошо, — шептала она тихо, боясь прикрыть глаза и так расплакаться, — я сама тебя никому не отдам.

Ей казалось, что она должна быть сильной, что бы он мог хоть немножко отпустить себя и побыть слабым, но она не знала, что этого он уже не мог, просто не умел.

— Оставь меня, — резко сказал он ей, отпуская, но поспешно добавил, понимая, всю холодность данных слов: — Подожди в другой комнате...

Наташа посмотрела в его спокойные глаза с тенью печали, коротко кивнула и вышла из комнаты, давая ему право побыть одному, направившись в спальню.

Стоило ей сесть на кровать, задумчиво глядя на, сложенные на коленях, руки, как зазвенел телефон. Она посмотрела на него, как будто пыталась его понять, а затем взяла, и посмотрела на монитор. Это был Илья Николаевич, именно так почтительно и подписанный в телефоне Сэта. Вересов так волновался, что просто не мог уже ждать и позвонил.

Наташа задумчиво смотрела на телефон, и ее медленно охватывал гнев. Этот человек значил для Сэта слишком много. Он будто был его жизнью, ее основой. Если сейчас Вересов позовет, Сэт тут же помчится к нему, забыв о ней... Этот человек был важнее ее, она это чувствовала. Да, она понимала, что этот предатель белых магов играл в жизни Сэта не малую роль, и был с ним больше, чем она, но именно ее он любил, именно ей все эти годы принадлежало его сердце...

Она ненавидела препятствия, предпочитая их уничтожать еще в начале роста! Поэтому

просто сбросила упрямый вызов и отключила телефон, и поспешно бросила прочь, слыша шаги.

Сэт вернулся куда живее, чем когда она его оставила. Он был в расстегнутой темно-синей рубашке. В руках у него было полотенце, которым он неспешно, даже лениво вытирал мокрые седые локоны, которые окропляли его плечи водой.

— Мне показалось или звонил телефон? — спросил он неуверенно.

— Тебе показалось, — спокойно ответила Наташа, любуясь его таким не выглаженным домашним видом.

— Это вполне возможно, — прошептал Сэт, понимающий неясность своего сознания, пусть не сильную, но присутствующую.

Он упал на кровать, отбросив полотенце.

Наташа смотрела на него, медленно опускаясь к его лицу, глядя в тусклые глаза, освобожденные от линз.

— Таким ты мне нравишься больше, — прошептала она, восторженно улыбаясь.

Сэт пораженно посмотрел на нее, но ничего не спрашивал, надеясь, что она пояснит все сама.

— Такой ты — это ты настоящий, а не мальчик с обложки журнала, которого ждет общественность, такой прекрасный, прилизанный, желанный. Я люблю тебя вот таким, настоящим, серым, невзрачным, спокойным, родным и задумчивым, таким простым снаружи и сложным внутри, глубоким, с печалью в глазах. Именно таким я тебя всегда люблю, остальное это только для публики...

Он легко улыбнулся, понимая, эту логику профессиональной модели, так четко делящую жизнь на личную и публичную, в то же время, понимая, что она не учитывала, что в его жизни такого деления не было и не будет. Он скандалист? Пусть так, но все его скандалы были не работой на публику, а результатом его желаний, истоком из его позиций, но то, что его любили таким, какой он был, его действительно радовало, поэтому говорить, что либо о том, что она в чем-то заблуждается он не видел смысла.

Она нагнулась еще ниже и поцеловала его, понимая, что это не очень удобно и быстро перебралась с краюшка кровати на его живот. Несмелый легкий и нежный поцелуй так быстро перешедший в страстное желание, будто они оба целую вечность ждали этого мгновения, сдерживая себя.

Туфли... Тапки... Джинсы... Юбка... Топ и лифчик... лишь мгновение и оба они были обнажены, будто торопились избавиться от всего того, что их хоть немного разделяло. Он сам не понял, как перехватил инициативу, будто им вела привычка, а она, лежа на кровати, улыбалась, наблюдая за ним. Он не смотрел в глаза, любуясь ее ухоженным телом, нежно и трепетно убирая черные локоны с ее плеча. Прильнул губами к основанию ее шеи, скользя рукой с плеча к груди.

Она смотрела в потолок откинув голову, чувствуя, легкую дрожь скользящую по коже от этих легких, но столь желанных прикосновений. Ее крылья чуть дрожали от ожидания, готовые накрыть их обоих, создав тем самым их маленький кусочек мира.

Но он резко отстранился. Нежные губы исчезли, грудь лишилась ласки, и даже столь заманчивое скольжение по внутренней поверхности бедра ускользнуло прочь. Он сидел на кровати, глядя в стену, подпирая голову рукой, фактически закрываясь так от нее.

— Ты чего? — встревожено и непонимающе спросила Наташа.

Она села на кровать, рефлекторно прикрываясь покрывалом, глядя на его покрытую

рубцами спину с рельефными мышцами.

— Наташа, — нерешительно начал Сэт. — Мы не должны... не должны спешить...

— Но я люблю тебя, — шептала Наташа, обнимая его за плечи. — И хочу быть твоей...

При этом через плече она взглянула на то, что сейчас ее так сильно волновало, боясь даже подумать, что совсем не возбуждала его, и убедилась в обратном быстро краснея от собственных столь низменно пошлых мыслей и восхищений. Как же ее все же манило его тело. Эти сильные плечи, что она обнимала, эти руки с единичными тонкими шрамами и следами ожогов. Этот рельефный торс, животик с кубиками и лесенками мышц, скользящих к спине и особенно то, на что она с таким стыдом сейчас смотрела, с трудом сдерживая желание, протянуть руки и по-настоящему понять силу, налившегося кровью органа.

— Просто...

Как же мысли Сэта, отличались от того, что думала она. Он взглянул на нее и все понял, буквально воротило от такой реакции на ее лице.

— Наташа, — разочарованно и огорченно прошептал он, отчаянно натягивая на себя простынь и отворачиваясь прочь.

Он не отказывал себе прежде в желании и пошлости в его биографии было не мало. Он получал что хотел, все это было на уровне инстинктов, пошлых игр. Она же значила для него слишком много, что бы вот так поступать с ней так же, как он поступал со своими женщинами, нужными лишь для удовлетворения, которым и он был нужен для того же, но его руки сами вели себя так же... Она была женщиной, не той женщиной которую он желал ради своей услады, а той женщиной которую любил, которой хотел посвящать мелодии, с которой хотел просыпаться и вот так мгновенно бросать ее в свою постель... Он не мог себе такого позволить, опозлить свои чувства, свои стремления, уронить все до низменного уровня. Он совсем не так видел их отношения. Пусть это естественно, но это то, что нужно было заслужить, а не драть из прихоти.

Глядя куда-то в стену, не в силах все это объяснять, прекрасно понимая, что она, живя иной жизнью, смотрела на этот вопрос иначе, наверняка куда проще, но от понимания легче не становилось, она тихо заговорил:

— Я тоже люблю тебя, — со всей нежностью, на которую он был способен при таком размышлении, шептал он. — Просто мне очень хочется, что бы у нас с тобой все было не так, что бы все решали эмоции, чувства, а не поверхностные желания...

— Но разве мы не должны удовлетворять потребности друг друга, даже если это лишь желания тел? — спросила холодно Наташа, поцеловав его в шею, надеясь, вернуть ему хоть долю того запала с которым он так легко пускал по ее кожи волны волнения.

— Я хотел, что бы всей этой пошлости не было, — шептал он, будто не слышал ее слов. — Мне так важно, что бы у нас все было красиво...

— Я сделаю все красиво! — заявила Наташа, которая не любила, когда ей в чем-то отказывали.

Она быстро шмыгнула влево, сбрасывая покрывало и стягивая с него простынь, временно устроилась на полу, балдея не только от действий, но и от его реакции. Скользя языком по его коже, она смотрела ему в глаза, наблюдая как желание, боролось с его внутреннем протестом, буквально любуясь тем, как ее действия рвали его на части. Она только входила во вкус, провоцируя его. Она будто стремилась сломать его протесты, сломать его гордость, подчинить его...

И он сдался. Не мог он бороться с ней, бороться с ней, было сложнее, чем бороться с

самим собой, ведь он любил ее, а ее желание было для него законом. Она не оставляла ему выбора, кроме как забыть о своих нелепых грезах о святой любви...

Она смотрел ей в глаза, сначала с легким укором, будто просил еще пощады, потом с мягкой улыбкой. Проведя рукой по ее щеке, он тихо и немного обреченно прошептал:

— Ты победила... иди ко мне... я сдаюсь...

Она вскочив буквально налетела на него, завалив на кровать, будто была не вампиршей а кошкой. Крылья довольно и возбужденно дрожали. Его разрешения ей было достаточно. В красных глазах мерцали глубокие огоньки, а она сама была готова все сделать сама, только бы он этого хотел, а он хотел, что бы там не говорили его губы!

Она не дала ему ни какого права даже слово сказать, заняв его уста страстным поцелуем. Она чуть потерлась о его возбужденный, совсем уже твердый, после стольких ее заманчивых ласк член, довольно чувствуя, как скользят его руки по бедрам, в подтверждения ее победы. Да, она не хотела подчинения, она хотела его участия. Этого ей было достаточно до полной уверенности, она улыбнулась сквозь поцелуй и, прикусив его губу, глядя в его спокойные голубые глаза, медленно скользнула по его животу, соединяясь с ним воедино.

Замерев на мгновение, она чуть отпрянула, совсем еще несмело, двигая бедрами с тихим таким, скорее оханьем, нежели стоном, но явно довольным. Он же наблюдал за ней, как за диковинкой, спокойно и легко, уж слишком сильно он был приучен даже к этим ощущениям, что б еще и выражать что-то, зато она сама ее радовала достаточно, что бы внутри было не только жарко от желания, но тепло от любви.

Она прижималась к нему, жмурясь, откровенно уже постанывая ему в самое ушко, порой скользя языком по шее, чуть царапая плечи, выгибаясь от его руку, блуждающих по ее чувствительному даже к легкому скольжению пальцев телу.

Все же все выходило, не так уж и низменно и пошло... однако сама Наташа, настаивая на своем желании, так отвоевывая победу, не знала, чем это все обернется... Она даже не могла предположить, что такое может случиться, никогда прежде не испытывая ничего подобного. Она совсем не могла предположить, что в один прекрасный миг, выдыхая стон и касаясь губами его шеи, она почувствует свою вампирскую сущность и по коже пройдет желание. Особый вкус высшего вампира, особый дар и особое наслаждение. Она знала об этом достаточно, но никогда прежде не испытывала этого желания и не чувствовала этой пульсации в клыках. Все за миг для нее переменялось. Она замерла, вцепилась в простынь, и стиснула клыки, боясь даже дышать и потерять над собой контроль.

Его руки замерли, и он посмотрел на нее. Расширенные зрачки, испуганный взгляд, напряженные скулы. Крылья дрожали, но это была уже не та возбужденная дрожь, это походило больше на дрожь перед атакой. Она смотрел на ту, которую любил и всерьез думал о том, что происходило. Вспомнился ему вопрос: разве мы не должны удовлетворять потребности друг друга, даже если это лишь желания тел? Вспомнилась ему искусанная шея Валерия Алексеевича. Вспомнился тот дикий вкус в детстве в руку, где еще не известно, кто больше испугался. Вспомнилось все, что знал о вампирах, все, что знал о высших...

Он закрыл глаза и, наконец, ответил сам себе на поставленный Наташей вопрос: Должны, если мы действительно пара, то должны, обязательно должны! Если мы хотим быть вместе, если хотим быть навсегда вместе. Должны! А как иначе? Как быть вместе, если — нет?

Ответил и тут же принял решение. Не открывая глаз, он очень аккуратно, положил руку на ее голову, чуть запуская пальцы в волосы, и приблизил ее еще ближе к шее, где от

волнения кровь трепетала и маняще бурлила.

— Кусай, не бойся ничего, — прошептал он очень тихо. — Тебе можно...

Девушка, что и без того с трудом сопротивлялась инстинктам, сорвалась, от этих слов и действий...

Когда длинные клыки вонзились в основания шеи, Сэт стиснул зубы, выгибаясь, даже не понимая, откуда это волна появилась в его спине и шее, будто теперь и его тело начинало жить какими-то неизвестными инстинктами, но как только клыки полностью вонзились в шею, боль совсем исчезло и все переменилось...

Сэт буквально чувствовал, как кровь одурманенной, бурлящей массой сочилась по венам и медленно покидала его тело, будто стремясь к ее клыкам. Каждая клеточка его тела млела от странного блаженства. В кончиках пальцев будто ходили целые волны удовольствия.

Он совсем расслабился и чуть улыбаясь, отдался на ее волю и волю наслаждения, сильного и все же нежного, отличного от всего, что он чувствовал прежде.

Наташа чувствовала его теплую кровь на своих губах, и тоже таяла в удовольствии, но в ином. Она чувствовала особое насыщение. Она чувствовала, как ее что-то заполняет. Чувствовала, как пьянеет, как в голове исчезают мысли, как внутри что-то растекаясь горит, так приятно и желанно.

Она испугалась, понимая, что не управляет собой и все оборвалось, весь ее транс, все ее инстинкты, все ее удовольствие, просто растаяло, как дурман. Она резко выдернула клыки и приподнялась, спеша от него отпрыгнуть. Сэт застонал, такого резкого действия он от нее не ожидал, уж больно внезапно прокатилась по шее режущая боль, бьющая и по голове и по руку, буквально обездвиживая ее.

Стоило Наташе сесть и кровь, как алкоголь ударила в голову. На ее щеках возник яркий румянец. Она вновь уходила в блаженный транс, явно теряя связь с реальностью.

Сэт встревожено посмотрел на нее. На ее губах была кровь, она лилась по ее подбородку, скользила на шею, затем тонкой струйкой на грудь, а с груди на, и без того окровавленный, торс Сэта.

Он понимал, даже скорее чувствовал, что растерянность и страх, мешаясь с удовольствием, гонят ее прочь от реальности. Он предчувствовал, что это может плохо, для нее обернуться и как по инстинкту, стал делать то, чего желала его кровь, познавшая ее волю. Он сделал над собой усилие, и поднявшись поцеловал ее, прижимая к себе. Легкое оцепенение ее губ и она поддалась, медленно оживая от порыва единственного любимого...

18

«Так вышло»

Мы хотим быть источником всех радостей или, если это невозможно, всех несчастий того, кого мы любим.

Жан Лабрюйер

Сэт проснулся от нежного поцелуя, самого приятного в его жизни и, блаженно улыбаясь, открыл глаза.

Наташа лежала на его груди и нежно водила пальцем по шраму, оставшейся от давно позабытой пули, глядя при этом в его глаза, буквально сияя от счастья.

— Доброе утро, — шептала она нежно.

— Доброе, — доброе, отозвался Сэт, невольно теряясь в столь непривычных обстоятельствах, медленно начиная понимать всю суть произошедшего вчера.

— Ты чего? — удивилась Наташа, видя в его взгляде столь сложную бурю чувств.

— Просто, — он вздохнул и, понимая, что всего, что в нем сейчас происходило, он объяснить не в силах, сказал о самом простом и незначительном из, живущем в голове в это необычное в его жизни утро: — Наташ, а я ведь был не первый? — не скрывая свою неуверенность, пряча в этой бессмыслице, все, что открывать не хотел.

— Как будто я была у тебя первой! — раздраженно заявила Наташа, резко садясь на кровати.

Сэт посмотрел на ее спину с тихой печалью, неспешно сел и обнял за плечи.

— Прости, я не это хотел сказать, — Я просто удивлен...

Наташа посмотрела на него, немного даже виновато, вспоминая свою прозаичную историю любви, без драм и трагедий, о которой все же не хотелось вспоминать, как и бессмысленной странице в жизни.

— Может кофе? — предложила она, желая убрать это странное задумчивое молчание, и не дожидаясь ответа, поспешила на кухню, бросив: — Я быстро...

Сэт в очередной раз тихо вздохнул и лег на живот, уходя в сугубо свои мысли, наверно никому кроме него в этом мире и непонятные не только другим, но и его сознанию. Он совершенно не думал о Наташе и тех переменах, что происходили между ними. Куда больше его волновало далекое прошлое, ожившее в его разуме, но думать о нем он тоже не мог, уводя все мысли в глубины себя самого, как бы убегая от такого осознания, однако, наверно, он стал сильнее, раз был способен находиться в вполне вменяемом состоянии без намека на истерику, визуальное даже сохраняя покой, пусть даже и с периодическим жжением в груди. Он закрыл глаза, в безумном желании, вспомнить все в последний раз и принять, как данное, уже не исправимое, пережитое прошлое.

Наташа вернулась очень тихо, поставила на тумбочку поднос с двумя чашками и села возле него. Она видела, что он был не в лучшем состоянии, находясь во власти тревоги и печали, она будто следовала за ним в это состояние. Она прилегла рядом и совершенно не задумываясь, стала водить пальцами, по, не до конца зажившим, рубцам, будто все шрамы ее манили, куда ярче целой кожи. Она хорошо знала, что оставляло такие следы, но даже не предполагала, какова была при этом боль.

— Он часто тебя бьет? — не удержалась Наташа от вопроса, в своих мыслях, позабыв о той его тоске, что изначально ее тревожила.

Сэт открыл глаза, спокойно и легко, ни чувствуя ни малейшей тоски, лишь некий туман сожаления, который будто становился частью ее характера или уже ей был, но был прежде незаметен. Он посмотрел на возлюбленную, не вставая, и ответил, не думая о ходе ее мыслей:

— Не сказал бы. Ни часто, ни редко, когда я провинюсь, тогда и бьет — все просто...

Наташа с неловкой злобой отвела взгляд.

— Здесь нет ничего особенного, — прошептал он, задумчиво глядя на борьбу эмоций на ее лице.

— И не жалко ему тебя? — процедила она сквозь зубы.

— Жалко, — спокойно отозвался Сэт, — поэтому и бьет. На меня же ничего не действует, а это хоть как-то, — говоря это, Сэт искренне улыбнулся, и его печальный взгляд чуть прояснился. — Илья Николаевич — хороший учитель...

— Не мне судить, — процедила вновь Наташа, искренне пытаясь в это поверить и, сделав над собой усилие, улыбнулась, только что бы не сориться из-за столь пустого вопроса.

Сэт продолжал улыбаться, хоть тень печали и вновь наплывала на его глаза. Он не хотел говорить об этом, не желая причинять ей боль правдой, которою она не могла ни понять, ни принять, а врать ей, не хотелось еще больше.

— Если ты любишь его, я тоже буду любить, — сказала примирительно внучка высшей вампирши и крепко обняла его.

Он коснулся губами ее плеча и прижал к себе, переполняясь трепетной нежностью и к этой девушке и к этой жизни и к чувству, что их связывало. Для него объятья были озарением, для нее болью. Испив вчера его крови, она теперь так ясно чувствовала хаос и метания ее внутреннего мира, и ту боль, и ту тревогу, что бурлила в его сердце. И из покоя она уходила в боль, он же из боли, шагал в сторону надежды и улыбался, своему будущему и счастью, когда ей на глаза наворачивались слезы, но что бы сдержать их, только крепче прижалась к его груди.

Володя совсем потерял надежду, на какие бы то ни было отношения с Наташей, теперь это виделось ему невозможным, ни в ближайшем, ни в далеком бедующем. От такого осознание внутри поселялось отчаянье, выходом из которого он видел лишь в дружбе. Ведь быть ей другом, была совсем не плохая мысль, напротив очень даже хорошая. Быть ей другом, а значит быть с ней рядом, только в погоне за призрачными отношениями именно эту, так важную дружбу он и сломал, а теперь и не знал, были ли хоть какие-нибудь шансы, на ее возрождение.

Поглощенный именно этими мыслями, он пришел к Наташе домой, но вместе нее застал там ее брата.

Александр Шпилев, крайне доброжелательно принял гостя, и сидя за чашкой чая все же поинтересовался о целях визита и делах в целом, ведь все же он знал Володю, причем ни один год.

— Как ты думаешь, где она? — спросил Володя, крайне несмело, понимая, что возлюбленная дома не ночевала.

— Наверно с Лешей, — предположил спокойно Саша. — Она улетела вечером, и так и

не вернулась...

— И ты не волнуешься? — удивился Володя.

— Нет, — спокойно говорил офицер. — Мы с ней очень крепко связаны и если бы с ней что-то случилось — я бы знал, но я ничего не ощущал, значит с ней все в порядке. Вернется, расскажет, где была и почему ничего не сообщила.

Володя понимающе кивнул.

— Знаешь, мне жаль, что так вышло, — начал неожиданно Саша, даже понимая, что этот разговор будет крайне сложным. — Но знаешь... она так рыдала, когда он исчез. Они были друзьями. Эту дружбу сложно описать. Он был ей роднее чем я. Их еще тогда, совсем маленьких, окрестили женихом и невестой, но они не смеялись, не оправдывались, не злились, не обижались, а просто оставались собой. Это нечто, что чудом сохранилось в нем и в ней и теперь, когда они нашли друг друга и смогли принять прошлое, разлучившее их, едва ли что-то сможет их теперь разлучить.

Володя молча смотрел а чашку, не зная, что сказать. Саша смотрел на собеседника и молча, сомневаясь еще больше в том, стоило ли об этом говорить.

— Саш... а, Саш, — начал несмело Володя, с нескрываемым волнением и дрожью в руках. — Как думаешь, смогу ли я вернуть нашу дружбу? Сможет ли она меня простить?

— Да. Думаю, да, — почти уверенно сказал Саша. — Только, что так сильно изменило твое мнение? Еще вчера ты был готов бороться за нее любой ценой.

Володя опустил голову, будто стыдился самого себя, что жил еще вчера, которому теперь уже не было места.

— Один хороший человек, помог мне многое понять, — тихонько пробормотал он.

Саша, нахмурился, чувствуя не ладное в такой перемене, именно это осознание и врожденная прямолинейность побудили его спросить напрямую:

— Какую глупость ты натворил?

— Я говорил с ним, — признался Володя, крайне виновато.

— Что?!

— Я говорил с Сэтом...

...Члены фан-клуба Сэта буквально окружили башню мрака, в которой сейчас находился их кумир. Среди фанатов, как было принято, затерялись и журналисты с репортерами. В полнее привычное явление, самая частая реакция на официальные появления необычного мага в общественных местах.

Когда Сэт вышел из здания, на него устремились сотни камер. Бесконечные вспышки. Голоса. Благо бежать к нему не решались, с его то славой. Да, скандалистов, к счастью на сувениры не рвали. Это и угнетало и было уже привычным, не стоящим внимания. Сэт просто жил своей жизни, пусть даже и под взором камер и поклонников, которых кроме как чужаками в жизни не назовешь. Он, спрятал по привычке руки в карманы и направился к своей, совсем новенькой машине, удобному и быстрому приобретению этой недели.

Володя, ждавший момента в толпе, решил действовать, рассчитывая на громкий скандал и солидную шумиху, так ему казалось, будет проще донести все до публичной возлюбленной. Он рывком взбежал по лестнице и, оказавшись лицом к лицу с соперником, швырнул ему в лицо перчатку, вызывая его тем самым на дуэль.

Сэт закрыл глаза, ни то успокаиваясь, ни то пряча что-то внутри себя, а затем, медленно открыв их, посмотрел на Володю.

Ильин, глядя в эти, пусть и покрытые линзами, глаза, окунувшись в их мир и почувствовал всю боль и тоску их владельца. Черный маг тяжело вздохнул, устало и неспешно, не боясь продемонстрировать эту усталость, ненавидя и призирая всю это сценичность и показуху, которую пытались применять для манипуляции. Не мог он уступать себе, только из-за наблюдений извне, поэтому, присев, поднял перчатку, прекрасно понимая, что к вечеру это будет всюду. Даже зная, что его замучают вопросами, зная, что ему от этого никуда не скрыться, зная на этого глупого белого мага, он все равно не мог поддаться на провокацию.

— Я не хочу убивать тебя, — тихо, что б это осталось между ними, сказал Сэт, вкладывая в руку мага перчатку.

И считая, что на этом все закончилось, он ступил на ступеньку, минуя дерзкого соперника, которого впрочем Сэт и соперником не считал.

— Ты просто слабак, не способный убить человека! — злобно крикнул Володя вслед, оборачиваясь.

И Сэт остановился. И будто пророческий знак, как воля мира, а не собеседника в лицо мага ударил поток воздуха. И маг обернулся. Это произошло столь мгновенно, так синхронно, будто этот человек был способен одними лишь эмоциями породить ветер. Володя аж отступил от этого взгляда, возвращающегося мага, дружелюбности и боли в котором уже не было, скорее неистовое желание раздавить жужжащего комара.

— Ты думаешь, мне сложно убить человека? — спросил Сэт, подойдя к мальчишке почти вплотную.

Володя пятился.

— Я в восемь лет, зарезал отца, — продолжал Сэт, глядя в глаза и следуя, за наглецом, столь малодушно убегающим. — Думаешь, мне сложно избавиться от тебя?

— Ну, так избавься! — вскрикнул Володя, опомнившись и гордо остановившись.

Сэт схватил Володю за воротник майки, вновь туша его пыл и подтащив его к себе, прошептал на ухо:

— Думаешь, ей хорошо? Думаешь, она не волнуется за тебя? Я не хочу ее терять, пойми ты это. Она не простит мне гибель еще одного родного человека. Ты ей, как брат, и ей очень тяжело видеть твои страдания. Она не хочет терять твою дружбу. Подумай об этом в следующий раз, прежде чем вот так рисковать своей жизнью, — посоветовал Сэт, отпуская, даже чуть отталкивая, наглого конкурента. — Если не передумаешь — позвони и тогда я приму твой вызов.

В его глазах, вновь появилась тень печали. Он вздохнул и пряча взгляд прошептал:

— Прости, я, правда, ее люблю...

Он не стыдился этого, он просто слишком ценил эти чувства, что бы выставлять их напоказ. Сказав эту тихую правду, он отправился к машине, все так же не обращая внимание ни на поклонников, ни на камеры, ни на вспышки фотоаппаратов, даже на выкрики в свой адрес из толпы.

Володя стоял, не в силах шевельнуться, с ошарашенным разумом. Он действительно был поражен той бурей эмоций, что видел в этом человеке и той бурей, что этот человек породил внутри него...

— Тогда я переосмыслил все, — шептал Володя, все так же не поднимая глаз.

— Слова Свету, что он не изменился, — выдохнул, облегченно Саша, расслабленно улыбаясь.

Откинувшись на спинку кресла, уже с легкой небрежностью, он вновь заговорил:

— Ну, ты и дубина, конечно! Если бы он принял твой вызов? Ты ж бы помер. Он же мастер и в дуэлях опыт имеет, а ты что? Он даже как маг тебя обставит, несмотря на то, что человек.

— Ну, да, — соглашался Володя, все ниже опуская голову, сгорая от стыда. — Я совершенно не думал об этом.

Саша был готов рассмеяться от такого забавного поведения, но именно в этот момент вошла Наташа. Она замерла на пороге, увидев Володю. Его присутствие сразу испортило ей все восторженно-светлое настроение в котором она прибывала, возвращаясь домой. Именно сейчас она меньше всего хотела видеть Ильина и тем более слушать его упрямые убеждения в ошибочности ее выбора.

Володя, увидев ее, тут же вскочил на ноги, чувствуя себя безмерно виноватым.

— Привет, — с трудом выдавил он.

— Привет, — чуть раздраженно буркнула Наташа.

Саша незаметно удалился на кухню, будто случайно, оставляя их вдвоем. Он прекрасно понимал, что лишние деятели в этой сцене, в столь решающий момент, совершенно не нужны, однако подслушивать ему никто не мог запретить, да и вреда в этом не было. Поэтому он прикрылся дверью кухни, он внимательно слушал, не отрезая вероятность возможного вмешательства.

— Знаешь я, — начал дрожащим, взволнованным голосом Володя, — я пришел извиниться.

Наташа, настроенная крайне агрессивно, после всего, что уже было сказано, смягчилась.

— Прости меня, я совсем не думал о твоих чувствах, — говорил неуверенно Ильин. — Я очень надеюсь, что мы сможем, как прежде быть друзьями.

— Ничего, — улыбаясь, шептала Наташа.

Будучи по-настоящему счастлива от таких слов, она обняла верного друга.

— Я рада, что ты можешь меня принять такой, какая я есть.

Володя вскользь увидел ее ярко-алые глаза и в один миг узнал о прошлой ночи, об укусе, о ее счастье. Внутри оседала горечь и боль, но, не взирая на них, он нашел в себе силы улыбнуться.

Наташа отступила, все прекрасно понимая, виновато и смущенно пряча глаза, слишком хорошо понимая чем забита сейчас ее голова. Уж слишком хорошо она знала Володю, что бы не заметить, как он, пусть и случайно, но все же заглянул в ее разум.

— Знаешь, если ты выйдешь за него замуж, мы станем родственниками, — бодро сообщил Володя, стараясь убрать напряжение и переломить ход разговора.

Наташа удивленно посмотрела на него.

— Я ведь фактически кузен Сэта, — улыбаясь, говорил Володя.

— И правда, — прошептала растерянно Наташа, не ожидающая ни этих слов, ни думающая прежде о таких деталях их родственной связи.

— К тому же, — продолжал Володя, уже без улыбки, — мне давно пора признать, что он лучше меня.

Наташа аж вздрогнула от такого заявления.

— Он сильнее меня и физически и магически. Он мудрее и... ты любишь именно его.

— Прости...

— Нет! Нет, не проси прощения, — буквально отрицательно махая руками, заговорил

Володя. — В этом никто не виноват, я лишь хочу, что бы мы моли общаться.

— Конечно, — согласилась Наташа. — Я сама хочу общаться. Ты ведь мне как брат.

— Тогда я счастлив, сестренка...

Сэт тихонько, что бы не привлечь особого внимания, вошел в коридор, как, впрочем, он делал и всегда, и замер. Как обычно, совсем не вышло. Его уже ждал Илья Николаевич, суровый и явно разгневанный. Тут же пряталась и Лира, и Ник, и даже Норбер небрежно выглянул из-за угла.

Сэт даже затаил дыхание, только теперь все осознав. Он так долго не мог понять, что ж он забыл сделать, а теперь было уже поздно. Он не знал, что ночью Вересов приезжал, не знал, как тот не находил себе места и как потом ругался, зато он знал, что не сдержал данного слова и этого было достаточно для гнева и чувства вины, но все, на что его хватило, это опущенный взор и виноватый вид.

— Все вон отсюда! — закричал Илья, не скрывая гнева.

Сэт знал, что его одного это не касается, поэтому остался на месте, хотя ему очень хотелось просто убежать куда подальше, как мальчишке. Ник тоже остался, пользуясь своими крайне дружественными отношениями с хозяином замка и, как следствие, своим положением. Норбер удалился, не имея ни малейшего желания заводить себе проблемы в этом доме. Лира же, не могла просто уйти, поэтому и спряталась за лестницей в холе, понимая, что они перейдут туда из крайне узкого коридора.

Не говоря ни слова, Илья прошел в холл и сел в кресло. Сэт, со вздохом, последовал за ним. Ник с усмешкой, запер входную дверь и оказался в напряженном воздухе, явно накануне бури.

— Я требую объяснений! — заявил сурово Вересов.

— Я просто совсем забыл, — начал несмело Сэт, не решаясь поднять глаза.

— Меня это не волнует! Почему Иденбург искал тебя?! Что ты натворил?! Вот это куда важнее!!!

Сэт несмело и испуганно посмотрел на Илью, чувствуя в нем не то чужака ни то вообще врага и поражаясь этому, но все равно отвечая:

— Я украл рубины Ремерии из кабинета Иденбурга...

За один миг Вересов оказался на ногах и одарил ученика хлесткой пощечиной.

— Это было часть задания. Я возвращаю ей рубины, она мне сведенья о Норбире, — попытался объяснить Сэту, но получил еще одну пощечину.

— Почему я узнаю об этом только сейчас?!

Сэт не ответил, не зная, что и сказать после всего этого. Молчание еще больше выводило Вересова из себя. Он протянул к Сэту руку, явно чего-то требуя. Молодого человека передернуло и тот едва не начал пятиться, ошарашено глядя то на руку, то на учителя, мешая этот шок и мольбой.

— Илья Николаевич, я ведь...

— Живо!

— Почему я? — совсем обреченно спросил Сэт.

Лира совсем не понимала о чем шла речь, и это ее пугало, а главное тревожило нарастающее дурное предчувствие. Ник же все хорошо понимал, но это ему совсем не нравилось, и он совершенно не скрывал своего недовольства.

— Я дал тебе права выбора, ты от него отказался, — пренебрежительно сообщил

Вересов, и в его руке появился кнут.

Сэт вновь опустил глаза. Да, он хорошо понимал, что виноват, но что-то внутри него отчаянно протестовало. Он вновь несмело взглянул на Илью, но увидев в глазах суровую, бескомпромиссную решительность, сдался. Обреченно вздохнув, он медленно расстегнул рубашку и, скинув ее с плеч, стал у стены. Его лоб, как то даже привычно, коснулся стены, и на губах застыла неуместная улыбка.

Лора сжалась в своем убежище, от ужаса и шока. Она знала, но... никогда не вида своими глазами этой жизни возлюбленного.

Илья замахнулся. Сэт неспешно закрыл глаза. Кнут свистнул в воздухе и скользнул по спине молодого человека, будто лизнув его, но рассекая при этом кожу, как лезвие. Сэт прикусил кубу, даже не торопясь сбивать так уже привычную боль. Странное чувство, когда от кровавого следа по спине сочиться несмелая струйка крови. Это походило на опьянение...

Мироощущение Сэта совсем не изменилось, после появления обычного зрения. Даже закрывая глаза, он продолжал чувствовать все вокруг. Он чувствовал каждое дуновение, каждое движение, даже энергию Вересова, скользющую по кнуту, и ничего хорошего она не сулила. Гнев. Призрение. Негодование. Даже разочарование. Это давило сильнее любой физической боли.

Илья вновь замахнулся и вновь ударил. Все повторилось как в тумане. Даже боль для Сэта стала призрачной...

Лири не выдержала. НЕ могла она смотреть ни на эти кровавые полосы, ни на капельки крови на коже. Она покинула свое убежище, с гордо поднятой головой, полная решимости, закрыла собой Сэта, бросая вызов своему благодетелю.

— Уйди! — рявкнул наставник.

— Я не уйду никуда!

— Живо ушла!

Лири же все равно не сдвинулась с места. Илью это окончательно взбесило. Он разгневанно замахнулся, намериваясь одарить и мешающую ему девчонку, долей воспитания, но удар не достиг ее. Очнувшийся Сэт мгновенно, обернулся вокруг Карелиры и, крепко схватив прижал к стене, закрывая от удара, своей все равно битой спиной.

Лири рвалась из его рук, но он не отпускал. Его крепкие, напряженные от самоконтроля руки, не давали ей вырваться, оставалось с дрожью сдаться. Сэт опустил голову, коснулся ее шеи губами и отвлекая и успокаивая, выдохнул напряжение и обреченно положил голову ей на плече. Ей было достаточно и этой ласки, что бы забыть обо всем, что бы вместо отчаянья и страха, ловить его запах, прислушиваться к биению его сердца, так вздрагивающему после каждого удара. Она просто забыла о происходящем, Сэт же, увы, так не мог. Все больше размашистых полос оставалось на его спине, и боль теперь была уже острой, а не далекой, как вначале, и уйти от нее не выходило. Он кусал губы, старался не думать, но все равно в нутрии становилось, все больнее и больнее, будто с каждым ударом, рвалось что-то святое. Он чувствовал себя совсем беспомощным, будто выброшенным, и что-то подобно предчувствию назойливо пульсировало в сознании.

Илья остановился, как будто просто устал злиться так сильно, будто силы его покинули. Сэт понял эту паузу верно, уже понимающий все крохотные знаки наставника. Он отпустил Лиру и медленно опустился на пол, понимая, что ноги его не держат, а сердце жжет, как огнем.

— Убирайся! — велел Илья Лире.

Лири же, все еще следовала своему упрямству, но теперь не бросала вызов, а растерянно смотрела на Сэта, изредка поднимая глаза на Илью.

Ник вздохнул, понимая, что пришло время вмешаться. Он схватил Лиру за руку и силой увел на кухню, понимая, что эти двоим стоит все решить наедине, пока еще не поздно.

Сэт все так же сидел на полу, поджимая под себя ноги, глядя в пол, теряясь в отчаянии.

Илья пошел к нему, медленно, неспешно, уже выпустив весь свой гнев, присел рядом и заглянул ученику в глаза. Эти пустые голубые глаза. От них магу становилось тошно. Прежде ему хотелось обнять ученика, поддержать, простить его, теперь же все было иначе, хотелось врезать ему посильнее, заодно и себе самому! Ему было тошно и больно. Он помнил, что спас искреннего и доброго ребенка, а теперь перед ним сидела пустая оболочка, бесчувственная тварь, опровергающее все живое своим видом.

Илья коснулся бинтов на шее Сэта и резко дернул их, срывая. Из ранки от куса поползла капелька крови. Гнев только нарастал, а вместе с ним и разочарование, а следом и призрение. Он не мог все это держать в себе и наотмашь ударил, потерявшегося в боли, Сэта по лицу.

— Я с ума схожу, волнуюсь, не знаю, что и как, а ты! Вместо того что бы мне позвонить, трахался с этой шлюхой! — заорал Илья гневно.

Вот и вырвалось самое главное, самое страшное, то что вскипало, то что заставляло злиться. Да, Илья именно не понимал, как так его поставили ниже какой-то девки, забыли про него только из-за улады. Он не мог понять, как можно было его не уважать, что бы вот так расставить приоритеты, и именно это, это а не что иное, сейчас заставляло его рычать от гнева.

Сэт переменился в лице, будто его окатили ледяной водой. Вот такого он уже не мог терпеть, пощечины, побои, обвинения, но не оскорбление той, которую любил! Он, как дикий зверь, посмотрел на учителя и внезапно вернул тому пощечину.

Вересом от неожиданности упал, а озверевший ученик, набросился на него и замахнулся кулаком, но глядя в сине глаза, что так много значили, остановился. Сначала замер, затем медленно опустил руку и встал.

— Никогда не говорите так о ней, — тихо прошептал он, набросил на плечи рубашку и собирался уйти, не скрывая одолевшей его печали.

— Стоять! — приказал, вскочивший на ноги Илья. — Я не закончил.

Сэт замер и обернувшись посмотрел на наставника, который теперь казался и чужим и невыносимо неприятным. Пусть он и был еще мальчишкой, пусть жизнь его много раз била, но в нем осталась гордость, и желание защищать любимых, даже если защищать нужно было от таких же любимых. Он знал, что ничем хорошим этот разговор не кончиться, поэтому решил уйти. Ничего не говоря, что бы не сказать того, о чем потом станет жалеть.

Илья метнулся к нему и крепко схватил за руку. Для Сэта это стало последней каплей. Он резко развернулся и ударил учителя кулаком по носу, освобождаясь и спеша удалиться, буквально убегая.

Наверху он столкнулся с Ником, что через другую лестницу увел Лиру к себе.

— погоди, — прошептал тот, слыша произошедшее. — Ты ведь знаешь, что он так не думает. Извинись...

— Ни за что! — однозначно заявил Сэт. — Пусть катится ко всем чертям!

Он зашел к себе, злобно хлопнул дверью.

Ник тяжело вздохнул и спустился вниз. Друга он нашел на кухне с куском льда у

переносицы.

— Мальчишка неблагодарный... хулиган малолетний... дрянь, — бубнил он злобно.

— Он ударил тебя? — не веря своим глазам, машинально спросил Ник, застыв в дверях.

— Он сломал мне нос! — вскрикнул Вересов, возбужденно.

— Ты тоже хорош, — шепнул Ник. — Ты оскорбил его девушку.

— Хочешь сказать, что я не прав?!

— Да, тебе не стоило говорить, того, что ты сказал...

— Что?!

Илья был готов наброситься теперь уже на Ника и обвинить его во всех возможных смертных грехах, на которые только воображения и гнева хватит.

— Ты ведешь себя, как твой отец! — парировал Ник, еже не начавшуюся вспышку гнева.

Илья замер, не понимая, но и боясь осознать правдивость этих слов.

— Ты ненавидел его за то, что он оскорблял твое творчество, оскорблял, то, что ты любил. Он старательно уменьшал цену самому важному для тебя, не принимал и не пытался понять. Ты сегодня сделал то же самое.

Илья шокировано посмотрел на друга с дикой болью и отчаяньем, будто произошло самое страшное в его жизни, а затем медленно опустил глаза, принимая это осознание.

— Вот видишь. Ты применил запрещенный прием, за что и поплатился.

Лира тихонько открыла дверь комнаты Сэта. Как она и думала, он лежал на кровати, уткнувшись носом в подушку. Услышав, что кто-то вошел, он приподнял голову и посмотрел на Лиру измучено. Он знал, что был прав, знал, что ему нечего стыдиться, но все равно, было до дрожи противно, от самого факта. Он не имел никаких сил выставить Лиру, но и говорить с ней не хотел, поэтому отвернулся от девушки.

Лире этого было достаточно. Она присела возле него и, таинственно улыбнувшись, нежно коснулась его спины.

Сэт закрыл глаза, позволяя ей, как когда-то давно обработать свежие следы от кнута, но через миг вздрогнул, почувствовав что-то неясное, что-то непривычное, он встrepенулся и поспешил, отстраниться от Лирy, буквально шарахнувшись от нее в сторону, но было уже поздно Дива попала в его кровь...

Когда Сэт открыл глаза, голова дико болела, все тело было будто ватное. По изодранной спине пробегала противная судорога. Он смотрел на белый потолок и ощущал странную боль в глазах. Он приподнялся — картинка поплыла и стала темнеть. Голова закружилась. Ему пришлось замереть, что бы не потерять сознание.

— Милый, тебе уже лучше? — спросила лукаво Лира.

Она обняла его за плечи, прильнув к нему нежно. И Сэт резко вздрогнул.

— Прости, сильно больно?

Сэт не ответил. Он злобно взглянул на нее через плече и схватив за руку, оттолкнул. В его голове медленно всплывали рваные отрывки произошедшего накануне. До него медленно доходило произошедшее, как из тумана. Он буквально рычал от злости:

— Ты накачала меня Дивой?!

Лира закрыла себе простынею, лишь сияющие, довольные синие глаза, без капли раскаянья или сожаления виднелись.

— Я просто, — начала она, тихо.

— Стерва ты! — вывел Сэт, не желая ничего слушать.

Вскочив на ноги, он указал на дверь:

— Убирайся! Исчезни, а то я тебя укатаю!

Лира выскочила прямо в простыне. Ее туфли, платье и белье вылетели следом, и дверь захлопнулась.

Дрожащая, действительно напуганная таким поведением, Лира прижалась к холодной стене.

— Ну что добила своего? — спросил сурово Ник.

Он уже давно стоял здесь. Не смотря на свой суровый вид, он прекрасно понимал эту девушку, но не оправдывал. Ему было ясно, что она чувствует, но ее действие он считал большой ошибкой.

Лира вздрогнула от его слов и посмотрела на Ника. По ее щеке скатилась слеза, первая из того множества, что она сегодня пролет. Ей хотелось рыдать, поэтому она убежала к себе, что бы выплакаться, а затем отпраздновать победу.

Ник пришел к Илье, сидевшему в своем кабинете с раскрытым настежь окном и, нервно постукивая пальцем по столу, курил.

— Он вышвырнул ее из своей комнаты, — сообщил Ник.

Илья тут же вскочил, нервно вмял сигарету в, переполненную окурками пепельницу, и направился к двери.

— Ты куда? — с тревогой спросил Ник.

— К Сэту.

Илья вышел. Ник шмыгнул за ним, наверно уже даже по привычке, спеша остановить друга от ошибки, при надобности.

Вересов не стуча вошел в комнату к воспитаннику и закрыл дверь, перед носом Ника, принципиально не желая его пускать.

Сэт лежал на кровати, свернувшись калачиком. Его обнаженное тело было скрыто простыней. Услышав, что кто-то вошел, он открыл глаза, не в силах шевелиться и никого не желая видеть.

— Сэт, ты как? — спросил мягко и заботливо Илья, как он делал прежде, до этой нелепой ссоры.

Юноша ничего не ответил, лишь накрылся простынею с головой, надеясь, что его оставят в покое. То, что он испытывал сейчас, сложно было принять. Физическая боль и моральные метания, переполняли и буквально рвали его на части.

Илья подошел к кровати и, сев на ее краюшек, коснулся плеча Сэта. Тот тут же дернулся и резко ускользнул на другой кровати, отворачиваясь от наставника, буквально ускользая от его руки.

Илья с тревогой смотрел на этот белый, закутанный в простынь комочек, не зная, что делать.

На белоснежной простыне, стали возникать и расти пятна крови. Мгновение Илья лишь смотрел на них, не понимая, а затем осознав вскочил на ноги и, обойдя кровать, сорвал с ученика простынь. Сэт еще больше съежился, будто от холода, прячась носом в коленях.

Илья посмотрел на окровавленную спину, уже виня себя во всем. Он мягко коснулся плеча Сэта, и по телу мальчишки прошла волна неестественной дрожи. Со слезным стоном, он стал хватать воздух, явно задыхаясь, глядя с ужасом на мир. Илья убрал руку, вернулась

напряженная морщинистость переносицы. Сэт затих, но тут же вновь задрожал. Волнение Вересова достигло предела. Мальчишка хватал судорожно воздух, бледнел.

— Кая же она дура, — прошептал Вересов, силой усаживая мальчишку и выискивая его лекарства...

Наташа весело улыбалась, вспоминая вчерашнюю ночь. Она лежала на диване в своей квартире и вращала в руках мобильный телефон, в ожидании звонка от любимого человека, но он медлил, хотя обещал позвонить. Она не задавалась вопросами, не тревожилась, не злилась, а просто ждала беспечно улыбаясь.

Напевая вчерашнюю мелодию, она листала старый альбом с детскими фотографиями и вдруг осознала, что не хочет ждать, ведь она соскучилась и на правах его девушки вполне могла позвонить сама! Она набрала номер и улыбаясь ждала ответа.

— Да, — спокойно ответил Илья.

— Э-э, — выдавила испуганно Наташа, понимая, что вновь слышит не тот голос, что ждала.

— Наташ, не удивляйся, — сказал спокойно Вересов. — Сэт не может ответить. У него...

— Что с ним?! — испуганно спросила Наташа, вскочив на ноги. — Ч с ним уже случилось?!

— Сложно объяснить, но...

— Говорите, как есть!

— Сердце, — шепнул Илья. — Возникли проблемы и мне пришлось отвести его в клинику. Он в сознании, но очень слаб, поэтому...

— Что вы с ним сделали?!

— Я...?

— Да, вы! Как только я отпустила его к вам, он тут же свалился. Что вы ему такого сделали, что его сердце..?

— Ничего! — сурово перебил Илья Николаевич. — У него врожденный порок сердца, давший осложнение из-за сильного стресса. Что здесь непонятного?

— Он уезжал от меня вполне нормальным!

— От тебя!?

— Да! Он отвез меня домой. Мы посидели за чашкой чая и лишь потом он поехал к вам и все с ним было нормально! Я не знаю, что случилось ночью, но он успокоился и был стабильным. Вы... Только не говорите, что вы опять его били!?

Илья молча фыркнул в трубку, не зная, что и сказать на все это.

— Вы чудовище, — простонала Наташа и, бросив телефон, стала собираться.

Илья положил телефон и, скривившись от усталости, посмотрел на Максимуса. Молодой хирург грустно улыбнулся.

— А что я должен был сказать? — спросил Илья измученно. — Может, стоило сказать правду?

— Это решать не нам, а Сэту, и вы это знаете, — спокойно ответил врач.

— Да, — шепнул Илья. — Как скоро он сможет вернуться домой?

— Если все будет спокойно, то завтра утром я его уже отпущу, но ночь он проведет здесь. Хотя, как я уже говорил, он вполне стабилен, а Диву выведут полностью уже через

час.

— Максимус, а это не может вызвать..?

— Не волнуйтесь насчет зависимости, — спокойно сообщил Максимус. — То что было тогда не имеет отношение к этому случаю. Он же два года ничего не принимал, до Морфина перед дуэлью. Все будет в порядке, да и Дива впервые в его крови.

— Это хорошо...

— К тому же, сами знаете, что он категорически против наркотиков.

— Знаю, просто боюсь, что ему будет плохо, как тогда.

— Все будет хорошо. Это обычный приступ, как обычно.

Илья смотрел мимо Максимуса и задумчиво молчал.

— Вы хотели о чем-то поговорить?

— Думаю вставить Лиру.

— Не стоит, — шепнул Максимус. — Сэт будет только переживать, если с ней что-то случится, поэтому...

— Я куплю ей квартиру и пусть живет...

— Не знаю... я же не советчик.

— Зато ты друг Сэта!

— Ну, да, — согласился растерянно врач, будто только теперь это заметил. — Может лучше с ним и поговорить?

— Да, пошли, а то думаю Наташа скоро приедет, а на ходу ничего толком не придумаешь.

Они покинули кабинет Максимуса и отправились в палату к Сэту.

Молодой маг лежал в постели с закрытыми глазами. Он был бледен и измучен, но как принято было говорить врачами, стабилен.

— Ты как? — спросил Илья, присаживаясь на край кровати.

— Выживу, — прошептал Сэт, прошептал Сэт. — А пока отвратительно.

— Больно? — уточнил Максимус.

— Ну, да, но не настолько, что бы беспокоиться, потерплю...

Илья взял Сэта за руку, касаясь этих ледяных пальцев, он заговорил:

— Звонила Наташа, и я опять с ней...

— Дайте угадаю: она обвинила во всем вас?

— Да, думает, что твой приступ вызвали мои побои.

Сэт закатил глаза.

— Я пытался объяснить...

— Но она не послушала. Это на нее очень похоже, но... буду что-то думать...

Сэт закрыл глаза и отвернулся, убирая руку под одеяло.

— Вы встречаетесь?

— Уже да, хотя после сегодняшнего...

— Ей не обязательно знать, — уверенно сказал Илья.

— Дилемма, — заговорил Максимус, садясь, на свой, уже привычный, стул у кровати. — Ты не можешь решить. С одной стороны ты не хочешь ей говорить, потому что боишься, что она не поймет и воспримет, как измену и на этом ваши отношения закончатся, но с другой стороны ты не можешь не признаться, ведь это будет предательством и если когда-нибудь она узнает, шансов уже не будет.

Илья раздраженно посмотрел на Максимуса, но молодой врач спокойно продолжал:

— Ты всегда сомневаешься, но зачем? Кто сказал, что она узнает? Я буду молчать. Илья Николаевич тоже. Нику не нужно портить тебе жизнь. Норбер до сих пор ничего не знает, а Лира так перепугалась, что будет молчать о случившемся до конца жизни. Наташа может узнать только от тебя.

— Но ведь, — начал Сэт.

— Я знаю, что ты хочешь что бы все было правильно, но в том, что произошло нет твоей вины, а значит и совесть тебя не станет мучить.

— Сэт, у вас и так все сложно, а твое откровение только все усложнит, — поддержал Илья. — Вы только начали понимать друг друга, не порти все сейчас. Ваши отношения не готовы к таким сложностям.

— Знаю, — согласился Сэт, — но как ей объяснить приступ?

Повисло молчание, а потом Максимус несмело предложил:

— Не объясняй, просто скажи, что не хочешь это обсуждать.

— Ага! — завил Сэт, злясь. — И она решит, что была права, и во всем виноват Илья Николаевич и будет жалеть меня, как бедного мальчика, избиваемого отцом!

— Сэт, — уверенно начал Вересов. — Совершенно не важно, как она будет относиться ко мне, а жалость от нее будет самой сладкой жалостью, которую ты можешь получить в этой жизни. К тому же, ты уже до конца жизни, будешь в ее глазах мальчиком, избиваемым родным отцом, и я здесь не при чем...

— То есть она всю жизнь будет меня жалеть? — с отчаяньем в глазах, спросил Сэт.

— Она всегда будет помнить, что ты несчастный мальчик, но ты можешь ей показать, что тот мальчик вырос, смог стать сильнее. Стать надежным мужчиной, а если ту ей скажешь о случившемся, то никогда уже не сможешь изменить это ощущение внутри нее.

Сэт смотрел на учителя растерянно и испуганно, будто не хотел сознать услышанное.

— Сейчас она пытается защищать тебя, а должна расслабиться и позволить тебе защищать ее.

— А списать все на вас — это разве выход?!

— Сэт, я разозлился, наказал тебя, но мы поругались и даже подрались, — Илья ткнул пальцев в опухший нос. — Я могу спокойно побои снимать, между прочим.

— То есть это драка виновата? — возмущенно спросил Сэт.

— Стресс, вызванный дракой и проблемой, вызвавшей драку, то есть претензии Иденбурга! — подхватил Максимус.

— А это все тоже правда и действительно было.

— Только ударил я вас не из-за этого...

— Не важно! Никто не узнает правды!

Сэт закрыл глаза.

— Выдумывать что, будет безумием, — сказал врач спокойно.

— Потом, когда будешь нянчить внуков, расскажешь ей правду, как забавную историю юности, — сказал Илья, крайне примирительно.

— Хорошо, — выдавил Сэт. — Надеюсь, это поможет.

— Сэт! — воскликнула Наташа, ворвавшись в палату. — Что они с тобой сделали?!

Она подлетела к постели возлюбленного и, упав на колени, поймала за руку.

Вересов многозначительно приподнял брови, как бы демонстрируя правоту своих слов, о защите.

— Все, хорошо, Наташа...

— Как хорошо, если ты в больнице?! Что вы натворили?! — воскликнула она, взглянув на Илью.

Молодая вампирша замерла, увидев хладнокровное лицо Вересова, а тот просто встал и сказал Максимуму:

— Идем, им и без нас есть о чем поговорить.

— И то, правда, — согласился врач и поспешил удалиться, вместе с Вересовым.

Наташа провела их взглядом, а потом испуганно спросила:

— Что случилось?

— Это все из-за вчерашнего визита, того ночного, — пробормотал Сэт.

— У вас проблемы?

— Нет, я вчера все решил

— Тогда...

Она многозначительно кивнула в сторону двери.

— Мы сцепились с Ильей Николаевичем, как маленькие дети...

— Но почему..?

— Я вышел за рамки закона. Доказать это невозможно, но Король Тьмы знает, что это я.

Все это ставит под удар и меня и Илью Николаевича, вместе со мной.

— То есть..?

— Уже все хорошо.

— Но если все было хорошо, тогда почему вы сцепились? Ведь он был тебя? Да! Скажи мне!

— Да, но он просто злился. Думаю, Иденбург на это и рассчитывал, что бы нас рассорить..

— Значит, вы пошли у него на поводу?

— В некотором роде...

— Но зачем ты во все это влез!?

— Так вышло.

Наташа прильнула к его груди и заплакала. Сэт слабой рукой гладил ее волосы и молчал, желая забыть, что правду обратил в лож.

Все газеты и журналы только и писали, что о союзе Сэта Вересова и Наташи Шпилевой: черный и белая, скандалист и девушка с безупречной репутацией, человек и вампир. Они стали самой известной, популярной, невероятной и непредсказуемой парой, казалось бы идеальной, но с назревающим взрывом и чередой скандалов... впрочем прессе только в радость.

19

«Делай, что хочешь...»

Кто неправильно застегнул первую пуговицу, уже не застегнется как следует.

Иоганн Вольфганг Гете

Ли́ра кружилась в свадебном платье. Сэт стоял у стены, в этом скучном солонее и отрешенно наблюдал за сияющей девушкой. Сложив руки у груди, он старательно прятал гипс, покрывающий сломанную левую руку, будто стыдился этого перелома. Уже несколько раз звонил телефон, но он сбрасывал вызов, не желая видеть Урга, как и не желая его слышать, уже не первый месяц.

— Ну как тебе это платье? — спросила Ли́ра, я счастливым интересом, глядя на парня.

— Никак, — буркнул Сэт, отводя усталый взгляд в сторону, — к тому же ты все равно не собираешься его покупать.

— Почему это? — недовольно, становясь в позу и заглядывая ему в глаза, интересовалась девушка.

— Делай, что хочешь, мне все равно, — бросил Сэт, равнодушно, но в то же время отчаянно, и вышел из свадебного салона.

Не имея интереса даже к улице, он сел в машину и, закрыв глаза, начал мысленно проклинать весь этот мир, так нещадно, окруживший его со всех сторон.

— Ну чего ты такой хмурый? — спросила Ли́ра, сев в машину, через несколько минут.

— Илья Николаевич все равно нам не позволит пожениться, до рождения ребенка. Родишь, тогда и платье будешь выбирать.

— Вот же, — цыкнула она недовольно.

Сэт не говорил ни слова, завел мотор и резко сорвался с места, едва успев перехватить руль. Так спеша уже уехать.

— Мы куда? — поинтересовалась девушка.

— Я закину тебя домой...

— А сам?

Сэт резко повернул, проскакивая на красный свет. Он мчался по дороге, не обращая внимания на нытье и вопросы невесты и мат чуть не столкнувшихся водителей.

У дома Вересова он резко остановился

— Выходи!

— А ты?

— Мне к Максиму́су надо, а тебе нужен отдых, — равнодушно сказал он.

Ли́ра тихо вышла и, хлопнув дверцей, ушла в дом, не говоря ни слова любимому человеку.

Сэт провел ее уставшим взглядом и, тяжело вздохнув, надавил на педаль газа...

— Слушай, Максиму́с, она, и правда, беременна? — спросил тихо Сэт, пока друг изучал снимки его левой руки.

— Да, — грустно подтвердил Максиму́с, — это действительно так. Ее беременность сама настоящая.

Максимус отложил снимки и взглянул на бледного друга.

— Это так сильно тебя угнетает?

— Есть немного, — буркнул Сэт, — но с другой стороны...

— Что?!

— Помнишь, после боя с Эрвином ты говорил, что могут быть проблемы из-за каких-то там сосудов?

— Ну да...

— Это можно считать чудом?

— Не то что бы чудом, — прошептал Максимус. — Я ничего наверняка тогда сказать не мог, помнишь, я сказал, что окончательно будет ясно через несколько месяцев, когда все полностью заживет и восстановится? Теперь же я точно могу сказать, что все в порядке. У тебя явно сильная способность к регенерации.

— Такой нет у людей...

— Зато есть у магов.

— Я не маг.

— А кто же ты?

— Человек...

— Не похоже, и ты сам это понимаешь...

— Не понимаю. Я просто много не могу объяснить, но давай не будем о том, что я сверхчеловек, лучше скажи: можно ли снять с меня гипс?

— Почти...

— Почти?!

— Да. Твоя кисть еще не восстановилась, а остальные кости в порядке.

Максимус несмело помолчал, о чем-то думая, а после спросил:

— Может хоть теперь, расскажешь, кто сломал тебе руку?

— Не важно...

— Сэт, скажи честно, это была Наташа?

Сэт закрыл глаза, сделал глубокий вдох и, не найдя слов, молча взглянул на друга.

Максимус понял это молчание.

— Не понимаю я, как так можно было раскрошить кости. Она тебя пилила?

— Нет. Била, — тихо буркнул Сэт, пряча глаза, — стулом...

— Это когда...

— Когда узнала о беременности Лиры...

— Ты ей об этом сказал?!!

— Ну, да, — не понял удивления Сэт, — или мне стоило молчать?

— Ну... мог бы не в лицо говорить... или вообще написать...

— Серьезно? Это жестоко... Она ведь верила мне, понимаешь, что это значило?

— Да, но ты ведь, конечно же, ничего ей не объяснил...

— Разве это вообще можно объяснить?

— Но...

— Максимус, хватит!

— Тебя подставили!

— Ага. Ты мне снимешь сегодня гипс или нет?!

Максимус поник, понимая всю бессмысленность сказанных слов. Он взглянул на снимки затем на Сэта.

- Ты мне не доверяешь?
- Что за глупое предположение?
- Прежде ты мне все рассказывал, а теперь молчишь...
- А что я могу сказать?
- Ты ведь ее любишь!
- Ну, да... люблю...
- Так борись же за нее!
- А Лира...

— Она ведь, — тихо пробормотал Максимус. — Ну это же... разве... Это бред какой-то!

— Она ждет ребенка от меня, понимаешь?

— Но ты любишь Наташу, а она тебя!

— Не надо. Не мучай меня. Она и знать меня не хочет. На звонки она не отвечает, но СМС тоже. Попытка встречи назначит — не пришла. Она гордая и я наверняка для нее умер. Я ее предал.

— Помнишь, лет шесть назад ты приходил ко мне домой?

— Когда Илья Николаевич меня выставил из дома?

— Ну, да...

— Помню, конечно...

— Тогда твои мысли были такие же...

Сэт отрешенно посмотрел на Максимуса, вспоминая, то далекое время.

...Сэту было одиннадцать лет. В свой истинный день рождения он ушел утром из дома и бессмысленно бродил по городу. Именно тогда он и встретил впервые шестнадцатилетнего дебошира Урга, впервые напился и едва ли помнил, как вернулся домой и что вообще было вчера.

На утро следующего дня он проснулся в коридоре с разбитым лицом, горячей от пощечины щекой и ноющим покрытым синяками телом. В глазах плыло, а мозг слабо соображал. Кое как добравшись до дивана в гостиной он рухнул, пытаясь что-нибудь вспомнить. Дома было тихо, солнечные лучи, едва проползали в дом, а память упрямо не восстанавливалась.

Он снова уснул, крайне незаметно для себя самого.

Когда потом проснулся, дом наполнился звуками. На кухне кто-то гремел посудой, явно ничего не соображающий в готовке, но желая поесть. В коридоре то и дело кто-то шнырял, шаркая ногами, в холе работал телевизор. В доме явно властвовали ученики. Воскресенье. Илья должен быть дома. Ник тоже обычно дома. Получается...

Сэт резко открыл глаза. В его голову ворвалось огромное количество новой информации, будто весь воздух разом заговорил с ним. Он начал все понемногу понимать, правда, больше на уровне эмоций и ощущений, чем мыслями.

Он встал. Голова гудела и упрямо кружилась, но ноги, к счастью, прочно держали в пространстве. Картина окружающего мира несмело формировалась в его туманном сознании. Разноцветные линии и волны, проступали сквозь тьму, вздрагивали, но все же не исчезая.

Сделав пару осторожных шагов, он убедился в своей устойчивости. Хромя, от острой боли в правой стопе, он вышел из гостиной. В коридоре на него налетел Кор. Это именно он так невыносимо шаркал ногами. Второй из близнецов тоже был здесь. Куда более

спокойный Нор, стоял у стены с печальным видом, глядя на Сэта, которого еще вчера очень уважал, а теперь и не знал, как к нему относиться.

— Я, — начал было Сэт, но слова застревали у него поперек горла, от огромного чувства вины. — Простите...

— А причем здесь мы? — холодно отозвался Нор. — Ты перед Вересовым извиняться должен и перед Николариусом.

Сэт вопросительно посмотрел на Нору, надеясь, что тот прояснит, это странное чувство призрака к самому себе, застрявшее внутри.

— Ты ему губу разбил, — все же пояснил Нор. — Они с Ильей закрылись в кабинете и не выходят.

Сэт прикусил губу, крайне отчаянно, пытаясь что-нибудь придумать.

— Ты вообще как? — встревожено спросил Кор.

— Сойдет...

Сэт посмотрел на равнодушного Нору.

— Какие еще глупости я вчера делал?

— Всякие...

— Нор! Не дави на него! Он был пьян!

— Я не давлю, — буркнул Нор и развернулся, намереваясь уйти.

— Я что-то вчера ляпнул?!

— Да! — Но резко развернулся. — Ты вчера заявил, что мы глупые очкастые нахлебники, обязанные всем кому-нибудь. Мы слабаки, а ты наш король!

— Я...

Сэт тяжело дышал, чувствуя, как бешено колотится от ужаса сердце.

— Я это сказал?

Кор кивнул.

— Простите, я так не думаю, правда, — виновато шептал Сэт. — Я не...

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!

— Нор...

— Отстань!!!

— Может вы и очкарики, может и слабее меня, но не хуже. Я никогда не считал вас плохими людьми. Я уважал вас всегда и... да тьма меня знает, почему я этот бред нес! Может потому, что хотелось быть незаменимым, нужным, полезным, хоть кому-нибудь. Понимаете?

— Я не обижен, — тихо шепнул Кор. — Мы тебе многим обязаны.

— Это унижительно!

— Я понимаю, — прошептал Сэт и тихо, подобно избитой собаке поплелся прочь.

— Сэт! — крикнул ему вслед Кор, но его уже не слышали, сквозь пелену мыслей.

Как он оказался у кабинета Ильи он и сам не знал, видимо слишком сильно задумался. Дверь показалась ему безмерно неприступной и пугающе великой. Ужас охватил его сознание, волнение овладело им, в животе что-то вскипело и стало невыносимо дурно. Он быстро покинул коридор, чувствуя, как его выворачивает...

Вернувшись, через пару минут с горечью на губах, он вновь застыл у этой двери. Он долго думал, а затем его кулак почти коснулся равнодушного дерева, но то ускользнуло. Дверь открылась. Перед виноватым измученным уже ребенком стоял сам Илья Николаевич Вересов.

Сэт не смог поднять голову, виновато глядя в пол, боясь гнева и не зная нужных слов.

Учитель не сказал ни слова. Он вышел из кабинета, закрыл дверь и, не обращая ни малейшего внимания на Сэта, пошел прочь по коридору.

— Илья Николаевич, — простонал Сэт, шокировано испуганно и отрешенно, с нескрываемой мольбой глядя учителю вслед.

Вересов сделал вид, что ничего не слышит.

— Илья Николаевич!

Сэт догнал наставника, почти со слезами на глазах, упал на колени и, лоя его руку, взмолился:

— Пожалуйста, простите меня... Я...

— Ты неблагодарный мальчишка! — заявил Вересов, вырывая свою руку. — Чего тебе еще не хватает?!

Сэт молчал, закрыв глаза, сдерживая слезы и не смея поднимать голову, понимая, что достоин лишь сидеть на полу и молиться, что ему дадут шанс.

— Мое терпение лопнуло! Встань!

Сэт медленно встал на ноги и несмело посмотрел на учителя. Он боялся его гнева, сильнее чего бы то ни было в этом мире, потому что он боялся его потерять, как последнее, что вообще у него было, но если уж так вышло, что разгневал Вересова, то он хотел принять его достойно!

Илья Николаевич посмотрел в тусклые глаза ученика, полные и раскаянья и верности, но даже видя все это сурово отвел взгляд и вынес вердикт:

— Убирайся!

Сэт сразу и не понял всего значения этого слова, стоя на месте и боясь спросить хоть что-то, боясь дышать и верить.

— Мне не нужен воспитанник-алкоголик, так что собирай свои вещи и выметайся из моего дома! Сегодня же!

— Илья Николаевич, — дрожащим голосом прошептал Сэт, — но...

— Никаких «но»!

Вересов решительно и холодно посмотрел на Сэта.

Испуганное бледное лицо мальчика заставило задуматься, но он тут же вспомнил это столь невинное создание вчера и все сомнения исчезли, сменившись решительным гневом.

— Убирайся, я не хочу тратить свое время, на глупость, вроде тебя!

Сэт хотел что-то сказать, но губы предательски дрожали, а в глазах появлялись слезы. Он не мог, да и не знал, что сказать, но и спорить, да и оправдываться не мог. Он лишь коротко взглянул в синие глаза, что были ему надеждой, а теперь просто убивали своим холодом. Этого короткого взгляды было достаточно ребенку для прощания, не заходя в комнату, ни взяв с собой ничего, он убежал прочь, не от наставника, а прочь от его дома, который стал, как родной.

Когда поздней ночью кто-то позвонил Максимуму в дверь, молодой врач спал, но внезапный везет, вырвал его из столь приятного сна. Зевнув он выбрался из постели, буквально всунулся в халат и приплелся к двери, перетягивая тапки по полу с огромным трудом.

— Кто там? — спросил он сонно, как робот, почти не шевеля губами.

Ему не ответили, лишь упрямо повторился звонок.

Врач зевнул, взял в руки, лежащий под рукой, пистолет и открыл дверь.

Перед ним не оказалось ни врагов, ни грабителей, перед ним стоял бледный, чуть зеленоватый Сэт, с разбитой губой, весь в синяках в расстегнутой рубашке, а на ногах кровь, будто он весь день бегал по улице.

— Сэт?

— Можно? — спросил тихо мальчик.

Максимус положил наместо пистолет и не спрашивая пока что ничего, пустил в квартиру.

— Заходи, садись там на диване и жди меня, — велел он строго.

Сэт медленно поплелся в указанном направлении. Максимус же закрыл зверь, взял свою домашнюю аптечку и пришел к совсем юному другу.

— Рассказывай, что случилось?

При этом он бесцеремонно взялся за обработку сбитых в кровь ног гостя, не дожидаясь даже его истории. Так был устроен этот маг, он мыслил в первую очередь, как врач, затем уже было все остальное.

— Извини, что я так поздно и внезапно, но мне больше некуда пойти.

Максимус ошарашено взглянул на гостя.

— Как? Ты что такое говоришь?

— Илья Николаевич выставил меня из дома.

Максимус ошарашено сел на ковер.

— Как так?

— Просто, — отрешенно отозвался Сэт. — Я сам виноват...

— Боги, да что такого можно было натворить, что бы он тебя выгнал?!!

— Извини, — едва слышно отозвался Сэт, — ты тоже будешь злиться...

Он посмотрел умоляюще на Максимуса, но тот остался все так же холоден, и не оставлял выбора, кроме как признаться. Мальчишка тяжело вздохнул и прошептал:

— Вчера вечером, хотя скорее ночью я вернулся домой до невменяемости пьяным.

Максимус долго смотрел на это бледное лицо и опущенные виноватые глаза, а затем наотмашь ударил мальчишку по щеке.

Сэт не вздрогнул, не возразил, ни сказал ни слова, а ведь Максимусу тогда было всего семнадцать лет.

— Теперь ты тоже хочешь, что бы я ушел? — тихо-тихо спросил мальчик.

— Нет, — коротко ответил Максимус и вновь вернулся к сбитым ногам гостя.

— Прости...

— Ладно. Я не буду читать тебе нотаций, думаю ты и сам все понимаешь, но... я разочарован. Мне казалось, что ты умнее и разумней, а ты... да что тут говорить, — Максимус лишь тяжело вздохнул, бинтуя ногу. — Ты голоден?

Сэт отрицательно покачал головой, но живот предательски заурчал.

— Не ври мне, пожалуйста.

Максимус привел в относительный порядок обе ноги и, взглянув на измученного, совсем окрещенного Сэта, отправился на кухню.

Невзирая на разочарование и гнев, он был человеколюб, а значит, не мог отказать в помощи, особенно тому, кто что-то значил, для него лично.

Он улыбаясь наблюдал, как виноватый ребенок быстро поглотил все, что ему предложили и моментально уснул.

Врач накрыл его одеялом, выключил свет и уснул возле него на кресле, все же понимая, что ничего хорошего не жило в отчаянном разуме этого ребенка.

Будильник хирурга еще не зазвенел, а кто-то уже уверенно звонил в дверь. Максимус открыл глаза, на этот раз куда легче и взглянул на часы. 4:42. Сладко зевнув, он встал и направился к двери.

— Кто?

— Вересов. Это очень важно!

— Сейчас, — отозвался врач, зевая.

Он сделал пару шагов назад и взглянул на проснувшегося Сэта, по белому, как снег лицу которого было все понятно. В глазах мальчика отражалось все: и страх, и боль, и отчаянье — но как бы Максимус его не понимал, выбора у него не было — он должен был открыть.

Щелкнул замок. Дверь медленно приоткрылась. На пороге стоял бледный, взволнованный Илья.

— Максимус, извини, что я так поздно... вернее рано... не важно! — Илья резко и нервно выдохнул. — Ты Сэта не видел?!

Максимус совсем не знал, что ему делать и опустил глаза, протяжно шепнул:

— Нууу-ууу...

Илья все понял, по этим нерешительным глазам.

— Он здесь?! Он у тебя?!?! — истерично спрашивал он, буквально тряся врача за плечи. — Ответь!

Но растерянный молодой человек, лишь смотрел ему в глаза, совсем уже не понимая обоих Вересовых и их взаимоотношения. Он мог лишь смотреть крайне молящими глазами.

Вересов не удержался. Он отшвырнул хирурга и ворвался в квартиру.

Сэт сидел на прежнем месте, обнимая колени с ужасом глядя на учителя, боясь дышать и прятаться в одеяло.

Илья долго стоял на месте, глядя на него, а после, подскочив, упал на колени и прижал мальчишку к своей груди.

— Прости меня, — только и смог прошептать Вересов.

Сэт молчал, но крупные слезы, заменяя слова, срывались с незрячих глаз.

— Я думал, что с ума сойду, — шептал Вересов. — Я ни о чем не думал, злясь. Я хочу, что бы ты вернулся, пожалуйста.

Сэт ничего не мог сказать от слез, но обнял наставника, прощая ему все, за то, что он мог простить ему ту глупую выходку...

— Но, это другое, — шепнул Сэт. — Наташа не просто разочаровалась и злиться. Я предал ее. Я может и хотел бы ей все объяснить, но не могу... не могу я раскрывать душу в пустоту!

— Сэт, все это нелепо, пока вы любите друг друга!

— Нет, это я люблю ее! А она...

— С чего ты взял, что перестала тебя любить? — буквально взмолился Максимус.

— Пожалуйста, — простонал Сэт, — хватит, прошу. Я не могу об этом говорить. Я просто устал, запутался и злюсь!

— Хорошо, — сдался Максимус и занялся своей работой. — Я просто хочу, что бы ты знал, что я рядом и помогу, если...

— Знаю! Я знаю, что ты всегда готов мне помочь, но ты никак мне не поможешь. Я стабилен, спокоен и... Да, я расстроен, подавлен, мне плохо, мерзко и противно. Я призираю себя, ненавижу за то что поддался, за то, что не смог предугадать такое развитие событий. Я чувствую себя ничтожным и жалким, ведь я мог ей сразу все рассказать, но... Признаться, что меня просто использовали, накачав наркотой!? — он посмотрел на друга, не скрывая ни отчаянья ни боли. — Я боялся ее потерять. Я боялся за нее бороться. Я боялся ее любить, но когда она приняла мою любовь, я обложался и потерял ее... И теперь ни ты, ни кто-либо другое, не сможете мне помочь, забыть, что сам все уничтожил!

Максимус ничего не сказал, тяжело вздыхая.

— Я жалок, — простонал Сэт. — Теперь я просто жалок...

— Прости... Я не должен был начинать этот разговор...

— Это ничего не меняет, — прошептал человек, отводя взгляд.

Сэт вышел из клиники и замер. На стоянке у его машины образовалась целая толпа. Он стоял на лестницу, долго глядя на этих людей. Заинтересованный взгляд молодого человека, сменился отрешенным, а затем стал пустым и стеклянным.

Сознание его будто рассеяло всех этих случайных зрителей, оставляя только самое важное, вернее, то, что он хотел видеть: его машину...

Разбитое лобовое стекло, чуть помятый корпус, будто его измяли, избили, покорежили битой. Не то что бы больно, но все же обидно, смотреть на свой автомобиль в таком виде. Иметь в его возрасте свою машину... такое может себе позволить далеко не каждый и это стоило ему не малых сил и трудов. Да, не относился он к ней как к особо ценному и крайне важному, но... все же обидно понимать, что кто-то превратил ее в настоящий хлам, да еще и украсили гордой надписью: предатель — прямо на покореженном капоте.

Совсем отчаялся...

И вспышка камеры так внезапно ударила в глаза, что он очнулся. Да, эти стервятники журналисты были уже здесь.

— Как вы можете прокомментировать данную ситуацию?

— Вы знаете, кто это мог сделать?

— Это связано с вашим разрывом с Натальей Шпилевой?

Он посмотрел на журналиста, произнесшего его имя со злобным взглядом и все невольно умолкли, боясь этих злобный стеклянных глаз, что могли прятать неведомую силу.

Говорить он не хотел, даже в мыслях не отвечая на эти вопросы, поэтому пройдя мимо этой толпы, как надоевших уже представителей СМИ, и шел он так уверенно и хладнокровно, что толпа была вынуждена его пропустить, заглушив свое любопытство.

Он дошел до дороги и сел в первое попавшееся такси. Закрыв дверь, закрыл глаза и тяжело вздохнул, будто обреченно.

— Куда? — спросил молодой человек за рулем, старательно держа свое любопытство при себе, но все равно крайне нагло косясь на клиента.

— Башня Мрака, — коротко ответил Сэт, прислоняясь виском к стеклу.

Холод стекла и темная поверхность, скрывающая его от всего мира на заднем сидении этой машины, все же это было не так уж и плохо.

Машина аккуратно сдвинулась с места, покидая обочину и входя в активный бег улицы.

— Подъем в верхний город по двойному тарифу, — сообщил водитель, поглядывая в зеркало на собеседника.

— Если быстро отвезешь, получишь больше двойного тарифа, отрешенно прошептал Сэт, медленно прикрывая глаза.

Он будто ходил по кругу в своих эмоциях. От отчаянья к надежде и обратно. И делал он это снова и снова, раз за разом старательно выискивая надежду, а затем теряя ее призрачную иллюзию и попадая в изначальную безысходность.

Теперь же надежда е предвиделась, скорее, напротив, ожидалось добавление проблем.

Тихо. Хорошо, что этот таксист предпочитал тишину, иначе он бы уже вышел из себя. Немного болела голова, видимо от гнева. Он даже не думал, кто мог ему так мстить, постукивая пальцем по гипсу. Ему даже нравился этот глухой звук, чем то он напоминал его собственную жизнь, такую же глухую, упрямую, бессмысленную.

О чем это он вообще?

А вот и верхний город со всеми его заумными вычурными строениями. Гадское место, но выбора не было. Ехать было просто необходимо!

Впрочем, он уже в пути...

Приехал, рассчитался, хлопнул дверью, не сдерживая гнева, и пошел к советнику, не зная еще, что придется выслушивать и о работе ли пойдет речь, а ведь еще стоило забрать разбитую машину...

Вандервил Сэйвс, как всегда, был странным, но в этот раз не говорил двусмысленных речей, а открыть передал Дьяволу письмо, а Сэта просто одарил работой по переводу и с равнодушным видом выпроводил за дверь.

Работа? Значит работа... все же лучше, чем безделье.

Уже стемнело, а он не мог заставить себя встать с кровати и включить свет, только пальцы автоматически стучали по клавишам. Экран отражался в очках, а загипсованная кисть, почти не двигалась, изредка лишь нажимая некоторые клавиши.

— Сэт есть разговор!

Илья резко включил свет, зайдя в комнату ученика.

Только ни на голос ни на свет мальчишка не среагировал, продолжая стучать по клавишам.

Вересов вздохнул и подойдя к воспитаннику, выдернул у того из шеи столь отвлекающий кабель.

Сэт замер, осознавая произошедшее, а затем обернулся.

— Отвлекись!

Сэт кивнул растерянно.

— Тут есть кое, что интересное...

Илья сел на край кровати и показал письмо, что передал советник короля.

— Иденбург болен, так что мне просто необходимо поднять свой авторитет, что бы стать безоговорочным королем.

Сэт просмотрел справки, записи и еще целая кипа бумаг, что прилагалась к письму.

— Максимус ничего не сказал...

— Сэт! Максимус — врач, а не политик. Он не оценивает статус в обществе, когда лечит своих пациентов. Он же не говорит Иденбургу о твоих болезнях, а он, будь уверен, интересовался.

— Но ведь он мой друг...

— А ты политик?

Сэт молчал.

— Он никогда не хотел в это вмешиваться, не задумывался над этим. Он просто лечил, к тому же здесь не его подпись, а врача его клиники.

Сэт кивнул.

— Допустим...

— У меня есть план...

Илья довольно улыбнулся.

— Излагайте...

— Нет, нет. Не здесь. Идем! Обсудим это все вместе!

Илья встал, все так же сияя.

— Все?

— Да! Идем!

Сэт кивнул, устало вздохнул и пошел за наставником.

Володя расхаживал по комнате, нервно ломая пальцы.

— Да, сядь ты уже! — не выдержал Саша, сидящий на диване. — Хватит уже дергаться!

— Но он ничего не сказал! Ни отреагировал. Уже неделя прошла с тех пор, как я разбил ему машину, а он, говорят, даже заявление не написал!

— Так радуйся же! Теперь тебе точно ничего не грозит.

— Но...

— Ты вообще думал, когда бил его машину?!

Он стал суровым и уверенным внешне, продолжая сохранять спокойствие.

— Ты хоть понимаешь, что это уголовное дело и разбиралось бы оно по законам черных магов? Ты это понимаешь?

— Он опять меня пожалел, — прошептал Володя, сжимая кулак и совершенно не слушая Шпилева.

Саша с саркастическим интересом посмотрел на него, но промолчал.

— Унизительно.

По телу молодого мага прошла дрожь.

— Я как блоха, скачу вокруг него, все пытаюсь что-то сделать, а он лишь смотрит на меня сверху с всем своим призрением и жалостью...

Володя чуть ли не зарычал от злости.

— Он же не может быть лучше меня! Не может! Он же...

У Саши зазвенел, телефон, радуя владельца не надобностью вникать в размышления Ильина, что почтительно умолк на полуслове.

— Извини.

Шпилев вытащил телефон из кармана и задумчиво хмыкнул. Увидев надпись «Сэт».

— Сэт?! — вскрикнул Ильин, увидев вскользь монитор телефона. — Ты с ним все еще общаешься?! Да, ты...!

Саша остановил его уверенным властным жестом и спокойно без малейших эмоций ответил:

— Да.

— Саш, буду краток. У меня есть кое-что для тебя, как для офицера. Мы могли бы встретиться без личных интересов.

— Где и когда?

— Чем раньше, тем лучше.

— Официально?

— Думаю, да.

— Сможешь приехать к шести вечера в мой кабинет?

— Да, — донеслось из трубки после небольшой паузы.

— Хорошо, буду тебя ждать только... сможешь сообщить уровень важности?

— Да, максимальный. Это дело войны и мира между черными и белыми магами.

— Ясно, жду.

Не дожидаясь ответа, он завершил разговор и посмотрел на Володю.

— Напомни мне о чем мы тут...

— Ты так спокойно разговариваешь с этим предателем. Да, как ты можешь?!

— Спокойно. Он сказал, что у него для меня есть что-то в рамках моей службы.

Пыл Володи осел.

— Именно поэтому я и собираюсь с ним встретиться.

Володя просто опустил голову и прошептал:

— Пойду я, надо еще заглянуть к Наташе...

— Давай я тебя подброшу, — спокойно предложил Саша, собираясь. — Мне по пути, да и хочу просмотреть данный за последний месяц, до встречи. Что бы ориентироваться в ситуации.

Володя кивнул, не желая задумываться над тем, что происходило.

Сэт положил трубку, посидел задумчиво на месте, со вздохом, встал и покинул свою комнату.

Постучал гипсом по двери учительского кабинета.

В ответ долгая тишина и лишь через несколько мгновений послышались небрежные шаги и дверь открылась. Все было в молчании, и хмурый Илья, явно не очень хотел говорить, все еще злясь на ученика и его упрямство, но Сэт спокойно зашел в кабинет.

— Илья Николаевич...

— Что!?

Вересов со злостью ударил кулаком по столу и с вызовом посмотрел на мальчишку.

— Не смей меня учить!

— Да я не... просто поймите...

Он сделал шаг к Вересову.

— Не хочу ничего понимать! — крикнул Илья. — Ты просто или со мной двадцать второго или нет! Все! Не устраивай мне тут проблем. Считаешь, что я не прав, тогда не помогай мне!

Сэт вздохнул и обреченно посмотрел в пол.

— Я с вами, — прошептал он.

Илья прищурился, глядя на это создание, и спросил:

— Ты со мной по прежнему не согласен, но останешься со мной? Почему?

Сэт поднял глаза и уверенно ответил, сожалея, что они с Вересовым отделились друг от друга и уже никак не могла друг друга понять:

— Я не хочу бросать вас в столь важный момент. Уж если это и приведет к беде, так лучше, что бы я был рядом, я так хочу.

Илья кивнул.

— Поверь мне, беды не будет.

Он даже улыбнулся и ученик ответил тем же, но это едва ли что-то меняло. Они стали чужими, и доверие исчезло. Теперь что бы они оба не думали, сора оставила неизгладимый след в их общении, а ведь когда-то между ними было сложно породить, лишь короткую вспышку гнева со стороны Вересова, а это...

Все менялось...

20

Максимус Илиор Фин

Нет ценности в человеческих словах, ценна лишь человеческая жизнь. Пока ты можешь спасти человеку жизнь, ты всевластен.

Шамирам Вайкрос

Я один из Финов, сильнейшего рода черных магов. Мы, Фины, испокон веком были противовесом Вересовых, но я был обречен судьбой еще до своего рождения. Я отличался от всех своих братьев и сестер силой, что еще во чреве матери давала о себе знать. Я должен был стать сильнейшим магом в истории своего рода, другими словами я должен был стать сильнейшим из сильнейших. Я мог быть почти всемогущим, но моя родная мать распорядилась иначе. Я до сих пор не знаю, что руководило ей, когда она подавляла мою силу? Боялась ли она той мощи, что раздирала меня изнутри? Хотела защитить? Не хотела кому-нибудь навредить? Любила она меня или ненавидела? Я не знаю и спросить мне не у кого. Все очень просто. Мою судьбу решили за меня: моя мать умерла от передозировки различными препаратами, подавляющими рики, магические частицы в крови черных магов. Меня спасли, буквально чудом. Я выжил, несмотря на сильную недоношенность. Я выжил! Сам не знаю почему и зачем, но я выжил. Меня спас очень хороший гениальный врач Шамирам Вайкрос, но тогда я не испытывал к нему ничего, ведь я был всего лишь младенцем чуть не убитым собственной матерью.

Мой отец очень радовался тому, что я жив, но было то, что было хуже какой-нибудь смерти. Я больше не был магом! От мага у меня осталось лишь тело. Я был просто ребенком. Мой отец был счастлив, что я жив, но что я мог? Он глава великого рода, а его сын просто бездарность, пусть даже не по его собственной вине. Я был просто обузой с самого начала. Меня опекали, окружали любовью и заботой. С меня сдували все пылинки. Я был бы счастлив, если бы отец не смотрел на меня с сожалением, а братья не завидовали, ведь они постоянно были заняты, а я мог делать все, что захочу. Я был один...

В конце концов я все узнал, про мать, про силу и про Шамирама. Это же очевидно, что ни одну правду нельзя скрывать вечно. Мне было 5 лет, а я жалел, что родился, жалел, что лишил своих братьев матери, жалел, что выжил и ненавидел Шамирама, что спас мне жизнь. Я ненавидел его так сильно, как не смог ненавидеть потом никого и никогда. Мне казалось, что это он во всем виноват. Я не мог обвинять мать, ведь ее не было среди живых. Я не мог говорить, что она плохая и чем-то меня не устраивает. Я не мог так говорить, ведь ее все любили и вспоминали с нежностью, а я...

Сам не знаю, что хотел доказать превращая наш дом в хаос. Я превратился настающую бестию. Я переворачивал дом верх тормашками, я срывал отцу встречи, мешал братьям учить, будто хотел, что бы они меня ненавидели раз уж им не под силу меня полюбить. Будто мне было не важно, кто я для них, только бы они помнили меня, хоть как-нибудь или мне просто хотелось соответствовать тем взглядом, что на меня бросали окружающие. Может мне хотелось быть бестией, что бы соответствовать мнению окружающих, мнению моих братьев и возможно мнению моего отца. Я не знаю, чего я хотел, но я точно помню, что мне было дико больно, одиноко и страшно. Я хотел бежать прочь. Я хотел значить хоть

что-то. Я просто плакал и все... я плакал и отравлял окружающим жизнь.

Я был избалованным ребенком и поведение мое переходило все больше и больше границ. Я уходил все дальше и дальше, но так не могло продолжаться вечно. Мой отец стал искать решение. Наказывать и воспитывать он меня не стал, предчувствуя, что это ничего не изменит. Он был умен, хотя нет и сейчас умен. Мой отец, наверно, понимал меня и знал, что меня может спасти только дело, занятие, какая-то профессия, учеба, все что угодно, только бы уменьшить мою свободу и заменить ее целью, но что я мог? В мире магов не магу нет места и это было очевидно. Он просто не знал, что со мной делать все требовало хоть какой-то магической способности, все! Ну а о творчестве мой отец не думал, ведь для нашей семьи имидж безумно важен. Фин не может заниматься чем-то глупым!!! Но я не мог заниматься чем-нибудь серьезным.

Я помню, как подслушивал отцовские разговоры. Он днями сидел на телефоне обзванивая разных магов. Пытаясь найти мне учителя, пытаюсь пристроить меня хоть куда-нибудь. Меня это смешило, но в то же время я начинал стихать, чувствуя, что и сам хочу делать хоть что-то.

Я больше не отравлял жизнь своей родне, но по-прежнему воздвигал стену между ними и собой. Моя проблема не решалась, пока однажды отец не стал обсуждать этот вопрос с Шамиром. Этот врач был другом моему отцу и часто бывал в нашем доме, но я всегда избегал его, а тут я прислушался, уловив, что они говорят обо мне.

— Я уже все перепробовал, но это просто бесполезно, нельзя же оставлять его так без какого-нибудь дела? — говорил мой отец.

— Тогда может переступить через правила и дать ему простое занятие. Может у него есть склонность к творчеству или...

— Это исключено!

— Имидж?

— Да пусть катиться в Вагх этот имидж! — воскликнул мой отец. — Ты можешь себе представить его реакцию. Его братья войдут в совет, а он... будет что-то мазюкать? Боюсь это его просто добьет.

Эти слова меня поразили. Последнее время я все чаще думал, что отец хочет всего лишь избываться от меня, но он действительно беспокоился, а значит... он меня любил? От этой мысли я озадачился, не зная, как действовать дальше и что думать.

— Знаешь, а кое-кого ты упустил, — прошептал Шамиром, судя по голосу, улыбаясь.

— Упустил?! Ты о чем?

— Когда ты искал ему учителя, ты кое-кого упустил.

— И кого же? — недоумевал отец.

— Меня, — объявил Шамиром.

Тут повисло молчание, от которого у меня все сжалось. Я был готов на все, что угодно, но только не на это. Я ненавидел Шамирама. Я призывал его. Я не хотел его даже видеть, а учиться у него!?! Боги!!!! Нет! Я этого просто не вынесу!!! Все же я в детстве был очень глуп и импульсивен, раз думал о врачебной деятельности, как о преступлении. Хотя все, что было для меня от Шамирама — это мая жизнь, которая меня во всем не устраивала, наверно именно по этому, все в голове и сходило с ума.

— Боги, а ты прав, — прошептал мой отец. — Это же лучший из вариантов, ведь врач может быть и не магом! Но быть хорошим врачом это... как я мог о тебе забыть!

— Так всегда, все, что слишком близко, оказывается слишком незаметно.

— Шамирам, скажи, ты согласишься его учить?

— Да, но при некоторых условиях.

— Каких?

Я прижался к двери, боясь дышать и упустить хоть слово.

— Во-первых, — начал врач, — он будет жить у меня, а во-вторых, он будет полностью принадлежать мне!

Я вздрогнул, понимая, что если отец согласится то врач, которого я ненавижу, будет единственным человеком, ответственным за мою судьбу и тогда... никто меня от него не спасет! Я бы убежал прочь, если бы только меня не парализовал ужас от того, что я себе представил.

— Но зачем второе? — растерянно спросил мой отец.

— Ну, знаешь, — весело буркнул Шамирам. — Твой сын нуждается не только в обучении, но и воспитании, которым ты пренебрег, а так мне будет удобней. Твоя подпись полностью развяжет мне руки.

Мое сердце сжалось, будто меня отдавали маньяку!

Отец рассмеялся.

— Если бы я тебя не знал столько лет, то после этих слов не подпустил бы его к тебе и на километр.

— Ты же знаешь мои взгляды. Идеология должна быть одна! А твоя идеология идеальна для мага и губительна для врача, не хочу, что бы мальчик разрывался.

— Понимаю, тогда если ты не против, подпишем все бумаги прямо сейчас.

— Конечно.

Я слышал, как они пошли наверх в кабинет. Моя судьба была решена!

Мне едва исполнилось шесть, а меня просто отдавали другому человеку!

Я побежал к себе и, рухнув на кровать, рыдал. Я не чувствовал времени, поэтому не знал, как долго убивался, прежде чем в мою комнату зашел отец.

— Макс, я хотел...

— Я все знаю! — заявил я, вскочив на ноги.

— Ты подслушивал?

— Да! — дерзко отвечал я, глядя в окно.

— Макс, сынок, я...

Голос отца стих. Я услышал лишь шаги. Шаги не моего отца!

— Тогда собирай вещи, — сказал спокойно Шамирам. — Я заберу тебя сегодня, а то завтра у меня слишком много дел.

Я обернулся и дерзко посмотрел в глаза нового «хозяина».

— Не поеду я никуда!

Шамирам не сказал ни слова, а просто хлестанул меня рукой по щеке. Я вздрогнул. Меня в первый раз в жизни ударили. Тогда я даже не понимал, что эта пощечина была чисто символической и то ощущение, оставшееся на щеке, нельзя назвать болью.

Отец молча стоял у стены, даже не думая вмешиваться.

Меня это добивало!

Я смотрел в глаза Шамираму, всем своим видом выражая ненависть.

— Собирайся, у меня нет времени возиться, — сказал врач. — Если через час ты не спустишься с вещами вниз, я заберу тебя силой и без вещей! — бросил он и просто вышел.

Отец долго смотрел на меня.

— Сынок, — начал он, но я не хотел его слушать.

— Уходи! — крикнул я, чувствуя, что еще миг, и я снова разревусь.

Все было решено!

В эту ночь я оказался у Шамирама. Я все же собрал кое-какие вещи, но разбирать их не стал, а просто рухнул спать в своей новой комнате. Самое удивительное, что уснул я в ту ночь почти мгновенно, невзирая на все перемены и переживания. Если честно я был уверен, что выспаться мне не дадут, но проснулся лишь от того, что солнце светило мне в глаза. Это меня напугало, и я резко вскочил на ноги, боясь подумать, где нахожусь, но ничего страшного не случилось. Я был в простой комнате, которая теперь была моей, и стоял возле кровати, на которой мирно проспал всю ночь. Это меня удивило, почему-то такого варианта я не ожидал. На столе я обнаружил ключи от квартиры и записку. «У меня дела. Я в клинике буду весь день. Еда в холодильнике, только разогрей. Ну, и привыкай там к новому месту. Оставил тебе ключи, но не советую куда-нибудь уходить, ты ведь совсем не знаешь этот район. К ужину меня не жди.» — говорилось в записке. Я фыркнул и поплелся на кухню.

Я знал, что он всегда жил один и был уверен, что его дом, пропитан неким духом одинокого хаоса, но нет весь дом был в порядке, будто в нем, как и в отцовском царила женская рука, но в то же время ни намек на слуг в доме я не заметил. Даже на кухне явно никого не было со вчерашнего дня. Был ли я голоден тогда? Не особо, но мне было очень любопытно. В холодильнике я не ожидал найти ничего особенного, однако я опять таки ошибался, толи ему готовили, толи он сам отлично готовил, тогда я и не знал, что отменное питание было частью его образа жизни. По правде говоря, когда я заглянул в холодильник аппетит у меня появился, причем очень даже заметный, но признаваться себе в этом я так быстро не хотел, пытаюсь еще поспорить немного с самим собой, как будто было недостойным слушаться его даже в простой потребности в пищи, ну что уж взять, хоть я и был обделенным, но избалованным родней ребенком, меня же все любили и жалели, а значит позволяли многое, может и оттуда вся моя нелепая глупость граничащая с капризностью.

Я даже ушел из кухни и стал бродить по дому в поисках чего-нибудь интересного, но чем больше я бродил, тем сильнее усиливался голод и некая странная тоска. Я шел на кухню старательно пытаюсь убедиться что там никого нет и меня там никто не поймает, будто это некое преступление, но видеть я и правда никого не хотел и тем более не хотел что бы меня кто-нибудь видел, будто тогда меня можно будет улучшить в поражении, но я только убеждался в том, что дом пуст.

Мой путь на кухню напоминал путь преступника, но стоило мне закрыть дверь, а расслабился, будто все было позади. Все в моей голове и моих эмоциях имело форму забавной игры капризного ребенка.

И тогда я почувствовал себя хозяином этого места в отсутствие своего учителя. Я облазил каждый уголок. Я потрогал каждую скляночку во множественных кабинетах и лабораториях Шамирама, благо мне тогда хватило ума ничего с ними не делать, иначе возможно тогда бы моя история и закончилась, так по-настоящему и не начавшись.

До поздней ночи я просто бездельничал, прыгая по диванам, катаясь на перилах лестницы, носился по дому, как дикий захватчик, играя в войну с самим собой, постепенно выматывая свои силы. Я тогда даже не помнил, как уснул в холе на диване, но на следующий день проснулся в кровати в своей комнате и далеко не сам, а от грозного голоса своего нового учителя:

— Просыпайся.

И от этого голоса вчерашняя свобода и игривая радость рассыпались на части. Я почти вскочил на ноги от гнева и страха одновременно, стараясь скрыть за первым второе, но видимо плохо получалось, ибо меня трясло, невзирая на оскал.

Маг посмотрел на меня оценивающе и рассмеялся, причем смех его был веселым и живым, какого от него я прежде не слышал.

— Приведи себя в порядок и спускайся к завтраку и советую не медлить, — сказал он успокоившись и оставил меня.

С этих слов моя жизнь для меня превратилась в ад. Каждый мой день, каждый мой шаг, каждый мой вздох был расписан без меня. У меня не спрашивали чего и когда я хочу, я должен был все делать по расписанию, спать, есть и учить, причем в основном учить. Вся моя комната тогда была заполнена книгами, которые я не читал. Пару раз я, правда, пытался начать, но внутреннее отвращение и полное отсутствие желания брали верх, благо никто не сидел надо мной стражем, у Шамирама просто не было на подобное времени.

Я так и ждал, что в один прекрасный день он избьет меня до полусмерти, но он меня не трогал, просто запирали, узнав, что я ничего не делал. Я был узником, и выходом из этого заточения была учеба, но я не учился.

Порой от скуки, а делать в этом заточении мне было совершенно нечего и я сходя с ума часто ревел, но когда и реветь я уже не мог, я листал эти книги и меня часто выворачивало от того, что я видел.

Все это казалось мне верхом жестокости. Эти стены начинали сводить меня с ума. Прошло всего пара месяцев, а мне казалось, что целая вечность. Мой разум казалось медленно покидал меня. Я уже не плакал, не жалел себя, но все чаще смеялся, глядя как на улице бегают людишки. Все в моем сознании медленно переворачивалось. Порой я думал, что я правлю этими людишками, что я здесь бог, а потом я осознавал, что это я просто брежу, потому что ничего не делаю, однако даже так учить я не мог, когда я попытался однажды, то только порвал одну из книг в порыве гнева. Даже так я не мог покориться, совсем мне не хотелось это читать, не говоря уже о том, что бы это учить. Однажды мне, правда, удалось прочесть немного, но мысли мои были далеки от того, чем должны были быть заняты, и в голове, как итог, осталась прежняя пустота.

Однако отчаянье медленно брало верх над гордостью, и я все же взмолился, но не о свободе, а о каком-нибудь другом задании.

Шамирам не стал мне ни потакать ни отказывать, лишь сказал, что подумает и его холод странно остудил зарождающееся безумие в моей голове. Тогда оставшись один, я долго сидел на месте, думая о своей никчемности и полной пустоте своего существования. Меня будто окатило холодной водой от его спокойствия.

Тогда я впервые всерьез задумался о своей судьбе, своем поведении и своей жизни. Я смотрел на книги, где среди стопок, лежали обрывки одной из них, и вдруг меня охватила вина. Я не винил себя за дурное поведение, за глупости, я просто думал, что эта книга совсем ни в чем не виновата, и я не имел ни малейшего права с ней так поступать. Если бы не это чувство вины, то я бы наверно никогда вновь не прикоснулся к ее листам, но так... Я хотел лишь собрать ее вновь, хоть частично восстановить страницы, но что бы сделать это, мне надо было вникать, и как-то незаметно я стал читать эту книгу. Она рассказывала мне о мыслях об эмоциях о том, как это все рождается, по каким законам живет. Мне тогда все это казалось не наукой, а сказочной историей, невероятным чудом к которому мне удалось

прикоснуться. Я поглощал знания, что передо мной появлялись с жадностью, будто это объясняло все, что творилось сейчас со мной, впрочем, так оно и было, многое в тот вечер стало мне понятней, одновременно с этим пришло и другое — понимание того, что все то, чему меня собирались учить не так уж и бессмысленно, но задумываться над этим я все же не хотел, ибо тогда я должен был признать свое поражение, а этого мне было все же мало что бы сдаться.

В ту ночь, я не заметил, как уснул, будто сон пришел случайно по какой-то неосторожности. Будто его и не должно было быть и я просто уснул случайно, а затем так же случайно проснулся на рассвете. Наверно тогда я только начал наконец взрослеть, сдвигаясь дальше капризного избалованного мальчишки, переполненного бессмысленным упрямством.

Однако при пробуждении голова моя была тяжелой не от мыслей, а от банального плохого сна и стресса, от этого мне даже казалось, что эта ночь и это просветление мне лишь померещились или того хуже приснились, а значит пути к нему нет и вовсе.

Но тогда все же начались перемены ибо мой учитель все же сжалился и взял меня в тот день с собой в клинику. Поначалу я даже жалел, все чем эта поездка заполнилась изначально — это головная боль, суровый взгляд Шамирама и много-много непонятных слов. Я чувствовал себя пришельцем, чужаком и хотел только спать, однако боль постепенно проходила и все эти слова перестали резать слух, хоть я их и не понимал.

В тот день я таскался за Шамирамом, банально разглядывая все и вся, и оказалось мне есть, на что посмотреть и я смотрел, активно и весело с интересом, вникал, всматривался и уже под вечер увидел ее. Тогда ей было 7 лет 4 месяца и 12 дней. Теперь я знаю о ней все! Даже помню наизусть ее ДНКа, но зачем вам все это? Да, и я тогда всего этого не знал и не понимал, я просто смотрел на девочку светловолосую с яркими зелеными глазами и синеватой кожей, особенно губы ее отдавали синевой. Она казалось совсем изнеможенной, но почему-то стояла, вцепившись руками в ручку открытой двери, как призрак, уцепившийся за жизнь. Что-то внутри меня перевернулось, будто я раньше и не знал, что мы все болеем и умираем, будто я только сейчас увидел смерть в этой девочке, в этой бледной изнеможенной девочке в длинной больничной сорочке, но этот ребенок, от которого я возрастом не сильно отличался смотрел на меня, наверно она просто была рада увидеть ребенка или быть может она завидовала мне здоровому, живому. Я не знаю... Я знаю о ней все, но не знаю банальных вещей ибо так ни разу и не поговорил с ней. Она была глуха и нема... она была здесь почти с самого рождения и теперь она умирала, просто умирала. Я конечно могу рассказать почему и что с ней было не так, могу поведать как она держалась эти годы, но... зачем это все нужно? Это вам не важно, да и унесет меня это совсем не туда.

Тогда для меня эта девочка была просто пациентка учителя, просто Вергита, просто умирающая девочка, которой я ничем не мог помочь.

Я спрашивал о ней у всех. Я стал пытаться понять ее болезнь, не зная об этом ровным счетом ничего. Я старался из-за всех сил, возможно я был влюблен... ну... все же сейчас я думаю, что все же был, просто ничего подобного о том на меня не находило.

Она улыбалась мне, когда я приходил к ней и смеялась, когда я пытался что-то объяснить ей какими-то жестами и движениями, образами. Она просто смеялась, наверно я напоминал ей клоуна и она совсем меня не понимала.

Я стал читать книги и ходить в клинику, только что бы увидеть Вергиту. Я менялся на глазах, просто потому, что пытался понять, почему никто не может ей помочь, но в один прекрасный день... она умерла.

День был действительно прекрасный. Светило солнце, прямо в ее палату и играло на стекле бликами, немного слепя, было тепло. Ей было почти восемь. Я сидел с ней рядом и молчал. Я читал, а ей почему-то нравилось, когда я тихо читаю и она улыбалась, этого я все же не понимаю, ведь я не обращал на нее внимания, я был занят книгой, но она оставалась счастливой. Ее рука лежала на моей руке, я поглядывал на нее, она все улыбалась, потом тихонько зарыла глаза, такая светлая и счастливая... когда я понял, что ее рука совсем холодная было слишком поздно.

Все что было тогда. Ее улыбка. Ее тонкие белые пальцы. Ее белые больничные сорочки. Синие губы в улыбке. Ее невероятно яркие зеленые глаза. Ее улыбку после смерти. Я помню все, до последней детали. Я помню, как ее увозили в морг. Я помню, как накрывали простыней. Я помню, как стоял не в силах шевелиться и смотрел, смотрел без слез, просто наблюдал, будто не понимая, что она меня оставила.

Я помню, как Шамирам уводил меня из палаты. Помню, как вез домой, помню как не спал всю ночь, и помню, как я заявил на следующее утро, что не поеду никуда.

И все изменилось. Мой учитель со всей силы ударил меня по щеке и заявил:

— Ты знаешь сколько таких Вергит в городе? Ты хоть представляешь скольким мы еще не способны помочь?! Но куда больше тех, кого мы можем спасти! И после всего этого ты заявляешь мне, что ничего не хочешь?! Значит, я ошибся в тебе!

Он хлопнул дверью и уехал без меня. Тогда он был впервые зол, впервые эмоционален и впервые я его понимал по-настоящему. Только тогда я заплакал. Сел на пол и долго-долго рыдал в голос, прощаясь с ней. Когда закончились слезы и сорвал голос я сейчас не помню и вряд ли заметил это тогда, просто в какой-то момент я просто лежал на полу, раскинув руки и едва дышал. Я закрывал глаза и долго всматривался во тьму собственных век, потом открывал их, но почти ничего не видел из реальности, но был еще день и в голове моей среди пустоты рождались мысли. Мысли о знаниях, что у меня уже были, мысли о тех, кто был еще в клинике, мысли о тех, кто ее покинул, за то время что я в ней бывал, мысли об улыбках больных и исцелённых. Мысли о том, что я что-то могу, ведь она улыбалась умирая!

Я не помню, как у меня хватило сил, совершенно не помню, все дальнейшее было как в тумане, но я дошел до клиники уже к вечеру. Было еще не темно, но темнота должна было скоро прейти. Я стоял у дверей клиники и не мог зайти, долго не мог, потому что впереди была лестница, а у меня отчаянно кружилась голова, а потом сил стало чуть больше, но я вновь ощутил боль в левой скуле, что осталась после удара, будто напоминание. От этого решимости прибавилось. Я был уже ни тот избалованный глупый мальчишка, с ним что-то случилось и он умер, а я остался на его месте, будто нас с ним разделяла прожитая маленькая жизнь и если этот так, то это жизнь светловолосой Вергиты.

В тот день я наконец покорился, покорился воле отца и своему учителю. Я решил в тот вечер в его кабинет и приклонив колени просил научить меня спасать жизни.

Только после этого моя учеба по-настоящему началась. Я был с ним всюду, разве что на операции он меня не брал, я вникал во все. Затем он стал позволять мне наблюдать за операциями, затем я начал ему ассистировать, хотя мне было 10 лет, а в 11 я сделал свою первую операцию. На третьей операции ошибся, но учитель исправил мою ошибку, но одарил меня шрамом, что о сей день красуется на моем лице, как напоминание, о котором я не забуду никогда.

Когда учителя не стало, я был еще мал, но осмелился продолжить его дело и у меня получилось, но все же... пусть он и мой учитель с точки зрения закона, пусть он научил

меня моему ремеслу, пусть он сделал меня своим продолжением — я никогда этого не забуду — но моим учителем жизни стала маленькая девочка с зелеными глазами и синими губами, девочка по имени Вергита.

21

«Я убью его»

Мысль о смерти вероломна: захваченные ею, мы забываем жить.

Люк де Вовенарг

Сэт не мог найти себе место, расхаживая по комнате. Было слишком рано ехать на встречу со Шпилевым и слишком поздно садиться за работу... Впрочем, и сосредоточиться он нормально не мог, да и вообще думать о каких-то не важных лично ему текстах было совершенно невыносимо.

Он теребил гипс, садился на кровать, вновь ходил, перекладывал с места на место... Он даже взял телефон и хотел было отменить встречу, но... не хватило сил набрать номер.

Он отчаянно отложил в сторону телефон и запустил глубоко в волосы пальцы.

Всегда когда решение делалось с трудом, был нужен совет... но с кем ему советоваться? Единственный, кто мог бы дать подобный совет, был именно тем, кого он собирался предать...

Предательство ли это? Да, в любом случае, да... но мог ли он отказаться от этой идеи и оставить все, как есть? После всего, что знал и видел, после всего, через что прошел... Нет! Это было выше его воли и выше его сил... Одна мысль о том, что черные маги начнут атаковать ослабленных белых... Ему становилось дурно от одной лишь мысли. Как он мог позволить этому случиться? Как он мог просто молчать, если есть возможность это все предотвратить?

Черные маги не нападут? Такого не бывает... Был бы правителем Вересов... Но даже так ему им не стать одновременно, а Иденбург не станет сдерживать эту почти инстинктивную ненависть к крови белых магов и их силе...

Да, по сути Илья Николаевич получит так деланную поддержку в кругах самых влиятельных черных магов, но... какой ценой? Такую цену и сам Вересов, наверняка, не хочет платить...

Он думает, что сможет удержать... наивно... Даже поражало, что маг может быть так наивен.

Все произойдет мгновенно, как происходило сотни раз прежде, просто и спонтанно, без объявления войны, без собраний и приказов. Все как всегда начнется с личных да групповых стычек, масштабных по последствиям.

Только этого хватит, что бы разрушить не малую часть города, а количество жертв...

За первых же день после такой провокации жертв будет, как после целой войны...

Да, и собрание... Пока соберется... еще неизвестно, кого послушают... Да и возможно ли будет остановить лавину, что успеет сорваться от столь мощного взрыва вы расстановке сил...

Мир между черными и белыми магами, призрачный хрупкий дом... так жалкий отблеск, подобие мира и прикосаться к нему в любом виде — это то же, что рушить его, ведь любое прикосновение легко рассыпало этот баланс, как карточный домик, а это... Это не прикосновение! Это как вырвать одну из нижних карт... и смотреть на падение бумажных иллюзий...

Он столько раз пытался донести это до наставника, но тот упорно не желал верить в такую стремительность...

Сэт же не просто верил, он буквально видел, какой ад развернется в этот день...

К тому же это был этот день... Почему это совпало? Ничего хорошего в этот день в его жизни не происходило... проклятый родным братом день... настоящий день рождения... Не сделает ли он хуже открыв все Шпилеву? Как много он поставил на кон?

И так и так на кону все! В любом случае он рисковал всем и всеми...

Только когда в сознании Атлантиду охватывал огонь внутри что-то так болезненно сжималось и хотелось биться до последней капли крови, буквально разрывать помехи, только бы это пламени никогда не было...

Он уже начал движение, он сделал самый страшный первый шаг, он договорился о встрече... Он уже решился, откажись он внезапно и оставит намек... опасный намек... и все может обернуться еще большей трагедией... и тогда пламя...

Все же, ему не нужен был совет... Было лишком поздно для советов у него уже не было пути обратно. Он мог двигаться только вперед, становясь предателем...

Он никогда не думал, что так все может обернуться, что когда-нибудь пойдет на измену человеку, который один вся его семья, при этом любя его...

Ведь когда ад развернется и пожар будет поедать город, а стычки перерастут в беспорядки... когда ничего нельзя будет изменить, лишь ждать затишья и отстраивать руины... именно тогда Вересову будет намного хуже, чем Сэту теперь...

Именно этого Сэт и не хотел... он собирался предать, что бы спасти... но верно, это уже оправдания, но одно он понимал крайне ясно, позволить всему произойти по плану, это уничтожить Атлантиду! А без нее, вообще все лишалось смысла... особенно стремление помочь Вересову стать королем и создать мир между черными и белыми магами...

Вот это была их цель. Это была идея, которой Вересов вдохновил ученика. Именно это! Все остальное... Все, что было сейчас... как сбиться с пути... Так мира не достигают...

Ударив, хоть по одному звену мира, всю картину разрушат за один миг, отбрасывая прочь все шансы на создание крепкого и прочного союза...

А ведь и так надежда призрачна...

Он совсем отчаянно вздохнул, признавая свое моральное поражение при любом исходе...

Мир был не за него, вернее совсем не за его взгляды и убеждения...

Впрочем, Сэту на самом деле не привыкать. Он отпустил голову и, рухнув на кровать, посмотрел на часы. Скоро можно будет выезжать...

Он прикрыл глаза, уходя в короткое, уже безумное ожидание...

Затем достаточно резко вскочил, буквально сразу вставая на ноги, не садясь даже толком... Все же он спешил... торопился... было холодно... От всего этого на душе было холодно, но в голове все проясняла ледяная решимость. В нем не было страха, не было ничего... только желание завершить начатое им предательство.

Шпилев ожидал визитера с двояким чувством, с одной стороны ему собирались поведать такого крайне важного, к тому же столь серьезного, но в то же время ему искренне казалось это блефом.

Сэт не походил на типаж стукачей-мстителей в рядах черных, да благородного борцы за справедливость тоже... Отстаивать, по мнению Александра, Сэт мог лишь личное, но далеко

не разговорами с офицером обороны белых магов.

Сэт неоднократно легко и просто решал свои конфликты дуэлями, а с политической точки зрения себя не проявлял, там при расстановке сил он всего-то как дополнение к Дьяволу, как бонус.

Имел ли Сэт мотивы защищать интересы белых? Едва ли... он от рождения человек... Наташа? Ну, насколько сильно и верна его любовь вполне понятно, а глубина? Шпилев не верил в такие чувства. Сам никогда не любивший, он просто не мог оценивать на что способна побуждать любовь, а на что нет, однако у него хватало сил это признавать, поэтому версию о сестре он не отвергал, но и всерьез воспринимать не думал.

Он все же думал, что это блеф, и Сэту нужно совсем что-то иное, ни разговоры, ни рассуждения, ни тем более помощь. Может, это было вообще причиной.

Шпилев был готов действительно ко всему, ожидая интригующего момента...

Все же Сэт прибыл немного, даже заметно раньше, почти на целый час. Наверно ему не стоило так гонять по городу и нарушать совершенно все правила. Просто стоило ему выйти из замка и спешка овладела его сознанием. Да и скорость он любил всем своим духом... от этого еще больше стремился ворваться в поток машин и мчаться... мчаться... мчаться, отвлекаться на скорость, от собственных мыслей и сомнений. У здания он уже не спешил, почти ползя едва переставляя ноги. По обыкновению, спрятал руки в карманы и смотрел в асфальт, чтоб не видеть ни света, ни людей, ни зданий... Дорогу он знал и так, да и прежние способности все еще были с ним.

Он наблюдал за всем не глядя, но от того и не видя, касаясь сознанием к миру, он не видел, не лицезрел, не касался в действительности... смотреть же глазами — это иное... это как жить, как касаться... можно было поймать взгляд, а это почти как увидеть душу...

Не любил он этого... не любил... поэтому обычно ходил очень быстро, но теперь не было смысла смешить.

Он наблюдал по асфальту, как темнело, как загорались фонари, как скользили тени, вместо самих людей...

Зима опять была без снега...

Теперь в голову лезло все, что угодно, но не то в чем был смысл и надобность...

Он так отвлекся... вернее скорее рассеивал всякое внимание, от главного вопроса...

У здания он все равно оказался рано, но только тут поднял вверх глаза... глядя, на это здание, как на приговор... Что-то часто появлялось желание убежать или хотя бы исчезнуть...

Он хмыкнул, понимая, что все эти эмоции до добра не доведут и пора входить в режим черного мага...

Он зашел уже выдыхая. В его глазах не было уже ничего, даже то, что он прибыл рано, его перестало волновать.

Он уверенно пошел к кабинету Шпилева, даже проигнорировав окликнувшую его девушку с ричепшина... какие ж белые маги все же цивилизные... она все же тут была нужна для случайных лиц... всеобщий секретарь... хотя ее тут величали координатором. Это уж точно Сэта не волновало, он знал куда ему идти. Все же успел уже тут побывать, помогая брату своей девушки с переводом одного текста... как жаль, что это все в прошлом.

Теперь он подошел к двери и постучал.

— Да...

Сэт приоткрыл дверь.

— А ты рано...

Сэт хмыкнул, не торопясь зайти.

— Заходи. Быстрее начнем — быстрее освободимся друг от друга. Я все равно сегодня выходной...

Сэт закрыл за собой дверь, вернул руки в карманы, и лишь затем осмотрел кабинет, будто видел его впервые, так будто по кабинету оценивал владельца. В действительности его теперь интересовали камеры, которые прежде не имели значения.

Саша наблюдал, видя в этом только подтверждение своего предположения.

— Присядь, — бросил он, начиная уже уставать от такого поведения.

Сэт сел на стул и задумчиво окинул взглядом все еще раз.

— Сэт?

— Скажи, — прошептал Сэт, глядя в сторону и замолк, так ничего и не сказав.

Саша долго ждал ответа, но сначала гость лишь вздохнул и продолжал прибывать где-то далеко от реальности.

— Ты в себе? — уточнил Шпилев, понимая, что состояние Вересова младшего все дальше от обычного, а мысли его все меньше касаются действительности.

Но Сэт не ответил. Он медленно прикрыл глаза и вновь вернул своему лицу маску холодного черного мага, и только затем заговорил. Равнодушно-холодным голосом:

— Нас кто-нибудь видит сейчас?

Шпилев не смог ответить только пораженно моргнул.

— Нет, прослушивают, так?

Саша молчал.

— Мне это важно, потому, что то, с чем я пришел крайне важно.

Шпилев кивнул.

Сэт немного раздраженно закусил губу, все прекрасно понимая, но заговорил спокойно, излагая не то что думал, а то, что должен был озвучить:

— Хорошо, спрошу иначе... Могу ли я дать информацию в обмен на гарантию жизни действующих лиц?

— Помощь при условии?

— Да...

— Уверен, что нам вообще нужна твоя помощь?

— Поверь мне, очень нужна.

— Удивительная уверенность.

— Едва ли... так ты можешь мне дать гарантию, что тот человек, которого я выдам, будет жить?

Саша долго молчал, начиная догадываться о ком может пойти речь и понимая, что все, что может касаться Вересова или быть его замыслом, едва ли будет не важным, ведь это никто иной как Дьявол. Шпилев только теперь понял, что перед ним сидит не только бывший парень его сестры, не только скандалист и дуэлянт, перед ним сидит самый настоящий Слуга Дьявола, личность далеко не последняя в раскладе влияния черных магов, пусть его и юная и не воспринимаемая этим обществом в серьез. Саша теперь понимал, что и сам не воспринимал всерьез ни самого Сэта ни его слов ни его предупреждений всерьез, а ведь он не просто слуга он приемный сын Дьявола... видимо даже о том, что Вересов бедующий Король Тьмы все напрочь позабыли. Он даже не знал, что сказать, понимая, уже

всю важность этой встречи.

— Погоди, — прошептал он, задумчиво и нажав пару кнопок на телефоне, ждал ответа, не выключая громкую связь.

— Да, — ответил голос девушки.

— Примите код 32 из седьмого реестра под мою личную ответственность.

— Но сэр...

— Это приказ.

— Как прикажите.

Голос исчез, и Шпилев выдохнул, и затем задумчиво стучал по столу пальцами, чего-то ожидая. Сэт хотел было заговорить, но этот странный вид, все же заставили повременить с разговорами.

Что-то тихо щелкнуло.

— Теперь я могу сказать, — заговорил Шпилев. — Да, мы можем давать подобные гарантии, но я не могу тебе гарантировать, что струнные хранители не переиграют все в последнюю минуту, ты ведь понимаешь о чем я?

— Да... я тоже не могу дать гарантию, что то, о чем я хочу рассказать, не измениться в последний момент.

— Тогда, для начала, расскажи мне все неофициально, раз уж нас никто не слышит, что бы я мог оформить документы так, что бы ни тебя, ни меня потом не надули.

Сэт опустил голову и сцепив пальцы в замок, прошептал:

— Речь идет о церемонии очищения 22 февраля...

Этих слов было достаточно, для Александра, что бы понять всю серьезность полностью, и даже ужаснуться масштабности и исторической ценности данного события, ведь Вересов уроджено белый маг и прекрасно знает что такое эта церемония, а значит... значит, над белыми магами нависла настоящая опасность... Теперь уже он был готов вслушиваться в каждое слово, что мог произнести этот странные черный маг с кровью человека.

Шпилев долго сидел за столом в одиночестве, глядя на исписанные листы. Он теперь даже не знал, что ему делать с тем, что лежало перед ним... Все было верно, все было сделано официально, однако это все де было ужасно своим смыслом...

Все закурилось... стоило ему встать, как все пошло по протоколу, докладывал бегал... Принимал решения и все это затягивалось не на один месяц... это было действительно важно, ведь речь шла о главной силе белых магов, об их могуществе и их единственной защите — святой Струне Света!

По правде говоря, он даже не знал, как ему сейчас пойти и отдать этот рапорт в секретариат струнных хранителей, ведь как только эта простая бумага обратиться официальным документом и начнется ход положенного протокола струнников, именно ему придется вести это дело до самого конца, и все бумаги будут проходить лишь через него. Был ли он готов к чему-то подобному? Конечно был, ведь его не пугала ответственность, да и объемность работы никогда не пугала, ведь не за безделье он в столь молодые для мага годы имел офицерское звание. Он как офицер был готов ко всему, но вот он как личность... Сама эта история, это дело, смысл рапорта, что он держал в руках вот что действительно его пугало и заставляло сейчас медлить... Он до сих пор не мог поверить, что такое могло бы произойти, не приди этот человек с меткой черного мага к нему и не выдай себя самого...

Он долго думал о том, как докатился весь этот мир до всего этого. Думал об ироничной

метке дьявола на теле белого мага, потомка одного из величайших родов. Думал о том, как нелепа была эта вражда и какой до тошноты противной была его работа, будто и не замечал всего этого до сегодняшнего дня, до этого разговора и до этой бумаги, будто упрямо ходил в очках, которые разбились от дрожащего голоса человека, пережившего уже одну войну, как жертва.

Однако, бесконечно думать и выжидать он не мог, уж слишком важно было то, что он держал в руках. Он был офицером не только по званию, но и по уму. Он привык ставить интересы долга так, что все его внутренние метание отступали на второй план, оставаясь важными, но не смея мешать ему ни в принятии решений, ни в работе.

Он лишь вздохнул, выходя из кабинета, и больше старался не возвращаться к этим мыслям, начиная работу над новым своим делом.

Наверно только теперь, начав это дело, он увидел истинные лица своих коллег в их реакции на его работу и на всю эту историю. Злорадству их не было предела. Чем больше Шпилев говорил с ними, тем сильнее призрали, но тогда, злясь, сжимая кулаки и стараясь не выдать призрания ни голосом ни взглядом, он даже не догадывался, что это только начало и стражи ничто в своих насмешках, перед самомнением хранителей.

Настоящей пыткой работа обернулась для Шпилева, когда ему пришлось предстать перед советом хранителей. Здесь и честь, и кодекс, и клятвы, и договор о безопасности информатора — все потеряло и свой вес, и свой смысл, став ничем, ибо им было совершенно все равно на данное кем-то слово, на честь присягнувшего им на верность офицера, и даже на созданные ими самими законы, ведь эти самые законы наделяли их неоспоримой властью. Им никто не мог ни указывать, ни приказывать, ни влиять на их решение, кроме самой богини хранительницы Струны Света — Атрия, однако даже ее волю и ее речи, знали и слышали лишь они, а значит, и узнать правду было невозможно. Так с этими восьмерыми спорить и соперничать было невозможно. Да никто и не пытался ни прежде, ни уж и подавно теперь, когда все давно устоялось, как должное.

Шпилев лишь отчаянно подчинился ненавистным приказам и покорно планировал операцию, после осуществления которой не видел уже ни малейшего смысла в собственной деятельности. Он даже порой подумывал о том, что бы написать рапорт и отказаться от этого дела, но мысль о том, что это все попадет в другие руки, в руки тех, чьи лица он мог лишь призрали, внутри все окончательно содрогалось и он чувствовал, что готов давиться этим делом до последнего, к тому же он все же не мог остановиться и предать данную клятву. Он присягнул на верность Атрии, на верность ее хранителям и его собственное слово, его клятва имела для него самого достаточный вес, что бы заставлять его ей следовать. Он поклялся, что не станет щадить ничего для защиты белых магов и теперь с горечью и отчаяньем он жертвовал своей честью на благо мирной жизни белых магов, что уж точно не были виновны в сложных политических ходах его начальства и его противников.

Он смирился почти со всем, приняв как данное, не заботясь о своих чувствах и клятвах, сведя все к долгу, но одно никак не оставляло его в покое, продолжая мучать и заставляя сомневаться — красные от слез глаза его младшей сестры.

Чувства Наташи, вот что вот что заставляло его сердце сжиматься от ужаса, перед этой операцией. Он мог забыть о своих переживаниях, он мог переступить через свои принципы. Через свою честь, но переступить через чувства своей родной сестры, причинить ей боль или, что еще ужасней, заставить ее страдать, он не мог. Вообще не мог, однако понимал, что это неизбежно, если учесть, что она страдает уже сейчас. Порой он даже думал, что если бы

в тот день он не поговорил с Сэтом. А просто подрался с ним, высказав все, что он думает о нем, как о человеке, жестоко обошедшемся с его сестрой — все было бы иначе. Он наверняка ничего не знал бы об операции, и ему не было бы так горько за слезные вздохи свой маленькой сестренки, но тогда он не мог поступить так, он был выше всего этого, а теперь вся эта история была готова накрыть его волной и утянуть на самое дно.

22 февраля — его день рождения, он знал, он это хорошо помнил... Ненавидела она его? Призирала? Или... быть может она все еще его любила? Ведь говорить он могла все, что угодно, но он видел ее красные глаза, а значит, едва ли все было так однозначно, как утверждали ее губы.

Но что должен был делать он? Что было верным? Сообщить ей и разгласить одну из секретных операций отдела? Или быть может самому спасти его? Если спасать, то как? Да, и есть ли в это смысл? Или может напротив убить, и тем самым закончить ее терзания раз и навсегда, поставив точку в этой истории? Порой эти мысли захватывали его сильнее, нежели планирование и организация операции, и тогда он часами смотрел на бумаги, думал о своей сестре и человеке, которого она, скорее всего, любила.

Ничего хорошего подобные мысли ему не приносили, и он долго потом курил в своем кабинете, хоть и был прежде уверен, что бросил и курить больше не станет.

В один такой вечер, уже в самый последний, когда думать о решении времени уже не было, но и решения к нему так и не пришло, он вышел из кабинета и, вместо того что бы отправиться домой и хорошенько выспаться после почти двух суток безостановочной работы перед самой операцией, направился к своей сестре, все еще не зная, что именно он должен делать в данной ситуации. Он не знал, что должен сказать и как, не знал, что он будет говорить и с чего начнет, но все же он хотел ей рассказать, хотел поговорить с ней обо всем или хотя бы о чем-нибудь, что бы облегчить этот невыносимо тяжелый камень на душе.

Наташа открыла ему быстро, однако узнать в ней модель было крайне сложно. В ее глазах не было ни слез, ни красных прожилок, но в яркой алой глади застыла будто пелена, лишая их всей яркости и жизни. Она была бледна и казалось совсем похудела. Ее вампирские клыки чуть виднелись, так не привычно не желая прятаться и черные тени под глазами совсем меняли ее лицо. Она совсем не походила на высшего вампира на сильного первородного с мощными крыльями за спиной, что теперь влачились за ней по полу, как безжизненные тряпицы. Весь ее лоск и шик и гордая стать, будто растаяли за это время и даже собранные в простой хвост волосы казались совершенно неживыми, будто она была самым обычным слабым обращенным вампиром. Она об этом совсем не думала, давно уйдя в глубь своих переживаний, кутаясь в махровый халат, подпоясанный каким-то шарфом вместо закинуто-то куда-то пояса.

К ней давно никто не приходил, она никого не хотела видеть, ни с кем не хотела говорить, ее домашний телефон вот уже месяц был отключен, а мобильный она разбила о стену... Впрочем нет один об стену, другой от пол и еще один просто выкинула с балкона, в попытке не отвечать на звонки тога, кого любила до боли в сердце.

Она смотрела на брата совершенно неживыми глазами, не собираясь его прогонять, но не имея ни малейших сил говорить с ним. Она была слишком измотана чувствами и мыслями что бы делать в этой жизни еще хоть что-нибудь. И это сейчас роднило ее со старшим братом куда сильнее любых кровных уз, заставляя понимать и чувствовать намного больше, нежели когда бы то ни было, ведь он как и она был бледен измучен, совсем похудел, побелел до серости и медленно превращался в свою тень под грузом свой мучительной

деятельности.

Долгий взгляд красных глаз вместо приветствия и она, совсем ничего не говоря, оставив открытой дверь, поплелась в комнату, почти не поднимая ноги, чуть слышно шаркая мягкими тапками.

Саша последовал за ней, ничего не говоря, молча закрыв дверь, он сбросил куртку и туфли и через пару мгновений уже оказался в комнате, где его сестра, увернувшись в плед, почти что с головой, сидела в кресле, грея руки о чашку остывающего чая, пить которой сил у нее не было. В комнате он продолжал молчать, обессиленно рухнув на диван.

Так они и замерли оба не имея сил ни двинуться ни говорить. Она вдыхала запах чая, что некогда так ей нравился, а теперь вызывал лишь ноющую в горле тошноту, как и все остальное в этом доме и в этом мире. Она могла бы поставить чашку, но все же не могла, это требовало от нее усилий которые она не могла из себя выдавить, будто все ее силы ушли на путь к двери и обратно. Он же просто не знал с чего начать, глядя в белый потолок, снова и снова прокручивая несносный рой мыслей так болезненно зудящих в голове и в то же время совершенно бесполезных, бессмысленных и ничем не помогающих. Это молчание совсем не угнетало и не терзало никого из них, ведь все их метания и терзания не имели отношения к этой тишине и разрывали их и до нее и будут разрывать из после, как неизбежный рок, с которым оба они уже смирились. Ей, к тому же, совсем нечего было сказать, в отличие от своего брата, который так старательно подбирал слова, что бы начать, начать хоть с чего-нибудь.

— Я завтра буду работать, — прошептал он будто невзначай.

Наташа кивнула после небольшой паузы, будто смысл слов доходил до нее с трудом, через пелену ее мыслей пробивая себе путь, однако она совсем не видела ничего дивного в том, что брат мог работать в день Очищения, такова была его служба — быть на страже безопасности белых магов и среди дня и среди ночи в любой день недели год в будний или в праздник — она уже давно привыкла к этому правилу, ведь брат пошел по стопам отца, и она с раннего детства была приучена к такого рода долгу ее родных людей. Это была для нее совсем обыденная новость, что не только не вывела ее из задумчивого полуживого оцепенения, но и не заставила даже задуматься о чем-то кроме той пустоты, которой она так старательно замещала свои болезненные мысли о том, что произошло с ее чувствами и ее отношениями, пусть это было уже далеко не вчера, но от этого легче совсем не становилось, будто за это время боль только нарастала, приковывая ее к пледу, креслу и дому.

— Это не будет обычным патрулем, у меня особая операция, — продолжал он тихо, почти шепотом, будто боялся голосом навредить и себе и своей сестре.

Он не мог уже лежать на месте и не двигаться, распираемый напряженным волнением в груди. Он закрыл рукой глаза, пытаясь держать себя в руках чувствуя при этом как упрямо нарастала внутренняя дрожь. Он резко сел, выдыхая будто закипающий воздух из груди, и, оперевшись локтями в колени, буквально силой выкручивал себе пальцы, пытаясь хоть немного облегчить то, что творилось в его сознании что бы сказать хоть что-нибудь раз уж он все же решил и хотел что-то изменить, сказать, а возможно даже исправить то, что собирался сделать по приказу, который считал бесчестной жестокостью.

Наташа, как и прежде молчала, сохраняя полую безжизненность и безучастность затуманенных глаз, однако где-то в самой их глубине стала появляться некая заинтересованность с ноткой недоумения, ведь ничего подобного прежде не было и ни отец ни брат никогда, совсем никогда не говорили о своих делах, какими бы серьезными и

опасными они ни были.

— Я не должен тебе ничего говорить, совсем ничего, однако...

Он замолк затаив дыхание, не зная как завершить эту фразу, что бы она все верно поняла, но при этом не сказать ей лишнего, не подвергнуть ее опасности и не добить окончательно подобным известием.

— Это... опасно? — прошептала она сдавленно, будто делала усилие для каждого слова.

Саша кивнул, затем посмотрел на нее и, осознавая, что это совершенно не то о чем он так хочет ей сказать, как в бреду замотал головой, будто и отрицал и вытрясал из своей головы что-то, мешающее ему говорить.

— Нет... нет... нет... нет! Дело вовсе не в этом! — воскликнул он, старательно пытаясь опередить словами свои собственные мысли, раскраивающие его разум на части.

Ему это все же не удалось и в сознании воцарил еще худший хаос, чем до этих слов, однако решимости уже с этим покончить и сказать ей все хоть как-то у него заметно прибавилось. Он посмотрел на растерянную сестру, чуть ожившую от недоумения и все еще даже не догадывающуюся о причинах подобного разговора.

— Да, это все конечно опасно, однако я едва ли могу пострадать в этой операции руководя ей с безопасного расстояние. Все дело в том, что завтра, в день Очищения, на нашу богиню планируется покушения, под угрозой сама Струна Света и Хранители.

Наташа отшатнулась, чуть не выронив чашку и прижавшись к спинке кресла на котором сидела, совсем забыв о пустоте, будто упав в шок от глобальности подобных событий, где ее мучения превращались в мельчайшую пещиночку, в осколок разбитой чашки среди пожара.

— У меня приказ уничтожить всех, кто будет участвовать в покушении, всех до одного, — прошептал Саша, почти не слыша собственного голоса, представляя как он отдаст завтра последний приказ.

— Уничтожить? Думаю... верно... так и нужно... это правильно, — пробормотала Наташа, находясь в подобии шока, медленно возвращаясь в прежнее оцепенение.

Саша лишь вздохнул, прекрасно понимая, что она даже не догадывается что это все значит и что она сейчас назвала верным, да хорошо хная, что в сложности этого дела ей не разобраться никогда, уж слишком мало она знает ни только о внутренних делах черных магов, но даже о делах белых, да и не зачем ей это все понимать и знать, все что она должна была от него услышать, это всего одно имя, но сил его произнести вслух в ее присутствии даже в этом смысле ему не хватало. Все казалось куда сложнее здесь, чем в этих сложных делах и в самой операции, в том что продумал Дьявол и в том, что они собирались ему противопоставить. Для Александра, все это было логично, расчетливо и намного проще, нежели то, что происходило сейчас в квартире его младшей сестры, ее сердце и его разуме.

Наташа наблюдала за ним, совсем ничего не понимая, ведь все было верно и правильно и совсем ничего не должно было терзать ее брата, уже не раз ликвидируя угрозы, пусть не такие страшные но все же... Ей казалось, что она слишком далеко и телом и разумом, что бы сейчас его понять, но все же он был ей дорог и пусть сил у нее и не было, но он стоил того, что бы она сделала над собой усилие. Поставив чашку на полку рядом с креслом, она неспешно выбралась из пледа, неохотно расставаясь с его теплом и встав на слабые ноги, сделала разделяющие их два шага, стоящие ей уймы сил и рухнула рядом с ним, пытаясь заглянуть в его глаза и разделить эти переживания.

— Все ведь верно, — шептала она, приобняв его за плечи. — Это твой долг, твоя работа, что же тогда не так?

Он посмотрел на сестру со страхом и отчаяньем, боясь дышать, но не имея сил это в себе держать.

— Прости. Ты права, все верно, все правильно, все так, как должно было быть, однако...

Он выдохнул и, закрыв на миг глаза, завершил свою мысль, стараясь быть готовым ко всему.

— Если завтра все будет так, как должно, если все будет правильно — я убью его.

В ее глазах будто разбилась пелена и разыгрался алый блеск, яркий, но болезненно испуганный, ведь она догадывалась о ком мог говорить ее брат, однако даже верить в это не хотела, понимая, что почти не может дышать и сердце ее будто и не хочет биться от подобных новостей.

— Его? — прошептала она, дрожащим голосом стараясь, сдерживать наворачивающиеся слезы.

— Сэт... Он умрет завтра от моего приказа, и тогда ты потеряешь его навсегда... по-настоящему, — без малейшей жалости произнес Шпилев, видя в этой жестокости надежду на ее оживление.

В алых глазах сияла жизнь и замирали слезы, накатываясь на ресницы, а затем скользя по мраморной коже, ведь она его все еще любила...

Она лежала на полу, среди осколков разбитой посуды. Слезы у нее все же закончились, силы тоже, но ей все еще хотелось отчаянно кричать и рвать кого-нибудь клыками, или хотя бы просто умереть, что бы только не встречать завтрашний день. Она ненавидела его и мечтала убить сама, как прежде, как раньше, как тогда, когда она его совсем не знала. Ей хотелось вернуться назад и не узнав ничего, выпить всю его кровь до последней капли, разорвать его на части, убить его и никогда не знать, кто он, никогда его не любить и никогда не быть им преданной.

Она лежала на холодном полу своей кухни, чувствуя как слезы, еще застывшие в ее глазах, медленно стекают на щеку. Отчаянье — вот что ей оставалось. Она желала ему смерти, но сама мысль о том, что он умирать заставляла ее медленно угасать. Она хотела его спасти, она хотела его убить. Она хотела разорвать его на части и обнять. Он предал ее, он измучил ее бесконечными звонками, но как бы она на него не злилась, она продолжала его любить. Она не знала, что ей делать, вытирая слезы изрезанными осколками руками, размазывая слезы по своему лицу. Она хотела просто умереть вместе с ним, стать ничем в этом мире, как и он, раствориться и возможно возродиться там, где все будет не так сложно и они смогут быть вместе без ненависти злобы, обмана, воин и убийств, без измен и предательства, ведь она могла его простить, она хотела его простить, но не здесь и не сейчас, ни в этой жизни, что бы он ей не говорил и как бы не оправдывался, ни за что и никогда это тело и этот разум не могла принять его таким каким он был сейчас, не в силах больше прощать все то что было за ним, но эта душа все еще его любила, именно поэтому... возможно... где-то там... потом... возродившись... они могли бы быть счастливы вместе.

22

«Да будь ты проклято 22 февраля!!!»

Часть первая: смерть

Глупый и умный, глядя на одно и то же дерево видят разные деревья.

Уильям Блейк

У главного струнного храма в этот день было очень много людей, что кружась и веселясь, отдыхали будто на ярмарке. Здесь на площади по традиции развернулось настоящее празднество. Ряды и круги лавок, шатров и палаток придавали обычно строгой архитектурной гамме светлого кольца радостно-пестрым тоном. Жизнь кипела здесь и множество радостных людей мешались с белыми магами, создавая массу, где и черному магу потеряться было не сложно.

Сэт стоял у одного из столбов световых кристаллов, что должны были озарить сиянием площадь в миг очищения. Он ничем от себя обычного не отличался во внешнем виде: черные джинсы, темно-синяя майка, линзы серые на глазах и волосы светло-русого тона. Так он немного отличался от того, кого все знали и видели в скандалах, но именно так он выходил из дома последнее время, не выходя таким видом за рамки удобного для себя внешнего вида.

Он стоял и наблюдал измученно-отрешённым взглядом, проводя глазами счастливую пару с двумя детьми, так случайно замеченную в этом бездумном наблюдении. Они были людьми, чем привлекали его куда сильнее белых магов и их детей. Люди все еще ему были ближе, и черных и белых магов, они были ему как родные. Их он понимал лучше других, за них переживал сильнее и именно о них слишком сильно беспокоился, зная все их слабости в этом мире магов.

Вздых... тяжёлый и обреченный...

— Ну, что? — спросил бодрый голос Норбера, когда его обладатель положил руку на плечо Сэта. — Готов?

— Наверно, — равнодушно ответил человек, даже не оборачиваясь.

— И не холодно тебе?

Сэт лишь фыркнул на подобный интерес, посмотрев на сложенную в руках куртку, затем на озябшие немного плече, но не стал ничего делать.

Все же, хоть и лежал снег, хоть и была зима, но значительных холодов не наблюдалось. Такова суть климата Атлантиды, но было ли это сейчас приемлемо для Сэта? Напротив, ему хотелось замерзнуть, почувствовать холод, ожить, возможно отвлечься.

— Нда... Сэт, все же ты не изменился...

Задумчивый человек отдернул плечо, освобождаясь от руки навязчивого союзника.

— Иди на свою точку, — бросил он, старательно подчеркивая полное нежелание вести разговор.

Норбер же лишь рассмеялся, не видя в этом ничего по-настоящему серьезного.

— Мы победим, — прошептал он, хлопнув товарища по плечу, думая что его беспокоит именно это, а затем направился дальше бродить по рядам лавок в намеренье невзначай поискать пару тройку милых девушек, что были бы не прочь, поболтать, выпить с ним чашечку другую кофе, а возможно и куда большего внимания, раз уж есть возможность

пообщаться с диковинными белыми дамами, что вряд ли приметят его темный дар.

Норбер ушел и Сэт вновь выдохнул, обретая некое облегчение, но в то же время попытка расслабиться хоть немного подлежала провалу...

— Вопрос о твоей готовности крайне уместен, — прошептал Шпилев, что будто невзначай оперся о тот же столб, закурив.

Вдох и глубокий протяжный выдох, до бессилия...

Отчаянье...

— Я уже предал, большего от меня теперь и не нужно...

— Послушай...

— Если нет ничего нового, лучше оставь меня...

Шпилев молчал, выдыхая горький сигаретный дым, понимая, что его лицемерной лжи нет уже предела. Он врал ему все это время, до самого конца, врал в самой корни, в сути и раскрывать правду сейчас, срывая операцию, не намеревался. Может его немного угнетала совесть, но это было мелочью, совершенно незначительным внутренним зудом. Он облегчил свои мучения, когда поведал правду своей сестре, ведь вену он чувствовал именно перед ней, а этот... Все же, если бы он умер, все стало бы куда проще, но в тоже время хоть они и не много общались, но этот черный человеческих кровей маг стал ему почти другом, спасти которого он все же не собирался. Все, что он мог сделать, это протянуть ему сигарету в качестве прощания.

Сэт посмотрел на эту отраву, усмехнулся и все же принял ее, истолковывая этот жест по своему, куда более миролюбиво, нежели все сделанное Норбером за пару мгновений до этого.

Щелчек зажигалки.

— Спасибо, — прошептал Сэт спокойно.

Короткий взгляд. Встреча глаз. Две разных мысли.

Он опустил прощально веки, а Сэт лишь равнодушно выдохнул дым, не замечая ничего странного, да и не желая замечать. Он быстро отвернулся, будто и не говорил ни с кем, а так и стоял, просто закурил от скуки.

Что-то мягко щемило в груди и тянуло вниз, оставляя отчаянный привкус усталости. Сегодня его измена станет известна и он не будет прощен. Это было горько, но он ни о чем не сожалел, хоть и понимая тяжесть неизбежности окончательного разрыва с наставником, но он по прежнему делал это ради него. И пусть Илья Николаевич никогда не поймет его и, наверняка, никогда не простит, но жалеть ему все же было не о чем, оставалось лишь ждать, когда придет время того мига, где все тайное обретет явные формы и его приговор будет озвучен.

Все же он был уже к этому всему готов от того лишь тяжело вздыхал где-то в глубине оставляя лишь глубокую тоску смиренной неизбежности.

Он посмотрел на часы в надежде определить время, то самое, что оставалось ему на ожидание.

До начала настоящей операции осталось чуть меньше часа. Эта мысль рассеяла тоскливый гнет, заместившись в сознании рабочими мыслями и планами.

Накинув куртку, выдохнул дым, по привычке и не думая касаться сигареты рукой, и осмотрелся, наблюдая людей в поиске кого-нибудь полезного, ведь еще немного времени ему оставалось просто пережить, что бы начать и закончить уже все наконец.

Он продумывал, что ему стоит делать и как, в мельчайших деталях, особенно в случаи,

если что-то пойдет не так. Стоило запомнить как можно больше из окружения.

Он примечал патрулирующих стражей, что как и полагалось мирно ходили среди рядов. Он выискивал людей Шпилева, зная, что они здесь есть под видом мирных обывателей, он даже имел несколько предположений и помнил их лица и энергии.

Он мог бы сейчас очень много осознать, если бы только внутри не нависла неясная усталость, видимо пришедшая вместо тоски.

— Любимый!

Лира свалилась на его плече, будто из неоткуда, тут же перебравшись руками на шею и повисла не ней, привычно отобрала и выбросила сигарету.

— Я нашему малышу такие тапочки видела, — щебетала она, не дожидаясь даже реакции на свое появление. — И вообще у белых такие красивые детские вещицы, если бы была девочка я бы столько ей всего тут могла подобрать...

Ее было сложно слушать и еще сложнее воспринимать всерьез, особенно теперь, когда заметный живот давил на него и, уже как по привычке острая маленькая пятка упиралась куда-то в пупок.

Так много времени уже прошло, а он этого толком и не заметил.

Не так уж и много времени осталось до рождения его сына. Он теперь и не знал сомневаться ему в их родстве или нет, принять или просто смириться. Он будто забыл об этом ребенке, переживая совершенно другие беды и тревоги в своем сознании.

— Сэт! Ты меня вообще слышишь? — воскликнула она, топнув ногой, отлепившись от его шеи.

Она хмурилась, став в позу, с таким грозным видом, будто собиралась с ним драться.

Он просто выдохнул в место усталого возмущения.

— Да, слышу, но... давай не сейчас... Я не могу об этом думать.

Злость ее исчезла и она, сделав жалобный вид, обняла его.

— Извини, любимый, но они такие хорошенькие, такие миленькие, такие крошечные и мягонькие...

Бровки ее жалобно и умоляюще приподнимались.

— Что? — не понял он, хорошо однако осознавая, что столь надоедливая сейчас невеста явно чего-то от него ждет.

— Можно? Ну, пожалуйста?

Она смотрела на него с мольбой, сложив руки за спиной и чуть привстав на носочки, как сама невинность.

— Пожалуйста...

Он прищурился, ненавидя такое лицемерное ее поведение, ведь он то знал какая она есть.

— Ты хочешь что бы я дал тебе денег на все это барахло?

Лира прищурилась злобненько, встав на ноги, будто отяжелела от гнева, но желание добиться своего было сильнее ее негодования, к тому же его строгий взгляд пугал ее не самой возможностью его гнева, а вероятностью куда большей немилости. Все же она по прежнему его любила, как бы строго и печально не было его отношение, как бы он не был к ней холоден и равнодушен.

— Это не барахло, — прошептала она, наигранно надув губки и чуть отвернувшись. — Это для нашего малыша.

— Да... да...

Сэт лишь закатил глаза и дал ей свой кошелек, выудив его из кармана куртки.

— Тебе должно хватить...

И вся ее тяжесть исчезла в одно мгновение. И с радостным воплем она вновь повисла у него на шее, забрав кошелек.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо!!!

Целуя его в щеку она старательно пыталась прильнуть к нему, а он брезгливо отстранялся, стараясь освободиться из ее хватки.

— Ну все... все... пусти, — бормотал он, отстраняясь, — ты же хотела там что-то покупать...

Все же с ней ему было тяжелее, чем во всей этой пытке с делами магов Атлантиды, будто эта женщина для его ума была страшней войны.

Только Лира в своей пылкости совершенно не умела останавливаться не чувствуя никакой грани, цепляясь за него со всей своей силы, будто почувствовала его уязвимость.

— А поцеловать?

И нагленький лжежалобный взгляд был последней атакой.

Сэт вздохнул, тяжело и обессиленно, но в тот момент, когда по логике Лире он должен был подчиниться, его терпение иссякло: резко схватив ее за руку, он отдернул ее в сторону, одарив суровым до жестокости взглядом.

— Хватит, — безапелляционно заявил он. — Оставь меня уже, мне не до твоих капризов.

Она понимала, что проиграла, но не умела этого делать, именно поэтому оставалось лишь ублажить свое "Я", оставив последнее слово за собой.

Она отдернула руку так, будто это он пытался ее удержать. а не она старательно навязывалась.

— Как знаешь! — гордо заявила она и неспешно удалилась, держа себя подобно победительнице.

Сэт отчаянно вздохнул, понимая, что эта темпераментная особь женского пола вытягивает остатки его сил, безжалостней врагов. Похоже на ироничную шутку...

Подняв глаза, он посмотрел в чистое небо...

Верхний город...

Очередной вздох и взгляд чуть в сторону. Отсюда смутно видно крохи черной ауры Башни Мрака...

Он впервые задумался о сосредоточии бед этого мира. Верхний город. Впервые он захотел, что бы что-то исчезло окончательно, навсегда, без права на спасение и возвращение. Он даже стал жалеть, что нельзя просто обрушить верхний город, со всеми своими высокомерно-управленческими черно-белыми структурами.

Ему было мерзко от места, в котором он находился, от самого мира, в котором родился и от смысла, который видел во всем этом, но как бы сильно он не злился на абсурдность и нелепые междоусобицы, в сердце у него зарождалась решимость, которой так сильно прежде не хватало. Он слишком хорошо понимал, что цели его наставника не имеют ничего общего с тем, что происходило вокруг, а значит все это время, он был прав, пытаясь остановить одну из опаснейших ошибок на пути нынешнего Дьявола. Еще немного, и он мог стать на туже дорожку, что медленно ведет к краху этого мира руками иных владык.

Время на размышления и церемонии с собой подходило к концу. Счет переходил на минуты, и остаться на месте становилось все сложнее. Да и тянуть он больше не желал. Все,

что его переполняло, это желание поскорее со всем этим покончить. Именно с этим намерением в сердце, решимостью в глазах и спрятанными в карманы руками, он оставил свое место наблюдателя и отправился к храму, собираясь сыграть более важную роль...

— Сэт...

Этот голос он знал слишком хорошо, что бы остаться равнодушным. Это было и сказкой и кошмаром, ворвавшимся в явь. Он застыл, замер, затаив дыхание, запутавшись в своих эмоциях за долю секунды, ведь это была его единственная — Наташа. Он столько раз думал о том, что хотел бы ей сказать, о том, что хотел ей объяснить, будто у него только возможность. Но вот эта возможность появилась, и он ничего не мог сделать, ничего не мог сказать, даже хотел не выдавать себя. И как она его только узнала?

Сейчас он думал совсем о другом, он был переполнен совершенно иными мыслями. Это было совсем не то место, не тот миг, для всего этого, но она все равно медленно приближалась, напоминая о своей алой энергии ее волнах, запахе, привкусе и чувствах.

— Я знаю, что это ты, — проговорила она тихо, находясь уже совсем рядом, за его спиной, уже почти касаясь его куртки.

Застыв так, не делая последний шаг, что б не коснуться и не сорваться на объятия.

— Ты знаешь, что я чувствовала, все это время?

Но в вопросе не было ни злобы ни гнева, скорее опустошенная скорбь об утраченном. Он не мог так оправдываться и не мог защищаться, постепенно разделяя эту близкую его духу скорбь, от того имея право лишь молчать, опустив глаза, что бы ни в коем случаи не встретить чей-то взгляд.

Она ждала, искренне ждала ответа, наблюдая за кровью в его теле, за забивающимся с ритма сердцем, за самим молчанием, но все же надеялась, что он заговорит.

— Не станешь со мной говорить? — спросила она, когда мимо промелькнуло достаточно людей, что бы ощутить усталость от толпы.

— Я просто не знаю...

— Ты звонил мне...

— Да...

— Зачем?

Это было то, что он совсем не хотел слышать. Вновь подняв глаза к небу, он будто в последний раз просил пощады, но ее, конечно же, не было, а значит, что-то да придется говорить, и это явно не те слова, что он говорил ей в своем сознании, представляя подобную возможность выговориться, все это вдруг перестало быть уместным и понятным, даже ему самому.

— Я просто...

Что-то в нем все же было в этот день ни так. Так сильно привыкнув терять кого-то в этот день, он видел в этом уже неизбежность, и вместо того, что бы бояться, следить за каждым словом и пытаться что-то изменить, он, будто в протест, был готов рискнуть всем, будто все это уже утрачено, видимо в этот день переломилось что-то более весомое, чем верность дьяволу, переменяя ценность всего мира внутри и вокруг...

Он обернулся и, взглянув прямо в ее алые глаза, наконец, ответил:

— ... все еще люблю тебя...

Первым, что он увидел в ответ, было удивление, немного ошарашенное и даже шокированное, но тут же сменившееся страхом, а через миг родился гнев, и жесткое крыло вздернулось вверх, как занесенный перед ударом топор палача. Он и к этому был внутри

готов, но даже глаза закрывать не стал, стараясь не упустить ее взгляд ни на долю секунды, будто бросал ей вызов своей любовью.

— Дурак, — прошептали с дрожью ее губы.

На ресницах выступили слезы. Она не могла его ударить, и крыло отступало, прячась за спиной, а влажный взгляд, принимая его вызов, не стремился сбежать, даже под напором целой бури чувств.

— Если бы ты действительно любил меня...

— Прости...

Но он не стал на этот раз умолять, просить, объясняться, вымаливать или напротив убежать. Он просто обнял ее, стараясь хоть немного защитить ее от боли и слез, которые сам же и порадел.

— Я и правда, тебя люблю. И хоть я понятия не имею о твоих чувствах, но я хотел бы их знать и понимать. Правда...

— Дурак...

Она плакала, всхлипывая и прижимаясь к нему, как ребенок, заставляя крылья дрожать от напряжения.

— Ты просто дурак....

— Совершенно согласен, — прошептал он легко, с ноткой смирения и некой неизбежности, будто оспаривать подобное было нелепо. — Прости меня...

— Как я могу простить тебя? — спрашивала она, все так же рыдая, и цепляясь за него, будто и не искала в нем спасения, от слов, что сама говорила. — Ты предал меня.

Она только сильнее прижималась, сжимая кулаки, грозясь порвать майку.

— Ты женишься на другой... такое не прощают.

— Я могу не жениться... Я... Да, так сложилось и я не откажусь от ребенка, но я могу не жениться, только дай мне шанс...

— Нет, — коротко, уверенно и безоговорочно, хоть и тихо.

Она медленно затихала, переставая всхлипывать. Хватка ее слабела. Медленно отстраняясь, выбираясь из его объятий, она тихо шептала:

— Нет... Это не то... Я не желаю так... Это совсем не верно...

Он не стал ее удерживать, но и соглашаться с ней не хотел.

— Я не люблю ее и никогда не любил.

— Зато спал с ней! — заорала Наташа, обернув все эмоции гневом.

Подобный крик заставил людей обернуться, что бы тут же потерять интерес к банальной драме, продолжая свой путь.

Она сжимала кулаки, скалилось и рычала, сдавленно чуть слышно, но достаточно агрессивно.

— Ты... Она ждет ребенка, а ты рассуждаешь о нем, как...

Рычание мешало говорить, сбивая дыхание. Гневу слова не ведомы, но она еще пыталась с собой бороться.

— Она же тоже чувствует... Она...

Его рука легла ей на плече. Пылающее гневом сердце сжалось, обрывая метания. Все то ей оставалось, это поднять глаза и посмотреть на него, все еще тяжело дыша, мешая во взоре, мольбу и покорность.

— Если ты согласишься выслушать меня, я тебе все объясню...

Он нежно коснулся ее щеки, чуть скользнув кончиками пальцев по мочке уха.

— Что тут можно...

Большой палец скользнул по ее губам, пока ладонь скользила к шее, обрывая ее речи.

— Мне есть, что объяснять, правда, только дай мне шанс.

Она молчала, лишь глядя на в его глаза, молящие, не скрывающие надежды. Ей легким был этот взгляд, будто она уже все простила, будто принимала назад, но все же еще не желая принимать иное обоснование происходящего, кроме как веса собственных эмоций.

Сэт взглянул на часы, будто наконец опомнившись и вернувшись в реальность, где вообще-то на кону жизнь этого города, а не его личные драмы.

— Только я...

— Не можешь говорить сейчас?

— Да...

Он взглянул в ее глаза так, будто она была такой же родной, как и прежде, будто ничего с ними не случилось и она по прежнему доверяли друг другу и потом ей можно будет рассказать все и про ребенка и про предательство, только надо немного времени.

— Ты ведь сможешь подождать немного?

Она молчала, обдумывая все с самого начала, пытаясь принять решение, то решение, которое она так и не смогла принять прошлой ночью, а он ни о чем, не догадываясь так безжалостно торопил ее с ответом, не понимая, что на кону в действительности стояла его жизнь.

— Поверь мне, я правда спешу, но потом я...

— Потом, — прошептала она отчаянно, вспоминая слова брата о том самом потом, что должно сегодня случиться.

— Да... Завтра... или... сегодня вечером. Хочешь? Я могу за тобой заехать.

Глаза ее отчаянно пустели, теряя блеск и надежду, будто сама ее любовь угасала от неизбежности, но как бы много она сейчас не думала, сказать не выходило ни слова. Все, на что хватало ее сил, это отрицательно покачать головой, медленно и отрешенно, не отвечая на его вопрос, а скорее отвечая несогласием на свои мысли.

— Прошу...

Но слушать его она совсем не могла, цепляясь за его руку. В пустых глазах появлялись бусинки слез, куда более горьких чем те, первые, что она проронила на его майку.

— Наташа, родня...

Но она держала лишь крепче. Он уже пытался освободиться, чувствуя, как внутри к растерянному недоумению начинает примешиваться страх.

— Пусти, прошу...

Он почти освободился, но она тут же вцепилась в его руку вновь, но уже двумя руками.

— Нет! — было ее ответом.

— Но мы и поговорить здесь сейчас не сможем, — пытался убедить ее Сэт. — Наташа...

— Нет!

— Я не могу даже...

— Дело не в этом...

Он утих не пытаясь возражать, чувствуя, как дрожат ее пальцы, впиваясь в его руку из последних сил.

— Я не пущу тебя никуда...

В глазах Сэта застыл ужас осознания. В один миг, обрывки мозаики сложились в картину, будто ее слова были последним осколком. Разговор с Сашей до сели

бессмысленный стал логичным, а поведение Наташи оправданным, от этого его спешка стала куда большей необходимостью. Ужас подобной комбинации, казался ему не суть не лучше того, что он пытался предотвратить в этом городе, а главное, это значило терять не так, как он рассчитывал, а так, как обычно в этот день приходится.

На расспросы и попытки что-то узнать времени не было, ибо, судя по всему, он и так опаздывал, оставив себе лишь крохотную надежду успеть изменить хоть что-нибудь.

— Прости, — промолвил он, силой вырывая руку, и спеша в храм, где однозначно все должно было быть не так, как было условлено.

Запах стен храма, возвращал Илью в прошлое. Он был хорошо знаком и заставлял вспоминать далекое начало пути. Он знал здесь рельеф каждой стены, каждый зал и коридор, каждую мозаику и фреску.

Здесь ничего не изменилось за эти годы, что заставляло Вересова улыбаться, но он старался сгладить рвущуюся наружу победоносную улыбку, стараясь сменить на живущую в нем ностальгическую, доброй линией губ застывшей на его лице.

Все шло так, как он и хотел, и даже ощущение фантомности его не смущало. Не редко белые маги не желающие являться на церемонию, но имеющие вес достаточный что бы их отсутствие заметили и недостаточный, что бы откровенно отказаться., присылали качественные фантомные копии, что порождало это нелепое ощущение в тот же время не позволяя ни найти фантома, ни даже понять сколько их.

Скоро церемония должна была начаться...

В этом наверно и была вся ирония. Все постепенно замирало в ожидании...

Наташа не могла его удержать, и догнать его было слишком сложно, толпа мешала быстрому бегу, но она знала куда идти, это давало хоть какую-то надежду.

Но в то же время знала, что могла не успеть, уж слишком много она знала о том, что должно быть дальше.

Она хотела его остановить, любой ценой, только бы не позволить ему так погибнуть, исчезнуть в один миг навсегда. Она успела увидеть его в толпе, еще с далека, но уже у самой границы, где она могла уже не успеть, где постепенно формировалось церемониальное оцепление, от сета, что должен начать излучать храм в день обычного очищения, а не того, что должно случиться сегодня.

Легкое сомнение не покидало ее, мешаясь со страхом, но сильнее всего было томящее желание его жизни, а она очень хотела, что бы он жил. Именно поэтому она забыла обо всем на свете, глядя на границу оцепления, чувствуя уже легкую энергию, зная, что есть смысл прислушиваться к движениям в храме.

Купол защиты начинал формироваться, а значит, внутри все скоро все начнется по-настоящему, а он вот совсем скоро переступит границу и оцепление его держать не станет.

Еще несколько мгновений и он будет для нее недостижим.

— Нет, — прошептала она, забывая последние сомнения.

Алые глаза вспыхнули на мгновение и сквозь милую внешность проявилась личина охотника-кровопийцы. Короткий взмах крыльями и она почти мгновенно оказалась над толпой, в скоростном рывке вперед.

Ее не останавливал испуганный визг толпы и шаг его последний за границу. Сейчас единственным для нее законом стали ее инстинкты и остановить ее было уже невозможно, просто она сама не осознавала надобность остановки, глядя на возлюбленного как на добычу

с ценной кровью, сужая восприятие, лишь до его движений, шагов, дыхания — жизни.

И купол будто захрустел от ее удара. Она прорвалась с легким громовым раскатом, почти ничего не ощутив кроме покалывания и молниеподобной вспышки в глазах. Ее спасала скорость, но думать об этом она не могла, впервые ощущая транс охотника, занятая всем сознание лишь своей жертвой.

Он лишь спешил к человеку, которому был обязан всем и ради которого начал все это, но будто, как из-под земли, после вспышки и чуть слышного раската, ему больше напоминающего хлопок, возникла перед ним — Она...

Он замер и отшатнулся, не видя ее прежде такой, суровой с ярко-алыми глазами заполненными светом, без зрачка лишь с яркими искрами и черными узорами, делающими еще ужасающим взгляд зверя.

Будто демон надумал его покарать.

В голове все смешалось за краткий миг, но лика зверя перед ним уж не было. Зверь был усмирен и вернулась та которую он любил, привычная и прекрасная.

— Нет, — прошептали ее дрожащие губы.

— Ната...

Он ничего не успел ни сказать, ни сделать, ибо был заключен в крепкие, но все же осторожные объятия, явно не человека и взор ее прямо в глаза, заставлял умолкнуть и не сопротивляться.

Она многое могла ему сейчас сказать, многое сказать ей все таки хотелось, но способность говорить ей казалась сейчас чуждой, нелепой и бессмысленной. Она просто поцеловала его, чуть прокусив губу, стремясь одолеть его стремление вперед своим дурманящим укусом.

Он покорился ей, нежно обнимая, не чувствуя боли от клыков, но все же чувствуя пьянящий жар в сознании.

— Те, кто посмели посягнуть на сосуд богини Атрии, нашу великую Струну Света, должны умереть.

Этот голос звучал будто в самой его голове, заставляя очнуться, возвращая боль губам.

Все, что он по-настоящему услышал, сводилось для него лишь к одному смыслу — умереть...

Он оттолкнул Наташу, отбросив прочь свои чувства и ту историю о любви, заботясь сильнее о том, что сейчас было в опасности по его вине.

Он рванул к храму, не понимая, что изменить уже ничего не мог, лишь умереть...

— Нет! — донесся до него короткий крик Наташи, которую уже силой удерживал старший брат, подавляя все ее сопротивление.

Этот крик тяжелым эхом прорывался сквозь множество выстрелов. Он лишь успел обернуться, в поспешном и отчаянном осознании...

— Сукин сын, это он предал нас! — взвизгнул гневно Ник, понимая уже суть ловушки.

Илья, не имея возможности сдвинуться с места, смотрел на убывающие мгновения в поддельной струне с тоской и печалью, понимая сейчас куда больше, чем утром, чем пару

мгновений назад, и ругань друга, обреченного на смерть вместе с ним, обращалась лишь в гул, не прикасающийся к его мыслям.

Вересом и сам понимал, что его предали, и слишком очевидно было имя предателя, даже его мотивы магу, казались не тайной...

В пустом зале исчезнувших фантомов два черных мага были вынуждены ждать в предчувствии последнее вспышки созданного для них оружия.

— Прости меня за все, — прошептала Лира со слезами на глазах. — Я просто, правда, тебя люблю...

Она белела на глазах, цепляясь за него слабеющими руками.

— Прости... меня...

Он смог поймать ее, едва дыша, в силах больше ничего понимать. Все смешалось в обрывки событий и фраз, ведущих в неизбежному.

Опустив ее окровавленное тело, он взглянул на далекую Наташу. В ее глазах застыли слезы и мольба, однако это лишь охлаждало его и без того опустошенное уже сознания.

Весь мир переворачивался слишком быстро, не оставляя ему ничего, только руины и трупы с обломками каких-то наивных надежд.

Никто больше не стрелял. Тихо, так тихо, будто он уже умер.

Вокруг лишь шок, а он смотрел на всех, стоя на одном колене у тела той, что вынашивала его сына. Этого уже не существовало, лишь там где-то в прошлом...

Что бы он теперь не сделал, всему был конец и ему самому тоже.

Встав на ноги, он бросил последний взгляд на шокированную толпу и как ни в чем не бывало, продолжил свой путь, теперь уже понимая, что идет навстречу смерти.

— Сэт, не надо! Я люблю тебя! Я прощаю тебя! — кричала Наташа в последней надежде, безжалостно пиная брата.

Сэт не остановился, он хотел умереть, он чувствовал, что уже умер там где-то, внутри, но все же обернулся, что бы увидеть ее в последний раз, раз уж чувства к ней были единственным живым в нем самом.

Что-то будто щелкнуло, пробуждая панику в глубинах сознания, все еще чуткого до интуиции и звуков.

Она пыталась протянуть к нему руку и что-то кричала, но он ее уже не слышал, вновь оборачиваясь к храму.

Горячий воздух, как дыхание дракона и тут же пламя, не свет белых магов, а черное пламя проклятья...

Вот и все, что ему осталось.

Пару строк о будущем...

Нет, так не пойдет. Ты давай не о бездне думай, а о себе. О том, кто ты такой. И что теперь делать. Вариантов не много, выбирай.

Макс Фрай

23

«Да будь ты проклято 22 февраля!!!»

Часть вторая: прощание

Отчаянье обманывает чаще, нежели надежда.

Уильям Блейк

—Максимус, это Свэйвс, — донеслось из телефонной трубки, — я по поводу Сэта...

—Я не разглашаю...

—Фин! Прекращай, ему грозит трибунал и думаешь его пощадят?!

Максимус отчаянно выдохнул.

— Думаю, нет...

— Он вообще жив?

— Пока да...

— Какова вероятность, что он выживет?

— Не знаю, его готовят к операции.

— Свяжись со мной по завершению операции, если хочешь, что бы я ему помог.

— Понял, коротко ответил врач и тут же положил трубку, не дожидаясь ответа.

Он не знал, что ему делать. Все эти годы ему удавалось оставаться лишь врачом, кем бы ни были его пациенты, но теперь, если он так и останется просто врачом, то обречет единственного друга на смертную казнь.

Он явно что-то хотел сказать, пристально глядя единственным уцелевшим глазом, отчаянно пытаясь поймать за руку врача.

— Что? — спросил Максимус, склонившись, над обожжённым изуродованным телом друга, уже в операционной, где ничем не защищались обнаженные кости его левой скулы.

— Убей меня, — едва слышно проговорили почти уцелевшие, но опалённые губы.

Максимус прикрыл веки, оставляя это вместо кивка, обдумывая эту просьбу, наблюдая, как упрямый мальчишка, пытается сохранять сознание, даже вопреки лекарствам.

— Обещаю...

Сэт ничего уже не мог сказать, от боли и отчаянья, просто покоряясь на волю своего некогда спасителя, искренне надеясь, что его обещание не станет ложью.

...- Знаешь, я заключил сделку с Ремерией...

— А?

— Ну да, не знаю зачем, но она согласилась вычеркнуть меня из списков живых черных магов, если я переживу Илью Николаевича.

— Что за глупость, Сэт?

— Не знаю, — почти смеясь ответил парнишка, — просто нашло что-то...

— Дурачье...
— Ну как всегда...

— Да! Ну, что там?
— Все закончилось, — прошептал устало Максимус.
— Все? Что?! Он жив?!
— Нет... он умер...

Свейвс молчал, долго о чем-то думая. Максимус тоже не стремился что-то говорить.

— Мне очень жаль, — прошептал советник короля и почти сразу положил трубку.

Ремерия усмехнулась, подтверждая королю смерть Сэта Вересова, не отделяя эту усмешку от оправданной тоски.

Похороны как-то слишком сильно затянулись, что бы можно было позволить открыть гроб. Прошло уже боше месяца с того дня, когда Сэт Вересов скончался на операционном столе клиники Максимуса Фина. Прошел почти месяц со дня символических похорон погибшего Дьявола и его свиты, остался один лишь предатель. За этот месяц молва успела затихнуть, оставив лишь отголоски всеми забытых сплетен. Все просто позабыли и о трагедии и о скандале, будто это было не так уж и важно.

Однако сегодня на кладбище было куда больше народу, чем он ожидал увидеть, стоя поодаль незаметно наблюдая. Он и не собирался приближаться, не намереваясь себя выдавать или перетруждать. Это была его первая вылазка за пределы дома, после тяжелого и болезненного восстановления, да еще и на собственные похороны... Но эта толпа его все же поражала. Не думал он, что этот день вообще окажется кому-то нужным.

Здесь даже был король, пусть даже спокойный, но лицемерный одним своим присутствием.

Он не удержался от желания взглянуть на это старое лицо поближе, не покидая свое невзрачное местечко у часовни.

Закрыв правый глаз, он чуть поправил капюшон и резко приблизил изображение левым механическим глазом.

Все же король не улыбался, от этого было даже тоскливо, ведь усмешка на этом лице в этот день была куда уместней задумчивой печали.

Вообще видеть его здесь не хотелось, но и выставить его никто бы не осмелился.

Короля сопровождал советник, но уделять ему внимание Сэт не хотел, не понимая злиться он на него или просто ненавидит, или может это только неприятный осадок из-за связи этого почтенного мага с той историей, что погубила Дьявола. Сейчас он даже задумываться над подобным не хотел и без того не видя смысла в этом действии, именованном похоронами.

Он всматривался в лица с месью отрешенности и интереса, многих совершенно не узнавая, понимая, что кто-то был его клиентом, а кто-то и не вспоминался вовсе. С безразличием скользнул по печальным лицам бывших любовниц, все так же не испытывая ничего, кроме холодного равнодушия.

Лишь одно лицо он хотел увидеть здесь, лишь одни глаза, но не находил их, вместо них...

Норбер. Он стоял слишком близко к гробу, говоря что-то Максимусу. Эти двое были

здесь все же обоснованно, но в то же время Норбера хотелось бы просто вышвырнуть, причем куда сильнее, нежели короля, ведь этот трус был жив лишь потому, не влез, почуввав опасность. Его не коснулся даже трибунал, и гнев, и ненависть, зато он, живой покойник, злился на этого труса, будто только теперь, спустя столько лет пришло его время, ответить взаимностью на ту далекую ненависть.

Наблюдать за этим теперь уже совсем не хотелось, но, когда уже хотел просто уйти, его зоркий искусственный взгляд поймал красные глаза.

Она все же пришла, та, ради которой он был здесь.

Ее старший брат стоял рядом, обеспокоенно за ней наблюдая, однако Сэту до него теперь уже не было никакого дела, важна была только она и больше ничего.

Только она совсем не плакала и скорби не выражала. Ее лицо скорее походило на застывшую маску, но даже сейчас, он находил ее черты прекрасными и любовался ими, ведь он так давно ее не видел и уже почти потерял надежду увидеть хоть когда-нибудь еще.

А она, к тому же, была необычайно прекрасна, будто сошла с обложки одного из журналов, после готической фотосессии.

Белая кожа, чуть оттененная на скулах бежевыми румянами. Красные глаза, матовые и пустые с широкими зрачками, обрисованные пышными ресницами и черными тенями. Все это чуть прикрыто черной вуалью от маленькой шляпки, в которой чудом прятались ее волосы. Только несколько длинных прядей кудрями касались ее плеч.

Он любил когда она такая, ей шло все это еще с детства, особенно подобные одеяния: черное платье со сложными бархатно-кружевными узорами, корсет и полуоткрытые плечи, однако сейчас поверх была черная накидка, не очень длинная и свободная, позволяющая крыльям сохранять свободу и ложиться жесткими тяжами и складками поверх пышной юбки только подчеркивая весь этот стиль красноватым переливом.

И ничто не могло ее испортить, ни печаль, ни опустошенный взгляд, ни банальная черная серость вокруг.

Он улыбался. Жаль только лишь одна половина его лица поддавалась выражению эмоций, а другая оставалась неподвижной, даже немного отдавая болью, напоминая обо всем, что происходит здесь на самом деле.

Он был жесток с ней, ничего не сказав, не предупредив, но ведь она могла выдать его, неосознанно, просто эмоциями или некоторыми реакциями. Оставалось лишь оставить ее, поэтому теперь он запоминал ее черты, буквально записывая изгиб ее бровей, линии губ, ресницы, разрез глаз, их алый тон. Он старательно ловил все то, что мог, пока не понял, что взгляд ее ожил и посмотрел точно на него... не сквозь, не рядом... глаза в глаза.

Ни мига на раздумье! Он лишь прикрыл механический глаз и отвернувшись, поспешил удалиться.

Она неподвижно стояла на месте, пустыми глазами лицезря крышку гроба, на которую грязными пятнами падали комья земли. Внутри было отчаянно пусто, будто все что было прежде она успела выплакать еще до этого дня, и Сашина рука на плече, вместо поддержки утомляла своей необычайной тяжестью.

Она хотела бы проститься с возлюбленным иначе, но подобной возможности не было, а в голове по сей день всплывали картины того взрыва, и его обожженное лицо, и запах обгорелой плоти, лежащий поверх запаха гари и пороха.

Она смотрела на черный гроб и жалела, теперь уже, только об одно, что не может даже

взглянуть на это, наверно уже совсем искореженное, тело. Даже таким она хотела увидеть его в последний раз, надеясь найти намеки на те линии и те черты, что она помнила... Может сквозь запах разложения и тлена она смогла бы почувствовать хоть ноту его крови. Ей казалось, что даже при таком прощании, ей было бы спокойней отпустить его навсегда.

В глазах невольно появлялись слезы, но не спешили срывать с ресниц и не скатывались бусинами по щекам. Они замирали на краюшке века, возвращая хоть какой-то блеск ее взгляду. Она уже не мало ночей проплакала за этот месяц, но эти слезы все же проступили, последним прощанием...

Странное чувство... Будто холодным ветром в лицо, но вокруг не дуновения... и сладковатый привкус на губах, и будто пальцы по щеке... губам... и шее...

Аромат алого яда... вкус его крови...

Сознание вернулось быстро к ней мгновенно, и даже боль угасла. Глазам вернулась жизнь, давно позабытая.

Тот странный силуэт и красный отблеск из-под капюшона...

Как будто призрак или наважденье...

Она хотела закричать, но не могла сделать ничего, даже отвести в сторону взгляд или вдохнуть, боясь проиграть... и потерять его...

Он уходил...

На миг она лишь прикрыла глаза, уставшие от напряжения, а... его уже не было, будто все лишь ее безумие, и запах растаял, будто и не появлялся пару мгновений назад.

В глазах плыло, и мысли разбегались, не хотелось верить, что все вот так... стоять на ногах она уже не могла, чувствуя тошнотный ком у самого горла.

Она еще понимала, когда кружилась голова и чуть повело назад, под тяжестью дружелюбной руки, но уже тогда...

Упала капля на ее щеку, и она рухнула в руки испуганного брата, мгновенно посиневшая, холодная с капельками пота на лбу и мелкой дрожью в теле, но уже без сознания.

Вспышка молнии и гулкий громовой раскат... На еще не засыпанную могилу обрушился ливень, неистовым потоком, превращая песок в грязь...

Вот тут-то король не удержал усмешку, да и не видел ее никто. Все внимание толпы было занято бесчувственной девушкой или спасением от дождя, а кто продолжал засыпать гроб уже откровенной грязью...

Уж больно ему, правитель, нравилось наблюдать, как хлюпал, будто захлебываясь в грязи, гроб того, кто так уверенно и непокорно осмелился бросать ему вызов своим существованием...

Жаль он тогда еще не знал, что не долек тот час, когда его старое тело просто сбросят в расщелину, как ничтожный мусор и пережиток прошлого, быть может зная это, он иначе смотрел сейчас на многое, но он и не догадывался...

Когда дождь закончился и вновь выглянуло солнце, он стоял здесь уже один, глядя на темный деревянный столбик с табличкой. На похороны он не смог прейти, да и не хотел... Кто был в этой могиле для него? Соперник..? Предатель..? Двоюродный брат..? а может ни то, ни другое, ни третье? Может это просто закатившаяся звезда..? Или...

Прежде Володя и не думал, что без этого человека может так измениться его мир. Он

восхищался им когда-то давно. Он считал его гением, бунтарем, великим началом этого мира. Он следил за его скандальными деяниями, видя в возмущениях зависть, мечтая хоть однажды хоть в чем-то потупить так же, как этот безумец. Даже зная, что он убил родного отца, он продолжал боготворить его. Он следил за его дуэлями, экзаменами, официальными боями. Он старался понять принцип тех движений, что этот чудаки использовал в бою и на мечах и магией, но стоило именно ему влезть непосредственно в его жизнь...

Много чего он, Володя, успел натворить в жизни этого человека, а теперь окончательно запутался, не понимая ни себя, ни его. Уж слишком неоднозначно было все, связанное с этим покойником, столь противоречиво, а порой очевидно, но за всей очевидностью, что видела пресса, пряталось еще что-то, что-то большее очевидных мнений публики. Володя знал это, помня глаза этого бунтаря.

— Этот мальчишка что-то значил для тебя? — спросил мужской голос совсем рядом.

Володя обернулся и увидел мага в черной мантии с капюшоном, поти полностью скрывающим его лицо.

Маг не дождавшись ответа, опустил на одно колено и положил на каменную плиту у столба небольшой медальон, больше похожий на монету с пентаграммой черных магов. Володя не особо разбирался в подобной символике и конечно не знал, что подобный медальон был отличительным символом черных мечников.

Он молча смотрел на него, боясь нарушить некое единение этого мага со своими мыслями и воспоминаниями. Мужские, явно сильные пальцы, переплелись в некоем символе, явно из черно-магического писания, и замерли у груди.

Так он сидел какое-то время, будто молился, а затем встал и продолжил говорить, будто и вовсе проходил мимо:

— Ну, так как?

— Он...

Тут Володя вновь посмотрел на табличку и подумал, что этот человек занимал в его прошлом много места, будучи его мотивом в доброй половине деяний. Именно из-за этого человека он много думал и не раз изменял свою жизнь.

— Он просто был, — прошептал Володя, вместо ответа.

— Ой, не просто, — отозвался маг.

Он тоже смотрел на эту могилу и лишь капюшон скрывал его тоскливую скорбь. Сейчас Эвелин Свифт и сам не понимал своих чувств. Этот мальчишка был скорее позором, чем гордостью, но не один другое ученик не вызывал в нем столько эмоций, как этот негодник, живущий по ему лишь понятной идеологии, а маг не сомневался, что эта идеология была, иначе нельзя было иметь столь уверенный дух. Он никогда не понимал этого ребенка, как и не понимал, почему согласился его учить, как и не понимал зачем ему была эта сила и кому и что он хотел доказать, но одно он понимал сейчас не хуже Володи: все было не просто.

— Я не знаю, — ответил белый маг. — Просто он был моим соперником.

— Видимо достойным, раз его не хватает...

Володя не стал ни отрицать, ни соглашаться, чувствуя смешанность своей реакции на подобные слова. Одно лишь было ясно — все это слишком далеко от равнодушия.

— А кто он в вашей жизни? — спросил он, стремясь отвести диалог подальше от своей персоны.

— Когда-то он именовал учеником, — ответил маг едва слышно, и еще тише добавил: — но я отказался от него...

— Жалеете?

Почему-то талантливый эмпат был просто уверен, что именно сожаление привело собеседника сюда в этот день.

— Я лишь думаю, что он был достоин лучшей смерти, — холодно ответил черный и поспешил уйти и от разговора, и от воспоминаний, и от мыслей. Уж слишком он был теперь не молод, что б признаваться даже самому себе в своей неправоте, проще было оставить здесь и мысли и воспоминания, выкинуть, как мусор и идти дальше, никогда не возвращаясь к столь поразительной искре упрямой жизни.

— Лучшей смерти, — прошептал тихо Володя, пытаясь понять мог ли такой, как этот бунтарь погибнуть так бесславно, и не вид подобного исхода.

— Иронично, — прошептал он печально, сожалея, что во всем этом так и не смог стать ему другом.

Сэт сидел у окна, но на отдаленном расстоянии, видя лишь краешек неба, большего видеть и не хотелось, да и на большее в доме покойного Шамирама рассчитывать и не приходилось, уж слишком его окна были на виду, обращая подобное в опасность, о которой правда Сэт и не думал, глядя в синюю даль.

В голове было отчаянно пусто, особенно после этих смешных похорон, лишь крутилась в сознании далекая мелодия фортепиано откуда-то из детской памяти, что-то из звуков, рожденных его матерью.

— Ты так ничего и не ел, — обреченно сказал Максимус, вздыхая, глядя на свой. — Ты вообще-то еще слаб и...

Он замолк, понимая, что ответа не будет, как и понимания его тревог. Он лишь сел на край кровати, не зная, что и делать со своим спасением.

— Было не безопасно туда приходиться, тебя могли увидеть.

Сэт продолжал молчать.

— Она, видимо, почувствовала, ведь вы все еще крепко связаны, и потеряла сознание...

Лишь на миг веки слушателя опустились с отдаленным намеком на сожаление, но он, как и прежде, не проронил, ни слова.

— А вообще в мире все по старому...

Максимус замер, не договаривая мысль, вдруг заметив, что говорит с живым так, как обычно говорят с могилой родного человека, оставляя общению, ему уже не нужное, для себя.

Его друг молчал.

— Ты совсем не будешь говорить со мной? — отчаянно спросил врач, опуская глаза и сжимая тонкие пальцы в кулаки.

— Мне просто нечего тебе сказать...

И они долго молчали, каждый в своем маленьком отчаянном мирке, но Максимус все же хотел вызвать в этом живом трупе хоть что-то, будто любое чувство, кроме отчаянья могло вернуть его другу жизнь.

— Алмонд Агвин вчера умер, — сказал он будто невзначай, поглядывая на Сэта.

Сжатый кулак до дрожи в пальцах стал ответом.

— Многие пишут, что перед смертью он говорил о тебе.

Короткий блеск алого глаза, и сразу же смиренно опущенные веки.

— Неужели тебе все равно?

— А что я, по-твоему, должен чувствовать?

— Облегчение, наверно...

— Я не желал ему смерти...

Его взор вновь вернулся к облачному небу.

— Но ты ведь ненавидел его...

Сэт молчал. Его рука на миг потянулась к внутренней стороне бедра, хранящей старый шрам, но он не позволил себе этого, отчаянно сжимая кулак, вместе с клочком штанины, трещащей от напряжения, грозясь разорвать свои швы.

— Сэт, я...

— Нет...

— Нет? — не понял врач ошалело. — Что нет?

— Просто не надо. Я не хочу слышать это имя...

— Но...

— Хватит с меня имен...

— Иначе никак.

— Смерти не нужны имена, — едва слышно ответили бледные губы, — именно по этому, хватит...

— Но, Сэт, я только думал, что тебе будет важно знать, что пишут обо всем этом... Особенно, если учесть...

— Нет! — вдруг, буквально закричал Сэт, сжимая кулаки. — Хватит! Уходи! Я не хочу помнить ни его имени, ни его прошлого, ни его шрамов. Хватит уже, Сэт умер...

Его голос постепенно утихал, сменяя гнев привычной пустотой, а веки закрывались, пряча за тьмой наблюденья...

— Хватит... хватит с меня жизнью и имен...

Максимус лишь опустил глаза, ни в силах, сказать прости, но и не имея права оставить его одного сейчас.

Ненависть — страшное чувство. Оно выворачивает наизнанку. А он ненавидел себя. В такие минуты не остается сомнений. Он подошел к зеркалу и взглянул на себя. Стало мерзко. Собственное отражение было ненавистным. Его живой голубой глаз был мутным и влажным от не упавших слез. Другой, левый, сверкнул красным лазером. Он был слаб и бледен. На его выбритой голове едва начали появляться волосы. Каким же он стал страшным за этот последний месяц. Вся его красота, что так привлекала женщин, исчезла вместе с чем-то, что он так старательно искал внутри себя...

Как же его бесило это лицо в зеркале. Правой рукой он бессильно сжимал пистолет. Все внутри него кипело от гнева ненависти и отчаяния. Он коснулся своей скулы и стал нервно отдиравать силиконовую защиту от левой стороны лица. Она легко и быстро соскользнула с титанового сплава. Он отшвырнул «шкурку», и вновь взглянул в зеркало. По лбу, мимо носа к скуле, не задевая губы, затем по шее к спине тянулась грань меж плотью и электронно-механической составляющей.

Он вспомнил себя совсем другим. Еще месяц назад у него были выразительные голубые глаза, крепкое нормальное тело и мягкие густые, хоть и седые, будто покрытые серебром, волосы, падающие тяжелыми локонами на плечи...

Он поднял пистолет и навел его дуло на отражение. На его губах мелькнула печальная улыбка. Он медленно согнул руку и поставил оружие к правому, не защищенному виску, но

все же медлил. Он, как и все, боялся смерти, но не своей. Когда речь касалось этого, он почему-то испытывал лишь грусть и печаль, но не малейшего страха. Его пугала смерть других людей. Смерть... других людей. Такой ход мысли напомнил истинную причину его состояния. Он закрыл глаза, уронив слезу.

Он вернулся мысленно назад и вспомнил все с самого начала:

«Да будь ты проклято! 22 февраля!!!»

Мгновение сомнения. Но вместо сожаления, лишь пустота.

Он, без имени, без прошлого, рожденный человеком, ставший магом, отрекшийся от прошлого, умерший дважды, Алексей Павлович Карлов, Сэт Ильич Вересов, а ныне просто предатель, не заслуживающий ничего кроме смерти.

Он не стал открывать глаза, не стал прощаться ни с миром, ни с прошлым, ни с самим собой, а просто собирался свершить месть, за того кого любил и за свою собственную жизнь.

Тонкий, влажный от волнения палец скользнул по изгибу курка. Он принял решение, и теперь ни одна сила мира не могла его остановить. Резкое движение. Выстрел.

Он безвольно упал на колени, роня последнюю слезу...

Не понятый... не принятый... и никогда уже не прощенный...

24

Алексей Сергеевич Налимов

Вот ирония жизни... Жестоко, не правда ли?

Сэт Вересов

Я далеко не юноша, и в моей жизни было не мало различных историй, страшный, диких душещипательных. Всяких! Однако мало из них оставляли в моем сердце глубокий след. Со временем привыкаешь, не обращая внимания на такие вещи, воспринимая все как должное, принимая все как данное.

Я никогда не был гениальным или выдающимся. У меня не было умопомрачительных способностей, невероятных сил. Меня никогда не считали ни гением, ни лентяем. Я вечно находился где-то в середине. Я как-то всегда был в тени. Не плелся в хвосте, не вел вперед. Для меня это было идеально с самого детства, так было по-настоящему удобно наблюдать.

Мои друзья же были гениальны. Были они буквально как батарейки, как два огня, перетягивающие канат. Никто никогда не думал, кто из них светил ярче, потому что они уживались в этой своей гениальности вместе. Николай Вересов и Валера Шпилев. В них действительно было что-то гениальное, неоспоримо гениальное и великое, но они всегда считали меня равным. Порой говорили слухи, что я плетусь за ними, но я никогда этого не чувствовал. Мы действительно были друзьями, просто они светили, а я сидел за ними, прячась в их свету, но порой мне казалось, что без меня они перегорят оба.

Мы были вместе с самого детства, буквально с пеленок, потому что наши родители дружили. Всегда друг другу помогая, мы слишком хорошо друг друга знали. Что бы не подставить в нужный момент плече. Каждый из нас всегда знал, что в голове другого. Мы просто понимал это по малейшим изменениям, по любым словам и всегда знали, как одернуть и как подсказать. Нас не любили остальные за такое понимание. Нас сторонилось, опасались, но мы жили своим миром, своей жизнью, нас это не волновало. Как-то так нам повезло в дружбе. Говорят такое редкость, и быть может я и сам бы не верил, но я был одним из них.

Наши жены, наша личная жизнь. У каждого из нас все складывалось по-своему. Каждый из нас избирал свой путь во всем, но мы все равно были друзьями. Вместе до самого конца.

Было лишь одно... один момент, когда мои друзья стали не такими значимыми, когда я на все посмотрел иначе, совсем не так, как смотрел прежде.

Эта история началась тихо, незаметно от меня, идя своим путем, не глядя на меня совсем. Все началось в тот день, когда исчез друг Наташи, дочери Валеры, мой теска — Леша. Никто и не связывал это с тем, что случилось в другой части города, даже не предполагая, что это все это может соединится в единую историю.

Тогда только началась война между белыми и черными магами. Самая завязка, самое начало, еще ленивое, совершенно неясное развитие событий, но все же занимающее не мало внимания. В ту ночь сын Николая — Илья, застрелил родного отца, моего лучшего друга. Он оставил в живых свидетеля, и сомнений не было в том, кто был всему виной...

Во мне тогда все мешалось, и я не мог понять, как вообще такое могло случиться с моим другом. Валера же реагировал совсем иначе. Он злился, наверно потому что все было

действительно сложно и без Коли его мир совсем пошатнулся. Его начинала переполнять ненависть. Там медленно разрасталась в его сознание, постепенно становясь целью и рождая план. План мести. Мне эта идея была совсем не по душе, но я понимал его боли, и еще больше понимал, что мне его не остановить, не переубедить, да и все же для меня самого смерть друга вот такая... но убить сына друга за друга... было в этом что-то не нормальное, не адекватное, что-то, от чего меня воротило. Только бросить Валеру на этом пути я не мог, боясь оставить его в таком состоянии совсем одного. Я искренне боялся, что зайдя слишком далеко он не сможет остановиться сам и просто погибнет.

Он где-то нашел странных ребят, для помощи, которым было все равно, чем заниматься только бы им за это платили. План был прост, вернее это скорее был не план а цель: надо было схватить Илью и просто убить, дав понять, за что он принимает смерть... так просто и конкретно, но увы не реально, ибо Илья все же был Вересов, и действительно сын Коли. Его не легко было поймать и не легко отследить, вот так без уверток, уверенно и прямо. Оказалось наших знаний и умений мало. Это значило, что стоит хитрить. Я конечно еще раз попытался все изменить, повлиять на друга, но все было тщетно, поэтому план просто изменился и мы решили заманивать Илью, стоит тут даже признать, что это была моя идея, так невзначай брошенная. Я тогда действительно не предполагал, куда это все пойдет. Нам нужна была приманка, но никто из нас и предположить не мог, что могло завлечь этого предателя, и мы стали ее искать, эту волшебную приманку.

Я сам следил за Ильей, сам наблюдал за тем, что он делал, а главное как делал. Он не проявлял ярого интереса ни к чему, находясь некой равнодушной привычке, заставляющей делать те или иные вещи. Он не проявлял ни привязанностей, ни сильной заинтересованности, ничего такого, тишина, для нашей идеи. Тогда Валера совсем отчаялся, а я отчаянно продолжал искать, хоть и продолжал не видеть смысла в мести. Может я просто шел на поводу и потакал другу? Я не знаю, не знаю и тогда я об этом не думал. Я просто искал. В конце концов, нашел. Вернее просто заметил одну маленькую, не сложную вещь. Илья проявлял большую привязанность к одному из своих учеников, явно ценя его больше чем ученика. Стоило мне обратить на это внимание, и Валера решил его похитить.

Когда в замке остались одни только ученики, а взрослых не было, а им естественно приходилось не редко его покидать из-за военных действий. Мы без особых трудов проникли в дом и напали на мальчишку, но он оказался крайне быстрым и почему-то плохо восприимчивым к магическим атакам. Мы совсем не могли его поймать, но в один миг, произошла странность: мальчик увидел Шпилева и застыл, замер, ошарашено глядя на него. Таких странных глаз я никогда не видел. Не знаю узнал ли тогда его этот ребенок или просто, понял, что этот человек ему знаком. Даже теперь я даже предположить не могу, что было в голове этого мальчишки. Он замер и тут же получил по голове от одного из наших помощников... даже тогда меня это не радовало, бить ребенка, еще и по голове. Если бы тогда Валера знал, кто этот мальчик...

Мальчишка оказался в наших руках, а Валера все смотрел на него и не мог понять, что в нем не так... Он даже не догадывался, что этот мальчик кажется знакомым лишь потому, что это тот самый Леша, которого так сильно ждала его дочь, но он не мог вспомнить и записал мальчишку в «стервятников». Был такой отряд из детей с особой подготовкой, мальчишки убивающие как звери. Не будь тогда войны, он бы и не думал о том, что он может быть из них, но ведь этот мальчишка так ловко от нас убежал, что даже мне это казалось правдоподобным.

Мы привезли его в дом Вересовых, как в место, где мы решили вершить месть, все равно в нем уже никто не жил.

Я отстраненно наблюдал, а Валера буквально допрашивал связанного ребенка.

— Черным магом являешься? — холодно спросил он.

— Да, — тихо, но крайне спокойно с ноткой отрешенности ответил мальчишка.

— Какой магический уровень имеешь?

— Магического уровня не имею.

— Как так? Маг и без уровня...

— Просто, я не имею никаких магических способностей.

— О, глянь, — обратился ко мне Шпилев, — черные маги уже людей вербуют...

Я ничего тогда не смог ему ответить, замечая злобное раздражение в его голосе.

— А может ты не в ордене?

Мальчик совсем не стал отвечать, а просто чуть повернул голову, что бы стала видна левая сторона шеи, а вместе с ней и метка — 1513.

Помню, тогда мы ошарашено переглянулись, не веря собственным глазам. И дело было даже не в номере, не в смысле этих цифр, я тогда даже не обратил на них внимания, иное бросалось в глаза и затмевало смыслом все. Обычно метки темных похожи на золотую татуировку, а эта... Она была совершенно иной. Она пылала, горела... Будто он внутри весь был из огня, а эти цифры не знак, а просто дыра в его оболочке в его коже, как окно в его истинные внутренности. Причем это не походило на иллюзию, не походило на обман или картинку, даже ощущение было, как от настоящего огня. Что мне, что Шпилеву до этого дня казалось, что подобный облик метка черного может иметь, только в первые сутки, но во время войны церемонии не проводили... тогда я уже ни в чем не был уверен.

— Ты только вступил в орден? — пораженно спросил я, глядя на этого спокойного совсем невинного ребенка, просто оказавшегося не в том окружении.

Сэт посмотрел на меня большими грустными глазами и удивительно грустно улыбнулся.

— Нет, я в ордене почти 2 года...

— Невероятно! — воскликнул Валера.

— Мне все так говорят, — прошептал тихо мальчик. — Вы далеко не первый, Валерий Александрович.

Я пораженно замер, не понимая, откуда он мог знать имя Шпилева, а Валеру передернуло. Я до сих пор не могу понять, что именно происходило внутри моего друга, почему в его глазах застыла ненависть к мальчику, совершенно ни в чем не виновному. Я даже не успел среагировать, а он схватил со стола пистолет и ударил мальчишку по голове. До меня как из тумана донесся глухой звук удара, но мальчишка не вскрикнул, не дернулся, лишь нижняя губа его чуть вздрогнула. Он побледнел, губы чуть посинели. На лоб мальчишки скатилась кровь, густой струей неспешно скатываясь на щеку.

— Помни свое место! — крикнул Валере и тут же ударил его со всей силы по лицу.

Сэт уронил голову, не издав ни звука, а Валера ошарашено смотрел на свою руку, замазанную кровью ребенка.

— Сволочь! Дрянь! Малолетняя тварь! — заорал неожиданно Валера и бросился на мальчишку с кулаками.

Только я не позволил ему тронуть этого ребенка. Просто не мог, боясь, что мой друг просто убьет этого мальчишку. Силы у меня было достаточно, что бы не только удержать его, но и оттащить от этого мальчишки.

— Ты что творишь, Валер!? Он всего-навсего ребенок, — тихо, что бы меня не слышал наш пленник спросил я.

— Чего?! Ребенок! Вот именно! Это просто жутко... Он еще ребенок, но души у него уже нет!

— Почему?

— Посмотри на него ему на все плевать. В его глазах пустота. Он бездушное пустое существо, — шептал мне Шпилев в ответ, — заметь не человек, а существо. Я ненавижу таких гордых, бездушный, пустых внутри и высокомерных в виде.

— Но он же не виновен.

— Как это не виновный? А кто тогда виноват? Человек — сам творец своей души!

— Но он дитя. Ему не больше одиннадцати лет.

— Тогда мне его жаль, но он уже мертв.

— Это не значит, что его надо убивать!

— Это не убийство, я облегчу его страдания...

— Изуродовав ему лицо?! Ты в своем уме! — я потрянул Валеру за плечи, и он как-то резко стих.

— Возможно, ты прав, — шепнул он рассеянно.

Больше он не стал не трогать, не бить, ни даже просто разговаривать с Сэтом. Он просто вышел, позвал двух помощников, те вывели Сэта и заперли в подвале.

На этом все как будто бы стихло. Дальше началась рутинная жизнь. Мы ежедневно отправляли Илье угрозы с требованием сдаться, но ничего не происходило. Илья просто не реагировал. Прошел целый месяц, целый месяц рутинных нервов, будто Вересова не интересовала судьба ученика вовсе, а вся та привязанность была лишь фальшам. Это очень мучило и злило Шпилева, тогда я, совсем не зная, что и делать пошел один к Сэту, даже не зная, что могу сказать этому ребенку.

Помню, как сейчас, в подвале было холодно и сыро. Когда я вошел и спокойно без тени страха посмотрел на меня. Вид у него был все же жутковат. Странная серо-мертвецкая тень лежала на его лице. Бледный, слабый, исхудавший за этот месяц, но уверенно стоящий на ногах. Он просто смотрел на меня своими большими спокойными глазами и молчал.

— Судя по всему Илья не собирается тебя спасать, — хладнокровно сообщил я.

Однако в моем голосе не было ни желания поиздеваться над этим юным замученным ребенком, но мне была крайне важна и интересна его реакция на такой вердикт.

Мальчишка холодно посмотрел на меня, казалось, его не только не напугала, но и не удивило это известие.

— А с чего вы вообще взяли, что он будет меня спасать? — голос мальчишки был тих, но уверенный и спокойный.

— Ну как? Ты его любимый ученик и все такое...

В глазах этого ребенка возникла дерзкая насмешка да же с неким призрением.

— Вы наивны, как дети. Любовь магов к ученикам слишком относительна. Одно дело любить и гордиться талантливыми и совершенно иное в любви к слабым и жалким. Зачем ему отдавать жизнь за чужого ребенка, слабого, бездарного и больного? Зачем бороться за зерно, что никогда не даст плодов? — он говорил спокойно, без слез, истерик и даже обид, просто говорил, сообщал будто все это не касалось его вовсе. — Зачем?

Я смотрел на него и молчал, не зная что сказать и как именно молчать после этих слов. Я не знал насколько он прав и насколько он искренний, и даже думать об этом у меня не

получалось, но меня поражало то спокойствие, с которым он говорил эти страшные слова, вынося себе ими приговор. Я даже на миг подумал, что Валера прав и у этого ребенка вовсе нет души.

— Значит, ты думаешь, что он не придет? — спросил я, сев на скамью у стены.

— Надеюсь, — шепнул Сэт.

Он наблюдал за каждым моим движением, но это совсем не походило, на попытку заметить угрозу, а легко, как на простого собеседника.

— Надеюсь? — переспросил я.

— Да, надеюсь. Я очень хочу, что бы он не пришел.

— Потому? — не понял я.

— Неужели вы не понимаете? — спросил он неожиданно редко и эмоционально. Он подошел ко мне и посмотрел мне в глаза.

Я сидел, а он стоял, и наши глаза были напротив друг друга. Я заглянул в его глаза и понял, что Валера все же не прав и у этого мальчишки была душа. Да еще какая!

— Вы же не глупый человек, должны понимать, что черным магом я стал не от сладкой жизни и тем более не от скуки. Мое тело и дух до сих пор не приняли метку. Я стал магом официально, но не реально...

— И ты на это пошел?

— Да, — Сэт опустил глаза и подошел к маленькому окошку из которого струился тоненький совсем слабый свет. — Были причины, — голос его чуть вздрогнул.

На миг мне показалось, что он плачет, но когда он обернулся, его глаза были сухими и лицо совершенно спокойным.

— Я сделал выбор, — сказал он, — а теперь уже поздно что-нибудь решать и менять.

— Значит, ты не хочешь, что бы он тебя спас? — встав на ноги, безжалостно спросил я.

— Он и так сделал для меня очень много...

— Ясно, — бросил я коротко, ставя точку, и вышел, не зная, что я его тюремщик могу ему сказать.

Однако что-то тянуло меня к этому мальчишке. Не знаю, но я видел в нем силу, мужественность. Уверенность в себе и бесстрашие. После этого разговора во мне возникло уважение к нему и это сильно поражало. Я редко быстро начинаю уважать людей, годами наблюдая за ними, делая свои выводы, а этот ребенок поразил меня, показал мне то, но что не все взрослые были способны и внутри тогда царил болезненное недоумение, но я молчал, не признаваясь ни в чем другу, только наблюдая за его действиями, как безвольный трус.

Шпилев совсем не знал, что делать, как заманить Илью. Он пошел к Сэту, я увы не знаю, о чем они говорили, но вернулся Валера злой с медальоном в руках, тот что я после, спустя много лет, вернул этому мальчишке.

Не хочу даже знать, как он до всего этого додумался, но я ни чуть не лучше, ведь я ничего не сделал, что бы остановить это безумие. Двое наших помощников избili мальчишку, и все это с угрозами отправили Вересову.

Тогда я и не знал, что весь этот месяц черный маг не появлялся дома и ему никто ничего не сообщал, но теперь я знаю, что он даже не знал о бедственном состоянии своего ученика, но после этой пленки, ему все же позвонили. Я не знаю, на что надеялся Илья, не знаю. Что он думал и что чувствовал, но это точно не оставило его равнодушным.

Меня же раздирала изнутри совесть, буквально разгрызая на части. Я начинал

призирать себя за то, что мы делали. Не находя себя покоя, я хотел поговорить с этим ребенком, но боялся взглянуть ему в глаза, боялся даже подумать в каком он может быть состоянии после того, что с ним сделали по нашей указке. Да, я не снимал своей ответственности ни тогда, ни сейчас, ведь я мог что-то изменить, но я этого не сделала и ответить самому себе, за что страдал этот ребенок. Однако, невзирая на муки совести, я тогда все же нашел в себе силы, отправиться к нему, что бы все же увидеть те голубые глаза ребенка, которые мы ни за что обрекали на страдания.

Сэту было все же плохо, что было неудивительно. На его теле не было почти живого места, на лице так совсем, сплошное кровавое месиво. От одного воспоминания мне до сих пор становится дурно. У меня замирало сердце, глядя на эти синяки и кровоподтеки на белой коже, мне было дурно, но я не смел тогда отвести глаза, чувствуя все же куда более уверенное уважение к этому ребенку.

Когда я вошел он даже не открыл глаз, и я с легким облегчением решил, что он без сознания, и тут же поспешил к выходу.

— А чего приходили то? — спросил он неожиданно.

— Я? Ну, вообще к тебе, — растерянно пробурчал я, не зная, как и говорить теперь с ним, после всего этого.

— А почему уходите?

— Ну, мне показалось, ты не в состоянии...

— Для чего?

— Для разговора.

Тогда в этом странном неловком разговоре, он видимо был куда уверенней и куда спокойней нежели я и понимал происходящее куда лучше, а вот я лишь терялся в собственных эмоциях, раскаянии, вине и глубоком чувстве стыда. Мальчишка же будто и не винил меня ни в чем и вообще не испытывал ни какого страха, будто мы и не были врагами.

— Говорить я всегда могу, — сообщил Сэт и сел с явным усилием.

Дышал он тяжело, болезненно с легкой хрипотцой и болью, совсем нескрываемый.

— Я могу тебя чем-нибудь помочь? — спросил я подойдя к нему и присев, что бы мои глаза были на уровне его глаз.

Он посмотрел на меня устало. Таких замученных, но все же от чего-то совсем не обремененных каким-то грузом глаз, не теряющих эффект стеклянных, я просто не видел. И замер тогда как замороженный.

Он попытался улыбнуться и я понял эту попытку, хоть она и быстро сошла на нет, видимо из-за боли, но все же эта искренняя открытость поражала, впрочем даже если это и была тогда ирония, это не менее удивительно.

— А чем вы можете мне помочь? Разве что пристрелите, что б не мучился.

Он встал гордо, глядя мне в глаза.

Я замер. Во мне еще больше разбушевалось чувство вины. Мне вдруг стало глубоко больно. Я был безгранично виноват в боли этого мальчика, но что я мог сделать, что бы хоть немного облегчить ее? Я не мог убрать его боль, не мог излечить его изуродованное тело, да и изменить сломленную моими руками судьбу тоже, но не только я понимал это тогда, этот ребенок, с невероятными глазами, тоже хорошо это понимал, чем только усиливал мои внутренние метания.

Знал ли он о моих мыслях, я никогда не знаю, но его опухшие губы попытались вновь изобразить улыбку, на этот раз скорее снисходительную чем добродушную.

— Не можете, и видимо никогда не сможете. Жизнь, очень загадочное явление.

Он сел, тяжело и болезненно выдохнув.

— Когда-то я спас мальчика, тонувшего в Лодаре...

— В Лодаре? — удивленно переспросил я, шокировано, уж очень хорошо я знал о бурном течении этой своенравной реки, в которую не одно столетие лишь смельчаки рисковали зайти.

— Да, в Лидаре, — подтвердил он, немного отрешенно. — Я вытащил его, рискуя своей жизнью. Мне было тогда семь лет, и я бросился его спасать, совершенно не задумываясь, просто и решительно, но именно в это время... на другом конце города... на Мескорском шоссе попала в аварию моя мама, она потеряла сознание, но была еще жива... Ее можно было спасти. Ее надо было вытащить из машины, но... смельчаков там не нашлось. Она... погибла... и никто... там совсем никто, не пошевелил даже пальцем, что бы ее спасти, а я... Я ее сын, в это время спасал тонущего мальчика. Странная ирония жизни. Жестоко, не правда ли?

И зачем он тогда говорил мне об этом? Я не знаю до сих пор, и совсем не понимаю. Что он имел ввиду? На что намекал? И о чем вообще тогда думал? Или может, это было просто откровение?

Я совсем не знал, что делать, но глядя вот так ему в глаза, я смог сказать только одно, что не давало мне покоя и жестоко вертелось в моей голове:

— Прости...

— За что? За то, что жизнь столкнула нас в таких ужасных обстоятельствах? В этом нет вашей вины...

— Нет, я очень виноват...

— Не говорите глуп...

И голос его сорвался в глухой хрипящий кашель, необычайно удушливый со звучным хрипом. При этом его белые пальцы, обрели чуть синеватый тон, но все разрешилось быстрее чем я успел испугаться. Он сидел передо мной, тяжело и хрипливо дыша, не смыкая удивительно белых губ с корочками запекшейся крови.

Меня пугала выносливость этого ребенка, пугала будто этот ребенок был настоящим врагом, которого мне было не одолеть, но это враг не убивал меня, а методично бил по самым глубинным моего сознания самым своим существованием.

— Ты болен?! — уверенно спросил я.

Не знаю зачем был вообще нужен этот вопрос в данный миг и в данных обстоятельствах. Мне даже тогда показалась, что я не имею никакого права на ответ, но он посмотрел мне в глаза. В этом голубоватом стекле отразилось множество разных противоречивых чувств, от снисхождения до гордой уверенности. Необычайно дивным был этот мальчик в свои десять лет, казалось бы в подобной ситуации он должен был быть крайне слаб, но нет. В нем было нечто мудрое, что-то чего часто нет во взрослых проживших жизнь людях. Мне виделась в нем некая неизведанная истинная мудрость, не кричащая все знающая иллюзия, а тихая, скромная и великая. Казалось он понимал прямо сейчас куда больше, чем я.

— Я в порядке, — сообщил он снисходительно. — Это сердце. Такое бывает.

— Но... может мне что-нибудь принести...? Лекарства может быть?

— А снотворного можно? — чуть оживившись и очень заинтересованно, с некой надеждой.

Меня от этой надежды в его детском голосе, бросило в жар, и я с ужасом подумал, что

этот ребенок мечтает умереть, вот так вот, не скрывая этого и все по моей вине. Я сам не знаю, почему я думал именно так, но иного объяснения данной просьбе я просто не видел, и эта надежда, такая яркая и такая по-детски трепетная, стала для моего сердца настоящим лезвием. Не знаю, что было тогда на моем лице, но мальчик изменился. Надежда исчезла. Вернулась печаль и даже легкое отчаянье. Он опустил глаза и, тяжело вздохнув, прошептал:

— Нет, вы меня не так поняли. Я действительно просто хотел бы поспать. Мне нужно хоть немного отдохнуть, но из-за боли, я не могу нормально спать все это время.

Мне стало совсем стыдно, ведь я не только обрек этого мальчика на мучения, я еще и допустил крайне ужасную мысль о том, чего желал этот ребенок. Видимо он был сильнее меня, сильнее взрослого мага.

— Я понял, принесу, — согласился я тогда поспешно, стараясь как можно быстрее оставить его одного, что бы не думать, как смотреть в его голубые глаза.

Да, я мечтал выполнить его желание, ведь это была простая выполнимая просьба, которую я обязан был выполнить хотя бы для того, что хоть немного искупить свою вину. Именно об этом я и думал уходя. Я хотел ему помочь хоть немного, дать ему хоть какой-то шанс выжить в смертельном капкане, который сам для него и создал.

В тот день все же ничего ему не принес, и дело было конечно не в метаниях и не в сомнениях, просто все изменилось, пока мы говорили. Когда я поднялся наверх, то тут же узнал о нашей «победе» ведь именно в этот день сдался в наши руки Илья Вересов, новый Дьявол черных магов.

Когда я увидел этого Дьявола, мене стало очень обидно за его слугу, действительно верного, возможно куда вернее всех, кого я видел прежде. Он так надеялся, что все, что он терпел, было не напрасным и его учитель не станет спасать его ценой своей жизни, но... видимо его забота о предателе белых магов была не только оправданной, но и взаимной.

Я просто не представлял, как ему об этом можно сообщить, мне казалось, что для этого ослабленного измотанного ребенка, это могло стать слишком невыносимой новостью. Мне хотелось и смягчить это им в то же время, было очевидно, что смягчить подобное просто не возможно, тяжело и больно. И как назло при этом, именно мне нужно было идти за этим мальчиком, что бы сказать ему, что его пришли спасать, а значит, все что он вынес тронуло его опекуна, но при этом, обрекало их обоих на смерть.

Валера буквально велел связать мальчонке руки, а я не мог и думать о том, что бы просто заставить его двигаться. Все это было слишком жестоко даже для меня, и как держался этот мальчик, мне было совершенно не понятно.

Сейчас я почти не помню, как вернулся в подвал, будто воспоминания скрасились совсем. Еще тогда мне все казалось туманным. Я совсем не помню, как подбирал слова, и как это прозвучало, зато я очень четко, как будто это было вчера, помню его глаза. Я до сих пор не знаю, что именно отражалось в этой буре эмоций на его лице и о чем он думал, даже не догадываюсь и побоюсь предполагать, однако он, хоть и смотрел на мир ни то напуганным, ни то ошарашенным взглядом, хотя быть может это была и решимость...

— Что ж, вяжите, — только и прошептали его губы.

Он сложил руки за спиной и отвернулся от меня, но покорности в этом все же не было в этом была некая дерзость даже, что-то гордое во всем этом сохранялось. Это меня продолжало поражать, и я все же не удержался.

— Злишься? — вырвался из меня вопрос.

— Нет, конечно, — тихо отозвался Сэт. — Делайте, что должны.

— Прости...

Но почему-то даже тогда куда приоритетней мне был мой друг и его безумные цели, нежели мои личные метания, сомнение и чувство вины. Я все же стал связывать его запястья, и только тогда заметил, что они уже не раз разодраны в кровь множеством веревок, но даже так жалость не взяла надо мной верх, я лишь постарался не затягивать веревки, совсем не предполагая, что это может сыграть немалую роль.

Мы шли по коридору и молчали. Сэт как-то мрачнел буквально на глазах. Потом я оставил его в кабинете с Валерой. Я все же не мог оставаться там, уж слишком много противоречий было во мне от происходящего, прямо сейчас по моей вине, у меня на глазах, да и тогда, как впрочем и сейчас время от времени мне мерещились глаза этого слепого мальчика, по имени Сэт.

Я привел его в кабинет и покинул его там с наставником и моим другом, так хотел Валера, а я был даже рад этому, ведь так я мог не смотреть на этого ребенка не слышать его голоса и возможно даже не думать о нем. Впрочем, на последнее я надеялся напрасно. Однако именно благодаря моему отсутствию там все сложилось именно так, как сложилось, а главное я этого не видел. Все что мне досталось на память о том моменте, это запись, сделанная камерой в кабинете некогда принадлежащем давно покойному Николаю Вересову.

Я смотрел ее один единственный раз и больше видеть ее не желал. Я совсем не помню разговоров, не помню слов, зато помню красные злобные глаза своего друга и прожилки напряжения на его висках. Он кричал. Их сора с Ильей тогда переходила все рамки, и они увлеклись ей, даже я при просмотре только за ней и следил, совсем упустив момент, когда, как мне казалось, обессиленный ребенок нашел в себе силы избавиться от веревок и даже изменить ход событий.

Этот мальчишка был достаточно шустрым, что бы схватить пистолет со стола и без малейших колебаний выстрелить Валере в ногу. Только в этот миг о нем вообще и вспомнили, как и находящиеся там маги, так и я, наблюдающий за записью. Как странно тогда и ошарашенно Валера посмотрел на этого ребенка, но растерянность длилась не меньше мгновения, а на смену ему пришел бешенный гнев. Кровь ударила ему в лицо, но он успел лишь вдохнуть перед злобной речью, и в его голову ударился стул.

Я был шокирован, наблюдая, как обессиленный ребенок с изуродованным лицом, за несколько секунд успел освободить и от веревок и от амулетов своего наставника, будто это было простейшей задачей, будто знал каждый момент, хотя скорее он действовал интуитивно. Сейчас я думаю, что возможно его особое зрение позволяло ему видеть в амулетах и ограничителях то, что вообще обеспечивало его силу, а значит позволяло и снять его без особых проблем.

Эти слабые пальцы были быстрыми и куда более сильными, чем я мог предполагать, возможно желание жить способно придать силы даже таким, а может его спасала сильная невероятная воля, которая явно имела место быть с самого начала его пути, ведь я видел эту волю в его глазах, но тогда, она меня пугала. Меня пугал этот ребенок с горячей меткой, смысл цифр которых я понял лишь глядя на запись. Я смотрел на ребенка, а видел в нем оружие судьбы, некую справедливость, что-то по-настоящему стоящее внимание, урок судьбы или нечто на него подобное.

Я смотрел затаив дыхания каждый раз, когда Валера наводил на него пистолет и этот ребенок, будто чувствуя угрозу, ответил ему тем же. Это противостояние без движения,

будто даже без дыхание, застывшая картина. Если бы тогда Валера знал, что этот мальчик и есть друг его дочери, как бы он поступил? Я думал об этом много раз, но не знал ответа, но тогда он медлил, возможно, боясь проиграть двоим. Он старался дотянуться до кнопки тревоги под своим столом, не привлекая внимания. Все тогда замерло, наверно даже Илья застыл только потому, что боялся начать движение и спровоцировать одного из них на выстрел, но даже тишина и покой никого не могли спасти от разрешения этой ситуации. Хотел бы я знать кто все же выстрелил первым...

Два выстрела прозвучали с минимальной разницей, в доли секунды, так что один обернулся эхом второго, но... Я видел как Сэт осел, буквально падая в руки Вересова с раной в груди, но я не верил своим глазам, видя дыру во лбу лучшего друга. Этот ребенок при всей своей слабости измотанной смог убить мага. Меня чуть трясло от этого осознания в первый раз, будто я увидел как детской рукой сама судьба покарала меня и моего товарища и обрекла меня жить с этим уроком.

Я сидел на больничной койке и плакал, чувствуя, как дрожат руки. Нога тогда заныла пульсирующим нарывом, будто подтверждала мои мысли и я коснулся гипса, понимая, что это был мой урок и если я буду теперь хромать до конца жизни, я буду только рад, ведь так я никогда не забуду то, как приблизился к осознанию.

Когда Илья вынес мальчишку в коридор, конечно же наткнулся на меня, спешащего на шум стрельбы и убил бы один выстрелом если бы не этот ребенок. Его окровавленные руки легли на руку учителя и так мягко забрали у него оружие.

Я стоял как столб, не понимая что происходит и не смея перечить ребенку перед которым был непомерно виноват.

— Простите, — прошептал мне Сэт и тут же выстрелил.

Я думал это конец, но нет, я лишь выстрелил с простреленным бедром и адской болью. Я оставался жить, а они уходили. Я был обязан ему жизнью, а мой друг обязан ему смертью.

И ведь этот мальчишка наверняка помнил Валеру и знал кто он, что же он чувствовал убивая его? Этот ребенок...

Тогда он как сама судьба перевернул все мое мировоззрение. Что в больнице, что на похоронах, что пред хранителями струн, я все думал о том что на самом деле было, что произошло за маской событий всем известным, чем было то убийство и почему я на самом деле все еще был жив. Я так хотел понять. Хотел его увидеть, и с ним поговорить, но я знал что это не верно, что это будет ему лишь мучением. Я наблюдал по возможности за его путем и за тем, как он шел по жизни, чувствуя лишь вину. Я все пытался понять этого человека суть его силы и его воли, как одну из тайн мира, но вот теперь я стою перед его могилой и зная о нем не мало, совсем ничего не понимаю. Я его не понимал, не понимаю и никогда уже не пойму, но если кто-нибудь хоть немного приблизиться к тому чем был этот мальчишка я буду готов пойти за ним на край света, как за волей самой жизни. Я совсем ничего не понимаю. Не знаю зачем он жил, куда он шел и что чувствовал, я только знаю, что не встречу я его когда-то так и остался белым магом идущим каким-то там путем какого-то закона ни о чем совсем не думая, только все же был бы рад умереть вместо него и эта мысль меня пугает...

Роковая встреча, ставшая уроком ни ему, а мне, я не верю до сих пор, что приклоняю колено перед могилой человеческого ребенка с черной меткой и седыми волосами.

25

«Прости меня»

Какие основания были у него покончить с собой? А ведь для того, что бы жить, нужны более веские основания, чем для того, что бы умереть.

Антуан де Ривароль

Держа в руках старую давно измазанную газовую горелку, что служила вместо лампы, Максимум спускался в низины подвала, где не было света, где не было магии и лучше было там не использовать ничего противоестественного, так говорил его учитель, а он следовал этому правилу, используя для освещения то, что использовалось прежде, так и не поняв до конца тайну этой подземной библиотеки. Он не понимал ее и много не знал, зато точно знал, что книги, хранящиеся здесь хранят в себе давно утерянные знания и рассказывают о том, что давно исчезло в истории, о том, что порой уже и не понять, но сейчас только что-то подобное могло его спасти. Он точно знал, где и что здесь лежит, там наверху в кабинете в тайном сейфе за обычным сейфом он в полнейшем секрете хранил все эти годы каталог, перепись всех этих книг по полкам и стеллажом, по разделам и рубрикам. Он идя сюда знал зачем он спустился и что хочет найти.

Он шел осторожно, глядя под ноги, опасаясь, что ветхие уже ступеньки могут осыпаться, ведь часть из них уже обрела форму бесформенного ската, отдаленно напоминающего ступеньку, но и делать здесь хоть какой-то ремонт было слишком опасно, ибо не стоило приводить сюда было опасно, ибо не стоило приводить сюда хоть кого-то даже с целью ремонта и уж подавно не стоило привлекать внимание запретами на магию и технику уж лучше лестница окончательно обретет вид пологого ската в подземелье. Он дошел до железных врат, две резные створки были перемотаны цепью, скрепленной замком. Надо было приложить не мало сил, что бы провернуть ключ в этом старом замке и открыть его, затем отмотать тяжелую цепь и только потом открыть сами врата так же закрытые ключом.

Дальше шел небольшой каменный коридор, оканчивающийся дверью, обычной деревянной, а за ней библиотека. Она не была огромной и пахло в ней пергаментом и смолой, ни намек на воздух или затхлость, деревянные простые стеллажи, старые и пыльные, расписанные уже почти незаметными рунами, что больше похожи на древние письма, чем на позабытые уже высокомерными магами, полагающимися на свое могущество, но книги будто не тронуты пылью и временем, все как одна обернуты в белоснежную бумагу с названием на корешке. Белые полки древних книг.

Он впервые спускался сюда без учителя и всего второй раз спускался вообще. Он не боялся этого места и не испытывал к нему тяги, он был к нему отчего-то совершенно равнодушен. Когда-то Шамирам говорил ему, что так и должно быть с идеальным хранителем, именно так он и должен смотреть на то, что хранит. Тогда это не волновало Максимуса и точно так же не волновало и теперь, он спустился туда лишь потому что был уверен, что это верно, что это последний шанс и он обязан его использовать.

Третья полка, первый стеллаж, восемнадцатая книга от двери. Он скользил пальцем по белому гляncу с черными буквами, отсчитывая книгу за книгой. И вот она восемнадцатая,

книга о порталах меж разными мирами.

Затем. Пятая полка первый стеллах четвертая книга от стены, и вновь то же чувство скольжения, только совсем короткое, и снова на своем месте нужная книга о племени за перевалом.

Первая полка третий стеллаж первая книга от стены, писание о мире мертвых — Шадане.

Седьмая полка пятого стеллажа, тридцать пятая книга от двери — меж мирные путешествия

Вновь первый стеллаж, вторая полка и книга вторая их потайного второго ряда книг — путь в Шадан.

Он сложил все пять книг в пустую тряпичную сумку, переброшенную через плече, не разворачивая бумагу, не проверяя их. Он не собрался задерживаться здесь дольше, чем нужно, поэтому сразу покинул это место, стремясь вверх, быстрее к полноценному свету на поиски ответов и решений, вырываясь из лап равнодушия и безразличия.

Она лежала в постели, силой закрывая глаза. Дуновение ветра из открытого окна, приносили запах, от которого хотелось сойти с ума. Этот жестокий холодный ветерок, которым Наташа молилась оживиться, отрезветь от боли и отчаянья, как назло приносил ей мираж, иллюзию самого сладкого запаха.

Она тяжело дышала, боясь пошевелиться, чувствуя и жажду, и гнев, и распирающую грудную клетку боль. Она бы кричала, если бы не было так тяжело дышать. Она бы убежала, если бы убежать от себя был хоть какой-то смысл.

Он был мертв, тот, кого она любила, тот, кого хотела спасти, тот, о ком грезила, тот, чей запах сейчас так беспощадно сводил ее с ума. Спасти могло лишь чудо, спасти ее сейчас от оцепенения и ужаса. Она хотела сильнее сжать угол одеяла. Она хотела шевельнуть крылом и отогнать от себя запах, но в тот миг, когда она представила, что этот аромат исчезнет, и она вновь останется одна, ей стало еще больней, до слез, что выступили на ее ресницах. Тогда даже безумие показалось не таким уж и ужасным. Она даже подумала, что сойти с ума не так уж и плохо, возможно даже лучше всего этого кошмара.

Сильная, немного дикая, настоящий высший вампир — она решила покориться, поддаться и стать частью плена собственных иллюзий.

Выдохнув боль и напряжение, она приоткрыла глаза, как в тумане, во мраке чуть рассеянном скудными огнями переулка. Через приоткрытое окно врывался ветер, врезаясь в легкие прозрачные шторы резким потоком, а затем сползая по ней легким потоком, рисуя волны из податливой ткани. Эти волны успокаивали и умиротворяли ее в сочетании с этим запахом.

Было так легко и тепло, наверно она просто заснула, в борьбе с собственными страхами. Ей нравился этот сон, ибо все, наконец, стало легко, просто и понятно. Больше не было ни боли, ни тревог. И зачем она так долго сопротивлялась? Теперь было не важно, что там помнит ее разум, не важно, что он знает, важно только то, что сейчас чувствует ее сердце, ее дух, ее кожа.

Теперь не хватало лишь прикосновения...

Она улыбнулась, пытаясь представить, как бы он мог к ней прикоснуться, наверно он бы положил руку, поверх ее руки, или быть может провел бы рукой по крылу... Нет... Его пальцы скользнули по одеялу на плече, к шее, а затем вниз по обнаженной спине меж

лопаток.

Она улыбалась, закрыв глаза. Все же она забыла нежность его прикосновений, ведь он всегда любил прикасается почти всей кистью одновременно, легко скользя по ее коже, будто стараясь увидеть ее рукой. Она так и не спросила у него, было ли это привычкой, было ли это и правда изучением или просто подобные прикосновения приносили ему большее удовольствие. У своих иллюзий она не хотела спрашивать, да и это было меньшее, что она хотела бы знать.

Он сел рядом и рука его исчезла.

— Прости меня, — прошептал он.

Такой знакомый, такой живой голос. Она так давно не слышала этого звучания, этого тона. Ей было не важно даже что он говорил и зачем, только бы этот безумный дурман длился как можно дольше, что бы он не прекращался и ее окутывал запах и голос, а лучше, если и прикосновение вернется.

— Я столько хотел бы тебе рассказать, столько объяснить, но уже так поздно и так мало осталось слов и сил. Мне кажется, меня уже невозможно понять, так глубоко я потерялся где-то на дне пропасти из собственных мыслей и чувств.

Он выдыхает, так знакомо, так устало. Он делал так еще в детстве, когда был совсем еще мальчишкой. Он именно так выдыхал воздух, когда слова давались ему с трудом, хоть и говорил он их по продуманному сценарию, как заученную реплику, но слишком личную, что бы легко отпустить ее на свободу. Видимо она даже сейчас слишком хорошо помнила его привычки, что так идеально могла его приснить.

— Поэтому просто прости меня, если можешь и позволь уйти.

Он встал, но не успел сделать и шага, как она поймала его за руку, перевернувшись на кровати.

— Нет!

Не то что бы она хотела его удержать, она понимала что иллюзии и сны не вечны, но не так быстро.

— Не уходи так быстро, побудь со мной хоть немного, — шептала она нежно, прижимая щеку к его ладони, — умоляю, я так тебя ждала, так скучала, не уходи так быстро, побудь со мной до рассвета.

Она была уверена, что на рассвете все рассеется, но раньше было бы не плохо, если бы все осталось до этой грани, что бы она могла хоть немного вернуться назад, хоть немного побыть счастливой.

Он смотрел на нее с ужасом и страхом, будто не знал, что она его слышит. Она чувствовала эти эмоции будто кожей, будто его рука только ими и отдавала.

— Наташа, — шептал он, осторожно, боясь ее спугнуть, — послушай...

— Я не хочу, — отвечала она, утягивая его к себе на кровать.

— Любимая, я...

Не хотела она слушать слова собственного воображения, поэтому она поцеловала свою иллюзию запрещая таким образом, что бы то ни было говорить. Он почему-то не сразу отдался, будто все еще прибывал в некоем страхе перед ней, будто его сковывало чувство вины, но она об этом даже думать не хотела, увлекая его к себе. Она все еще хорошо помнила его тело и те прикосновения на которые он ярче всего реагировал, но это иллюзия будто не могла расслабиться. Каждая жилка его тела прибывала в напряжении, но он не пытался сопротивляться ее воле, как впрочем и всегда, будто просто покорялся ей. Впрочем,

подобного ей сейчас было достаточно. Даже нравилось немного подчинять его, нравилось это напряжение в плечах, когда скользишь по ним под рубашкой, нравились напряженные даже чуть подрагивающие мышцы спины. Это казалось ей чем-то вроде пьянящей игры. Стягивая с него рубашку, она скользила губами по его коже, чуть царапая его клыками, дразня саму себя, предвкушая удовольствие укуса.

Она вслушивалась с сердцебиение жертвы в волнительный трепет его крови. Она знала, что он ей позволит, знала что не запретит, даже если она увлечется и причинит ему боль, но сейчас она почему-то чувствовала в нем страх и руки его на ее плечах, так несмело и осторожно заключали ее в объятия.

Это все таки злило и она не жалея его ни на миг резко вонзила клыки в его напряженное тело, заходя ими в глубины тела за ключицей. Он болезненно выдохнул с глуховатым стоном, но не отпрянул, только рука на ее плече вздрогнула, но не стала ее отстранять.

Она пожелала, что была так жестока с ним, чувствуя в его крови такую бурю эмоций. На миг она даже подумала, что подобное невозможно выдумать, да и не знала она о его жизни так много, что бы чувствовать нечто подобное против его воли. Там гнев мешался с смирением. Там покорность обретала волевою силу. Там напряжение было лишь попыткой управлять самим собой. Там желание сбежать было запретным, но желаемым краем. Ей стало жаль его... ей стало жаль, что она была так жестока и не оправданна зла, ведь она его любила, но вновь вела себя, как стерва. Она не торопилась выдернуть клыки, зная, что это обычно больно, а напротив стала поглаживать языком ранки, жалобно и виновато глядя на него.

При всем напряжении тела, лицо его было спокойным, и лишь сейчас она заметила, что левый его глаз был красным и спокойным куда сильнее, нежели второй привычно блекло-голубой. Он даже чуть улыбнулся ей одним уголком губ. Видимо он даже теперь после всего, призраком или иллюзией, оставался верен своей ласковой покорности ее прихотям. Это радовало, ведь так он позволит ей и большее. Она вытянула клыки, немного даже спешно и нетерпеливо. Зализывая рану, она чуть царапала его спину, легонько, чувствуя, что его мышцы отзываются напряжением. Она манила его за собой на кровать, зная, что он не сможет устоять перед ней так же, как она не сможет устоять перед подобным соблазном.

Он сидел на кровати в одних лишь трусах и курил. Она обычно запрещала ему курить, но сейчас она крепко спала, прижимая к носу его рубашку. Это было и мило и безнадежно.

Выдыхая дым в сторону, он поглядывал на ее умиротворенное лицо, он обреченно догадывался, что она едва ли понимала происходящее этой ночью и отдавала себе отчет до конца. И вот даже не ясно к лучшему это или нет.

— Прости меня, — прошептал он вновь.

Еще одна затяжка.

Он отвел взгляд в сторону, не имея сил говорить свои признания и откровения глядя, пусть даже и в закрытые, глаза возлюбленной.

— Все совсем не так, как я предполагал, вернее... Я так хотел бы что бы ты меня поняла...

Он уронил голову, упираясь локтями в колени. Сигарета в безвольных пальцах стремилась вниз, ускользая, но чудом не падая.

Он забывал о ней, будто мыслями тронул болезненную рану и теперь захлебывался

подобной болью.

Все, что ему оставалось, это его исповедь.

— Пусть даже ты меня и не услышишь, не узнаешь о моих словах, — шептал он едва слышно, — но если я не скажу тебе... мне и сказать то некому... Все уже не имеет смысла, даже моя любовь к тебе... Я настолько опустошен и раздавлен, что единственное, что я могу дать тебе вместе со своей любовью, это моя тоска... такая липкая, противная... холодная. Мне холодно от нее и тошно. Я знаю, что ты согласилась бы на многое, что бы принести мне облегчение, но...

На ресницах появлялись слезы, но плакать он не собирался. Приподняв голову, он поднес к губам сигарету, но не коснувшись ее выдохнул.

Пришлось нагнуться, что бы стряхнуть пепел в то самое блюдце, что он всегда в этой квартире прежде использовал вместо пепельницы.

— Знаешь... Я теперь даже курить не могу... тошно...

Вонзив сигарету в блюдце, смял ее пальцами в подобие гармошки, наблюдая за этим, как за целым философским процессом.

— Наверно я уже умер... хотя я жив, а значит, у меня есть шанс... наверно...

Оставив в покое сигарету, он запустил пальцы в волосы, будто пытаюсь удержать так собственную голову. Левая часть отдавала неприятной прохладой, еще раз напоминая обо всем.

— Я знаю, что ты любишь меня, но такой я... это убого... правда, не хочу мучать тебя подобным, но и сил измениться у меня нет...

Закрыв глаза, он с силой зажмурился, закрывая лицо рукой.

— Я хотел просто умереть, — проговорил он рвано после долгого затишья. — Еще там перед храмом, я просто хотел умереть вместе с ним... не вышло... я сам не понимаю, как я выжил... это... то, что случилось...

Он коснулся левой половины лица.

— Знаешь, это ведь совсем не последствия взрыва... Это куда больше... не свет белой магии задел меня, он почему-то меня не тронул... магия... черная магия... проклятый огонь тьмы... если бы он попал в меня, то прожег бы все, а он задел лишь вскользь...

Его рука скользнула по холодной щеке и безвольно упала на его же ногу.

— Я знаю... но в то же время я не знаю что произошло и это наверно единственное, что заставляет меня думать о чем-то кроме самого отчаянья. Наверно это даже разумно, ведь это и есть сама причина этого отчаянья...

Он смотрел вперед.

— Может и хорошо, что ты не слышишь моих слов, а мирно спишь...

Он посмотрел на нее украдкой и вновь отвернулся.

— Счастливая... Я бы очень хотел делать тебя счастливой, но... этот я... такой... не думаю что я смогу тебя хоть чем-то радовать... мое присутствие и то начнет вгонять тебя в тоску... наверняка...

Он потянулся к валяющимся на полу штанам, вытянул из заднего кармана пачку сигарет и небрежно кинул их обратно. Сигарета на губах, это ощущение было даже привычным, но зажигалка продолжала валяться на полу, пока он вспоминал то пламя вновь. Выдох сквозь сигаретный фильтр и лишь затем щелчок. Маленький огонек во мраке. Затяжка, по началу привычно горькая, но приятная, а через миг тошнотворная.

Он вновь отводит сигарету от губ.

— Я просил Максимуса убить меня... он и убил... только по своему... Я пытался застрелиться... правда...

Он приставил пальцы к виску, вспоминая тот миг.

— Я чуть чуть не успел... буквально на пару мгновений... Он взял и поймал мою руку, направив выстрел в потолок...

Выдох и рука-пистолет безвольно падает.

— Жестоко... но я все же благодарен ему... он дал мне шанс, а возможно и не мне одному, а нам...

Он вновь вмял сигарету в блюдце. Он уже давно понял, что его воротит от всего, что спасало прежде, как от сигарет, но привычка брала верх, заставляя в очередной раз искать облегчения в бессмысленном.

— Я знаю, что ты не отпустила бы меня... наверняка не отпустила бы, если б не спала и если б я рассказал тебе все, как говорю тишине... Я просто надеюсь избавиться от этого убивающего меня чувства...

Он закрыл глаза.

— Я люблю тебя... все еще... наверно... а если не люблю, то я действительно лишь тело, а душа моя уже мертва... или гнила... не знаю...

Он измученно впился пальцами в собственный лоб.

— Я только надеюсь...

С этими словами он сполз с кровати на пол.

— Нет, вру... я ни на что не надеюсь... просто ты надеешься, а я через силу хочу хотя бы попробовать оправдать твои надежды... ведь она ты из нас двоих еще что-то чувствуешь...

Убрав от лица руку и откинув голову назад, он долго просто смотрел в потолок.

Скользнула тень от фар куда-то едущей по двору среди ночи машины.

— Все ускользает от меня сейчас... и я не способен ничего удержать... Я не достоин тебя... и наверно, никогда не был достоин, но прежде я хоть питал надежды нагнать тебя, а теперь... Я теперь даже имени не имею... воли и желаний то же...

Он протяжно выдохнул, продолжая смотреть в потолок.

— Будто тот, кто убил меня, тянет за собой... Максимус говорит, что это лирика и я просто сам себя убиваю... И знаешь... Он конечно прав, но я не могу иначе...

Он стиснул зубы до боли, исказив правую сторону лица в болезненную гримасу.

— Если он хотел меня убить... Это Вересов... я знаю его, он бы не промахнулся... он бы убил...

Опять выдох.

— Хотел просто наказать?

Болезненный стон.

Он обнял колени и стиснул зубы еще сильнее.

— Я не понимаю и не могу это забыть, поэтому я иду туда... туда, где нет жизни в мир мертвых...

Он молчал сказать хотелось еще много, но ей, а не стенам, а она спала. Спала слишком мирно и сладко, что бы нарушать ее сон.

Он встал, стремясь одеться и тихо уйти, так же, как пришел.

Одевшись, он потянулся за рубашкой, но она все так же ее обнимала. Трогать не стал, помня, что где-то здесь еще должны были оставаться его вещи.

Рубашка нашлась другая в шкафу, там, где он ее и оставлял. Злилась, но не выкинула,

видимо действительно любила так сильно, как говорила.

Уже в дверях, он обернулся.

— Знаешь, я уйду ради тебя... Нет не спасаю тебя от себя или... я просто хочу спасти того, которого ты любила... Если бы ты не любила, я бы никуда не шел... просто умер бы, но ты любила его... этого идиота по имени Сэт... я попробую вернуть его из мира мертвых...

Последние слова он прошептал совсем тихо, покидая комнату, полный боли, сожаления, воспоминаний и полутона решимости.

Надо было поспешить. Не так много осталось до рассвета, а до городских окраин путь не малый, предстояло еще разбить мотоцикл, где-нибудь там, что бы не бросать его в подарок сплетникам.

Когда Наташа проснулась, было еще темно. В комнате витал дым сигарет. Рубашка у груди пахла любимым.

Она растерянно села на кровати, постепенно понимая, что это уже не сон и на сон совершенно не похоже.

У ног блюдце, что вечно обращалось пепельницей, старое, мрачное и прокуренное.

Он был здесь. Был по-настоящему и теперь ушел, наверняка навсегда.

Ей оставалось только кричать изо всех сил в голос, от понимания того, что она потеряла свой последний шанс понять того, о ком думала почти всю свою жизнь с самого детства.

На границе неба и земли замирал рассвет, таким несмелым проблеском света сквозь туман. В городе его едва ли было заметно, но он уже зашел за черту банальных строений. Этот путь, возможно, был последним. Тусклый свет умудрялся слепить глаза, после крошечного мрака. Для него это был повод обернуться, чтобы не обвинять себя самого в малодушии и слабости. Он очень хотел увидеть это место, возможно в последний раз. Он обещал вернуться в мир, в котором он уже давно мертв, причем мертв дважды, но обещал. Все же он даже хотел вернуться, но не мог быть уверенным, что сможет найти обратный путь.

Он смотрел на город, такой родной, огромный и все же холодный, до обжигающей боли. Один взгляд возвращал его назад, окатывая все той же противной, липкой, беспощадной жадной смерти от отчаянья и ненависти, от ада в собственных мыслях о прошлом. Могло ли быть у него будущее, если он оставит все как есть? Это единственное о чем он на миг задумался, но прежде, чем сам себе ответил на подобный вопрос, отвернулся от этого проклятого любовью города, что бы продолжить свой путь.

Нет, это не было движением в новую жизнь, это не было началом, это не было побегом. Все эти пути с самого начала были не для него. Он просто хотел найти ответы, чтобы жить дальше. Он хотел завершить эту историю, чтобы она никогда не возвращалась к нему. Он хотел поставить точку, чтобы перевернуть страницу и со спокойным сердцем оставить все в прошлом.

Да, можно было просто сбежать, можно было обманывать себя, но что бы он не придумывал для других, что бы не говорил, но простить себе все просто так он не мог, как и принять все так, как оно было. Он шел вперед, щуря единственный целый правый глаз и улыбался, немного надменно, подбадривая себя самого, ведь шаг за шагом, он уходил все дальше в неизвестность, не догадываясь, что ждет его впереди и сможет ли он найти нужные ответы. Просто неизвестность...

Но в то же время, это было приземление. Идти дальше значило, наконец, коснуться земли и завершить этот долгий пугающий прыжок через бездну. Он достиг другой стороны обрыва, осталось найти дорогу на этой новой стороне так, чтобы память о картинах бездны не была смертельным ядом, тянущим назад.

Он продолжал щуриться, повторяя мысленно, что обязательно вернется, вернется другим, вернется, выживет и вернется... и тогда возможно...

Тогда будет многое возможно, но в любом случае это станет уже другой историей, ибо история полета исчерпала себя в его душе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net